

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

ПОДЪЁМ

ОСНОВАН
В ЯНВАРЕ 1931 ГОДА

Директор-главный редактор
государственного бюджетного
учреждения культуры
«Журнал «Подъём»»
Иван ЩЁЛОКОВ

Редколлегия:

АКАТКИН В.М.
АРШАНСКИЙ В.С.
БОНДАРЕВ Ю.В.
ГОЛУБЕВ А.А.
ГОНЧАРОВ Ю.Д.
ГУСЕВ В.И.
ЖИХАРЕВ В.И.
ИВАНОВ Г.В.
ИСАЕВ Е.А.
ЛЮТЫЙ В.Д.
МОЛЧАНОВ В.Е.
НЕСТРУГИН А.Г.
НИКИТИН В.Н.
НОВИЧИХИН Е.Г.
ОБРАЗЦОВ И.Д.
ПОПОВ Г.А.
САТАРОВА Л.Г.
СЫЧЁВА Л.А.
ТИХОНОВ В.А.

Воронеж ■ 2012

9

**ПРИМЕТЫ
ВРЕМЕНИ**

Владимир КОБЯШЕВ, глава администрации
Семилукского муниципального района.
Удивляюсь и совершаю открытия 5

ПРОЗА

Владимир БАХМЕТЬЕВ. **Оплошность
сержанта Васютина**. Рассказ 16
Василий ВОРОНОВ. **Родичи**. Сюжеты о писателях ... 22
Олег ИВАНОВ. **Алешкины рассказы** 62
Геннадий КЛИМОВ. **Возвращение волхва**. Рассказ .. 69
Сергей МАСАЧИХИН. **Мамины глаза**. Рассказы 72
Валентин СИДОРОВ. **Поездка в долину Кулу**.
Главы из повести «Семь дней в Гималаях» 80
Анна БАРЫШНИКОВА (Бабушка Куприяниха).
Правда и кривда. Сказки 110

ПОЭЗИЯ

Валентин СИДОРОВ. **Седьмая излука**. Стихи 8
Виктор БОКОВ. **Над ковылем**. Стихи 57
Павел МЕЛЁХИН. **Пустеют кочевья...** Стихи 77
Виктор ЛЮТОВ. **Когда мы видим солнце**. Стихи 106
Целует снег синеющая даль. Стихи семилукских поэтов .. 123

**СЕМИЛУКСКИЕ
ИМЕНА**

Александр СУХАРЕВ. **Отрочество без детства**.
(Малая родина в судьбе
Генерального прокурора СССР) 132
Василий АНДРЕЕВ. **От Старой Ольшанки
до Государственной Думы**. (Заметки журналиста) ... 150
Георгий СТРУКОВ. **Даше жаль Бимку**. (Встречи
с Гавриилом Троепольским и Егором Исаевым) 159

ИСТОКИ

Притяжение земли.
(Рассказы о современных земледельцах) 170
Тамара ПУШКИНА. **Удивительные судьбы** 186

**КУЛЬТУРА
И ИСКУССТВО**

Эдуард ЕФРЕМОВ. **За свободой для себя и других**.
(Живопись протоиерея Василия Попова) 196
Виктор БЕЛОВ. **Забывтый вальс Шатрова** 200

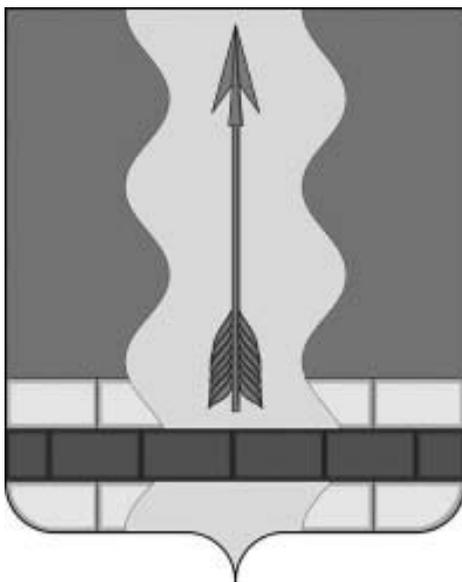
**ДАЛЕКОЕ-
БЛИЗКОЕ**

Борис ОКУНЕВ. **Лермонтов в Семидубравном** 203
Елена СТАРКОВА. **«Я не мог от тебя своих глаз
отвести...»**. (История последней любви
И.С.Никитина) 209

**ПЕРЕД ЛИЦОМ
ИСТОРИИ**

Геннадий МОКШИН. **Как город разжаловали в село**.
(Землянск на сломе эпох) 214
Валерий БЕРЕЗУЦКИЙ. **О чем рассказали курганы**.
(Тайны уникальных археологических памятников) .. 220
Павел ПОПОВ. **Семилукские усадьбы** 229

Лазоревая стрела

«В зеленом поле волнистый серебряный столб, повышено обремененный лазоревой (синей, голубой) стрелой; позади столба — мурованная в три ряда — два золотых и между ними червлёный (красный) — оконечность, причем червлёный (красный) ряд пролегает поверх столба».

Фото Эдуарда Оганесяна

Владимир Кобяшев,
*глава администрации
Семилюкского
муниципального района*

УДИВЛЯЮСЬ И СОВЕРШАЮ ОТКРЫТИЯ

Перифразируя известное выражение, хочу сказать: век живи — век удивляйся и совершай открытия. Казалось бы, понимаешь время, в котором живешь, знаешь мир, который тебя окружает, знаком с людьми, с которыми идешь одними тропами жизни, и все равно многое вокруг дышит новизной и тайной... Семилюкская земля, ее люди, ее традиции в культуре и быту, в трудовой летописи и в сбережении вековых духовно-нравственных ценностей стали для меня поводом удивляться и делать приятные сердцу открытия.

Когда я работал в администрации Воронежской области, был уверен, что хорошо знаю Семилюкский район. Но вот уже год работаю главой администрации этого района и понял, что это не совсем так. Хотя в интуитивных оценках, например, экономического состояния территории был близок к реальному положению дел. Поэтому именно здесь особых открытий для себя не сделал. О том, что Семилуки — проблемный город, знал: тут он повторяет судьбу других российских моногородов. О том, что без участия Правительства Российской Федерации и региональной власти эту проблему решить невозможно, думаю, догадывается каждый здравомыслящий человек. Семилюкцы благодарны за понимание наших проблем и поддержку губернатору Воронежской области А.В. Гордееву и председателю областной Думы и одновременно депутату от нашего избирательного округа В.И. Ключникову. Предпосылки для возрождения есть. В возможности поменять ситуацию к лучшему и состоит смысл моего самого главного открытия за последний год.

В советское время модно было дискутировать на тему, что первичнее — материя или сознание, что важнее для человека — материальное или духовное. Наверное, одно не существует без другого. Без крепкой экономики нет полноценной духовной жизни. А без корней, без народных традиций, без песни, озорной частушки полноценно жить и трудиться с огоньком и в охотку тоже скучно.

Как реалист я понимаю неразрывность существования этих философских категорий и поэтому на данном историческом отрезке жизни района предпочитаю концентрироваться прежде всего на решении экономических задач. Если в ближайшие несколько лет не сделать динамичный рывок, потом выходить из кризиса станет тяжелей. И я хочу, чтобы это понимали специалисты органов местного самоуправления, руководители и рядовые труженики хозяйственных структур, учителя, врачи, работники культурной сферы, все жители района.

В 2012 году район реализует несколько серьезных инвестиционных проектов. Идет расширение производства алюминиевого профиля компании «АВА-Трейд». Потенциальная кадровая база — 600 рабочих мест. Ввод первой очереди намечен на второе полугодие. В этом же году компания приступит к строительству второй очереди производства. В селе Раздолье ООО «Воронеждорбезопасность» заканчивает строительство производственного комплекса по переработке стекла. В селе Семилуки ООО «Сельмашсервис» строится завод по производству оборудования по первичной обработке и хранению зерна. Фабрика по производству столешниц (ООО «КДМ-ОПТ») в нынешнем году увеличивает свои мощности. Создано 200 рабочих мест — солидный подарок жителям Семилук. ООО «Воронежмясопром» строит элеватор с единовременным хранением 300 тысяч тонн зерна и комбикормовый завод мощностью 30 тонн продукции в час. Среди других инвестиционных проектов заслуживают внимания строящиеся комплексы по производству, хранению и переработке: плодоовощной продукции — в селе Губарево, крупяных культур — в селе Семилуки, а также проект по строительству домов малоэтажной застройки «Лесково» на 160 домовладений. В социальной структуре жилого комплекса предусмотрены детский сад и площадка для детей, открыт магазин, остановка общественного транспорта и создано ТСЖ. Все это позволит открыть дополнительно еще примерно 250 рабочих мест.

Пока эти проекты воплощаются в жизнь, администрация района думает о новых. С помощью ЗАО «Агроресурс-Воронеж» планируем построить в селах Новосильское и Лосево два репродуктора на 9600 голов свиноматок каждый. В Троицком ООО «Агропромышленный комплекс «Ресурс» возведет птицефабрику по производству товарного яйца, ООО «Проектстрой» на территории Девичьего сельского поселения будет строить завод по производству строительных конструкций. Одиннадцать новых инвестиционных проектов планируем запустить в ближайшее время. Сделаем — значит, поправим экономику района. Ведь любой новый инвестиционный проект — как спасательный круг. В нем — финансовое наполнение бюджета района, открытие дополнительных рабочих мест и, смею надеяться, чье-то сохраненное семейное счастье и благополучие.

А еще мы хотим, чтобы в районе были хорошие дороги. Чтобы улицы — на первых порах хотя бы центральные — в наших селах были освещены ночью. И чтобы семилукцы жили в достатке, работу имели, пели песни, водили детей в спортивные, танцевальные, хоровые или еще какие-то кружки. Чтобы на душе было спокойно. Чтоб не росли Иванами, не помнящими родства.

Добиться этого невозможно без знания истории родного края, без уважения к народной памяти, обычаям, культуре Семилукской земли... Честно признаюсь, что эта тонкая сфера нашей культурно-духовной жизни не раз удивила меня за год работы и подарила много приятных открытий. Думал: Семилукский район молодой, значит, и его основные культурные

и исторические вехи больше связаны с советским прошлым, с Великой Отечественной войной. Рад, что ошибался. В районе много объектов материальной культуры и исторического наследия, которыми мы обязаны гордиться. Это — и дача Башкирцева, тесно связанная с именем гениального поэта-самородка Алексея Кольцова... И деревня Дмитриевка, в которой нашел свою любовь другой выдающийся стихотворец Иван Никитин... И Семидубравное, гостем которого бывал Михаил Лермонтов... И Землянск, празднующий свое 350-летие. Среди его уроженцев были русский военный музыкант, написавший мелодию вальса «На сопках Маньчжурии», Илья Шатров, известные журналисты и писатели братья Бахметьевы, из которых Владимир памятен тем, что дружил с Максимом Горьким и в истории советской литературы считается основателем метода соцреализма, а Михаил известен тем, что работал в воронежской газете «Коммуна», был талантливым публицистом. С Землянском также тесно связана семейная биография известной сказительницы бабушки Куприянихи... Здесь располагается и знаменитое Семилукское городище, одно из самых древних в нашей области... Из новейшей истории — это, конечно же, известный советский поэт, философ и общественный деятель Валентин Митрофанович Сидоров... Из истории Великой Отечественной — взрыв штаба фашистов в оккупированном Харькове, который произошел по радиосигналу из Семилук. А руководил этой операцией полковник И.Г. Старинов...

Не все назвал. Да и знаю пока далеко не все: продолжаю делать для себя открытия.

И родилась мечта: сделать район одним из ярких культурных центров области. Чтобы экскурсии к нам — одна за другой. Чтобы, к примеру, от дачи Башкирцева прогулочные катера по Дону отправлялись в Рамонь, к замку принцессы Ольденбургской...

Вывод для себя сделал такой: нет в России уголков, которые бедны историей и культурой. Стоит приглядеться — такие россыпи!

А что касается мечты... Есть предпосылки, что она может исполниться.

Думаю, через 4-5 лет район кардинально изменится. Осуществив наши планы, надеюсь, мы надолго забудем о таком понятии, как безработица. В селах и деревнях она сегодня — настоящее социальное бедствие. Для женщин работы практически нет. Раньше они трудились на колхозных фермах, в торгово-заготовительной, коммунально-бытовой сфере, в учреждениях образовательного и медицинского профиля. Теперь вынуждены обходиться огородом и домашним хозяйством. У многих мужья мыкаются в поисках заработка вдалеке от дома. Экономическая проблема провоцирует семейно-бытовые конфликты, подталкивает к распаду браков, оставляет сиротами детей. Но и эта беда поправима. Просто местной власти, всем, кто отвечает за создание цивилизованных условий проживания людей, надо научиться каждый день честно, ответственно и системно работать, не лениться заглядывать в завтрашний день, выстраивать деловые, партнерские отношения с инвесторами и, конечно же, четко понимать: зачем нам это, для чего, какая будет польза району и его жителям.

И раз уж я начал разговор с открытий, то за год работы сделал еще одно, которое, может, даже верней было бы назвать убеждением: ничего не получится, если и меня как главу администрации, и моих подчиненных, и каждого жителя района не объединит единая вера в успех. Вот это и будет наше общее открытие — открытие себя, своих возможностей, своих исторических корней, наконец, открытие малой родины, которая питает нас своими соками, придает силы, вселяет надежду и дарит любовь.

Валентин Митрофанович Сидоров (1932—1999) родился в городе Воронеже. После окончания Семилукской средней школы поступил на философский факультет МГУ. Печатается с 1953 года. Поэт, прозаик, ученый, общественный деятель. Профессор Литературного института имени А.М. Горького, основатель Международной ассоциации «Мир через культуру», председатель комиссии по литературному наследию Н.К. Рериха, член Союза писателей СССР. Автор около 30 книг стихов и прозы, изданных в Москве. Всегда поддерживал тесные связи с Воронежским краем, Семилуками.

Валентин Сидоров

СЕДЬМАЯ ИЗЛУКА

СТАРИННЫЕ НАЗВАНЬЯ

Люблю старинные названья
Российских рек и городов.
Они как будто изваянья
Во мгле растаявших годов.

Лебязье тонет в хмурой хмари,
Но шею выгнула ветла,
И чудятся в густом тумане
Мне всплески белого крыла.

А на реке на Потудани
(Не потому ли По-ту-дань?)
Татары крымские топтали
Вот эту степь, вот эту даль.

А нынче здесь деревья дремлют,
И, превращенная в ручей,
Река с названьем древним-древним
Исчезла в мареве ночей.

И эхо мне не отзовется,
И все уйдет в урочный срок.
Но остается, остается
Едва мерцающий намек.

Он тянется к нам легким дымом
Из тех исчезнувших времен.
И с ними зыбко и незримо
Я именем соединен.

О Русь, летящая над Доном,
Я синевой твоей томим.
Я окольцован, околдован
Славянским именем твоим.

ОТЧИЙ ДОМ

Мой отчий дом под хмурым небосводом
С надеждой тайной смотрит в полутьму.
Он ждет меня в любое время года,
Он ждет меня наперекор всему.

И веет грустью от бессонных окон,
Скрипят березы чутко под окном...
Вдруг загляну хотя бы ненароком,
И вдруг нагряну, как небесный гром.

Войду к себе, и в горле перехватит,
Стряхну усталость, суету и пыль.
И вот уже на праздничную скатерть
Водружена заветная бутыль.

И мы словами душу отогреем,
И потечет беседа, как всегда.
— Как мы живем?
— Стареем, сын, стареем,
Но наши беды — это не беда.

Скажи, как ты? —
Я посмотрю в окошко,
Потом начну заученный рассказ,
И коль солгу в рассказе, то немножко,
Да и рассказ ведь скучен без прикрас.

Я расскажу, как хорошо мне всюду,
Что в жизни нет безрадостного дня,
И вновь, как прежде, я сказать забуду,
Что отчий дом один лишь у меня.

От странствий дальних, от себя уставши,
Я умолчу, как прежде, об одном,
Что ничего на свете мне не страшно,
Пока во мгле мерцает отчий дом.

* * *

Обледенелая ракета
Не шелохнется в тишине.
Я здесь брожу, как в позабытой,
Чужой, неведомой стране.

Здесь у скрипучего колодца,
Чье эхо слышится вдали,
Нерасплескавшиеся солнца
На коромыслах пронесли.

Здесь девушка в платке зеленом,
Звенящий снег плечом задев,
Мне, незнакомому, с поклоном
«День добрый» скажет нараспев.

И мне в глаза ударит синий,
До боли синий, грустный свет.
И вдруг повеет той Россией,
Которой — мне казалось — нет.

* * *

Струится вечер тусклым светом
В заиндевовшее окно.
Ну что ж. У каждого поэта
Михайловское быть должно.

Опять с Москвою я в разлуке.
Луны и снега колдовство.
И снова — город Семилуки,
Столица сердца моего.

И вновь — чернеющие кручи,
Дыханье зябкое реки.
И снова семь донских излучин
В мои вторгаются стихи.

И вновь напомнил мне, напомнил
Глухой заснеженный вокзал:
«Чего-то ты еще не понял,
Чего-то ты не досказал».

МОЙ ГОРОД

Сюда приеду специально
С одной лишь целью, может быть,
Чтоб в городке провинциальном
Заботы ложные забыть.

Тот город лишь своей рекою —
Ничем другим не знаменит.
Он заповедной стариною
Наверняка не поразит.

Здесь нет церквей, здесь, как ни грустно,
Весьма обычные дома.
Они резьбою преискусной
Не воскресят вам терема.

Его домов, строений, улиц,
Как брызги резкие волны,

Уже стремительно коснулись
Приметы модной новизны.

Дымятся трубы заводские,
В бетон закована трава...
И все же, все же здесь Россия
Еще уездная жива!

Пускай и грохотом, и дымом
Она подчас приглушена,
Но в чем-то, еле уловимом,
Живет и здравствует она.

Она жива, ее приветом
Все исподволь напоено —
И в том, что яблоневым цветом
Пахнет в раскрытое окно,

И в том, что, сокрушая камень,
Растут цветы и лопухи;
Вступая в спор с грузовиками,
Горланят лихо петухи;

И в том спокойствии глубоком,
Которым полнится душа.
Проходят люди мимо окон,
Не гомоня и не спеша.

В неторопливом их укладе
Я утешенье нахожу.
И думаю: а Бога ради
Куда, скажите, я спешу?..

В час вечеряющей прохлады
Я поднимаюсь на бугор,
Где моему подвластен взгляду
Неумирающий простор.

Далекий островок дубравы;
Спокоен Дон и недвижим,
И тихий свет вечерней славы
Горит над городом моим.

* * *

...И в слове самом
«Семилуки»
Уж нечто волшебное есть.
Для слуха обычные звуки
Несут
Необычную весть.

И мысль,
Из глубин вырастая,
Меня озаряет подчас:
Наверное,
Связь не простая,
А связь вековая
У нас.

Объятый
Густой синевою,
Пронизанный
Хладною мглой,
Быть может,
Кружил я листвою
Когда-то
Над этой землей.

Быть может,
Травинкой несмелой
Качался над этим бугром...
Потом уж
Облекся я в тело,
Из праха восстал я
Потом.
...Но вечный тот цикл повторится.
Листвой закружусь я опять
Затем,
Чтобы снова родиться,
Чтоб снова из праха
Восстать.

Да, да...
И опять оживу я
И в час озарения свой
Почувствую связь вековую
С землею,
С травой,
С листвою.

* * *

Седьмая излука, седьмой поворот
Стремительно-тихого Дона.
Гора Чернышева. Овраги.
Ну вот,
Мы вновь, как задумано, дома.

И вот он — исхоженный мною бугор.
Ходи и любуйся им вдосталь.
Ветрами и влажным дыханьем простор
Его омывает, как остров.

Сверкнет самолет и затихнет вдали.
Лишь птицы свистят без умолку,
Да, чиркнув, как молния, в знойной пыли
Вспорхнет из-под ног перепелка.

Траву колыхнувши, на дальнем лугу
Какие-то тени ложатся.
А я отдышаться никак не могу,
А я не могу надышаться.

И надобно время, чтоб пристальный взор
Привыкнул к такому пространству.
— Ну, здравствуй, единственный в мире бугор! —
И он отвечает мне: — Здравствуй!

СЕМИЛУКСКАЯ РОЩА

Повторяю маршрут прошлогодний.
Сколько раз повторялся уж он.
Сколько раз — и не вспомнишь сегодня —
Я к тебе приходил на поклон.

Я искал сокровенное слово,
В каждый шорох, как в тайну, вникал.
Я беседовал с тенью Кольцова
И речам его тихим внимал.

И случалось всегда почему-то,
Если шел разговор по душам,
То, как правило, в эту минуту
Нам с тобою никто не мешал.

Роща, роща. Плакучие ивы.
(Но не плакали — пели они.)
И воистину был я счастливым.
И воистину жил в эти дни!

**ЭТО БЫЛО НЕДАВНО,
ЭТО БЫЛО ДАВНО**

*Фотолетопись Семилук
из старого альбома*

Владимир Матвеевич Бахметьев (1885—1963) родился в городе Землянске Воронежской губернии. Из семьи мелкого чиновника. Занимался революционной деятельностью. Один из руководителей Воронежского коммунистического союза журналистов, редактор «Известий губисполкома». Прозаик, литературный критик, публицист. Печтается с 1905 года. Автор многих книг прозы, среди которых наиболее известен роман «Преступление Мартына» (1924-1927). Член Союза писателей СССР. Жил и работал в Воронеже, Новониколаевске, Томске, Казани, Москве.

Владимир Бахметьев

ОПЛОШНОСТЬ СЕРЖАНТА ВАСЮТИНА

Рассказ

О штурме Кривой Горки сержант Васютин будет впоследствии рассказывать много и обстоятельно. Но сейчас вот, когда дело только-только закончилось и он по случаю ранения улеся в госпитале, Васютин не смог бы сколько-нибудь связно восстановить в памяти события даже для себя, тем более было трудно ему припомнить «все по порядку» по заказу других. Этого-то и не хотел понять корреспондент газеты Ткачев. Проникнув в палату, он уселся в изголовье раненого и закидал его вопросами. Интересовала корреспондента история сержанта, главным образом, потому, что тот, по сообщению штаба дивизии, единолично захватил в плен немецкого полковника. О случае с полковником и должен был бы заговорить Ткачев. Но он начал издали, с общего вопроса, как и в чем проявил себя товарищ Васютин на поле боя?

У сержанта враз потускнело лицо, он не знал за собой решительно ничего такого особенного, о чем, по-видимому, ожидал услышать сотрудник газеты. В конце концов, сержант держался в бою, как все, — не хуже и не лучше других.

Да, но вот согласно имеющимся у корреспондента сведениям он, Васютин, в разгар наступления принял на себя командование взводом, когда осколок мины вывел из строя младшего лейтенанта...

Ткачев заглянул в свой блокнот:

— Младшего лейтенанта Бавыкина! — вымолвил он четко. — Верно ли это, товарищ?

Сержант не отрицал факта. Но кто бы поступил иначе на его месте? Ведь люди взвода находились под бешеным обстрелом, и всякая заминка угрожала срывом операции на целом участке.

Ткачев слушал объяснения сержанта и торопливо заносил в блокнот что-то свое.

— Продолжайте, товарищ Васютин.

Но продолжать Васютин не собирался. Беседа явно не клеилась. Видя это, Ткачев предложил раскурить папироски и затем, держа в одной руке наготове блокнот, а в другой папиросу, начал помогать сержанту. Сержант должен учесть, что газете позарез нужна заметка на материале Кривой Горки, а в заметке будет ценно все, что касается героического поведения бойцов. В штабе говорили, будто он, сержант, первым ворвался в траншею к немцам.

— Точно! Но я был не один, — отозвался Васютин угрюмо. — Со мною, локоть в локоть, дрались Савин, Грифцов, Потемкин... Еще Асан, Мухаметов Асан.

— Да, но они следовали за вами, — перебил Ткачев. — Вы увлекли за собой товарищей, не правда ли? — он вскинул голову и протянул сержанту свою папироску, предварительно попыхав ею. — У вас потухло, прикуривайте.

— Некурящий я, — сознался сержант и, упершись локтем в подушку, долго искал вокруг себя, куда бы уложить обугленную с одного конца папиросу.

Он был бледен, на лбу, на впалых щеках, даже на верхней губе его проступили капельки пота, а в серых глазах с расширенными, как бы набухшими зрачками залегла пасмурь. И все время он беспокойно опрашивал на себе одеяло.

А Ткачев проворно водил в блокноте карандашом и напористо, баском, приговаривал себе:

— Итак, следуя за огневым валом нашей артиллерии, пехота приблизилась к немецким укреплениям, а когда артиллерия перенесла огонь в глубину, сержант Васютин первым со своими бойцами ворвался во вражеские траншеи... Вы что-то сказали, товарищ сержант?

— Нет, товарищ старший лейтенант, я молчу.

Он действительно молчал. То, что довелось ему перенести и перечувствовать на Кривой Горке, было совсем не так просто, как это получалось у корреспондента.

«Ворвался... Первым ворвался! — размышлял про себя Васютин с чувством невольной горечи, почти обиды. — Попробовал бы ты этак ворваться».

Артиллеристы, слов нет, свою работку перед атакой выполнили отлично. Однако, когда он, Васютин, повел взвод дальше, вверх по Кривой Горке, и когда до немецких позиций оставалось каких-нибудь двести метров, уцелевшие огневые точки противника открыли такой губительный обстрел, что взводу пришлось залечь. Тут и началось! Прижатые к земле, люди не двигались, не шевелились, хотя у каждого, как мог Ва-

сютин судить по себе, все внутри кипело, рвалось вперед. Трудно придумать что-либо более тягостное, чем этот галоп на месте, в лежащем положении! Были минуты, когда только для того, чтобы поднять голову, приходилось собирать всю свою волю, затрачивать столько жизненных сил, что казалось: прежде чем удастся стать лицом к лицу с врагом, жизнь, вся сполна, будет израсходована.

Все же Васютин полз, карабкался, подвигался ужом вперед, угадывая, что где-то рядом с ним и за ним ползут, карабкаются другие. И одно это сознание, что бок о бок с тобою твой товарищ, что все испытываемое тобою испытывает и он, сосед, облегчало сердце и делало возможным новые усилия воли.

Не раз Васютину казалось, что, затаившись под огненным ливнем, он уже не в состоянии будет понудить себя даже голову поднять. Но вот сосед, вскочив и пригорбившись, стремительно осиливал очередные два-три метра. Тогда и к нему, Васютину, возвращалась способность бороться, он словно освобождался от оков. Порою же, когда представлялось, что никто другой, кроме него, не решится двинуться дальше, он встряхивался и с отчаянной решимостью, почти в полный рост перебежал к новому, заранее намеченному укрытию. И за ним, как за магнитом, тянулись другие.

Так, давая знать о себе друг другу, незримо один другого подталкивая, они метр за метром брали у врага пространство, и при этом были у каждого свои сокровенные мысли и своя цель, ради которой человек, одолевая смертный страх, понуждал себя к действию. У одних это были мысли о семье, у других — о колхозе, которому несдобровать, если подпустить фашиста, у третьих — об участии покинутого завода... У каждого что-нибудь свое, самое для него дорогое, а все вместе: семья, любимые люди, колхоз, завод — и было тем, самым дорогим для всех, во имя чего стоило рисковать головою, — родина, родная земля, родные люди!

Только вблизи вражеских окопов, в полосе взорванной колючей проволоки, Васютина вдруг охватила ярость, нестерпимая злоба на врага за все то мучительное, что было пережито... И тут он, Васютин, действительно ворвался к врагу, а ворвавшись, бил, крушил, палил из автомата.

— Продолжайте, продолжайте! — услышал сержант нетерпеливый басок корреспондента.

Оказывается, увлеченный собственными мыслями, вслух думая, Васютин незаметно для себя разговорился, да так, что Ткачев едва успевал за ним записывать.

— Продолжайте, дорогой.

— Я кончил, товарищ старший лейтенант.

— Ну, нет! Вы еще ничего не сказали о немецком полковнике, — забеспокоился Ткачев. — В штабе дивизии мне совершенно ответственно передали, что вы единолично пленили полковника.

— Точно! Только на кой ляд вам этот полковник?! — снова потускнел Васютин.

— Нет, нет! Прошу вас, — настаивал Ткачев. — Утомились — можно перерыв. Кстати, дежурная сестра подает мне знаки... Очевидно, она чем-то обеспокоена.

Он покинул табуретку и, слегка прихрамывая, держа правое плечо выше левого, направился в другой конец палаты, к сестре.

— Разрешила еще побыть, — сообщил, возвратившись, Ткачев и снова уселся. — Только скоренько, долго с вами нельзя, опасается сестра за вашу температуру.

Васютин махнул рукою:

— Выдюжим! А вы... позвольте вас спросить... с рождения так или... Я насчет вашего марша, не в порядке с ногой у вас.

Теперь отмахнулся Ткачев:

— Поцарапало мало-мало мне ногу, осколок в бедро угодил.

И, нервно подергивая уголками рта, отвел свои большие карие глаза в сторону. Но сержант не унимался:

— При каком, извините, случае пострадали?

— Не стоит распространяться.

— Так, так, — одобрительно покивал головою Васютин и впервые за время беседы улыбнулся. — Значит, мы с вами в одной упряжке шагать можем: у вас — правая, у меня — левая... Из-за того черта, полковника, я и пострадал. Сдуру от раков вздумал его вызволять, он и отблагодарил!

— Расскажите, товарищ сержант.

— Да тут и рассказывать-то нечего.

Васютин снова, в который уже раз торопливо, будто чего-то опасаясь, оправил на себе одеяло, приподнялся на локте и продолжал:

— Как скovyрнули мы немцев с высоты, они кто куда — врассыпную. А полковник этот, Рудольф Гольц по имени, на машину, да к переправе. Речка по ту сторону, у самой, почитай, Горки протекала. Ну, мы, конечно, вслед. Ребята поотстали, а у меня откуда что бралось — как на крыльях я. И вижу — встала близехонько от воды на всем ходу машина с гитлеровцами. Выскочил из машины полковник, за ним — шофер, и оба к заброшенной у берега лодчонке... Приложился тут я и — полною очередью по фашистам. Глядь — один, как подкошенный, бултых у лодки, а другой, этот самый полковник, наутек, в сторону, к камышам. Я — туда, и вдруг слышу: вопит человек благим матом, так вопит, что у меня аж под ложечкой засосало... Сбросил я сапоги да в воду. Разгреб камыши, а он, черт, барахтается, навовсе тонет... Мне бы отвернуться: без всякой затраты, природно, враг на тот свет, к самому водяному, лезет, и пусть бы лез! Я же, дурной, к нему шарахнулся — ровно бы толкнул меня кто! — да за лапы его и — на бережок к машине... А он в полном помрачении, дыхания даже лишился... Старый, усы белым-белы, как у покойного деда моего, шея чулком, в морщинах вся... Ну, затеял я возню с ним, по всем правилам скорой помощи. Родом-то с Оби я, сподручным машиниста на пароходе плавал, доводилось и утопленников откачивать...

— И что же дальше? — подал голос Ткачев, так как сержант, умолкнув, вовсе, казалось, не собирался продолжать.

— Дальше? Дальше отдышался он, старый хрыч... Только трясло его, как в лихоманке, зуб на зуб не попадал: то ли со страха, то ли с непривычки к воде... И надоумилось мне убрать его с ветра-сиверка в машину, а сам — в траву я, за сапоги принялся... Но едва это всунул я ногу в сапог, утопленник-то и дерни в меня из пистолета, пистолет у него, язви его душу, в машине оказался. Спасибо, заряд в единственном числе был, запас-то, видно, весь при бегстве израсходовался. С того и спасся я, повреждением ноги отделался.

— И вы не пристрелили подлеца? — воскликнул Ткачев взволнованно.

— Признаться, чесалась рука. Однако удержался. Ноге моей оттого легче не стало бы, а тут, как-никак, в чине гитлеровец, штабной: «язык» — первый сорт. Вскорости и мои из взвода подоспели, им я и порекомендовал пса того, полковника то есть... Вот делишки какие!.. А вы куда теперь, товарищ старший лейтенант?

— К соседям вашим по фронту.

— О! Слышно, и там всыпаем мы «высшей расе»... Час вам добрый, а мне, похоже, того... не подняться враз.

— А зачем, товарищ сержант, торопиться? Нога — вещь стоящая!

— Это и есть, — вздохнул Васютин. — Ну, да я, ежели что, попрошусь на танк водителем. В танке мне, как на буксире, на своих на двоих не маршировать.

— Правильно!.. Ну, до скорого свидания, товарищ Васютин, благодарю вас.

— Не за что!.. Вы уж, товарищ старший лейтенант, ежели насчет полковника будете публиковать, не шибко срамите меня. Самому тошно! Третий год воюю, сколько огня претерпел, на той же Кривой Горке из самого полымя выбрался, а тут — нате вам! — ни с чего попался... Полная моя оплошность! Из-за глупого простодушия потерпел... Нет, видно, душа-то с немцем ни к чему... Верно, а?

— Да как сказать... — раздумчиво откликнулся Ткачев, подымаясь с табурета. — Всякие немцы бывают... Тут все дело, Васютин, в классовый породе человека... Взять хотя бы случай со мною на Воронежском фронте. Прибыл я в указанную мне дивизию, побывал в КП, заглянул к полковому командиру на левом фланге дивизии, проследовал в тот же день на передний край, в одну из рот пехоты, а тут как раз на этом участке враг повел наступление да такой открыл огонь, что дрогнули наши, подались вспять к опушке попутного лесочка... Здесь-то и садануло меня осколком у бедра. На какие-то минуты даже сознание я потерял, а когда пришел в себя, вижу: нога моя забинтована и медсестра подле... Склонилась ко мне, говорит что-то, приподнять меня пытается, а вокруг ад крошечный: рвались с грохотом мины в лесу, строчили там и сям автоматы... Понял, наконец, я, чего добивалась от меня сестра, и попытался ползти с ее помощью, но чуть опять не лишился сознания... Тогда волоком подтянула меня сестра в кустарник орешника, и оба затаились мы здесь. А рокот автомата ближе-ближе, и в каких-нибудь паре метров от нас появляется вдруг немец: подался к нам с автоматом наперевес... Обветренное, в морщинах, лицо пожилого человека, в глазах сквозь сумятицу — взблеск растерянности... Огляделся и неожиданно кинул нам по-русски: «Прячь твоя, прячь...» А сам дальше рванул к лесу... Так вот, товарищ сержант, и уцелели мы с сестрою, а он, немец-то, в два счета мог бы покончить с нами...

— Откуда же он говор-то наш перенял? — проговорил торопливо сержант.

— Да мало ли откуда... Может быть, еще в Первой мировой участвовал, плена нашего отведал... Но не в том дело, Васютин! Я так полагаю, что не иначе — простого звания человек, и ему самому фашисты-то хуже, глядишь, псов лютых...

Ткачев протянул руку сержанту, а тот, овладев ею, задал новый вопрос:

— Как же вы с сестрицей-то сохранились? Немцы-то рассыпной цепью шли?..

— Шли и прошли, в лес углубились, а мы с сестрою в ложбинку скастились, а ложбинка та сплошь кустарником заросла... Тут вскоре наши поднатужились, немцы — прочь, к своим траншеям! Вот и весь сказ... Желая скорого выздоровления, товарищ сержант, и прошу вас не судить о немцах по вашему гнусу-полковнику... В семье, как говорится, не без

урода... Наша задачка, Васютин, помочь немецкому народу очиститься от своих уродов... Так оно и будет, верьте, дорогой мой!..

— Верю, товарищ старший лейтенант... Провожая Ткачева, сестра с упреком говорила ему за дверью палаты:

— Полмесяца не минуло, как сержанту ногу ампутировали, еще температурит он, а вы... с разговорами!

— Ампутировали?! — воскликнул Ткачев, остановившись. — Как же так?

— Тяжелый случай, угроза жизни...

— Но... позвольте! Он же ни звука мне об ампутации... А-а-а, понимаю! — Ткачев вскинул руку. — Укрыл! Из-за конфуза укрыл... Слушайте, сестрица, разрешите мне, милая, к нему... на одну коротенькую минутку!

И он повернул к двери, но сестра задержала его.

— Нельзя, нельзя, товарищ лейтенант... Сейчас перевязка ему!

Ткачев отступил. Уходил он, взволнованно понурившись... Ведь неизвестно, когда вновь удастся встретиться с сержантом, да и удастся ли. У него, Ткачева, немало роилось в мыслях такого, что помогло бы товарищу по-иному взглянуть на свою оплошность.

— Сестрица! — поднял он голос у выхода. — Будьте добры, передайте сержанту Васютину мой сердечный привет... Постараюсь еще раз повидать его.

1943

***Василий Афанасьевич Воронов** родился в 1948 году в хуторе Ющевка Землянского района Воронежской области. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Работал сотрудником районной газеты, редактором Ростовского книжного издательства, главным редактором журнала «Дон». Член Союза писателей России. Лауреат литературной премии имени Виталия Закруткина (1997). Автор многих книг прозы, изданных в Ростове-на-Дону. Живет в станице Старочеркасская Аксайского района Ростовской области.*

Василий Воронов

РОДИЧИ

Сюжеты о писателях

Страницы о писателях писались в разные годы и по-разному. От более углубленных размышлений о Шолохове до одного характерного эпизода из жизни (Прийма, Тумилевич). Бесспорно, это биографические заметки, но я старался отойти от биографических канонов.

Иногда несколько выхваченных черт характера, ярких эпизодов характеризуют человека живее, нежели рутинные подробности биографии. Если я не находил интриги, сюжетной истории, то не мог взяться за работу, как бы ни понукал себя.

Все рождалось естественно, созревало изнутри. Друзья и издатели советовали, подсказывали: хорошо бы написать о том или этом замечательном человеке. Одна авторша женских романов нашла «неправильность» моих заметок и даже показала (опубликовала), как надо правильно писать. Я же предпочту и дальше писать «неправильно», т.е. по-своему. Это мои личные заметки.

Что касается новых персонажей, я придерживаюсь старой привычки: пусть они созреют, обмаслятся для сюжета. Поэтому не ставлю точки в работе. Богатейшего и чрезвычайно занимательного материала на литературном поле предостаточно.

ЗИМНИЙ ДЕНЬ В ВЕШЕНСКОЙ

Буря застал меня в заснеженной степи между Кашарами и Вешенской. Попутный «жигуленок» из совхоза «Поднятая целина» носило между высокими снеговыми обочинами дороги, как плоскодонку по волнам. У шофера от напряжения выступал пот на лбу, немели пальцы рук. Ехали с включенными фарами, в десяти шагах ничего не было видно из-за кося и стремительно падающего густого снега.

Ветер свистел в стеклах кабины, забивал в невидимые щелочки мельчайшую морозную пыль. По бокам едва проглядывали чернеющие ряды тополей и яблонь, впереди маячили огни встречных машин — они-то и поддерживали колею, не давая переметать дорогу. Мы пристроились за «КамАЗом» с железобетонными кольцами в кузове. Могучий грузовик шел впереди, как ледокол, взметывая за собой клубы сыпучего сухого снега.

Часа через три, наверное, добрались до Базков, спустились к Дону. Тут, среди высоких старых верб, было тихо, верховой ветер, как морской прибой, протяжно гудел в развесистых кронах деревьев.

Мелькнула излучина закованной в лед реки и дальше, посередине, открылась черная, окутанная паром, полынья.

— В этом месте Дон не становится и в самые лютые морозы, — коротко пояснил шофер. — Тут глубина и течение быстрое.

Дон переехали выше по льду. Паром почти бездействовал, на нем переправлялись только большегрузные автомашины. «УАЗы» и даже «ЗИЛы» свободно опускались на лед, несмотря на запрещающий знак ГАИ.

— Не опасно? Ведь можно провалиться?

Шофер засмеялся.

— Бывало, и проваливались... Один мой знакомый нырнул — и кабину не успел открыть. Спихнулся уже на дне, вышиб ногой стекло, ну его и выбросило в полынья... Считай, с того света.

Вот и Вешенская.

В сознании каждого она неразрывно и навсегда связана с именем Михаила Александровича Шолохова. Читающий мир всегда будет изумленно смотреть на эту землю, дивиться кровному родству писателя с судьбами земляков, с жизнью хуторов и станиц Верхнего Дона, откуда шестьдесят с лишним лет назад начала восходить звезда молодого Шолохова.

Весь этот день и всю ночь над станицей, над всем Придоньем бушевал буря. Снегом доверху забило балки и буераки, до самых верхушек занесло лесопосадки, под крыши домов намело сугробы. Белой безмолвной пустыней легли снега вокруг хуторов, вокруг совхозных ферм, вокруг машинных дворов. Давно не видели здесь такого января — с тридцатиградусными морозами, с большими снегопадами и ветрами до двадцати пяти метров в секунду.

Я сидел в кабинете первого секретаря Вешенского (ныне Шолоховского. — В.В.) райкома партии Николая Александровича Булавина, когда позвонил Шолохов.

— Как дела, секретарь?

— Обстановка сложная, Михаил Александрович. Снег завалил дороги, подъезды, животноводческие фермы, отрезал коммуникации. Дорога на Миллерово занесена.

— Какие меры принимаете?

— Бульдозеры расчищают заносы. Подняли людей, в первую очередь

обеспечиваем снабжение животноводства водой, кормами. Районный актив выехал в хозяйства, помогает организовывать работу на месте.

— Как молодняк переносит морозы? Нелишне, наверное, утеплить телятники, свинарники?

— Конечно, Михаил Александрович! Гарантия должна быть и на более крепкие морозы. К тому, что сделано с осени, дополнительно утепляем двери, оббиваем ветошью и брезентом.

— Так. Хорошо. Гость приехал?

— Приехал, рядом сидит...

Булавин сделал жест, приглашая подойти поближе. Закрыв ладонью микрофон, пояснил:

— Просит передать трубку. Говори.

Это было неожиданно, я не знал, что сказать, трубка горела в руках. (М.А. пригласил меня в Вешенскую, прочитав мой очерк «В строке и в сердце» в «Огоньке»).

— Здравствуйте, Михаил Александрович!

Через секунду услышал слабый сиплый, почти шепотом, голос:

— Здравствуй. Как добрался?

— Слава Богу! Спасибо за приглашение.

Приходите с Булавиным завтра, часам к десяти.

Старческий немощный голос. Боже, подумалось, это не Шолохов. Булавин, уловив растерянность, объяснил с заминкой:

— Горло недавно лечили.

Наутро мы в доме. Большая полутемная прихожая, высокая раздевалка. Огромное старое зеркало. Навстречу, стуча когтями по паркету, выбежала старая любимица семьи — Дамка. Живоглазая, с длинной шелковистой шерстью. Разделись. Булавин шагнул вперед, в соседнюю комнату.

— Можно?

Послышался слабый, чуть слышный басок:

— Заходите.

Сердце сжалось, едва переступил порог: передо мной, облокотившись о стол, сидел в кресле Шолохов и смотрел прямо на меня. Высокий красивый лоб — без единой морщинки! — с крупными венами на висках, редкие седые волосы откинута назад. Светлые зоркие выпуклые глаза слегка прищурены от прямого пристального взгляда. В правой руке костяной мундштук с дымящейся сигаретой. Поздоровались за руку.

— Казак?

Я очнулся, вопрос относился ко мне.

— Нет, Михаил Александрович, родом я из-под Воронежа.

Шолохов чуть приметно улыбнулся, жестом указал сесть напротив.

— Как в Щенятский попал?

— Родители переехали к родственникам, им понравилось в хуторе, и прижились. Детство в хуторе прошло. Учился и работал в Кашарах. Два года назад переехал в Ростов.

— Щенятский далеко от Кашар?

— На подъезде к Кашарам, справа от дороги. Бывшие земли панов Щенятских.

— Не припомню таких. Жеребцовы были, это ближе к нам, в Поповке. Поляков вроде.

— Да, член Государственной думы. Одна из его бывших усадеб сейчас в совхозе «Красный колосс».

Шолохов помолчал, затянулся несколько раз, повернул голову к Булавину:

— Как на фермах дела?

Булавин стал рассказывать.

— Подъезды и дороги расчистили. Корма и воду подвозим. Продукцию не снижаем, молока с опережением против прошлого года даем...

— А кормов хватит?

— Силос, солома, сенаж есть. Концентратов, конечно, не в достатке, — Булавин замялся, — но зимовать можно.

Шолохов улыбнулся:

— Не до жиру...

И тут же, поменяв тон, озабоченно спросил:

— Монолиты брали?

— Брали. Озимые в порядке. Только кое-где на буграх повымерзли. Сейчас снег на полях толщиной двадцать-двадцать пять сантиметров.

— Хорошо.

Булавин рассказывает Шолохову о поездке председателя райисполкома в Москву.

— Юрий Филиппович был у министра Месяца. Ходатайство с вашим письмом о закупке племенных телок для района удовлетворили. В ближайшее время завезем скот.

Шолохов не спеша затягивается. Светлые глаза его внимательно смотрят на собеседника.

— Госплан утвердил строительство моста через Дон в Вешенской. Выделены средства, в будущем году начнутся работы.

Опять легкий кивок головы, чуть приметная улыбка спряталась в усах. Шолохов доволен. Мост в Вешенской! Сколько было просьб, писем со всей округи по этому поводу в депутатской папке. В страдную пору машины с зерном простаивали на переправе иной раз по два и по три часа!

Опять минутная пауза.

— Читал твой очерк в «Огоньке», — Михаил Александрович повернулся ко мне, медленно, с растяжкой произнося слова, точно взвешивая и выверяя точность каждого из них. — Понравился... Написан свежо, с юношеской непосредственностью. Но там есть ошибка одна. Боя с махновцами под хутором Коньковым не было. Нас без боя в плен взяли. Пятьсот человек. Разоружили и сразу митинг. Ораторы хорошие были. Почти весь полк перешел к махновцам.

— А что из себя представлял Махно? — спросил Булавин.

— Невзрачная личность. Из интеллигентствующих анархов. Блуждали тут по хуторам, лавки сельповские грабили. Учителей вешали. Казаков хотели поднять, но не получилось.

— А Фомин? Вы помните его?

— Помню. По хуторам прятался. По десять-пятнадцать казаков с каждого хутора уводил. Брат мой двоюродный, Корхов, с Каргина, у него в банде был — один хохол среди казаков.

Шолохов ногтем выковырнул из мундштука окурок, заложил новую сигарету, щелкнул зажигалкой и, подняв голову, затянулся. Сквозь дым на меня опять пристально смотрели светлые шолоховские глаза.

— Что пишешь?

— Недавно закончил повесть. Еще никому не показывал, надо кое-что додумать. Замыслы есть... в общем, работать надо.

Шолохов засмеялся.

— Ты как Канивец... кукурузовод этот из Азова. К нему за опытом едут, а он сердчает: «Який опыт, хлопцы? Робить надо!»

И, помолчав, пыхнул дымком, добавил о Канивце уважительно-шутливо:

— Мудрый хохол.

Опять пауза. Я уже не чувствовал той напряженности и скованности, с которыми переступил порог шолоховского дома. Живой Шолохов: его слова, жесты, голос его — целиком захватили меня. От чистых, коротко подстриженных старчески бледных ногтей до черной шерстяной кофты, застегнутой под горло, и серенького с прозеленью пиджака, которые можно купить в любом сельповском магазине; от мягкого, слабого, иногда переходящего почти на шепот, баска до слегка выпуклых светлых всевидящих глаз его — все, точно в озарении, отпечатывалось в моем мозгу. Это и впрямь было озарение...

— Что нового в Кашарах?

— Плотину построили, Михаил Александрович. Побольше той, что до войны была. Вы, наверное, помните.

— Помню. Приходилось останавливаться в Кашарах, ночевать. Там какая, Ольховая, кажется, речка?

— Ольховая.

— Плотина хорошее дело. А Кашары не снесет?

И лукаво улыбнулся. Все засмеялись.

— Как люди в Кашарах живут?

— Хвалиться нечем. Кое-где, на дальних хуторах, встречается паразитическая бедность. Саманные хатенки-полуземлянки, худые камышовые крыши... У вас в районе не приходилось такое видеть.

Шолохов помолчал и как-то грустно, медленно произнес:

— Есть и у нас...

И глаза, и голос его в эту минуту были строгими.

Булавин стал рассказывать, как пагубно отразились в свое время волюнтаристские директивы насчет сселения неперспективных хуторов. Он привел в пример хутор Поповку, который обрекли на сселение: постепенно закрыли школу, магазин, медпункт. Большинство хуторян уже покинули родные места, когда в районе спохватились: крупное отделение совхоза, особенно животноводческая ферма, осталось без работников.

Стали принимать срочные меры. Опять открыли школу, магазин, построили клуб, детский сад. И хутор возродился.

— Даже цыгане селиться стали, — с улыбкой заключил рассказ Булавин. — Квартиры дают, да и сами дома строят. Надо сказать, и работают они неплохо. Но есть проблемы. У людей отвыкли воровать, а вот из совхоза тянут все, что под руку попадет. И днем, и ночью.

Шолохов засмеялся:

— Это народ такой — палец в рот не клади.

Помолчал, видно, вспоминая, и, неожиданно оживившись, стал рассказывать:

— Летел я как-то из Москвы в Ростов. Рядом в кресло цыган сел. Из интеллигентных. В Ростове, в управлении сельского хозяйства работал. Уморил анекдотами из цыганского быта. Один запомнился... Стоит цыган, читает указ об оседлости. Читает и кряхтит: «Ну и жмут! Ну и жмут!» Сзади милиционер подходит, руку на плечо: «Кто жмет? Кого жмут?» — «Сапоги, товарищ начальник!» — «Да ты же босый». — «Потому и босый, что жмут!»

Рассказывает Шолохов великолепно — разыгрывает в лицах, приоткрываясь к диалекту. По-украински говорит, как коренной «хохол». После каждого вопроса или ответа любит помолчать, быстро, внимательно глянуть на собеседника. Взгляд его мягок, прям и приятен. В нем и интерес, и участие, и, кажется, понимание всего невысказанного, что есть у тебя на душе. У меня осталось такое чувство, что он спрашивает только для порядка, сам же знает наперед, кто как и что ответит, и что может ответить ему. Его же немногословность, даже скупость на слова, наверное, нужно уметь «расшифровывать». Каждый жест, невзначай вроде оброненное слово, легкая усмешка в усы, хитроватый прищур глаз таят в себе могучую основу айсбергов. Человеку ненаблюдательному, мало знающему этого мудреца, он может показаться простачком, говорящим к тому же далеко не «интеллигентным» языком.

— Что нового в Ростиздате?

Я работал тогда редактором в Ростиздате. Опять испытываю волнение от пристального шолоховского взгляда.

— Делаем книжку о Вешенской. О ее истории, о людях. Материалы собирают и ищут сами вешенцы. Подобрали хорошие архивные фотографии.

— Что ж, стоящее дело. Такая книга нужна. В Вешенской бывает много гостей, это был бы для них хороший подарок.

Разговор зашел о новом издании «Тихого Дона» с фотоиллюстрациями, которые собирает в архивах автор книги «Тихий Дон»: литература и история» Сергей Семанов (Книга вышла в издательстве «Молодая гвардия» в 1980 г. — В.В.). Шолохов сказал:

— Семанов проделал большую работу. О казачьем быте собрал много интересных фотографий. Но в его замысле есть сложность: выпадает гражданская война. О ней в архивах мало что сохранилось. Тогда некогда было фотографировать, да и некому... А что было — перекочевало в эмиграцию...

В конце почти полуторачасового разговора Булавин спросил:

— Михаил Александрович, а теперь разрешите с вами сфотографироваться?

— Что ж, это можно.

Чумаков сделал несколько снимков.

Михаил Александрович взял с подоконника подарочный тяжелый двухтомник «Тихого Дона», открыл первую страницу и взглянул на меня снизу вверх:

— Как по отчеству?

— Афанасьевич.

Он улыбнулся:

— Хорошее отчество!

И написал несколько пожеланий, одно из которых было: «Дерзай!»

На прощанье Михаил Александрович пожал всем руки. Мне показалось, он глянул на меня холодно и строго — оценивающе. И строго же сказал:

— До свидания. Желаю... хорошей работы.

И в пристальном взгляде, и в этих простых словах я почувствовал тот могучий остов айсберга, который таит в себе шолоховское слово.

Когда мы с Булавиным и Чумаковым вышли в заснеженный двор и я вдохнул свежий морозный воздух — слегка закружилась голова. Тяжестью были налиты руки и ноги, точно за прошедшие полтора часа я проделал изнурительную физическую работу. Мыслимо ли! Если бы еще вчера

меня разбудили среди ночи и спросили: с кем из великих соотечественников я хотел бы встретиться, я бы ответил только одно — с Шолоховым! После 30 января 1980 года было еще пять встреч.

Через три года я начал писать и при жизни М.А. Шолохова напечатал первые главы книги «Юность Шолохова». Насколько я знаю, он отнесся к этому благожелательно.

...Из Вешенской я уезжал, когда ранние сумерки опускались над станицей. Опять по льду переехали Дон, миновали Базки, поднялись на гору, изрытую мелкими ериками, балками, заросшими дубняком, караичем и чернокленом. По обе стороны дороги в нежном фиолетовом свете сумерек четко вырисовывались тонкие стволы березок. На бугре, откуда, как на ладони, видны излучина Дона, вся станица и темный сосновый бор за ней, остановились. Шофер поднял капот, прикрыл жалюзи радиатора картоном, чтобы потеплее было в кабине, обстукал скаты носком ботинка и, захлопнув дверцу, сказал:

— А окно в кабинете Михаила Александровича светится...

ЖИЗНЬ И СУДЬБА

В разломе эпохи

Он родился в начале века, когда в Ясной Поляне жил и творил Толстой, когда еще не остыла могила Чехова. Шолохову судьбой суждено было стать прямым преемником великой русской литературы XIX века, создать «народные романы», появление которых пророчески предсказывал Толстой.

В XX веке Шолохов — одна из вершинных, знаковых фигур. Без него не понять эпохи, не обойти и не обойти без него. Все главные события века одушевлены пронизательным взглядом художника. Кажется, сама природа в недрах своих таинств являет миру в минуты роковые своего певца: встань и иди! Скажи миру слово о своем времени. Не солги, не уклонись, не слухавь. Сожги сердце ради истины. Сама природа дала ему зрячий посох с напутствием: «В годину смуты и разврата не осудите братья брата». Шолохов нес свой крест до конца. Он оплакал и белых, и красных, своих и чужих. Крестьян и солдат.

Сотни людей, сотни персонажей, вихри страстей, разочарований и любви прошли через его слабое сердце. Оно видело слишком много на своем веку, шолоховское сердце. Слишком для одного человека... Он сошел в могилу, омытый слезами любви и печали. Всенародная любовь и слава. Зависть и непонимание. Любовь и каменья. Лед и пламень. До самой смерти Шолохова в нашей литературе спорили ученые мужи: Мелехов отщепенец или страдалец? Бандит или герой? Спорили, не услышав горького вздоха из Вешенской: «В Мелехове я хотел показать очарование человека».

За суетностью дней многое мы не услышали в шолоховских вздохах. Его больное исстрадавшееся сердце угасло в непонимании. А сейчас? Ближе, понятнее стал Шолохов? Да. Мы кожей почувствовали грозное предупреждение «Тихого Дона»: самое страшное в мире — гражданская война. Вспомним казнь Подтелкова и Кривошлыкова. «Вешенские, каргинские, боковские, краснокутские, милютинские казаки расстреливали казанских, мигулинских, раздорских, кумшатских, баклановских казаков...» Казачий офицер Спиридонов вешал своего кума Подтелкова. Брат

убивал брата, сын — отца. Через десятилетия и нам аукнулось: Приднестровье и Абхазия, Армения и Чечня, расстрел Белого дома в Москве. Сотни тысяч убитых. Брат на брата.

Мудрый дедок говорит Мелехову: «С черкесами воевали, с турками воевали, и то замирение вышло, а вы все свои люди и никак промеж собой не столкуетесь... Ну мыслимое ли это дело: русские, православные люди сцепились между собой, и удержу нету... Пора кончать».

Нет, не вняли, не кончили. Возрождающееся наше казачество опять поделилось на красных и белых. А ведь была идея: поставить общий памятник примирения и красным, и белым. Как символ окончания Гражданской войны. Памятника нет, а война, тихая, гражданская, продолжается.

«Подешевел человек за революцию», — опять тот же мудрый дедок из «Тихого Дона». А революции не кончаются. Человеческая жизнь подешевела многократно. И сколько еще нужно крови, чтобы увидеть наконец очарование человека?

Три события, три этапа советской истории: Гражданскую войну, коллективизацию и Великую Отечественную войну — вместил и выразил, как никто, гений Шолохова. Многие крупные таланты не выдержали, не выстояли в разломе эпохи. Писали в угоду Сталину и власти. Да и Шолохову советовали Фадеев и А. Толстой: смирись, приведи Григория Мелехова к красным, он не должен оставаться бандитом. Они же голосовали как члены госкомиссии в 1940 году против присуждения Сталинской премии первой степени за «Тихий Дон». Шолохов выстоял. Не поступился талантом и правдой, хотя жизнь его не раз висела на волоске.

Этот упрямый казачок из Вешенской мог, глядя прямо в глаза, сказать: «Вы не правы, товарищ Сталин!» И сказать, и написать.

В последнее время идут, на мой взгляд, бесплодные споры: Шолохов — певец режима или скрытый диссидент? Риторика и бессилие понять Шолохова. Современники написали о нем сотни книг и исследований, но главной книги, адекватной творчеству великого писателя, нет до сих пор. Открыть и понять Шолохова суждено новым, «младым» поколениям в XXI веке. И не только у нас в России.

Вспоминаю разговор с профессором Принстонского университета (США), нашим соотечественником, шолоховедом Германом Ермолаевым. «Интерес американских студентов к Шолохову огромный, — сказал профессор. — Многие мои ученики пишут диссертации по Шолохову. Без этого писателя не понять Россию сегодняшнюю».

В Японии школьники изучают творчество Шолохова с младших классов. В Китае издано полное собрание художественных произведений писателя. У нас же готовится полное академическое собрание. Здравствуй, племя младое, незнакомое! — мог бы сказать писатель своим читателям в XXI веке.

Завидую тем, кто впервые откроет «Тихий Дон» и прочтет начало: «Мелеховский двор — на самом краю хутора...»

Фамильный склеп

В начале 70-х годов я работал в районной газете и много ездил по Верхнему Дону. Станица Каргинская, хутора Грачев, Кружилин, Плешаков, Рубежный, станица Еланская... Здесь все дышало «Тихим Доном», Шолоховым. Писатель был живой легендой, и в каждом хуторе о нем

рассказывали охотно и много. В народной молве Шолохов представлялся былинным героем, защитником простых людей, добрым и мудрым. И хотя писатель жил совсем рядом, в станице Вешенской, и был еще не старым человеком — он казался эпической фигурой из времен давно минувших, загадочных, подернутых дымкой трагических событий.

Кто он — Шолохов? Где он вырос, как жил и кто его родители, деды-прадеды? Я впервые задумался над этим, когда побывал на кладбище в станице Каргинской. Председатель сельсовета, местный казак, рассказал мне, как искали могилу отца Шолохова — Александра Михайловича. Собрали старожилы — стариков и старух, и они вспоминали, кого и как хоронили в конце 1925 года. По особым приметам, по остаткам могил и по времени вычислили: Александр Михайлович Шолохов и его брат Петр Михайлович похоронены примерно тут. И на указанном месте чуть позднее установили надгробия братьям: «Александр Михайлович Шолохов (1865—1925), Петр Михайлович Шолохов (1867—1946)».

Председатель сельсовета показал мне небольшой холм рядом с предполагаемой могилой А.М. Шолохова.

— Здесь был фамильный склеп каргинского купца Ивана Андреевича Озерова. Здесь лежат многие из родни Шолохова. Холм над склепом давно просел, зарос бурьяном и татарником, лишь в небольшой расщелине была видна темная кирпичная кладка.

О предках Шолохова по отцовской линии сохранились скудные документальные свидетельства. Первые упоминания найдены в городе Зарайске в платежных, ревизских и переписных книгах XVIII века. Фирс Шолохов был пушкарем в петровскую эпоху. Дети, внуки и правнуки Фирса (до прадеда Михаила Александровича — Михаила Ивановича Шолохова) принадлежали к купеческому сословию. В середине XIX века в Зарайске было 1700 купцов. Стесненность и конкуренция в торговом деле заставляли новых предпринимателей осваивать места на юге России, в Области Войска Донского. Зарайские, тамбовские, воронежские купцы Шолоховы, Левочкины, Обоймаковы, Озеровы появились в станице Вешенской в середине XIX века. В числе первых был дед писателя Михаил Михайлович Шолохов.

Молодой предприимчивый и услужливый человек нанялся в приказчики богатому вешенскому купцу Василию Тимофеевичу Мохову. И вскоре женился на его дочери Марии Васильевне Моховой. Чета первых Шолоховых пустила глубокие корни на вешенской земле. У Михаила Михайловича и Марии Васильевны было восемь детей: Ольга, Анна, Капитолина, Прасковья, Николай, Михаил, Александр и Петр.

Михаил Михайлович разбогател, стал купцом второй гильдии с оборотным капиталом в 7 тысяч рублей. Дети Шолоховых пережились с купеческими детьми Левочкиных, Обоймаковых, Озеровых, Шерстюковых, расширяя и преумножая торговое дело. Лавки, магазины, торговые дома, хлебные ссыпки, паровые мельницы в разных станицах и хуторах Верхнего Дона принадлежали многочисленной родне Шолоховых. И хотя они не относились к казачьему сословию, казаки уважали их за ревностное служение обществу. Шолоховы были попечителями школ, церквей, выделяли средства для содержания почты и телеграфа.

Кто знает, как бы сложилась дальше судьба колонии рязанских купцов на Дону. Революция 1917 года и Гражданская война принесли с собой разор и разруху, гибель многих из рода Шолоховых. Одни ушли с белыми, другие стали на сторону красных.

В 1919 году почти все движимое и недвижимое имущество купцов было разграблено и уничтожено красноармейцами и беднотой. Каргинские комсомольцы не пощадили даже мертвых. На кладбище были разбиты мраморные надгробия и кресты, разрушен и осквернен фамильный склеп с саркофагами Шолоховых, Озеровых, Левочкиных. Вместе со склепом был навсегда разрушен многочисленный и славный род зарайских купцов.

Нахаленок

Это обидное слово ушло из современного обихода, за исключением, может быть, верхнедонских казаков. Нахал, незаконнорожденный, нагулянный, байстрюк — так называют внебрачных детей. До восьми лет Шолохов был «нахаленком» и носил другую фамилию — Кузнецов. «Мой отец усыновил меня» — за этими словами из автобиографии писателя скрыта многолетняя семейная драма, наложившая отпечаток и на характер, и на литературное творчество Шолохова.

История любви и жизни родителей — Александра Михайловича и Анастасии Даниловны Черниковой — отразилась в поведении и поступках многих героев «Тихого Дона», как история зарайских купцов отразилась в разломе и гибели почти всей мелеховской семьи.

О своей родословной Шолохов говорил редко и немногословно. Неслучайно он ответил одному своему другу: биография писателя в его произведениях.

О себе Шолохов написал полстранички автобиографии. О матери печатно — всего два-три упоминания. Об отце не написал ни слова. О многочисленных дядьях-тетках, двоюродных братьях и сестрах говорил только в узком кругу, среди близких родственников.

Эта немногословность, нежелание трясти родословное дерево кроется в семейной драме — любви его родителей и его самого, пережившего эту драму болезненно и тяжело, как только может пережить, перечувствовать впечатлительный, самолюбивый, мечтательный подросток.

Анастасия Даниловна Черникова (1871—1942) была дочерью крепостного крестьянина, переселенца из Черниговской губернии. В девичестве служила в имении донского помещика, войскового старшины Евграфа Попова в хуторе Ясеновка (быт и нравы помещиков Поповых напоминают Листницких, их имение Ягодное в «Тихом Доне»). Молодая красивая горничная Настя приглянулась Попову-младшему — Дмитрию. Забеременела от него. Старая помещица возмутилась, перепугалась. «С мужичкой связался!» И беременную Настю уговорили, заставили выйти замуж за пожилого вдовца, казака-урядника Стефана Кузнецова из станицы Еланской. Их обвенчали в местной Николаевской церкви. Вскоре Настя родила девочку. Брак был недолгим и несчастливым. Родня Кузнецова не признавала «мужичку», попрекала нагулянным ребенком. Урядник часто напивался и крепко бил молодую жену. Вскоре Настя с ребенком ушла к родителям в Ясеновку. Через полгода девочка умерла.

Дмитрий Попов к этому времени женился, и Настю опять позвали служить в господский дом. Здесь она и познакомилась с Александром Михайловичем Шолоховым, часто бывавшим у Поповых по своим делам. Он имел свой магазин и дом в хуторе Кружилине, неподалеку от Ясеновки. Александр Михайлович, что называется, с первого взгляда влюбился в Настю. И впервые, наверное, полюбила Настя. Вскоре Александр

Михайлович увез ее в Кружилин и поселил в своем доме под видом экономки.

24 мая 1905 года в кружилинском доме родился сын Миша. К сожалению, эта дата не подтверждается документально. Метрические книги кружилинской церкви за 1905 год не сохранились. По косвенным источникам родители сознательно приписали Мише три года и, следовательно, его настоящий год рождения — 1902.

Неоспоримо одно: новорожденного записали на фамилию Кузнецова, законного мужа Анастасии Даниловны Кузнецовой. А отчество мать имела право дать по настоящему отцу — Александру Михайловичу.

Стефан Кузнецов, узнав о рождении внебрачного мальчика, приезжал в Кружилин с пьяной ватагой друзей, грозился сжечь дом и убить неверную жену вместе с «нахаленком».

Угрозы урядника и постоянные насмешки хуторян над мальчиком заставили Александра Михайловича продать дом и в 1909 году переехать в хутор Каргин. И еще одно огорчало счастливого отца: братья и сестры (за исключением Ольги Михайловны) более чем прохладно отнеслись к сожительству брата с «мужней женой» и рождению внебрачного Миши.

С другой стороны, брошенный муж, казак Кузнецов, не оставлял мысли отомстить жене-изменнице. Есть свидетельство о том, что он написал жалобу войсковому наказному атаману и в Священный Синод. Кто знает, как бы сложилась судьба Анастасии Даниловны, Александра Михайловича и маленького Миши, если бы жалобе дали ход. По тогдашним законам за соительство с любовником при живом муже Анастасии Даниловне грозила каторга до 25 лет.

Крутой узелок этот неожиданно развязался. Кузнецов погиб на скачках. Нога коня попала в сурчиную нору, и всадник расшибся. Теперь ничто не мешало Александру Михайловичу и Анастасии Даниловне узаконить свои отношения. Сохранился редкий документ в родословной писателя — запись в церковной книге станицы Каргинской.

«29 июля 1913 года мещанин Рязанской губернии города Зарайска Александр Михайлович Шолохов, православного исповедания, первым браком, 48 лет.

Невеста Еланской станицы, вдова казака Анастасия Даниловна Кузнецова, православного вероисповедания, вторым браком, 42 лет.

Поручители по невесте крестьянин Тамбовской губернии Шацкого уезда Атиевской волости Козьма Кондрашов и мещанин Воронежской губернии, города Острогожского, Владимир Николаевич Шерстюков.

Совершил таинство священник Емельян Борисов и псаломщик Яков Проторчин».

Чуть позднее состоялось и усыновление Миши. «Мой отец усыновил меня». Метрические документы, как и о рождении, не сохранились.

Отныне он стал именоваться не казаком Кузнецовым, а сыном мещанина Шолохова. Эта раздвоенность — сначала «казак», потом «мещанин» была причиной долгих мучительных переживаний впечатлительного и ранимого мальчика.

Сословные различия в Области Войска Донского соблюдались ревниво и жестко. Казак — белая кость, мужик — черная кость. У первых — многие льготы и привилегии, вторые бесправны, они могли только арендовать казачью землю или батрачить. Так и рос великий писатель между казаками и мужиками, для обеих сторон — ни свой, ни чужой.

Эта раздвоенность и в то же время кровная связь с казачеством и ино-

городскими помогли будущему писателю глубоко осмыслить кровавую стихию Гражданской войны.

Кажется, сама природа выбрала Шолохову место, время, «годину смуты и разврата», чтобы миру явился «Тихий Дон».

«Я видел слишком много человеческого горя»

Шолохову доступны сокровенные тайны души ребенка и старика, женщины и уставшего на войне человека. Каким-то первобытным, языческим чутьем он

И говор древесных листьев понимал,
И чувствовал трав прозябанье...

Много человеческих страданий вместила его душа, много отозвалось в ней. И надломилось. Однажды в трудную минуту Шолохов признался: «Слишком много человеческого горя прошло через меня. Слишком для одного человека. Я уж стал гнущся».

Одна из самых близких друзей писателя, Евгения Григорьевна Левицкая (ей посвящен рассказ «Судьба человека»), в 1930-м году гостила в доме Шолохова в Вешенской и долго наблюдала молодого писателя в будничной, житейской обстановке. В общении с земляками, на охоте и рыбалке. Подолгу разговаривала с ним о жизни, о первых колхозах, о литературе и писателях. Ее поразили не по возрасту зрелый, умудренный опытом ум Шолохова, глубина понимания им человеческих отношений, способность мгновенно схватить суть человека и в двух словах охарактеризовать его.

Левицкая как-то заметила, что ее сын Игорь и Шолохов почти одних лет (Игорь старше на три года), Шолохов возразил:

— Да я в отцы ему гожусь по количеству пережитого... Ведь я с 15 лет самостоятельный человек, был продработником, судился в 20-м году за превышение власти, когда комиссарил в продотряде («шибко комиссарил»). В моей жизни были такие переплеты, что если бы начать рассказывать, много можно было бы наговорить... При моем участии отца моей теперешней жены (тестя Шолохова, бывшего атамана станицы Букановской Петра Яковлевича Громославского. — В.В.) приговорили к расстрелу, а мы после этого познакомились и поженились.

В 1919 году 14-летним подростком он стал свидетелем, а годом позже и участником Гражданской войны. Он видел начало массового уничтожения казачества. Расправы карательных отрядов красных над мирным населением хуторов и станиц. Бессудные расстрелы заслуженных стариков, священников, бывших офицеров, зажиточных казаков. Некоторые события почти с документальной точностью описаны в «Тихом Доне».

От каргинских казаков он услышал в подробностях о казни Подтелкова и Кривошлыкова и их товарищей в мае 1918 года в хуторе Пономарева. Был свидетелем Вешенского восстания в марте 1919 года. Видел смерть хорунжего Павла Дроздова в хуторе Плешакове (прообраз Петра Мелехова. — В.В.). И мечь его жены Марьи: она застрелила из винтовки пленного большевика, своего кума Ивана Алексеевича Сердинова (прообраз Ивана Алексеевича Котлярова в «Тихом Доне». — В.В.).

На глазах у подростка Шолохова генерал Сидорин вручал медаль и деньги Марии Дроздовой за героический поступок. Видел он и кровавую расправу плешаковцев над пленными красноармейцами.

Достоевский говорил, что описание состояния человека перед казнью он мог сделать психологически достоверно и убедительно, только побывав сам на плацу с завязанными глазами, пережив несколько ужасных минут ожидания смерти. «Ему казалось, что в эти пять минут он проживет столько жизней...»

Вспоминая годы юности, Шолохов скромно заметил: «Приходилось бывать в разных переплетах». «Переплеты» эти не раз дышали смертью в лицо. Приговоренный к расстрелу «за превышение власти», продинспектор Шолохов целую ночь, не смыкая глаз, сидел в холодной, ожидая смерти. К счастью, вовремя разобрались, и расстрел заменили двумя условными годами. И уволили со службы.

А под хутором Коньковом юный Шолохов угодил в лапы махновцев. Допрашивал его сам батька Махно. Хозяйка хаты разжалобила бандита, и он отпустил «вражененка», пригрозив повесить его в другой раз.

Воображение мое рисует молодого Шолохова тех лет, продинспектора, почти мальчика, синеглазого казачка, ловко и ладно сидящего в низком казачьем седле. Лицо его обветрилось, руки худые, почти черные от весеннего солнца; в глазах, по-орлиному цепких и быстрых светятся озорство, дерзость, живой и острый ум.

Нет, не бесследно прошли эти «переплеты», особенно ночь, проведенная в ожидании расстрела. Сколько жизней он прожил тогда? Какие бури пронеслись в его совсем юной душе, опаленной дыханием Гражданской войны?

Друзья

Шолохова знала вся страна, сотни людей, от рыбака-соседа до Сталина, общались с ним. Видные советские писатели Горький, Серафимович, Алексей Толстой, Фадеев, Панферов, Островский, Фурманов, Платонов высоко ценили шолоховский талант, со многими из них он сохранил дружеские отношения. Но очень немногих Шолохов называл друзьями. Их по пальцам перечесть. Много раз судьба испытывала Шолохова? Но она и хранила его, посылала друзей, которые помогли пережить самые трудные годы. От немыслимых «переплетов» и провокаций спасали друзья. Александр Серафимович, уроженец станицы Усть-Медведицкой, сумел угадать в 20-летнем пареньке будущего гения.

«Никогда не забуду 1925 год, когда Серафимович, ознакомившись с первым сборником моих рассказов, не только написал к нему теплое предисловие, но и захотел повидаться со мною, — вспоминал Шолохов. — Наша первая встреча состоялась в первом Доме Советов. Серафимович заверил меня, что я должен продолжать писать, учиться. Советовал работать серьезно над каждой вещью, не торопиться. Этот завет я старался всегда выполнять».

«Я очень люблю старика, — писал позднее Шолохов. — Это настоящий художник, большой человек, произведения которого нам так близки и знакомы. Серафимович принадлежит к тому поколению писателей, у которых мы, молодежь, учились. Лично я по-настоящему обязан Серафимовичу, ибо он первый поддержал меня в самом начале моей писательской деятельности, он первый сказал мне слово ободрения, слово признания».

Прочитав в рукописи первую книгу «Тихого Дона», потрясенный Серафимович скажет: «Вот это силища! Вот это реализм! Представьте,

молодой казачок из Вешенской создал такую эпопею народной жизни, достиг такой глубины в изображении характеров, показал такую глубочайшую трагедию, что, ей-богу, всех нас опередил! Пока это только первая часть, но размах уже виден».

В журнале «Октябрь» (где почетным редактором был Серафимович) рукопись «Тихого Дона» встретили в штыки, предлагали сократить чуть ли не вдвое. Только авторитет Серафимовича спас рукопись молодого автора. А в «Правде» появилась знаменитая статья: «Вспомнил я синеюще-далекое, когда прочитал «Тихий Дон» Михаила Шолохова. Молодой орлик желтоклювый, а крылья размахнул...»

Василий Кудашов — один из самых близких друзей Шолохова. Они одновременно появились в Москве в начале 20-х годов с мечтой о большой литературе. Вместе поступили на рабфак имени Покровского при Московском университете. Комсомолец Кудашов поступил, а некомсомольца Шолохова не приняли.

Более опытный в литературных делах Кудашов помогал Шолохову приобщиться к литературной жизни столицы, разобраться в сущности многочисленных литературных группировок, их бесконечных споров и стычек. Юношей объединяло чувство кровной привязанности к родной земле, к крестьянству. Бывало, ночи напролет они спорили о написанном, о «настоящих» и «ненастоящих» писателях. Теплоту и сердечность этой юношеской дружбы Шолохов сохранил на всю жизнь. При встрече 6 августа 1983 года Михаил Александрович, отвечая на мой вопрос о начале литературной работы, вспоминал о тех годах, о Кудашове.

— Молодость нас объединяла... Горячо жилось, и писалось горячо. Много было наивного, но школа «Молодой гвардии» запомнилась. Из молодых Кудашов был яркой личностью. И как человек, и как писатель. Были у него талантливые книги. Особенно роман «Последние мужики» и рассказ «Вукол».

С Кудашовым Шолохов делился замыслами «Тихого Дона», читал ему первые главы, советовался. К сожалению, не сохранилась обширная переписка друзей, она бесследно пропала в годы войны. Василий Кудашов погиб осенью 1941 года, пробиваясь из окружения вместе с остатками 32-й армии.

Евгения Григорьевна Левицкая познакомилась с Шолоховым в 1927 году в издательстве «Московский рабочий», где она заведовала отделом. Прочитав за ночь рукопись неизвестного автора, Левицкая (ей было тогда 47 лет) на всю жизнь стала самым горячим поклонником и другом Шолохова. Умная, проницательная женщина сумела глубоко понять и оценить душу Шолохова. Она стала нравственной опорой писателя на многие годы, до самой смерти в 1961 году. Шолохов называл ее второй матерью, «мамуношкой». История их дружбы — трогательная, волнующая и светлая история человеческих отношений. К счастью, сохранилась их переписка (около 40 писем) — документ потрясающей силы в биографии Шолохова. Силы духа, мужества и сострадания в самые трудные годы.

Петр Луговой и Иван Погорелов в буквальном смысле спасли жизнь Шолохова в 1937-1938 годах. Ростовские власти (обком и НКВД) устроили настоящую охоту на писателя. Арестовали как врагов народа ближайшее окружение Шолохова, руководителей Вешенского района, в том числе первого секретаря райкома Петра Лугового. К ним применяли средневековые пытки, шантажировали, заставляли дать показания против пи-

сателя. Кое-кто сломался, подписал ложные свидетельства. Выстоял Луговой. О том, как это было, Шолохов рассказал в письме к Сталину:

«Лугового с момента ареста посадили в одиночку. Допрашивали следователи Кондратьев, Григорьев и Маркович. Допрашивали до нескольких суток подряд, сажали на высокую скамью, чтобы ноги не доставали пола, и приказывали не вставать по 40-60 часов, потом давали передышку в два-три часа и снова допрашивали. Луговой выстаивал по 16 часов, руки по швам, перед следовательским столом. К вариациям допроса можно отнести следующее: плевали в лицо и не велели стирать плевков, били кулаками и ногами, бросали в лицо окурки. Потом перешли на более утонченный способ мучительства: сначала лишили матраца на постели, на следующий день убрали из одиночки кровать; чтобы предохранить больные легкие от простуды, т.к. лежать надо было на голом цементном полу (Луговой болен туберкулезом), он подстилал под спину веник, — взяли и веник из камеры. Затем против одиночки Лугового поместили сошедшего с ума в тюрьме арестованного работника КПК Гришина, и тот своими непрерывными воплями и криками не давал забыть в те короткие часы, когда приводили с допросов. Не помогло и это — перевели в карцер, но карцер особого рода. В наглухо приделанной к стене кровати кишели, по словам Лугового, миллионы клопов. Ложиться на полу строжайше воспрещали. Лежать можно было только на этой кровати. Но освещение камеры было так искусно устроено (затененный свет), что вести борьбу с клопами было абсолютно невозможно. Через день тело покрывалось кровавыми струпами, и человек сам становился сплошным струпом. В клоповнике держали неделю, затем снова в одиночку. Вымогание ложных показаний, «подавление психики» арестованных... Пора распутать этот клубок окончательно, т. Сталин! Да разве можно было бы годы жить под таким черным прессом? Страшный тюремный режим и инквизиторские методы следствия... Т. Сталин! Такой метод следствия, когда арестованный бесконтрольно отдается в руки следователей, глубоко порочен... не верится, т. Сталин!»

Бесстрашен Шолохов, бесстрашны и его друзья. Ивану Погорелову, инженеру из Новочеркасска, исключенному из партии, ростовские «вожди» дали задание войти в доверие к Шолохову, собрать, сфабриковать ложные свидетельства об антисоветской деятельности писателя и затем арестовать его. Погорелов согласился только потому, что хотел спасти Шолохова. Он предупредил писателя, написал письмо Сталину и скрылся от чекистов. В итоге (после рассмотрения дела Шолохова на Политбюро) писатель был спасен. Иван Погорелов после этого долгие годы работал секретарем Шолохова и оставил воспоминания о 1933 годе, об охоте на писателя.

Докажи, что не верблюд

30-е годы были поистине судьбоносными испытаниями для Шолохова. Кроме того, что он упрямо боролся за арестованных друзей и близких, писатель спас от голодомора десятки тысяч земляков, жителей Вешенского и Верхнедонского районов. Отсюда это горькое признание Евгении Григорьевне Левицкой: «Пишут со всех концов страны, и, знаете, дорогая Евгения Григорьевна, так много человеческого горя на меня взвалили, что я начал гнутья. Слишком много на одного человека. Если к этому добавить личные и прочие горести, то и вовсе невтерпеж».

В эти же годы шла упорная работа над «Тихим Доном» и «Поднятой целиной». Здесь тоже был «фронт», борьба.

Шолохов мог закончить «Тихий Дон» в 1930 году. Ведь в начале года третья книга была готова. Что помешало продолжить работу? Кроме известных событий (коллективизация, перегибы, беззакония и репрессии), где Шолохов оказался в центре борьбы с ростовскими властями, ему пришлось отстаивать третью книгу перед братьями-писателями.

Фадеев, один из вождей РАППа, прислал в Вешенскую свой отзыв о третьей книге. По сути, это был ультиматум руководства писательской организации. Или автор делает Григория Мелехова «своим», т.е. принявшим советскую власть, или роман, как антисоветский, не может быть напечатан. Неприемлемыми были названы и те главы, где описывалось Вешенское восстание, бессудные расстрелы красными стариков, почетных станичных судей, священников и т.д.

Точку зрения Фадеева разделяли не только вожди РАППа Ставский, Ермилов, Макарьев, но и Горький. Он считал, что Шолохов не разграничивает свои взгляды и взгляды Григория Мелехова. А кроме того, «биологически» привязан к традиционному казачьему образу жизни. А заместитель начальника ОГПУ Генрих Ягода прямо сказал Шолохову: «Ваш «Тихий Дон» белым ближе, чем нам». И еще: «А вы, Миша, все-таки контрик».

Шолохов пишет отчаянные письма Серафимовичу («Фадеев предлагает мне такие исправления, которые для меня никак неприемлемы») и Горькому («Десять человек предлагают убрать десять разных отрывков. Согласие на их предложение привело бы к сокращению трех четвертей текста»). Серафимович и Горький не отвечают.

О реакции Шолохова на ультиматум Фадеева мы можем судить по его письму Е. Левицкой 2 апреля 1930 года: «...Фадеев говорит, ежели я Григория не сделаю своим, то роман не может быть напечатан... Делать Григория окончательным большевиком я не могу. Лавры Кибальчича меня не смущают... Я предпочту лучше совсем не печатать, нежели делать это помимо своего желания, в ущерб роману и себе... Тон его письма безапелляционен: «Сделай Григория своим, иначе роман угроблен». Если за время опубликования «Тихого Дона» против меня сумели создать три крупных дела («старушка», «кулацкий защитник», Голоушев) и все время вокруг моего имени плелись грязные и гнусные слухи, то у меня вызывает законное опасение: «А что же дальше?» Если я и допишу «Тихий Дон», то не при поддержке проклятых «братьев»-писателей и литературной общественности, а вопреки их стараниям всячески повредить мне».

Одновременно с полемикой вокруг третьей книги «Тихого Дона» Шолохов бился за публикацию первой книги «Поднятой целины». В конце 1931 года писатель отдал рукопись в редакцию журнала «Новый мир». Первоначально роман назывался «С кровью и потом». Редакция потребовала значительных сокращений, в частности глав о раскулачивании. А также изменения названия романа.

Как известно, третья книга «Тихого Дона» и первая книга «Поднятой целины» были вскоре напечатаны по прямому указанию Сталина.

Литературная и политическая борьба вокруг Шолохова отодвинула завершение романов на долгие годы.

Сколько душевных мук и страданий пришлось пережить писателю, доказывая свою правоту! Красноречив анекдот, рассказанный Шолоховым Сталину после известного заседания Политбюро (по делу Шолохова):

— Бежит заяц, встречает его волк и спрашивает: «Ты что бежишь?» Заяц отвечает: «Как — что? Бегу, потому что ловят и подковывают». Волк говорит: «Так ловят и подковывают не зайцев, а верблюдов». Заяц ему отвечает: «Поймают, подкуют, тогда докажи, что ты не верблюд».

Почему вмешался Сталин? Откуда у него такой интерес и внимание к двадцатилетнему писателю? Вечная тема «поэт и царь» в отношении Шолохова сокрыта многими тайнами. Можно лишь высказать некоторые предположения. Сталин, безусловно, знал цену Шолохову, меру его таланта. Вся Европа уже читала «Тихий Дон» в переводах. Негативное отношение к роману могло повлиять и на авторитет вождя. Как известно, Сталину было далеко не безразлично, что написали о нем Лион Фейхтвангер и Ромен Роллан. Кроме того, Сталин еще до конца не разглядел и понял Шолохова. Горький, Серафимович, Алексей Толстой понятны, они уже все написали. Что напишут Фадеев, Панферов, Островский или Ставский, он знал наперед: что захочет он, Сталин, то и напишут. А вот «казачок» — загадка. Горяч, норовист, бесстрашен. Заступается за «врагов народа», спорит с ним, вождем. Без корысти, без оглядки на личную выгоду. Правдив и откровенен, как никто из окружения. Строптивного «казачка» надо держать поближе, он еще не развернулся, не раскрылся до конца. Он еще может написать, удивить. Да, надо держать его поближе. И чтобы он почаще оправдывался, доказывал, что не верблюд. А вождь будет справедливым судьей, миротворцем...

Были, наверное, и политические соображения. В разгар борьбы с Троцким и троцкистами «Тихий Дон» был важным свидетельством против перегибов расказачивания. И Вешенское восстание — как результат ошибочной политики Троцкого на Дону. Сталин таким образом брал Шолохова под свою защиту.

Пепел

Последняя тайна Шолохова — незаконченный роман «Они сражались за Родину».

Писатель с мировым именем, фронтовой корреспондент «Правды» и «Красной Звезды» Михаил Шолохов прошел войну от начала до конца, побывал на всех фронтах. Выезжал на передовую, общался с солдатами, присутствовал на допросах пленных немцев. Знал лично военачальников, генералов и маршалов. Написал несколько очерков и рассказов, один из которых, «Наука ненависти», имел огромную популярность среди солдат и офицеров. В 1943 году «Правда» напечатала главы из нового романа «Они сражались за Родину».

С этого времени писатель сосредоточенно работает над романом, расширяя и углубляя замысел. Роман задуман, как трилогия: первая книга — предвоенные годы и начало войны; вторая — битва под Сталинградом; третья — разгром и изгнание немцев из России.

Новые главы печатаются с большими промежутками: 1944; 1949; 1969 годы. Последняя, посмертная публикация — в 1992 году.

Дочь писателя, Светлана Михайловна Шолохова-Туркова, напечатала в журнале «Молодая гвардия» запрещенные брежневской цензурой тексты.

Общественный интерес к новому произведению Шолохова был огромный. Советские и зарубежные журналисты пытались узнать у писателя последние новости о его работе. Шолохов, как всегда, был скуп и немно-

гословен: «Это не так просто — написать правдиво о величайшей из войн. Задача писателя сложнее мемуариста. Я считаю, роман о войне будет написан несколько позже». В 1975 году писатель сказал, что завершение романа не за горами. Однако новых глав в печати не появилось. По Москве ходили слухи, что роман написан, его читают в Кремле и он вряд ли будет опубликован. По политическим соображениям.

О том, что происходило на самом деле стало известно много позже, после смерти писателя. В романе дается оценка репрессиям 30-х годов, деятельности Сталина. Тогда эта тема была запретной. Шолохов решил дать прочесть рукопись в ЦК. Возможно, как пробный шар. Об этом Шолохов говорил издателю Валентину Осипову:

— Послал я Брежневу рукопись романа... Там несколько страниц о Сталине. Подумал, что посоветоваться не помешает. Жду неделю, жду месяц, жду третий... Сталин за две ночи прочитал «Поднятую целину». Наконец посыльный из ЦК передает мне папку с романом. Я скорее раскрывать, а там — что? Письма нет, а по рукописи на полях три вопросительных знака. И все. Совсем без каких-либо пояснений-разъяснений...

И дальше.

— Что же мне делать? — продолжил Шолохов. — Вот, думаю, посоветовался. Ну, посчитал, проясню у Кириленко. Он был тогда, помните, вторым секретарем ЦК. Звоню — тут же соединили. Рассказываю, а он в ответ: «Это, дорогой Михаил Александрович, ошибка чья-то, но не Леонида Ильича. Я сегодня же, говорит, все проясню у Леонида Ильича. Вы через два-три дня позвоните. А сейчас я пошлю за вашей рукописью — вы верните ее. Приехали за рукописью очень быстро. Я, конечно, отдал. Звоню через три дня. Звоню всю неделю. Еще месяца два-три звоню. Нет и нет Кириленко. Так ни разу не соединили: то, говорят, проводит секретариат, то на заседании Политбюро, то в командировке... Наконец, нарочный доставляет пакет с рукописью. Я папку раскрыл — все в прежнем виде, ни письма, ни на полях ничего нового. Все те, прежние, три вопроса.

Кремлевские старцы рукопись, конечно, прочли, даже вопросы поставили. Но никто не взял на себя ответственность «разъяснить» Шолохову, в чем он не прав. Не дай Бог, «разъяснения» получают огласку, влипнешь в историю. И Брежнев, и его идеологи всячески уклонялись от встреч и телефонных разговоров с Шолоховым.

Дочь писателя, Светлана Михайловна, сохранила копию письма отца Брежневу. Оно весьма красноречиво:

«...Обещанный тобою разговор 7 октября не состоялся не по моей вине, и я еще раз прошу решить вопрос с отрывком поскорее. Если у тебя не найдется для меня на этот раз времени для разговора (хотя бы самого короткого), поручи кому сочтешь нужным поговорить со мною, чтобы и дело не стояло и чтобы оградить меня от всяких возможных домыслов со стороны буржуазной прессы, чего и побаиваюсь и, естественно, не хочу.

Найди 2 минуты, чтобы ответить мне любым, удобным для тебя способом по существу вопроса.

Я на Пленуме. Улетаю в субботу, 2.XI. Срок достаточный для того, чтобы ответить мне даже не из чувства товарищества, а из элементарной вежливости. Обнимаю! М. Шолохов. 30 октября 1968 года, г. Москва».

Брежнев не ответил. Уже из Вешенской Шолохов послал телеграмму с требованием вернуть рукопись. И вдруг как снег на голову — публикация отрывка из романа в «Правде». Изуродованная, с купюрами. О репрессиях и Сталине нет и следа. Так, пожалуй, с ним не обращались даже рапшовцы, даже Сталин.

С этого времени судьба романа была предрешена. Незадолго до смерти Шолохов сжег рукопись романа в камине. В этом «крематории», как его называла жена Мария Петровна, сгорели многие бумаги, письма, черновики.

Осмысление Шолоховым-художником Великой Отечественной войны 1941-1945 годов было трудным и сложным процессом. Прежде всего, писатель увидел огромные жертвы и страдания простого народа. Отступление и гибель в окружении сотен тысяч солдат в первые годы войны. Ошибки и волюнтаризм Верховного командования. Предательство сталинского режима по отношению к нашим военнопленным, людям, оказавшимся на оккупированной немцами территории.

Роман, который писал Шолохов, не только расходился с официальной оценкой войны, — он мог взорвать общественное мнение, повлиять коренным образом на политическую ситуацию в послевоенной стране. Однажды писатель признался своему секретарю Федору Шахмагонову:

— Как не понять: если я напишу о войне как я ее вижу — и рукопись исчезнет, и я исчезну...

В последние годы жизни Шолохов мучительно раздумывал: как быть с романом? Опубликовать невозможно. Оставить в письменном столе, чтобы после смерти взорвалась «бомба», не захотел. Лавры посмертного «диссидента» его не прельщали. С юности принявший идеалы революции, советскую власть, он открыто и честно служил им всю жизнь.

Выход один — камин. Пепел. Писатель взял на себя большой грех. Наша литература потеряла последнее творение великого писателя.

БОЖИЙ ЧЕЛОВЕК

У меня много записей разных лет о Борисе Примерове. После его кончины я стал собирать и обдумывать свои заметки. Образ Примерова не давался, ускользал. Я не мог соединить внутренний мир поэта с его бытовой безалаберностью, нелогичностью, неприкаянностью. Многие люди из его окружения понимали его, как Божьего человека. Жалели, подыгрывали ему, подтрунивали. Никогда не говорили, тем более не спорили с ним без снисходительной улыбки.

Плохо говорит, заикается, слюни текут в бороду. Смеется-захлебывается, подвывает. Ходит боком, привлекает ногу. Что с него взять? Он и остался в восприятии современников, как Божий человек. Стихи же у нас читают мало, еще меньше перечитывают и думают.

Примерову повезло после смерти. На родине, на Дону его помнят и чтят. Есть маленький музей. Есть библиотека его имени, каждый год в станице Мечетинской проводятся Примеровские чтения. У школьников складывается свой образ поэта. Красивого, голубоглазого, певца своей земли, любившего цветы, мать, майскую степь, рассветы и лошадей. Сродни златоглавому Есенину или кудрявому Блоку. Что ж, слава Богу! Это лучше, чем забвение. Сколько замечательных поэтов, современников Примерова, канули безвестно, забыты навсегда, могилы заросли чернобылом...

В 1998 году я говорил с бывшей женой Примерова Надеждой Кондаковой. Многие и сегодня считают ее повинной в смерти поэта. У нас давно повелось во всех несчастиях писателей винить их жен. Не берусь и не хочу говорить об этом. Помню глаза Кондаковой, глядящие на меня в упор:

— Можно ли было остановить вулкан?

Я потом часто вспоминал ее слова и, кажется, глубже понял Примерова.

В годы войны маленького Бориса контузило. Взрывная волна от авиационной бомбы шмякнула его об стенку сарая. Мальчик остался инвалидом. В дальнейшем контузия эта спасала и сохраняла нам поэта.

С детства он был амбициозен, ревнив и задирист. От чрезмерных эмоций случались припадки. Судьба хранила его. Среди богемы в Литературном институте. В хмельных поэтических застольях. В непримиримой вражде литературных группировок. В бесплодной зависти ближайших друзей.

Борис привык к поведению Божьего человека. Маска приросла к лицу. В жарких спорах, в идейных дискуссиях куда ему было до речистых ораторов! Он никогда не выступал на собраниях, пленумах, съездах. Сидел, подремывал, томился и помалкивал. Эмоции прорывались только в близком кругу. Иногда посередине шуточного товарищеского разговора вскакивал, мотал головой и делал отмашку рукой:

— Дерьмо!

— Что дерьмо? Кто?

— Все дерьмо!

И уходил раздраженный, сильнее обычного приволакивая ногу.

Если же ему что-то нравилось в разговоре, в самой компании, он светился от счастья и, захлебываясь, говорил:

— Гениально!

— Что гениально, Боря?

— Все гениально!

Если бы ранимый и чувствительный Примеров принимал активное участие в поэтической богеме и все воспринимал бы близко к сердцу, мы рано бы потеряли поэта. Страсти в нем кипели нешуточные. «Вулкан». Божий человек спасал его.

Потертый засаленный пиджачок, мятые штаны, не чесан и не мыт как следует. Детская улыбка, грустные глаза. Кто бы поверил, что перед нами воочию один из лучших лирических поэтов России!

Я стучу о ржавый короб
Трав осенних, серых плит.
Я голодный тощий голубь,
Высотой своей убит.

Художественное мышление Примерова было глубоко, предметно, прозорливо. Он был книгочей и знаток среди знатоков. Это знала вся литературная Москва. У него брали справки, консультировались литературоведы и критики. Читал наизусть Державина и Тредиаковского, Ломоносова и Аввакума.

Мы не были друзьями с Борисом, но дружески общались много. Приезжая в Ростов, Борис обязательно заглядывал в журнал «Дон», где я был тогда главным редактором. Давал новые стихи, рассказывал московские новости. Помню разговоры о Шолохове. Примеров высказал мысль, что

«Тихий Дон» не проза, а эпическая поэзия, музыка. И стал развивать ее горячо, страстно.

— По форме, может быть, симфония. С колокольным звоном, с молнией и громом, с хоровым пением, с жаворонком, с ревом бури и тенором канарейки. Читай вслух — каждое предложение законченная музыкальная фраза. Музыка и синтаксис!

— Как «Слово о полку Игореве».

— Как «Вечера на хуторе...», как «Вий»...

И пошло! Мы щелкали, как соловьи.

Принес он мне как-то одну московскую газету с публикацией своей статьи о «Тихом Доне». Вернее, о женских образах в «Тихом Доне». Я подивился примеровской трактовке. Суть в том, что автор обвинял Аксинью и Дарью в распущенности, в разрушении семьи. И — как символ, в разрушении казачества, державы.

— Дарья бесплодна, Аксинья разрушила две семьи. У Шолохова просто так ничего не бывает.

Я возражал. Ведь образы Аксиньи и Дарьи поистине шекспировской силы. Характеры, красота, очарование...

— Бесплодная красота, вредная красота!

Его, пережившего женскую измену, я не мог переубедить. Нотки женоненавистничества все чаще проскакивали в его взглядах даже на знакомых женщин.

Борис однажды жил у меня на даче в Рогожкине несколько дней. Он очень внимательно осматривал нехитрое хозяйство, расспрашивал, близки ли грунтовые воды и заливает ли участок при низовых ветрах. Есть ли дома на продажу и сколько стоят. Потом рассказал свою историю.

Кажется, вначале 80-х годов он решил уединиться на родине, где-нибудь на берегу Дона, в глухом хуторе. Ростовские друзья посоветовали ему хутор Донской, близ Азова. Борис купил настоящий казачий курень с летней кухней, с сараями, с большим огородом. Работал с желанием, с азартом. Посадил картошку, помидоры, огурцы, тыквы, кукурузу. Завел два десятка кур, десяток уток. Зажил по-крестьянски, радовался каждому дню. Ему позавидовал бы граф Толстой. Забыл про Москву, про измену. Может быть, и началась бы новая жизнь для поэта. В глуши, на острове, где звери и птицы не боялись человека. Где восходы и закаты солнца превосходили по красоте и торжественности любой московский театр, любое действие, созданное человеком.

Не знал, не учел Борис разрушительной силы близкого моря, Таганрогского залива. Когда издалека от турецкого берега задувал западный ветер, то черноморская волна нагоняла, давила и поднимала азовскую воду, устье Дона. Среди лета или среди зимы Дон выходил из берегов и затапливал близлежащие хутора и станицы. Хутор Донской первым встречал разрушительную низовку и по самые крыши оказывался под водой.

Однажды Борис стал свидетелем потопа. Едва живой от страха он почти сутки просидел на чердаке. Молился, читал стихи. Прощался с жизнью, видя вокруг себя пенистые буруны и слыша заполошные крики женщин, плач детей.

Он уже не хотел жить в хуторе и вскоре продал обветшавшее и запущенное после потопа подворье за бесценок.

Последним пристанищем для поэта стал небольшой домик в подмосковном Переделкине. Борис рассказывал, как он получил эту дачу.

— Вызвал меня Суслов, член Политбюро, на Старую площадь, в свой кабинет. Долго разглядывал меня, я разглядывал большой кабинет с книгами.

— Ваш талант нужен советскому народу, — сказал Суслов. — Мы решили поддержать и поощрить ваше творчество. Вам выделяется дача в Переделкине. Работайте на благо народа. Есть одно пожелание: у вас в стихах присутствуют религиозные мотивы, надо избегать этого.

— Вы считаете, что бога нет? — наивно спросил Примеров.

— Бога нет! — мрачно сказал Суслов.

— Зачем же бороться с тем, кого нет?

На этом аудиенция закончилась. Примеров был причислен к полезной для советской культуры когорте.

Божий человек знал себе цену. Хорошо знал также, кто чего стоит в современной поэзии. Всего три-четыре имени называл, выделял из сонма стихотворцев. В том числе Николая Рубцова, однокашника по Литинституту, соперника в творчестве. Они шутя-серьезно состязались, ревниво следили друг за другом. Почти одновременно закончили институт, одновременно выпустили первые, вторые и третьи книжки. Печатались в одних изданиях. Оба неприкаянные, незащитные пилигримы. И погибли оба безвременно, безрассудно. Оба стали большими русскими поэтами.

Женился Примеров по любви, я слышал это от самого Бориса и от его жены Надежды Кондаковой. Любви страстной, может быть, даже преувеличенной Борисом.

— Борис читал мне наизусть Державина, — вспоминала Надежда Кондакова, — я отвечала Державиным. Он — «Фелице», я — «Бог», он «Снигирь», я — «Водопад».

Державин привел их под венец. Борис выбрал самую красивую девушку в Литинституте. Я видел Надю тогда, в начале 70-х. Высока, стройна, черная коса заплетена по-старинному, до пояса. И умна, и талантлива. Борис в брачном оперении токовал, как глухарь. Он был счастлив, он жил на небе.

Увы, семейная жизнь не удалась. Жена ушла к другому.

Были у Бориса связи с другими женщинами? Наверное, были. Мимолетно и тускло. Они не нашли отражения в его жизни. Я был свидетелем одного увлечения Примерова в Ростове. Это было в начале 80-х. Он выбрал самую красивую девушку. Высокую волоокую красавицу с иконописным ликом. От нее исходило сияние. Она писала стихи, начинала печататься в Москве, Примеров способствовал этому. Сочиняла музыку на свои стихи и пела под гитару высоким сопрано. Пела в клубах, библиотеках, в студенческих общежитиях. Сольные концерты проходили в филармонии. Ее знал весь Ростов. Я не омрачу ее памяти, назову только инициалами И.Б. Умерла она совсем молодой.

Однажды я встретил И.Б. в Ростиздате заметно расстроенной. Спросил, в чем дело. Мы были друзьями.

— Мне нужно поговорить, иначе сойду с ума.

В больших влажных глазах какая-то очумелость. Вышли на балкон.

— Ты хорошо знаешь Примерова?

У нее дрожал голос.

— Я не могу даже пересказать... Он предлагал мне жить с ним. Я не стала даже слушать. Тогда он стал угрожать и оскорблять... Боже, что он говорил! Я убежала, не помня себя.

Бедная И.Б. попала не в добрый час. Однолюб Примеров переживал

семейную трагедию и пытался ухватиться даже за соломинку. О любви к И.Б. не было речи, ему нужна была жертва, любовница. Он не понял, что попал на редкий экземпляр порядочности и целомудрия. И.Б. натура хрупкая, восторженная, обожествляющая поэзию и творца. Услышать же из уст обожаемого творца матерщину было равносильно катастрофе. Нечто подобное и произошло. Бедная И.Б. перестала петь и появляться на литературных мероприятиях. Много позже я случайно встретил И.Б. на улице. О Примерове — ни слова. Она торопливо рассказала о себе. Вышла замуж, родила дочь. Муж научный работник. Она работает учительницей, все у нее хорошо. Но не было света в глазах, уверенности в голосе. Вскоре она умерла от рака.

Борис Примеров был сражен, сломлен распадом страны. Еще кровоточила семейная драма. Он продолжал писать, но стихи походили на плач, на прощание. «Боже, верни мне советскую власть». Последнее, что оставалось — попробовать примирить бушующий Крокатау в груди с тектоническим разломом эпохи. «Розу белую с черной жабой я хотел на земле повенчать». Примирить по-есенински. И сломал себе горло.

ЖИТИЕ КУЛИКОВА

Его буйные очи, вольный чуб и шелковые черные усы впитали в себя и половецкую степь, и нравы донских атаманов. И упорство, изобретательность и ловкость первых поселенцев старинных Семикаракор. Он был рожден в среде мятежной, горячей и побеждающей. Казак станицы Семикаракорской, поэт Борис Куликов.

Он и шел по жизни, как победитель. Ставил перед собой самую высокую планку. Печатал стихи в самых престижных изданиях. Выдвигался на Государственную премию. Снимался в художественных фильмах «Емельян Пугачев» и «Мой ласковый и нежный зверь». Баллотировался в Верховный Совет России (недобрал буквально считанные голоса). Очень хотел получить орден за литературные заслуги, укорял власти: «... лишь поэт без ордена».

Придумал новый проект для получения вожделенного ордена: поэт на комбайне. Колхоз пошел навстречу, дали Куликову почти новую «Ниву». Он загодя стал готовить машину. Все проверил, заменил ремни, подшипники, смазку. Не позволял себе расслабиться, отказался от спиртного. Готов был сидеть за штурвалом по 20 часов в сутки. И — рекорд, только рекорд! Он возьмет свой орден!

Но, увы, увы... Видно, крепко хранила судьба Бориса Куликова для поэзии, для литературы. По дороге от машинного двора до пшеничного поля поэт как-то рискованно вильнул и опрокинул комбайн в глубокий кювет. Ремонтировать покореженную машину не было смысла.

В июле 1983 года при моей встрече с Шолоховым, он поинтересовался, что слышно о Куликове. Я коротко рассказал о новых публикациях поэта, о его актерском дебюте. О днях поэзии в Семикаракорях. Упомянул и о казусе с комбайном. Шолохов рассмеялся:

— Казак! Настоящий казак!

Вопрос Шолохова о Куликове не случаен. Великий писатель принял непосредственное участие в его судьбе. Анатолий Калинин рассказывал:

— Как-то ранним утром раздался звонок из Вешенской. — Толя, — слышу голос Шолохова. — Ты не знаешь молодого стихотворца по фамилии Куликов?

Я запомнил одну публикацию в молодежной газете и сказал Шолохову об этом.

— Прислал мне большое письмо, целую тетрадку. Пишет из тюрьмы, попал за драку. По письму видно, парень талантливый...

Вскоре после этого в Пухляковский приехал сам Борис Куликов. Молодой, картинно живописный, радостный, возбужденный: «Папа, меня сам Шолохов заметил! Выручил меня!» С тех пор мы подружились, и я по-возможности всегда поддерживал его.

Куликов любил Калинина, считал его своим учителем. «Папа» — это от любви, от восторга.

Калинин своим аскетическим образом жизни стеснял Куликова. Не пил, не курил, был домоседом и однолюбом. Незримо обозначалась дистанция, красная черта, за которую мудрый старик не пускал не только Куликова, но и людей более близкого окружения.

Куликов и Закруткина называл «папой», но более приземленно, простецки. Закруткин, принимая игру, окрестил его «подкидышем». Вместе они могли выпить, горячо поговорить, всласть попеть казачьи и украинские песни, оба были замечательными «песельниками». Закруткин по-своему строго и ревниво следил за «подкидышем», мог отчитать и выволочку устроить.

Оба «папы» были беспрекословным авторитетом для Бориса Куликова. В его бурной, полной приключений и драматизма жизни знаменитые земляки служили поэту нравственной опорой, мерилем совести и человеческого достоинства. Куликов умел быть благодарным, он по-сыновьи почитал своих старших соседей-товарищей.

Борис Куликов не успел в полной мере реализовать себя, как писатель. Тяжелая болезнь и ранняя смерть остановили полет этого талантливого жизнелюбивого и вольного человека. Но он создал свою неповторимую страницу в истории современной литературы. Его поэзия — это Семикаракоры, Донщина, родное пепелище, народная разговорная речь, казачья прямота и афористичность мысли. Его проза — это народные характеры, казаки, экстремальные жизненные ситуации, ярко выраженная нравственность, жажда любви и правды. Все эти качества характерны и для самого автора. Его книги — житие Куликова, им самим написанное.

Ему дано было сильно чувствовать и переживать, отчаянно любить и разочаровываться, заблуждаться и каяться. Он не знал середины. Или — или! При этом, не щадя живота своего. В его больших карих глазах мерцал антрацитовый блеск азарта, дерзости.

И он дерзал. В конце семидесятых Куликов проявил себя незаурядным публицистом. Его очерки о людях, о проблемах села печатались в областных и центральных газетах, в журналах и сборниках. В том числе и в главной газете страны — «Правде». В «Литературной России» Куликов печатает немислимую по тем временам критическую статью «Кто есть районщик». О стиле руководства и об ошибках первого секретаря Семикаракорского райкома КПСС, члена обкома. Куликов стрелял по штабам, по неприкасаемым, по району, где сам родился и жил. Где его жизнь зависела от районных властей. Такого в районе не было никогда!

Статья пошла по рукам, наделала шуму. Закруткин позвал Куликова и с порога прошипел:

— Ты что, очумел?!

— Папа...

— Беги из станицы! Беги на месяц, на два, на полгода! Ни я, ни Калинин... Даже Шолохов не поможет!

Туго пришлось Куликову. Он был вычеркнут из жизни района, перед ним закрылись двери всех учреждений, кроме милиции. Несколько раз его задерживали, и он ночевал в кутузке. Друзья из отдела культуры избегали на людях здороваться с ним.

Долго продолжалась опала. Однажды утром Борис услышал новость по радио: хозяина района сняли за приписки. Куликов рванул к Дону, прыгнул в плоскодонку. Через несколько минут он кричал под окнами Закруткина:

— Папа, дай микроскоп!

Закруткин вышел на крыльцо, позевывая.

— Чего орешь?

— Дай микроскоп, говорю!

— Зачем тебе, дураку, микроскоп?

— Где эта гнида, папа? Дай разглядеть в микроскоп! Где член, папа?

Покажи!

Закруткин принял новость спокойно.

— Давно к этому шло...

И прочитал Куликову нотацию, как вредно плевать против ветра. Позвал в беседку.

— Пойдем посидим, обсудим.

Я был в гостях у Бориса в начале 80-х. В качестве корреспондента газеты «Советская культура» готовил большую беседу с писателем под популярной рубрикой «Взгляд из провинции». Перед этим в газете прошли публикации с Калининским и Закруткиным.

Борис только вселился в новый двухэтажный коттедж, подаренный районными властями. Это был знак признания земляков. Поэт был в расцвете сил, у него намечались большие планы. Работал он с пяти утра и до обеда. Книжки выходили одна за другой. В издательстве «Правда» отдельным изданием вышла получившая всесоюзную известность повесть «Облава». Ростиздат выпустил однотомник прозы с предисловием Виталия Закруткина. В издательствах «Современник» и «Советская Россия» готовились к изданию книги стихов.

В самом разгаре шла работа над романом «Кондратий Булавин». Борис работал в архивах, читал, делал выписки из редких книг, исторических хроник. Я впервые увидел у него прижизненные издания трудов донских историков В.Д. Сухорукова, Е.П. Савельева, писателя и историка Дона Петра Краснова, одного из первых поэтов Дона Е. Кательникова.

Поэт, библиофил и знаток книги Борис Примеров был одним из близких друзей Куликова. Он говорил, что в Ростове только три-четыре частные библиотеки, по богатству и уникальности сопоставимые с библиотекой Куликова.

Борис показал мне свою библиотеку. Было чему удивиться. Кроме вышеперечисленных раритетов здесь были собраны русская классика XVIII—XX веков, прижизненные издания Некрасова, Полонского, Блока, Маяковского, Есенина, донские и кубанские авторы прошлого века. Книжки с автографами Владимира Солоухина, Михаила Дудина, Егора Исаева, Анатолия Передреева, Николая Рубцова, Юрия Кузнецова, Анатолия Парпары. Многих он знал лично, и многие приезжали в Семикаракоры.

Треть обширной библиотеки занимали мемуары и историческая литература, справочные издания.

Борис Куликов много читал, много думал, стремился не отстать, быть с веком наравне. Говорю об этом потому, что много слышал от «друзей» поэта только о застольях и кураже, о пьяных похождениях и приключениях.

Куликов не вписывался, ломал все привычные рамки представления о нем. Он равно и с жадностью общался с семикаракорским трактористом и с командующим Северо-Кавказским военным округом, с писателем Владимиром Солоухиным и с начинающим стихотворцем Никоновым, с секретарем обкома и с кукурузоводом Горожаевой.

Тогда же в своей библиотеке на втором этаже Борис с горечью говорил о своих товарищах-ростовчанах:

— Наши братья-писатели невежественны, мало читают, мало знают. Посмотри на рифмы поэтов С. или К. Примитивно, убого. Словарный запас мизерный. Никакого понятия о культуре стиха! И нет желания учиться.

Общение с Куликовым не закончилось в его библиотеке. Поэт пригласил меня в станицу Новозолотовскую, где была намечена встреча с читателями-земляками, творческий вечер. Борис надел отутюженные светлые брюки с плетеным ремнем, белую нейлоновую рубашку с запонками, обулся в кожаные мокасины. Взял под мышку гармонь-двухрядку, сунул в карман томик стихов. В условленное время подъехал автоклуб.

Во Дворце культуры собралось человек сто, и еще подходили женщины с детьми, школьники, пожилые люди. Подошел председатель сельсовета из Семикаракор, из отдела культуры приехали две молодые женщины. Председатель сельсовета поднялся на сцену, сделал несколько объявлений о закупках молока у населения и предоставил слово Куликову. Борис стремительно вышел на середину, поставил гармонь на столик и поднял руку:

— Здравствуйте, мои дорогие!

С этого мгновения я увидел другого Куликова, и уже не мог оторвать глаз. Борис был статен, порывист, удаль и прямота светились в глазах. Его голос, жесты завораживали внимание, он по-хозяйски брал в свои руки зал, незримо подчиняя его своему обаянию. Он был тамадой, заводилой, первым парнем...

Кто я такой?

Казак донской, станицы Семикаракорской!

Он читал, говорил, как говорят в своей семье, среди своих, близких. И его слушали, как брата, как сына, как своего представителя в большой культуре. Борис понимал это, чувствовал поддержку и любовь земляков. Гордость светилась в его осанке, осознание силы в легком движении плеч.

Уверенно берет в руки гармонь, пальцы бегут по клавишам.

Из-за Дона песню выведу,

По России поведу...

И — стремительный перепляс:

Пели!

Пили

И хмелели

На веселье! В добрый час!

Чтобы каждый гордо понял,

На своей земле живем!

И — овалция, рев восторга. В моей памяти он и остался таким, на сцене, в станичном клубе. Молодым, в белой рубашке, с гармошкой. Грубоватый бас с хрипотцой:

— Здравствуйте, дорогие мои!

Земляки любили своего поэта. Гордились им.

.... Хоронили Бориса Куликова морозным и снежным мартовским днем 1993 года. От районного Дворца культуры до кладбища гроб несли на руках. За гробом до самой могилы шли сотни людей. Среди них ростовчане, москвичи. Скорбели все Семикаракоры. Это были народные похороны. Борису было всего 54 года.

Сегодня в центре Семикаракор, рядом с Дворцом культуры на гранитной колонне стоит небольшой бюстик поэта. Решением местных властей земляки увековечили память о своем певце.

РОДИЧИ

Два норова, два антипода, ярко выраженные, и очень похожие в озорстве, обидчивости, жажде первенства. Писатели, друзья и кумовья, аристократы игрищ и забав. Они жили весело, ненасытно, шумно на виду, горько в одиночестве. С метафорой-молнией, с крепким глаголом. Они любили жизнь, коловорот быта, друзей, вино и общение.

Кум Гриценко, на взгляд Коркищенко, был слишком педант, законник и буквоед. Кум Коркищенко, по оценке Гриценко, не знал меры, любил приврать и приукрасить. Поэтому кумовья частенько поругивались, пошучивали друг над другом.

В застольных беседах Коркищенко смачно читал самоэпигramму своего кума:

От Кашар и до Ростова
Где найти еще такого:
Лысого, мордатого,
Рифмами напхатого...

Кум Гриценко, перед тем, как читать, вставал, сосредоточивался, щеки наливались краской, на блестящей лысине надувалась шишка. Он опускал голову, закрывал глаза и поднимал руку.

— Я скромный человек,
Я тоже был поэтом, —
Коркищенко сказал,
Смакуя рыбью кость. —
Я бондарь и минер,
Мне хвастать смысла нету.
Я в эту жизнь забит,
Как в стену ржавый гвоздь!

Кум Коркищенко высок, худ, ладно скроен; кум Гриценко невысок, широкогруд и крепко шит. Алексей — дитя свободы, он не мог жить по распорядку, каждый день ходить на работу. По молодости голодал, перебивался мелкими гонорарами, но упрямо жил вольным художником. Анатолий всю жизнь работал и не мыслил себя бесхозным, беспривязным, без хомута, без зарплаты. Один — птаха Божия, мечтатель, небожитель. Другой — трудолюбивая пчела, строитель, домосед и хозяин. В одном они сходились и были одинаковы. В любви к поэзии, к литературе. Наслаждались словом, купались в звуках и запахах пушкинских строк, шолохов-

ской поэтики. Могли часами читать наизусть классиков и, к удивлению многих, хорошо знали, что и как пишут товарищи. К халтуре, неряшливости в стиле относились, как истинные мэтры.

— Не гони строку! — сурово говорил Гриценко.

— Это меня не кузюкает! — заключал Коркищенко, возвращая рукопись.

В одном из хуторов на нижнем Дону кумовья заимели дачи. Гриценко поставил панельный домик. Коркищенко с помощью знакомого полковника притащил на участок военную будку на колесах. Земля у Гриценко превратилась в цветущий сад и образцовые овощные грядки. Гости удивлялись обильному плодоношению во саду и огороде. Охотно пили домашние напитки за здоровье хозяина. Ревнивец кум, однако, всегда поднимал тост за хозяйку.

— Без Тамары тут бы не цвело и не пахло. Кум больше теоретик, а на грядках Тамара с тяпкой.

Коркищенко на своем участке неутомимо вел опыты и эксперименты. Много сил тратил на культивирование в диком пойменном грунте экзотических корешков и саженцев, лекарственных трав и злаков.

Однажды в майский день позвал меня под навес за столик перекусить. На деревянном подносе среди молодой зелени лука, черемши и салата крутобоко рдела подстриженная редиска. В запотевшей бутылке плавали желтые волосатые корешки, водка отсвечивала перламутром.

— Будем! — ласково пригласил хозяин и, опрокинув рюмку, посмотрел на меня. — Чем пахнет?

— Опилками, — сказал я, поморщившись. И похвалил. — Хорошо пошла!

— Это золотой корень, трехлеток. У него все качества женьшеня.

Алексей показал место, где кустилась целая полянка чудо-корня.

— Аптечное название — родиола розовая. Корень набирает до трехсот граммов.

Алексей набил голландскую трубку голландским табаком, раскурил и, мечтательно зажмурил глаза, поделился планами.

— Будем богатея потихоньку, пуф, пуф, пуф... Завтра пойду к куму Гриценко, пуф, пуф... Он обещал объявление в «Крестьянине» напечатать. Пуф, пуф... Десять соток отведу под плантацию.

Гриценко работал в газете «Крестьянин» и раза два в месяц печатал заметки Коркищенко о лошадях, в том числе его известные «Лошадиные истории». Главный редактор уважил постоянного автора и бесплатно дал объявление о рассылке по почте золотого корня. Через месяц в почтовый ящик Коркищенко посыпались заявки со всех концов России. Алексей реализовал корешки и заложил новую плантацию на десяти сотках. Замаячил призрак капитала.

Плантатор ходил по участку в мексиканской шляпе, малиновых шортах и пускал благоуханные облачка из голландской трубки: пуф, пуф, пуф...

Вскоре Гриценко позвонил куму и попросил срочно зайти в редакцию. Встретил его в кабинете стоя и держа на вытянутой ладони человекообразный корешок.

— Ты обманываешь людей по почте!

Наверное, только у понтифика может быть такой голос, бесстрастный и беспрекословный.

Кум укоризненно смотрел в глаза своего кума. Шишка на его лыси-

не набрякла и увеличилась. Коркищенко шумно глотал слюну, дрожащей рукой искал сигарету, внезапная икота мешала ему спросить, в чем дело.

А дело было в том, что настоящий Золотой корень, привезенный с Алтая, приживается на Дону, но затем перерождается в сорняк при всем очевидном сходстве с оригиналом. Сорняк этот известен каждому садоводу под названием Очиток. Его стали продавать на рынках, выдавая за алтайский чудо-корень. Об этом рассказал заглянувший в редакцию «Крестьянина» профессор из аграрного университета. Гриценко не поверил профессору и показал корень известному садоводу-любителю.

— Очиток, — без колебаний подтвердил тот.

Коркищенко болезненно и молча выслушал принципиального кума. Перестал икать, по-детски улыбнулся:

— Профессор... Очиток... Дураки вы все!

Полгода кумовья не общались.

После размолвки Гриценко первым появился в урочище друга. Как и прежде они шумно сидели за столом, пили виноградное вино, закусывая вяленым чебаком.

— Ты знаешь, кум, — говорил Коркищенко, подливая вино в стаканы, — я решил выращивать девясил. Он полезнее золотого корня, прекрасно растет в домашних условиях. За три года корень набирает до килограмма весу. Бог меня любит. Сегодня я закончил эротическую повесть «Аинька». Это пиршество женской плоти. Объединение! Хочу, чтобы ты почитал.

— Гм, гм... — Гриценко пожевал плавничок. — Я прочитал эротическую повесть «Эммануэль». Как дерьма наелся, тьфу! Извини, не хочу больше. Давай выпьем за хутор Рогожкин и за нашего друга поэта Леонида Дьякова, который сосватал нас в этот хутор.

Друзья выпили, обнялись и поклялись помирать в Рогожкине, коль случится помирать.

СЛОВО ЦЕЛОВАЛ В УСТА

Он всю жизнь писал автопортрет. Житие, Четьи-Минеи своей очарованной души. Писал свои мысли, мечты, искушения, ощущения. На его домотканом холсте — вопли радости и удивления, немота и самоистязание, замороженность и очумелость. Я не знаю другого примера в поэзии, когда жизнь поэта столь самозабвенно растворилась в стихах. Мудро и поучительно. Подробнейшая лирическая исповедь. Поэт ловил мгновения и не упустил ни одного движения души. Он выткал холст, где каждая нитка выпрядена его пальцами. Писал языком своего бытия.

Отношение к слову у Даниила Долинского коленопреклоненно, молитвенно.

Он «слова целовал в уста». Душа полна восторгом: «Ах, как сладко отдаться бумагомаранью...»; «Пью нектар оттаявших криниц». Так мог говорить только человек трепетной и чуткой души, большой мастер. Его стихотворение «Высокий слог» — шедевр русской поэзии.

Удивительно, но сам поэт оценивал себя скромно, приземлено, с самоиронией. Он кладет слова «почти на грани мастерства и зрелости на грани». Это, пожалуй, самая высокая самооценка. Он «ростом мал», «седовласый юнец», «старик с младенческими глазами». Однажды Даниил Маркович пошучивал над очередной наградой литературного начальни-

ка. Играл, жонглировал словом «орден» и неожиданно замкнул его на себе: «Я не орденосец, я сердценосец».

Позже он отчеканил этот афоризм в стихотворении.

При этом в общении с орденосцами, с людьми, облеченными властью Долинский как-то терялся, поживался, играл в протаска, в «маленького человека». Я видел его в общении с орденосцами Николаем Доризо и Давидом Кугультиновым. На него действовала магия имен. Он почтительно соблюдал дистанцию. И при том, что он искренно уважал этих людей, он еще и обманываться был рад. Будучи главным редактором журнала «Дон», отклонил небольшую повесть Николая Доризо и поэму Давида Кугультинова о генной инженерии. Мэтры имели слабость печатать в региональных журналах вещи, которые отклоняли в столичных журналах. Помню бурную реакцию Долинского (он заведовал поэзией в редакции):

— Это ошибка! — голос срывался на фальцет. — Это имена! Классики! Они не простят журналу!

Вспоминая этот эпизод, улыбаюсь. Милый Долинский! В тебе до глубокой старости жило юношеское благородство: переоценивать других и недооценивать себя. Перечитав подаренный тобой двухтомник, я утвердился в давнем мнении. Поэт Долинский на голову выше своих орденосных друзей.

Становилось грустно, когда видел стареющих безмянных стихотворцев, разговаривающих с поэтом запанибрата, похлопывая по плечу. Впрочем, графоманы все же не портили ему кровь. Ходивший в друзьях местный «классик» методично унижал поэта, играл на его доверчивости. Долинский мучился, страдал физически. Вздыхая, подобно гоголевскому Акакию Акакиевичу, повторял, жалуясь:

— За что он меня обижает!

И удивленно смотрел «младенческими глазами». Он любил, когда его гладили по голове и — Боже упаси! — против шерсти. Тут он терялся, молча хлопал глазами и соглашался со всеми глупостями, которые про него говорили, покорно кивая головой.

Поэт был одинок. У него есть пронзительное стихотворение о друзьях и одиночестве.

Среди немногих стихотворных посвящений на первом месте жена Галя и неизменный друг, поэт Виктор Стрелков.

Общительность Долинского, его речистость, участие в шумных компаниях оборотная сторона одиночества. Я читал заметки о нем, написанные в последние годы — вялые, тусклые затасканные слова. Он не прочитан как следует и не понят до сих пор. Но и в посмертном одиночестве Даниил Долинский являет нам образ поэта, целующего в уста слово, стоящего коленопреклоненно перед высоким слогом, перед Пушкиным, перед своей Музой-женой.

Я ЛЮБОВЬ СВОЮ РАСКУЛАЧИВАЛ

За праздничным столом по случаю Восьмого марта сидела небольшая компания: коллеги, друзья. Разговор, как водится, шел о женщинах, о любви. Было шумно и весело. В числе прочих был писатель, коренастый седой человек с крутым лбом, крючковатым носом и казацкими усами. После очередного тоста этот писатель встал и как-то нервно не сказал, а продекламировал:

— Посмотрите на этого старого дурака! Я любовь свою раскулачивал...
То срываясь на фальцет, то переходя на трагический шепот, писатель рассказал такую историю.

В конце 20-х годов, кажется, в станице Ахтанизовской на Кубани жили три друга, комсомольцы-активисты. Один из них — наш герой, писатель. И была у них подруга, восемнадцатилетняя красавица. Писатель был влюблен в нее. И она отвечала взаимностью. Друзья часто собирались под окном девушки. Красавица раскрывала окно, садилась на подоконник и весело болтала с ребятами. Они звали ее в свою комсомольскую ячейку. Но девушка грустно качала головой:

— Отец не позволит.

Один из друзей был художником.

Он делал наброски красавицы на подоконнике, а дома рисовал. А когда показал портрет, все ахнули: до чего похож! Портрет торжественно вручили своей подруге, и все радовались, как дети.

Прошел год или два, началась коллективизация. Друзей-комсомольцев мобилизовали на раскулачивание. И первая семья кулака — семья красавицы.

— И зачем я пошел! — слезы стояли в глазах старого писателя. — Я любовь свою погубил!

Прошло много лет. Война. Писатель в чине сержанта тянул свою лямку на фронте. И где-то в конце войны его разыскал родственник, полковник. Он служил в Сибири, на военном полигоне по испытанию новых образцов танков. Этот полковник «выписал» сержанта-родственника к себе на полигон.

Однажды после очередных испытаний брони высокая комиссия заехала в соседнюю деревню отогреться, перекусить. Постучали в хату. Хозяйка охотно пригласила:

— Заходите.

Сержант зашел последним. Огляделся.

— Как только переступил порог, — рассказывал писатель, — сразу почувствовал родное, кубанское. Рушники на зеркале, занавески на окнах. Кровать с горой подушек. А в простенке — портрет... Сжалось сердце. Она! «Откуда вы?» — спрашиваю хозяйку. «С Кубани». «А где она?» — киваю на портрет. «Вмерла. А я сестра». Я назвал себя. Хозяйка долго стояла молча. Потом повернулась, взяла кочергу и, еле сдерживая себя, приказала: «А ну геть видцила! Уси!». И выгнала всех. Так я погубил свою любовь.

Герой-рассказчик этой истории, ныне покойный Константин Иванович Прийма, известный шолоховед. И добавить к этому нечего...

ДОМ ПИСАТЕЛЕЙ

Этот двухэтажный старинный особняк на Пушкинской улице в Ростове-на-Дону известен, как дом Парамонова. Построил его Елпидифор Парамонов для своей дочери. В годы гражданской войны дом занимали под офицерский клуб, публичный дом, госпиталь, сообразуясь с необходимостью.

До начала 80-х годов в доме Парамонова находилась обкомовская поликлиника. Здесь лечилась партноменклатура, крупные руководители, ветераны партии. Когда построили новую больницу, особняк отдали писателям. Не просто отдали, а уважили просьбу смертельно больного Шо-

лохова. Специальным решением обкома КПСС и облисполкома. Навсегда, навечно. Это был царский подарок.

Роскошные комнаты, высокие потолки с лепниной, дубовый паркет, хрустальные люстры и канделябры, дорогая мебель, ковры. Каминный зал с роялем. Буфет с бильярдом. Огромный бюст Шолохова работы Вучетича в гостиной, портреты донских писателей на стенах. В маленьком дворике с розами две классические ротонды, увитые плющом. Посередине двора мраморная колонна с бронзовым пегасом.

В Дом писателей охотно ходили старики Михаил Соколов, Владимир Фоменко, Борис Изюмский, Виталий Закруткин, изредка заглядывал Анатолий Калинин. Из более молодых — два Бориса: Куликов и Примеров. И всегда вездесущий, переполненный слухами, эмоциями и новостями Аршак Тер-Маркарян.

Это было веселое время. Писатели воевали за тиражи, квартиры, телефоны. Ругались, мирились, ревновали, пили вино и утверждались в самобытности. Вспоминали старые обиды и били горшки навсегда. Умиряли в одиночку, непонятые, невысказанные. Дом писателей кипел страстями, жил полнокровной розовощекой жизнью.

Умер Шолохов. Что-то дрогнуло, стронулось в атмосфере.

Старики уходили один за другим. Закруткин, Соколов, Изюмский, Рогачев, Стрелков, Прийма, Фоменко, Лебедеенко... За ними — молодые Нестерова, Примеров, Куликов... Рухнула страна. Распадалась связь времен, поколений, судеб.

Новый председатель Владимир Фролов в одночасье оказался у разбитого корыта.

Дом писателей как-то быстро обветшал, пришел в упадок. Прохудилась крыша, облупились стены, проржавели коммуникации. За неуплату отключили воду, свет, газ. Из администрации области прислали письмо о выселении. Сотрудники Дома писателей Тамара Михайловна и Алла Георгиевна, как волонтеры угощали писателей чаем, успокаивали, жалели. Писатели пили водку, сотрясали воздух.

— Хамы!

— Лавочники!

Фролов как-то выразительно стрелял одной ноздрей, ловко передразнивал начальников и буквально изнемогал в политических спорах. В советской узкополой шляпе, в плаще с рукавами реглан, с сигаретой во рту Фролов осанисто и ершисто призывал писателей к забастовке и голодовке.

— Выставим пикеты у забора. Будем дневать и ночевать в Доме. Разошлем обращения к президенту, депутатам, к народу...

Выпив рюмку водки, стрельнув ноздрей, Фролов тут же и смеялся над собой.

— Властитель дум... Кому ты на хрен нужен!

Однажды в Доме писателей появился глава Кировского района Владимир Сологуб. Он осмотрел Дом и коротко сказал Фролову:

— Завтра пришлю бригаду, поможем с ремонтом и с жизнеобеспечением.

И правда, на следующий день бригада начала ремонт.

Сологуба вызвали в администрацию области и сказали:

— Не суй нос не в свое дело!

Понятливый Сологуб сказал писателям:

— Извините, ребята, ваш дом кому-то очень понравился.

К писателям приехала зам губернатора Зоя Степанова. Якобы заступница, почитательница и своя в доску.

— Кто вам сказал о выселении? — по-свойски возмущалась она. — Киньте в корзину глупую бумажку. Мы сделаем капитальный ремонт и отдадим вам, живите на здоровье. Вот гарантийное письмо.

Степанова вручила счастливому Фролову письмо, как награду. Писателей переселили во времянку без воды и канализации.

Особняк отремонтировали по европейским стандартам, Елпидифор Парамонов заплакал бы от восторга. У входа вооруженная охрана, видеокамеры.

Немея от собственной храбрости, Фролов все-таки спросил большого начальника:

— А как же писатели?

— Вас тоже будем приглашать. А теперь здесь режимный объект, представительство.

Дома Фролов дал волю чувствам, стрелял ноздрей, тряс кулаками:

— Хамы! Лавочки!

В особняке Парамонова зажглась другая жизнь. С прислужгой, с хорошей выпивкой и закуской. С иными речами, другими песнями. Гости — люди государственные, в шелковых пиджаках, в кожаных длинноносых башмаках, со складками на стриженных затылках. О писателях здесь напоминала лишь чугунная решетка на камине в виде лиры.

Фролов поклялся, что ноги его больше не будет в бывшем доме писателей. Но... все же поддался соблазну. Руководителей двух писательских союзов, то бишь Фролова и Коломенского впервые за десять лет позвали в известный особняк на какую-то важную встречу. Большая московская шишка, ради которой устраивали встречу, просмотрев список гостей, добавила и писателей.

Чинно отсидев всю обедню, Фролов с Коломенским пошли вслед за всеми на банкет. На входе двое молодых людей спросили вежливо:

— Вы кто?

— Писатели, — неуверенно ответил Фролов, предчувствуя какую-то пакость.

Молодые люди переглянулись, позвали старшего.

— Губернатор сказал, писателей не пускать, — поступила команда старшего.

Коллеги, потупив очи, направили стопы через дорогу, в чебуречную.

В очередной раз бедный Фролов посыпал голову пеплом.

— Одержимый холопским недугом... Так тебе и надо, старому дураку! Дожить до скотского унижения в стенах писательского дома! Нет, больше я сюда не ходок!

Наивные люди писатели. Ну, кто в наше время просто так отдаст им один из красивейших особняков в городе.

ДВЕ СМЕРТИ

Чехову было отмерено судьбой до обидного мало. В свои предсмертные сорок четыре года он выглядел стариком, высохшим, маленьким, с узким бескровным лицом.

Спокойно говорит Н.Д. Телешову, как о деле обычном:

— Завтра уезжаю. Прощайте. Еду умирать.

Поздно, слишком поздно поехал он на знаменитый курорт в Баден-

вейлер. Всего двадцать два дня прожили они с Ольгой Леонардовной Книппер на этом курорте. Хороший, умный и знающий лечащий врач уже бессилён был что-либо сделать. Доктора же Таубе и Шверер, которые наблюдали за процессом болезни в мае-июне, по мнению доктора И.Н. Альтшуллера, хорошо знавшего легкие и сердце Чехова, только усугубили дело. Он весьма критически отозвался обо всем процессе лечения: «Отнимут у него лишний год жизни. Погубят Чехова».

А Чехов оставался Чеховым. За несколько часов до смерти он... сочиняет. Вот как об этом вспоминает Ольга Леонардовна:

«Даже за несколько часов до своей смерти он заставил меня смеяться, выдумывая один рассказ. Это было в Баденвейлере. После трех тревожных, тяжелых дней ему стало легче к вечеру. Он послал меня пробежаться по парку, так как я не отлучалась от него в эти дни, и когда я пришла, он все беспокоился, почему я не иду ужинать, на что я ответила, что гонг еще не прозвонил. Гонг, как оказалось после, мы просто прослушали, а Антон Павлович начал придумывать рассказ, описывая необычайно модный курорт, где много сытых, жирных банкиров, здоровых, любящих хорошо поесть, краснощеких англичан и американцев, и вот все они, кто с экскурсии, кто с катанья, с пешеходной прогулки — одним словом, отовсюду собираются с мечтой хорошо и сытно поесть после физической усталости дня. И вдруг оказывается, что повар сбежал и ужина никакого нет, — и вот как этот удар по желудку отразился на всех этих избалованных людях... Я сидела, прикорнувши на диване, после тревоги последних дней, и от души смеялась. И в голову не могло прийти, что через несколько часов я буду стоять перед телом Чехова!».

Ночью стало совсем плохо. Потеря сознания, бред. В два часа вызвали доктора. Он сделал все необходимые процедуры, чтобы продлить если не дни, то хотя бы часы.

Ольга Леонардовна:

«Пришел доктор, велел дать шампанского. Антон Павлович сел и как-то значительно, громко сказал доктору по-немецки (он очень мало знал по-немецки): «Их штербе...». Потом взял бокал, повернул ко мне лицо, улыбнулся удивительной улыбкой, сказал: «Давно я не пил шампанского...», покойно выпил все до дна, тихо лег на левый бок и вскоре умолкнул навсегда».

В каждой смерти есть своя тайна. Старые люди говорят в таких случаях: как жил, так и умер. А жил он с грустной, деликатной, извиняющейся улыбкой, которая осталась на многочисленных фотографиях. С этой улыбкой ушел в вечность.

Почувствовав смертный час, Шолохов затосковал в Москве, в Кремлевской больнице. И однажды утром спокойно сказал жене: «Все, Маша, едем домой!». Никакие уговоры не помогли, он отказался от лечения.

В конце января 1984 года на маленьком самолете вылетели из Москвы прямо в Вешенскую. С посадочной полосы, по крутому левому берегу Дона — домой. Когда мелькнула заснеженная излучина, попросил остановить машину и выйти. Ему помогли, поставили раскладной стул. Он долго сидел, маленький, сгорбленный, неподвижно глядя на Обдонье, на лиловые, вылизанные ветрами бугры. Прощался.

Дома, после Москвы, он, кажется, вздохнул свободнее. Шутил, смеялся. Читал письма, просил секретаря М.В. Коньшина ответить на то, что требовало ответа. Отправил в одну из школ «Тихий Дон» с автографом.

Он превозмогал боли, и близкие видели это. Мария Петровна спрашивала:

— Миша, где болит?

В ответ шутка и вымученная улыбка: нигде не болит.

От обезболивающих средств отказался напрочь. А боли были мучительные, адские, в таких случаях кричат, лезут на стенку. Лечащий врач В. Карнаушенко был в отчаянии: ведь в таком состоянии (рак легких в последней стадии) нужно обязательно вводить наркотики. По его словам, за двадцать пять лет практики он не видел более терпеливого и деликатного пациента. Шприц с болеутоляющими средствами так и остался без дела.

По ночам должна была дежурить медсестра, но Шолохов всегда возражал: «Ведь ее ждут дома, у нее дети». И вежливо, но настойчиво отсылал домой.

Перед самой кончиной, ночью 21 февраля, уже не в силах произносить слова, он слабо потянулся к руке Марии Петровны, поцеловал беззвучно, улыбнулся по-детски и затих.

Два сына донской земли: Чехов и Шолохов. Когда-то Шолохов признался, что учился писать у Чехова.

Разные эпохи, разные судьбы. Но есть что-то схожее, тут и слово не подберешь, последние минуты жизни...

— А кто синее?
— Синее он.
— А кто сильнее?
— Кто влюблен.

— А кто влюблен?
— И он и я.
— Так, значит,
Будут сыновья?

— А хоть и дочери,
Что с того,
И дочери —
Тоже ничего!

Вот обнялись
Река с рекой,
Текут, бурлят,
Прощай, покой!
1969

* * *

На всех ветрах, на всех курганах,
Над ковылем, над полыном
Жду недругов Руси — поганных,
Стою с недремлющим копьём.
Кто первый? Ты, Батый, с Кучумом?
А ну, давай! Гремят щиты,
И льется с шелестом и шумом
Кровь на курганные цветы.
Бежит Кучум! И это бегство
Запомнила степная ширь.
Народ мой русский, ты и в детстве,
В младенчестве был богатырь.
Кто следующий за Батыем?
Наполеон? Иди! Иди!
И оцетинилась Россия,
И ненависть огнем в груди.
Хлебнул Наполеон похлебки?
Отведал кислых русских щец?
С дороги прочь, иди по тропке,
Все кончено с тобой. Конец!
А кто еще там черной тучей
Скопился у границ Руси?
Перед бедою неминучей —
Пощады, Гитлер, не проси!
Сталь плакала, железо выло,
Горела волжская вода.
Да, это было, было, было,
Мы не забудем никогда!

1969

МУЗА КОЛЬЦОВА

На земле воронежской
Жил Кольцов когда-то.
Я его приветствую,
Как родного брата.

Муза его смуглая
Острый серп держала.
На полях воронежских
Рожь, пшеницу жала.

Ездила на розвальнях
Вместе с мужиками,
Из котла артельного
Ела с чумаками.

Не гнушалась кашею —
Гречневой и пшенной,
Не была монахиней
Гордой, отрешенной.

Заходила запросто
На луга с косою,
Мяла травы росные
Пяткою босою.

Шла прокос с улыбкою,
Косарю мигала,
Что в душе у пахаря —
Все она видала!

Ей не знать забвения,
Ей не знать старенья.
Помнят люди честные
Честное горенье!

1968

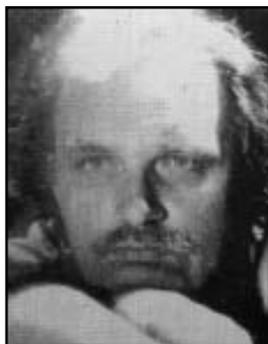

**ЭТО БЫЛО НЕДАВНО,
ЭТО БЫЛО ДАВНО**

*Фотолетопись Семилук
из старого альбома*

Олег Алексеевич Иванов родился в 1955 году в городе Семилуки Воронежской области. Окончил факультет журналистики Воронежского государственного университета, Воронежское художественное училище. Работал в Москве на телевидении, преподавал курсы дизайна и тележурналистики в различных московских вузах. Автор ряда повестей, киносценариев и книги «Записки разгундяя». Роман-киносценарий «Необычные и удивительные похождения Йоханна Фрая в Москве» опубликован в журнале «Юность». Живет в Москве.

Олег Иванов

АЛЕШКИНЫ РАССКАЗЫ

НАШЕСТВИЕ

Июнь сорок первого года выдался в Семилуках жарким и пыльным. Духота не предвещала ничего хорошего. Десятилетний Алешка тоже изнывал от жары и безделья, только частые походы со стайкой ровесников на Дон скрашивали его скуку, да помощь матери, которая впервые (и, как оказалось, в последний раз в жизни) устроилась на работу директором заводского клуба. Помощь его состояла в том, что он с братом Женькой повсечасно был на глазах у матери, чем очень ее успокаивал.

А вечером в клубе шло кино. Мать стояла на контроле, а Алешка с братом ей добросовестно «помогали», чем вызывали неприкрытую зависть всех семилукских пацанов. Алешка уже восемь раз смотрел «Светлый путь», наизусть знал всего «Чапаева». А что касается «Острова сокровищ», то после просмотра в десятый или одиннадцатый раз его брат Женька заявил, что мечтает стать моряком.

Фильмы захватывали Алешку, он ни о чем не мечтал, кино же любил до самозабвения, как многие мальчишки той поры. Завтра же, в воскресенье 22 июня, они собирались идти на «Дачу». «Дача» — это что-то вроде филиала заводского клуба, только на природе.

Алешка и Женька с большой охотой помогали матери, т.к. подобные мероприятия проходили нечасто, были связаны с большим количеством всяческих закусок и спиртного, а вечно голодные братья Завалишины в большом количестве буквально «истребляли» колбасу и всяческие закуски, оставшиеся на столах после пиршества.

Вот и сейчас, жарким вечером, они возвращались из клуба и сопровождали мать, неся полные корзины чего-то остро и вкусно пахнущего, купленного к завтрашнему торжеству. Женька, которого заводские парни тайком от матери угощали папиросами и выпивкой, втайне мечтал продолжить знакомство с «запретными плодами».

Алешка, младший из братьев, ни о чем конкретно не мечтал. Все его желания сводились к одному — нажраться от пуза... и баста!

Нам, живущим в век всевозможных диет и всеобщего похудания, трудно понять желания мальчишки 30-х годов прошлого века. Как автор, даю пояснения: «голодовка» в нашем понимании — это лечение голодом.

В понимании людей 30-х годов «голодовка» — когда люди умирают от элементарного голода, едят кору с деревьев или варят похлебку из лебеды. Сейчас это кажется экзотикой, тогда же было повседневной реальностью. Но... возвратимся к нашему повествованию.

Засыпая в своих постелях, братья (каждый на свой лад) желали, чтоб скорей наступил завтрашний день.

Утро 22 июня было радостным и солнечным, Алешка уже успел сбегать на Дон искупаться. И с еще мокрой от купания головой все вертелся вокруг матери, всячески подгоняя ее. С другого бока его поддерживал старший брат и словами: «Ну, что же ты так долго, ма?» — по-своему торопил ее. Наконец ему было собрано, упаковано и готово. Ребята взвалили на себя корзины, и все втроем пошли в сторону «Дачи».

Веселье было в самом разгаре. Один за другим произносились тосты за здоровье передовиков, звучали здравицы в честь «дорогого и любимого» товарища Сталина. Сам товарищ Сталин взирал на всех собравшихся с фотографий, которыми были заклеены все стены.

Алешке было плевать на дорогого вождя и учителя товарища Сталина, он напал на целую тарелку копченой колбасы и с аппетитом поглощал ее, стараясь в это время не смотреть на мать, которая через столы посылала в его адрес пламенные взоры, как бы говорящие: «Пореже, сукин сын! Что ж вы меня позорите-то! Все! Больше никогда не возьму вас с собой!»

Алешка отвернулся и продолжал упражняться с колбасой. Мать оставила бесполезные попытки усюветить младшего сына и все свое внимание переключила на Женьку. Женька пропал!

А Женьку в это самое время «выворачивало наизнанку» в туалете. Видно, курево и опивки из чужих стаканов давали о себе знать. Здесь, на полу в туалете, его и нашла мать, обессиленного и уже ничего не хотящего, желающего только одного — добраться до вождя похлебки постели. Прочитая и выговаривая ему, мать умыла его и стала приводить в чувство. Из туалета они вышли в тот самый момент, когда на пороге появился запыхавшийся рыжий парень.

«Война!!!» — стоя на пороге, объявил он. — Война с немцами! Только что объявили».

И видя, что его сообщение еще не дошло до сознания каждого, как в бреду, повторял одно: «Да война же, война!».

Его усадили, дали напиток воды, откуда-то появился репродуктор. Там уже вовсю шел разговор о войне.

Вдруг встал товарищ главный инженер и начал что-то говорить. Алешка ничего из речи не понял, понял одно: «Товарищ Сталин им еще покажет! Завтра же возьмем Берлин и будем пировать назло Гитлерам».

Но по сдержанным и сразу как-то потупившимся взглядам собравшихся понял: врет товарищ главный инженер. А уж когда полупьяные бабы вдруг заголосили и запричитали — понял, что случилось что-то ужасно нехорошее.

Собравшиеся мужики как-то сразу присмирели, посерьезнели, мгновенно протрезвели, стали подниматься и выходить один за одним. От прежнего задора и веселья не осталось и следа.

«Да, вот уж не думал, что еще повоюем, — сказал стоящий рядом дедушка, казак Трофимыч. — Немец — он воин сурьезный. Много кровушки прольем, пока этих «гостей» выпроводим. Так-то, брат Алеха!»

«Война», — постоянно вертелось в голове у Алешки, пока они шли домой. — А как это — война?»

Он часто играл с пацанами в войну во дворе, был избран «пожизненным» Чапаевым. Ему представлялось, как взрослые улыбаются, глядя, как они идут в атаку. Или отражают «психическую атаку», организованную ребятами из соседнего дома. Но тут было что-то посерьезнее, масштабнее...

Он вдруг стал замечать, как часто мать стала припадать к отцовской груди, глаза ее наполнялись слезами.

Отец в ответ только молчал и хмурился, обнимая ее. Алешка видел, как мать всякий раз вздрагивала при слове «мобилизация», как постепенно пустели их дворы: кто уходил на фронт, кто отправлялся в далекие края, которые назывались «эвакуация». А радио каждый день приносило новые известия, одно тревожнее другого.

ОККУПАЦИЯ

Не сумев сходу взять Москву, немцы изменили тактику и попробовали зайти с тыла, а заодно перерезать русским «шланг с нефтью» — реку Волгу. Что немец наступает, Алешка понял и по другим признакам. Он часто стоял на пыльной обочине, а мимо все шли и шли солдаты — поротно, побатальонно, в новеньких гимнастерках, в скрипучих ремнях. Потом к солдатским рядам присоединилась техника. Все это двигалось к переправе, к Дону, к Воронежу.

Но в последние дни стройные колонны войск сменили отдельные группы солдат — по двое, по трое, бегущие мимо к Дону. Просили попить, уточняли дорогу к переправе; голодные, грязные, в почерневших бинтах, с запекшейся кровью на губах, несшие на себе неясный запах беды. Эти уже были без скрипучих ремней, кто в одних кальсонах, кто поддерживал прострелянную руку на весу, кто босиком и по пояс голый. Все бежали в одном направлении — к Дону.

Да и гул орудий и разрывов становился все слышнее и отчетливее. Алешка уже научился распознавать, где бьют наши орудия, а где «ухают» немцы; где строчит немецкий «эрликон», а где — наш «максим».

Наконец дорога совсем опустела, и навалилась какая-то неестественная тишина. Недоброй была эта тишина, грозной. И Алешка впервые пожалел, что они всей семьей так и не успели эвакуироваться.

Но, на удивление, два дня прошли спокойно, только самолеты-разведчики нарушали тишину, да тошнотворно ныла где-то высоко в небе немецкая «рама».

Опустевший городок как бы затаился. Все чего-то ждали. Вот в этой-то гнетущей тишине и произошло событие, ознаменовавшее начало оккупации.

За время войны Алешка привык к самолетам, пролетавшим над их городом. За это время Семилуки два или три раза бомбили. Но главный свой удар немецкая авиация сосредоточила на донской переправе да на упорно дерущемся гарнизоне города Воронежа, никак не сдававшимся (и к его чести — никогда не сдавшегося!).

Жилые разбитые кварталы Воронежа были видны на горизонте, и доносились звуки разрывающихся бомб и снарядов.

Так вот, Алешка к самолетам привык и уже не боялся их — ни тяжелых бомбардировщиков, идущих бомбить донскую переправу, ни юрких «фокке-вульфов», ни «мессершмитов», ни советских штурмовиков. То же самое можно было сказать и о Женьке, только сюда еще примешивалась бравада — Женька был на два года старше и всем своим видом как бы говорил: «Не бойся, салага, прорвемся!» Да и немецкие летчики считали, что расходовать бомбозапас на такой незначительный объект, как Семилуки, — напрасная трата времени.

События того утра Алешка помнит до сих пор, хотя минуло уже 60 лет.

Все утро Женька куда-то торопился, даже от чая отказался, сославшись на недосуг. Что натолкнуло Алешку на подобный вывод — трудно сказать. Может, то подхалимство, с которым он усердно рвался помогать матери; может, постоянное Женькино поглядывание на часы; может, Женькины приятели, упорно звавшие его на улицу?

Трудно сказать, но было видно, что Суслик (домашняя кличка Женьки) куда-то тайно торопился, несмотря на неоднократные запреты матери далеко отходить от подъезда.

«Ты что, куда-то собираешься?» — тихонько поинтересовался Алешка. Ответом был братов кулак, молча поднесенный к самому носу Алешки. Алешка брата не боялся, стычки между ними бывали и раньше. Но два года разницы между ними были солидным аргументом, так что он с достаточным почтением относился к Женьке как к старшему брату.

Вдохнув, Алешка отправился по своим делам. А Женька, возглавлявший компанию таких же отпетых молодцов, незаметно канул со двора, направляясь в сторону недавно разбомбленной городской библиотеки.

Она была в километре от их дома, совсем недалеко.

«Зачем ему книжки? — размышлял Алешка. — Его и учебники с трудом заставляли читать».

Вскоре он совсем забыл про Суслика, занявшись какими-то своими делами.

Женька со своей «гоп-компанией» подошел к разбомбленной (или, как говорили, подражая взрослым, «разбитой») библиотеке и все мальчишки стали отыскивать наименее обгорелые книги.

Неожиданно из-за деревьев вынырнул самолет и полетел в сторону, где столпилась группа ребят.

«Женька, а вдруг это «фоккер»? — предостерег кто-то из его компании.

Но Женька уже взгромоздился на кучу битого кирпича и оттуда приветственно махал рукой пилоту.

Самолет дважды пролетел над ними, на крыльях явственно были видны красные звезды. Уже не один Женька, а почти вся компания ребят взобралась на гряду битого щебня, размахивая руками.

В ответ от днища самолета, где у него располагались крупнокалиберные пулеметы, вдруг стали отделяться красно-белые огоньки. Потом за ревом самолета послышалось стрекотание выстрелов. Испуганные мальчишки пытались спрятаться за кучи хлама и битого кирпича, но было поздно... два почти напололам разорванных очередями детских тела лежали в пыли. Одно из них было настолько изуродовано пулями, что бесформенной кровавой массой лежало поблизости.

«Сергея Шерстяных», — успело мелькнуть в голове Женьки. Он кубарем скатился вниз. Одна мысль застряла у него в мозгу: «Как же так? Он же наш! Он же не мог не видеть?..».

Только сейчас он почувствовал боль в спине. Поднеся к ней руку, он тотчас отдернул ее — она вся была в крови. Пули отстрелили ему ползада, снеся напрочь правую ягодицу. От страха и вида крови его стала бить нервная дрожь. Оставляя кровавый след на пыльной дороге, Женька пополз в сторону дома. Помочь ему было некому, все оставшиеся в живых ребята разбежались. Проползая мимо тела Сереги Шерстяных, он не удержался и посмотрел на распластанный труп своего друга. Его вырвало.

А навстречу уже бежали матери, на ходу причитая. Кто-то заорал диким голосом.

Остальное Женька плохо помнит. То ли от потери крови, то ли от пережитого волнения и страха сладостная духота переполнила его, он еще раз, как утопающий, судорожно хлебнул воздуха, вскрикнул и потерял сознание.

ИСХОД

Тишина в Семилуках. Ах, какая тишина! Гнетущая, вязкая, многообещающая...

Алешка стоял у дома и наблюдал, как в стороне железнодорожных путей двое солдат-новобранцев пытались вкатить на железнодорожную платформу зеленый мотоцикл.

Власть в городе еще формально принадлежала военному комиссару, а фактически только эти два новобранца — это все, что напоминало о городской власти. А так, все только и говорили, что «немец уже в Латном, с часу на час будет здесь». Алешка постоянно твердил про себя слова клятвы, которую он дал матери: «От подъезда — ни на шаг!».

Неожиданно, как бы из ничего, вдруг возникла стрельба. Казалось, будто десяток пастухов одновременно зацелкали своими бичами.

Один из солдатиков-новобранцев вдруг как-то дернулся и свалился с платформы на землю, где и остался лежать неподвижно. Второй сделал попытку убежать, но, пробежав пару метров, как-то неловко, боком завалился на землю и затих неподвижно.

Алешка, как зачарованный, наблюдал за происходящим, когда вдруг из глубины подъезда вылетела мать. Пребольно схватив его за ухо, она бегом потащила его за дом, в сторону сараев и погребов. Пинком, которого Алешка никак не ожидал от нее, мать толкнула его внутрь сарая, затем заставила опуститься в погреб.

Здесь уже были все Ивановы, Завалишины, Камынины — в общем, вся родня. Вид у всех был испуганный, растерянный. Да еще раненый Женька вдруг вздумал рассказать историю, как в Латном вот так же целая семья сидела в погребе, а пришедшие немцы швырнули туда связку гранат — на предмет «выкуривания раненых красноармейцев». Так всю

семью и накрыло. Женьке тут же в темноте вlepили звонкую оплеуху. После этого рассказа каждый стал искать укрытие понадежней. Мать грозно цыкнула на Суслика и, поднеся палец к губам, заставила всех прилупшаться.

Сначала только было слышно, как щелкает догорающий фитиль свечки. Потом раздался дробный звук, будто кавалерия шла поверху. Потом все стихло вновь. Сверху раздалась незнакомая лающая речь, творило погребца открылось, и в образовавшемся проеме показалась голова в каске.

«Век! Век!» — скомандовала голова по-немецки, и все стали беззлупо подниматься наверх: не то, чтобы поняли перевод, а скорее, ориентируясь по жесту немца.

Когда Алешка поднялся наверх, то увидел следующую картину: наверху погреба стоял немецкий танк. Он, как игрушку, сдвинул их хлипкий курятник. Как он не провалился в их погреб? Бог его знает. По двору расхаживали молодцы в черных комбинезонах, судя по всему, — танкисты. Среди них мелькали рыжие парни в форме немецких пехотинцев; потные, загорелые, в темно-зеленых френчах с закатанными рукавами и с автоматами наперевес. Вещи, которые собрала мать и в спешке забытые, нетронутые стояли аккуратно сдвинутые в уголочке. Алешка удивился: он столько слышал рассказов, где немцы выставлялись грабителями и ворами, которые ни перед чем не останавливались, лишь бы поживиться чужим. А тут — на тебе... Странно...

Востроносый маленький немец в форме фельдфебеля вдруг на чистом русском языке стал объяснять присутствующим, что войска вермахта принесли им свободу от большевистской заразы и кремлевских жидов, и, если у населения есть претензии к германскому командованию, то их внимательно выслушают во вновь созданной комендатуре. Второй немец, тот, что повыше, что-то залопотал быстро по-немецки.

Маленький фельдфебель вновь стал переводить: «Немецкое командование ждет, что сразу будет избран городской староста и будет составлен список жидов и коммунистов, укpывшихся в городе».

Собравшиеся горожане только пожимали плечами, разводили руками. «По-моему, они просто боятся», — подумал Алешка.

Во дворе немецкие танкисты ловили и тут же ощипывали кур. Длинный сухопарый немец в мундире подошел к фельдфебелю и что-то прошептал ему на ухо. Фельдфебель слушал его, согласно кивая. Потом обратился к жильцам дома: «Господа, немецкое командование предлагает вам покинуть этот дом и разместиться временно в сараях. Здесь, в этом доме, опять же временно, будут располагаться казармы танковой дивизии «Мертвая голова». Заранее приносим вам свои извинения!»

Мать молча стала паковать их скудные вещи. Алешка помогал ей. Суслик, весь в бинтах, полусидел на диване и бесцеремонно разглядывал немца, который варил бульон у них на плите. День клонился к закату, и на завтра обещала быть хорошая погода.

«Кому она нужна, эта самая хорошая погода, — думал Алешка, собирая и пакуя вещи, — если на свете творятся такие безобразия».

«Так вот она какая, эта самая — взрослая война, — будоражили его мысли. — Значит, война — это, когда тебя в одночасье могут вышвырнуть из твоего дома; война — это два развороченных детских трупа на пыльной дороге, это два ни в чем не повинных солдата, просто так застреленных на железнодорожных путях и лежащие там до сих пор, никем не убранные. Война — это когда все время страшно, когда запросто можно

сгинуть в этом водовороте. И повинен в этом будет не страшный дядька со звериным оскалом и винтовкой наперевес (так рисовали немецких оккупантов на плакатах довоенной поры), а простой усатенький фельдфебель, вроде давешнего, там, у дома. Или повинен в этом будет невзрачный, плюгавый солдат, вроде того, что сейчас варит бульон на их плите. И потом — это не проходящее чувство страха, как перед поркой, когда тебя еще не бьют, но тебе уже заранее страшно и больно. Страшно не за себя — страшно за маму, за раненого братишку, все время очень страшно».

Из состояния задумчивости его вывели знакомые слова, но никогда ранее в их доме не произносимые. Женька, лежащий с перебинтованной задницей, вслух учил немца русским матерным словам и непристойностям. Немец довольно улыбался, угощая Женьку шоколадом.

«Ну как, закончил?» — обратилась мать к Женьке, как бы не замечая немца, стоящего рядом. — Давай-ка мы тебя перенесем на новое место жительства». Они вдвоем подхватили его жалкое худое, все в бинтах, воняющее какой-то медицинской гадостью тело и понесли его в сарай, через опустевший двор.

Так начиналась их первая ночь в оккупации.

И таких ночей еще будет очень-очень много, много дней страха и крови, бомбежек и артобстрелов, этой новой для Алешки военной жизни.

Геннадий Андреевич Климов родился в 1956 году в городе Семилуки Воронежской области. Окончил Воронежский государственный политехнический институт. Работал на промышленных предприятиях в городах Воронеже, Пскове, Твери. Занимался бизнесом в сфере полиграфии и рекламы. Журналист, является учредителем и редактором ряда общественно-политических и отраслевых изданий. Автор книг «Про любовь (25 лет спустя)», «Повести и рассказы», «Рождение Руси», «Русские веды: вопросы и ответы. Повествование о древней истории Руси» и других. Живет в Твери.

Геннадий Климов

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВОЛХВА

Рассказ

Как ты думаешь, в чем сущность красоты? Есть ли в этой неуловимой категории нечто изначальное, божественное?

Или, может быть, она всего лишь иллюзия, подверженная моде?

Из частного письма

Наш городок Семилуки обязан своим рождением заводу огнеупоров, ровеснику первых пятилеток. В двадцатые годы завод начали строить на совершенно пустынном донском берегу. А сейчас это крупнейшее в Европе производство, включающее в себя как промышленные цехи, так и сложную систему рудников и канатных дорог.

Металлургии нужен шамот, как он ей был нужен и в довоенные, и в военные годы, но сырье исчерпывается, возникает необходимость разработки новых месторождений. Так, относительно недавно и появились рудники «Средний», «Стрелицкий», «Белый колодец». А вместе с ними на берегу тихой речушки Девицы выросли песчаные отвалы — высокие, крутые, с заросшими акацией плоскими вершинами.

Эти отвалы — «дикая прерия» моего детства. Безлюдная каменистая пустыня. Редкие колючки. Холмы. Безмолвие. И

среди песка, будто жемчужина, поросшее камышом озеро... и старый понтон. Эта страна была недоступна взрослым — она принадлежала только нам, заводским мальчишкам.

Как-то весной, вернувшись из заграничной командировки, я отправился побродить по берегу разлившихся рек. Обнявшиеся воды Дона и Девичьи проносились мимо, пугая и зачаровывая. То и дело слышалось рокотание — это бурлили огромные воронки. Казалось, в бездонной пучине режутся неведомые гигантские существа. Затоплённые ивы едва-едва торчали из воды. Ветки под напором реки вздрагивали, гнулись, но за них все же успевали цепляться розовато-серые островки мусора, прибитого течением к берегу. Холодный песок шуршал под ногами. По склонам коричневых и желтых отвалов тянулись вниз глубокие овраги, в которых еще лежал снег.

Я шел вдоль берега по колено в воде и думал о Михаиле и Агнии, бродивших в этих местах более ста лет назад. Тогда тоже была весна и половодье...

— Товарищ, здесь у самой кромки — обрыв! — сказал кто-то за моей спиной.

Неожиданный голос вывел меня из состояния задумчивости — я ступил на сухое и оглянулся. Недалеко у берега стоял человек средних лет и покуривал маленькую, инкрустированную серебром трубку. На нем была фуфайка, слишком большая для его щуплой фигуры, потерявшая форму фетровая шляпа и охотничьи сапоги с длинными голенищами.

В знак благодарности за его предупреждение я поклонился; он тоже ответил мне, пустил клуб дыма и пошел по косогору.

«Какой колоритный гражданин!», — подумал я.

Я очень давно не был в своей детской «дикой прерии», так что, поднявшись по склону, удивленно остановился. Как и прежде, торчал из песка совсем поржавевший понтон, ветер гонял пересохшее за зиму перекати-поле, двигалась песчаная рябь, но... все склоны холмов, плоскогорья, обвалы были обсажены маленькими сосенками.

— Что за отчаянный фантазер посадил их здесь?! На самом-то песке! — непроизвольно воскликнул я.

Но, подойдя ближе, я увидел, что сосенки прижились, поднялись, зазеленели и уже в некоторых местах скрывали меня с головой. Здешний пейзаж был своеобразным, почти космическим: вокруг разноцветные плоские горы, овраги, песок, наклонившиеся телеграфные столбы с оборванными проводами, ржавый понтон; внизу, у подошвы плоскогорья, затопленная пойма, за ней на холме пыльно-красный городишко со множеством заводских труб... и во всех естественных красках природы явный фиолетовый оттенок.

Внизу по дороге шел тот самый человек, что окликнул меня у реки. Он оглянулся и направился к комочкам-деревцам. Осмотрев одно из них, даже будто оцупав его, он вдруг... То, что произошло дальше, не оставило и следа от той задумчивости, в которой я пребывал. Я весь превратился в зрение, желая понять причину столь бессмысленной жестокости этого человека.

Оглядев сосенку, он вдруг согнул ее и переломил ближе к середине. Подойдя к другому деревцу, он сделал то же самое. И у третьего, и у четвертого, и у седьмого, и у десятого! Я смотрел на маньяка заворуженно... Наконец, когда он был совсем близко, я окликнул его.

— Зачем вы это делаете? — только и смог я спросить.

Человек ответил не сразу. Он долго попыхивал трубкой, смотрел на заводские корпуса и пыльные городские улицы, потом повернулся ко мне, спросил:

— Вы видите этот город за рекой?

— Ну, так что?

— В нем живут люди... разные люди. Много хороших, но немало плохих, вернее, равнодушных ко всему, кроме своего благополучия.

— Я ничего не понимаю! Какое это имеет отношение к тому, что вы ломаете деревья?! — негодуя, воскликнул я.

Он отвернулся. Выбил трубку. Спрятал в карман.

— Вы думали когда-нибудь, что такое красота? В чем сущность красоты? Какой в ней смысл и назначение? Я же думал, — сказал он каким-то странным голосом и захохотал.

Мне стало не по себе. Он говорил тихо, но его слова стали приобретать какую-то вымученную страстность.

— В этом городе живут люди!.. Люди! Это они выдумали красоту! Нет, не то чтобы вот эти, которые живут за рекой, а вообще люди... А красоты нет! Нет! Все это ложь!

Он помолчал, видимо, желая успокоиться, и заговорил уже тише:

— В мире ничего не может быть красивого хотя бы потому, что в нем нет ничего уродливого. Все сущее прекрасно! Есть модное и немодное, престижное и непрестижное. Но красоты нет! Здесь было три тысячи триста восемьдесят одно дерево. Триста тридцать погибли в эту зиму! Люди посчитали их красивыми... и потому в предновогоднюю ночь убили — потешились их трупами. А мои сломанные деревья, — воскликнул он с пафосом, — дадут боковые побеги, скривятся, скособочатся... И зашумит лес! Лес, полный кособоких уродов! Зашумит, заволнуется прекрасное отдохновенное море зелени!

Теперь я начинал понимать этого человека: его странные слова все больше разжигали мое любопытство.

— И все же, неужели их вам не жалко? — спросил я.

— Жалко?! Люди жестоки. Через десять лет здесь была бы, как прежде, пустыня!

— Но даже ради будущего большого леса я не решился бы сломать и деревца!

— Не расстраивайтесь: в этом вы похожи на большинство людей.

— Неужели?

— Вы, как и все люди, блаженны. Мир же жесток. Осуществляя большую идею, нельзя быть добрым и тем более слепым. Всегда надо помнить, что среди людей можно уберечь красоту в большом, лишь уничтожая ее в малом. — Он коснулся сосновой ветки, погладил ее и спросил:

— Вы, может быть, меня плохо понимаете? Но это, верно, оттого что в слово «красота» я вкладываю порой разный смысл. Красота — ложь! Мои карлики тоже красивы, стоит только привыкнуть к ним. Но во всяком предмете и во всяком явлении существует уровень смысла. У одной елочки малый уровень, а у леса уже большой! Я выбрал вечное. Лес! Просто я все знаю...

Я шел в город по дамбе, едва сдерживающей полую воду, и думал, что странный человек с трубкой во многом прав. И еще я думал, что непременно буду вспоминать эти елочки на песчаном берегу, как бы далеко ни забросила меня судьба.

Недавно у меня родилась дочка — маленькая синеглазка Ксюшенька. Когда она вырастет, я поведу ее в лес красивых сосен. Расскажу о старике... чтобы никогда не испытала она одиночества на нашей Голубой планете, чтобы не испытала одиночества, пока рождаются на земле люди, думающие о вечности и красоте.

Сергей Витальевич Масачихин родился в 1959 году в городе Вельске Архангельской области. Служил в рядах Советской армии. Работал на стройках области, на Семилукском огнеупорном заводе. Около 20 лет занимается литературным творчеством. Его рассказы печатались в районных и областных газетах, коллективных сборниках. В журнале «Подъём» публикуется впервые. Живет в городе Семилуки Воронежской области.

Сергей Масачихин

МАМИНЫ ГЛАЗА

Рассказы

Низкорослая старушонка, внешне опрятная, одетая в старенькое цветастое платье, спрятавшись за стойку с хлебом в магазине, то и дело оглядываясь по сторонам, торопливо поглощала украденную булку. Крошки при ее спешной трапезе рассыпались в разные стороны, но она не обращала на это внимание, жадно глотая непрожеванные целые куски.

В самый разгар пиршества старуха в очередной раз оглянулась и... замерла с широко открытыми глазами, в которых застыл неподдельный испуг. Пугаться было чего: к ней, с непредвещавшим ничего доброго выражением лица и сверкающими от негодования глазами приближалась тучная, облаченная в белый халат фигура работницы торговли.

— Ты что тут вытворяешь, сука старая?! — еще издали заорала продавщица, злясь, что прозвала момент кражи. — Со всем совесть потеряла?!

Старуха затряслась, сжалась, превратившись в испуганную птичку, и в предчувствии предстоящих побоев часто-часто заморгала глазами.

Но ее ожиданиям не суждено было сбыться. Продавец остановилась возле и, подперев кулаками бока, продолжила:

— Ты, стерва, что не слышишь?! Я, кажется, к тебе обращаюсь!

Немногочисленные покупатели с интересом смотрели за происходящим, а один даже попытался заступиться за воровку:

— Вам что, куска хлеба человеку жалко?

Продавец злобно сверкнула глазами в сторону заступника:

— А тебя не спрашивают, понял?! Если все начнут красть и жрать тут булки, то что будет?!..

— Все будут сыты, — хохотнули из толпы.

— Заткнись, умник! — рявкнула насмешнику продавец и, схватив бабку за шиворот, прорычала: — Ну-ка, пошли со мной.

Возле кассы последовало продолжение:

— Ты представляешь, Валь, — жаловалась она кассиру, — эта сволочь нагло сперла булку и сожрала в зале, прямо на глазах у людей. Что будем с ней делать?

Валя переменялась в лице, смерила старуху взглядом и потребовала:

— Плати!

— У меня нет денег, — сквозь слезы промямлила бабка.

— А нам что прикажешь делать? Может, скажешь заплатить за тебя?

Ты знаешь, сколько тут таких ходит?

Старуха всхлипнула и подняла на продавщицу глаза:

— Внучка у меня убили недавно... в Чечне, а сыночек от горя умер.

Ее взгляд, наполненный тоской и слезами, словно током пронзил продавщицу, которая в непонятном замешательстве отпустила воротник жертвы.

Бабка, освободившись от железной хватки, не предприняла попытки скрыться, она подняла к груди трясущиеся руки и с мольбой в голосе попросила:

— Отпустите меня, доченьки, пожалуйста!

— Иди, — резко толкнула ее продавец и отвернулась в сторону.

— Да ты что, Верка? — испугалась кассир. — Да по ней тюрьма плачет, на роже написано, что хамка и воровка.

— Пусть катится...

— Возьмите деньги за бабушку, — попытался вставить слово покупатель, ранее заступившийся за старушку.

— Не надо, — глянула на него продавец и, достав из кармана червонец, протянула Валентине, удивив в очередной раз.

— Да ты что, Вер, брось!

— Бери!

Кассир пожала плечами, пробила чек и отсчитала сдачу.

Через некоторое время она нашла подругу в подсобке, которая, закрыв лицо руками, неподвижно сидела возле стола.

— Вер, что с тобой? Ты сама не своя!

Вера подняла на Валентину заплаканные глаза, обняла и прижалась лицом к груди:

— Знаешь, глаза у этой старухи были, как у моей мамы. Когда я уезжала из дома в этот проклятый город, мама смотрела на меня точно так же... Мне даже показалось, что это она, через бабку, глядит на меня с укоризной, с обидой... — Всклип на мгновение прервал монолог. — Живой я ее так больше и не увидела, даже на похороны не успела. Времени не нашла проведать, все дела, дела, чтоб их...

Слезы вновь хлынули из ее глаз.

СУХАРЬ

Утро светится беззаботным, июльским теплом. Роса тут и там сверкает бриллиантовыми отблесками, отражая лучи летнего, ласкового солнышка. Все было прекрасно, если бы не война.

Вот уже три года война тяжелой поступью идет по стране, и пока не видно ее окончания.

Совсем недавно, четыре месяца назад, из села прогнали немцев. За время оккупации они вырубали сады, которых когда-то было немало: боялись партизан, доставлявших армии немало хлопот, угнали скот, а уходя, сожгли много домов, от которых остались только обгорелые, покрытые копотью трубы.

От нашего, некогда большого подворья остался только сарай. В нем мне, матери и брату пришлось доживать зиму. Мы как смогли утеплили его, обложили соломой, старым навозом, прочим хламом, даже снегом и выжили.

А потом... Потом пришла похоронка.

Отца убили под Курском, совсем рядом с домом. Он был танкистом.

Когда прислали похоронку, мать сникла, почернела, ни слезинки не вышло из ее глаз, а затем она просто высохла, сгорела, как летняя трава под палящим солнцем.

Похоронить помогли соседки...

В сарае теперь пусто. Братишка убежал на фронт мстить за папу и маму. Где он сейчас, что с ним — не знаю, а я еще мал, мне всего восемь.

В последнее время я голодаю — из еды нет ничего.

Первое время, после смерти мамы, меня подкармливала соседка, давая по несколько картошин в день. Иногда давала и хлеба, но потом, всплакнув, перестала кормить. У нее своих пятеро — мал мала меньше, а продуктов почти нет — что не забрали немцы, то отдали фронту.

Еще несколько дней бегал к ее дому. Она не прогоняла, но и ничего не давала, только плакала и гладила по голове.

Только тогда я понял, что такое мама и папа. Только тогда полностью осознал, что такое война. Кто бы знал, как я возненавидел фашистов. До сих пор, в моем понимании, фашизм самое плохое на свете. Фашисты отняли у меня все самое дорогое и любимое. Ничего не оставили, ничего.

Утро прекрасное, но мне не до него. Голод поджимает живот, который до того пуст, что, кажется, ударь по нему — и он загремит, как барабан. В нем что-то урчит и передергивается острой болью, наверное, это кишки борются за полученные от дяди Васи хлебные крошки.

Дядя Вася распределяет по карточкам хлеб и разрешает детишкам собирать крошки, которые остаются после резки. В магазине у него всегда две очереди — детская и взрослая. Самый плохой момент любого дня — когда кончается хлеб. Взрослые тогда уходят, опустив головы. Многим из них на работу. Надо трудиться. Надо помогать фронту. Надо терпеть, и они, а это в основном женщины, терпят, работают из последних сил, отдают последнее, чтобы пришла победа.

Она будет — победа, будет, но когда?

А есть хочется. Причем хочется постоянно. Голову сверлит только одна мысль: «Где бы хоть что-то перехватить?» Крошками не насытишься, а только растравишь постоянный аппетит. Крошек надо много, чтобы утолить голод.

Эх, была бы жива мама! Был бы жив отец!

Три дня назад я стащил у куркулей, которые приторговывают у магазина, несколько картошин. Поймали и побили. Били сильно и злобно. Били так, что до сих пор болят тощие ребра. И никто не заступился. Неужели люди не понимают, что такое голод? Им что, жалко нескольких картошин? Ведь вон у них сколько, продают даже!

Кружится голова. Это от голода, а поесть негде. Воровать теперь боюсь — страшно, вдруг опять поймают, тогда вообще убьют.

Время приближается к обеду. Слово-то какое — обед. Раньше, когда не было войны, когда отец и мать жили дома, когда в семье был лад и порядок, я не придавал значения этому слову. Я знал, что дома всегда есть наваристые щи, каша, чай или компот, что всегда есть хлеб.

Как я жалею, что отказывался тогда от еды и торопился на улицу. На улице всегда было интересно, играли в «чапаевцев», в салочки, в прятки, и не было хлопот о еде.

Мама часто пекла вкуснющие рогульки или рыбник из той рыбы, что приносил с рыбалки отец. А хлеб у нее получался душистый, с хрустящей, зажаристой корочкой. Я до сих пор помню его запах и вкус.

Слюни текут изо рта, и нет сил их остановить. Подумать бы о другом, но о чем ни думай, мысли вновь возвращаются к еде.

Лежу на старом, измученном непогодами бревне. Когда-то здесь была большая куча бревен. Их заготавливал отец, чтобы поставить новую времянку. Осталось только одно, остальные пошли на дрова — времянка теперь не нужна, да и строить ее некому, отца убили.

Солнышко ласкает, пригревает, но мне холодно. Глаза закрыты, кажется, нет сил их открыть. Ничего не хочется, только есть...

— Слышь, малый! Что с тобой? — кто-то теревит за потрепанную одежонку, стараясь разбудить.

«Ой! Это же дед Панкрат!»...

Он тоже весь истощен: под глазами страшные, черные круги, волосы растрепаны, согнутый, как вопросительный знак, и даже сквозь рубашку виднеются выступающие ребра.

Я не люблю деда Панкрата, я его боюсь. Он сторожит поле, на котором в этом году посеяли рожь, и не дает сорвать ни одного молочного колоска.

— Что ты, хлопчик? Ну-ка, вставай! — тянет за рукав. — Ты что это удумал? А?

Тянет, а сил у него тоже нет, но все равно заставляет подняться.

Поднимаюсь, и в голове все переворачивается.

«Ох, как плохо. Полежать бы сейчас. Не мешал бы ты, дед Панкрат».

Панкрат минуту смотрит в лицо, а затем лезет за пазуху и с огромным сожалением достает завернутый в тряпицу сухарь.

Сухарь огромный. Наверное, из середины каравая.

— На, милый, съешь. Только ты сразу его не глотай, пососи, как конфетку. Сытнее будет.

Дед Панкрат смотрит ласково, как никогда. У меня нет сил откусить, и я внимаю его совету.

Сухарь сладкий, ароматный, вкусный. Как он хорош!..

— А ты-то как, дедушка?

— Что я. Я свое отжил. Это тебе надо жить, а ты еще и не начинал, — с грустью в голосе произносит он и поднимается. — Пойду я.

Смотрю ему в след. Пока вижу, провожаю согнутую спину и еще не знаю, что мой взгляд провожает его в последний путь...

Дед Панкрат умер в тот же день возле поля. Он так и не сорвал ни одного колоска. Не покривил душой старый человек.

Все для фронта! Все для победы!..

Вечером меня отвезли в детский дом...

Война давно закончилась. У меня дети, внуки, есть даже правнук. Иногда, глядя на них, вспоминаю старого Панкрата. Если бы не он...

Я понимаю, что в тот день, на бревне, я умирал, но дед Панкрат своей жизнью дал возможность жить другому — мне.

Слезы на глазах... Если б не тот сухарь...

Пусть земля тебе будет пухом, дед Панкрат...

Павел Леонович Мелёхин (1940—1987) родился в деревне Большовка Липецкой области. Окончил Литературный институт имени А.М. Горького. Работал геологом, журналистом. Во второй половине 1960-х годов жил в г. Семилуки. В этот период им была написана «Песня о Семилуках». Член Союза писателей СССР. Автор книг «Моими глазами», «Эхо», «Кануны», «Дневник души», «Разлить тепло по свету!..». Стихи поэта вошли в антологии «Русская поэзия. XX век», «Строфы века».

Павел Мелёхин

ПУСТЕЮТ КОЧЕВЬЯ...

* * *

Дай мне, Боже, быть провинциальным,
Дай мне жить, прародину любя, —
Головой наотмашь машинально
Волосы откидывать со лба.

Чтоб в коленках брюки пузырились
Даже между гладкими людьми,
Чтоб тянуло в праздник не в зверинец,
А в село — возиться с лошадьми.

Знаю, знаю, что прошу я мелко,
Надо бы поглубже, может быть,
Но такие уж на брюках стрелки —
Впору на Москву переводить.

Но на шее галстук полосатый,
Как шлагбаум на пути к себе
И к своей, как в дыме самосада,
В дымке лет затерянной судьбе.

Как вам это ни смешно, вразвалку
Я хочу по-прежнему шагать
И, где даже елки нет и палки,
«Елки-палки» — про себя шептать.

Может, захолустным своим видом,
Пережитку глупому сродни,
Истину я некоторым выдам:
Кто, откуда и зачем они!..

* * *

В глухом городке под Воронежем,
Не помню, в котором году,
Я ел пирожки в подворотне,
Стесняясь жевать на ходу.

Я ел их хрустяще-горячие,
С начинкой
буквально свиной,
И лишь собачонка бродячая
Одна наблюдала за мной.

Откуда-то сбоку, убого
Юля, привставая, моля,
Смотрела она, как на бога,
На руку мою и меня...

А ела она, как младенец,
Свой нос перепачкав слюной.
И, зная, на добавку надеясь,
Затем увязалась за мной.

Я с черного хода к экспрессам
Имел только доступ один.
И пес мой взирал с интересом,
Как я у вагона ходил.

Я б мог его взять на подножку,
Что в тамбур закрытый вела,
Когда бы она не подножкой
Действительно в жизни была.

Прикрикнул я зло и резонно,
Что путь — не на десять минут:
Меня не столкнут ревизоры,
А пса и по ходу столкнут.

Адью, недвуногий! Навеки!..
И он промелькнул у колес
С глазами почти человека,
Где разве что не было слез...

И где б я ни ехал — сдается,
Сидит он — и хвост на весу,
И ждет от меня не дождетсЯ,
Что я пирожок привезу.

* * *

Существую как все. И горю и горюю.
Мир порой непонятен до слез.
Может быть, как движок от избытка
горючего
Я со временем ринусь в разнос.

А пока, как дикарь, — пробираюсь
в ущелья,
Под себя подминая коня.
На скаку замечаю: пустеют кочевья,
И друзья покидают меня.

И уходят — в охотники. На облавы.
Тот сутяга, а тот уж — судья.
И ничто уж не манит, ничто не обманет
Обманувших навеки себя.

Прикрываю ладонью глаза на минуту:
Вверх и вниз. Как дикарь. Вверх и вниз.
Я, должно быть, подобную участь
миную —
Миновала ж Монголия капитализм!

ПЕСНЯ О СЕМИЛУКАХ

Он шагать еще не начал
В полный рост, в бурный век,
И на картах обозначен
Не всегда, не на всех.

Припев:

Городок в донской излучке —
Семилуки, Семилуки.
Здесь завод огнеупорный
И народ весьма упорный —
Семилуки, Семилуки.

Старина на ножках курьих
По реке уплыла,
Только ветер казакует,
Как и встарь, без седла!

Припев.

Берег высится громадой
Этажей, площадей,
Берег стал моей Гренадой —
И моей, и твоей!

Припев.

Пусть не так уж он красивый:
Степь да степь невдали,
Но Россия — не Россия
Без такой без земли.

5 января 1968 г.

Валентин Сидоров

ПОЕЗДКА В ДОЛИНУ КУЛУ

Главы из повести «Семь дней в Гималаях»

Дороги в Индии просыпаются рано, очень рано. Здесь дорожат каждым мгновением прохлады. Потому ранним утром на этих дорогах так же тесно и суетно, как у нас в часы «пик». В прозрачной дымке, веющей свежестью, спуют машины, спешат пешеходы; навстречу выворачивается автобус, на ветровом стекле которого красуются цветное изображение Кришны и священное слово «Ом».

Слово «Ом» — в старинной транскрипции «Аум» — нередко можно увидеть и на автобусах, и на фронтонах зданий. Оно очень почитаемо в Индии, и это связано с древними космогоническими представлениями индийцев. Им обозначается (естественно, в достаточной мере условно) тот первичный звук, вибрации которого, согласно древним источникам, образовали мироздание.

Аум есть радость, запечатленная в звуке.

Радость — начало миров и конец, ибо она не имеет конца и начала.

Но, конечно, центральная фигура шумных многоголосых индийских магистралей — велосипедист. Здешний велосипедист — явление особенное, уникальное. Это — фокусник, маг, чародей. Если Индия — страна чудес, то, на мой взгляд, один из главных феноменов ее — велосипедист.

Более всего поражает то виртуозное искусство, с которым скромная машина превращается в многоместный экипаж. Вот типичная дорожная картина. Счастливый отец семейства бойко крутит педали. На багажнике, непринужденно свесив смуглые ноги, восседает его жена. В ее руках — сумка с овощами и фруктами. На жесткой раме — двое или трое мальчуганов.

С детства в Индии приучаются владеть своим телом, потому позы сидоков естественны, не чувствуется никакой напряженности. Не обращая ни малейшего внимания на шум и движение, члены семейства ведут нескончаемую беседу, а если прерывают ее, то только для того, чтобы одарить встречного белозубыми улыбками.

Утренний воздух хорошо нас взбудрил. Нина Степановна оживилась и прочла мне целую лекцию о Калидасе. Рассказ ее изобилует интересными подробностями, которые, к сожалению, ныне начисто забылись. Единственное, что осталось в памяти — и то только потому, что я сразу записал это в блокнот, — стихотворный афоризм великого поэта

Древней Индии. В подстрочном переводе он выглядит так: «Когда ты вошел в мир, ты горько плакал, а все вокруг тебя радостно смеялись. Сделай жизнь такой, чтобы, покидая мир, ты радостно смеялся, а все вокруг тебя плакали».

В каком-то патетическом месте рассказа Нина Степановна вдруг испуганно вскрикнула и забилась в угол машины. В окно влетело странное насекомое: помесь гигантской мухи с ядовито-зеленой гусеницей — и, прочертив траекторию, с деревянным треском упало на сиденье рядом с нами. Я выхватил носовой платок, поймал крылатое чудище («Только не убивайте!» — закричала Нина Степановна), — выбросил его в окошко. Подхваченное ветром, оно улетело.

— Что это такое? — спросил я у Нины Степановны.

— Понятия не имею. Но гадость, по-моему, ужасная. Я таких насекомых боюсь больше, чем змей, — призналась она.

Над деревьями выкатилось солнце. С каждой минутой оно припекало все сильнее. Мы мчались мимо глинобитных хижин, бензоколонок, куполообразных храмов, базаров, где высились горы полосатых арбузов и желто-зеленых манго.

Миновали Чандигарх-город, построенный по проекту Корбюзье. Дома современной планировки нам не понравились. И как выяснилось, не зря: нам рассказывали потом индийцы, что они возводились без учета климата. Поэтому днем в них жарко, ночью холодно. Древние строители были, пожалуй, в чем-то мудрее современных. Обычная хижина с глиняными полами существенно облегчает жизнь в жаркие дни. Глина хорошо сохраняет прохладу, и потому, когда пол залиют водой, в доме надолго воцаряется свежесть и влажность.

Наш шофер — он был родом из Непала, из потомственной семьи водителей, — оказался настоящим лихачом. Мы летели по автостраде с бешеной скоростью, практически без остановок. А если останавливались, то лишь для того, чтобы распить по бутылке запотевшей от холода кока-колы.

Первый привал сделали уже в Гималаях. Мы остановились в небольшом Рест-Хаузе — домике отдыха для туристов. Было безлюдно. С трудом нам удалось разыскать хозяйку горной базы. Позевывая — очевидно, мы прервали его сон, — он провел нас в комнаты, уютные и меблированные. Кухня не работала. Приходилось рассчитывать на собственные запасы. Их оказалось немного: помидоры, хлеб, фрукты. Нина Степановна применительно к ситуации напомнила наказ индийских Махатм о том, что в пути надо стараться есть мало. «Они вообще считают, — говорила Нина Степановна, — что, если человек действительно ищет ученичества, он должен приучить свой организм питаться так, чтобы не чувствовать постоянной и несносной потребности в пище».

Нельзя думать, что, не умея подчинить определенной дисциплине свой аппарат, можно достичь духовного совершенства или психического самообладания. Человек, поддающийся соблазну постоянного ощущения голода, ищущий каждую минуту, чем бы набить свой желудок, ничем не отличается от обжоры, жиреющего на изысканных яствах.

Но, с другой стороны, Махатмы заявляют, что в ученичестве нет особых строгостей в пище, как, предположим, у монахов. И воздержание в ученичестве не может составлять одно из ограничений для человека, стремящегося обрести тот высокий путь, где можно встретить Учителя. Путь к Учителю до тех пор не может быть найден, пока в понятиях человека

живут представления: ограничить себя из принципа, отказать себе из принципа.

До тех пор, пока у человека живет мысль об отказе в чем-то себе, он не выше тех, кто ищет наживы для себя.

Мысли его вертятся вокруг себя точно так же, как и мысли ищущих наживы. Подвигами, как таковыми, не движутся вперед ученики. Вот почему не следует видеть подвиг в своем ограничении в пище. Но в памяти, конечно, следует неуклонно держать: в пути надо есть мало.

Этим и пришлось нам утешиться.

Небольшая передышка — и снова в путь.

Дороги в Гималаях отличные. Их в свое время строили англичане. Ведущие на север, в сторону нашей границы, дороги имели военно-стратегическое назначение: колониальные власти загнипотизировали и запугали самих себя мифической советской угрозой. Англичане ушли, а дороги остались.

Правда, эти выющиеся узким серпантинном магистрали таят в себе и определенные трудности, и опасности. Может случиться обвал (это здесь не редкость), и тогда застрянешь на несколько дней. Бывают и трагические исходы. У нас, по счастью, особых происшествий не было. Лишь один раз на крутом повороте мы чуть не столкнулись с автобусом. Шофер так резко затормозил, что нас могло сбросить в пропасть. А так все шло без сучка, без задоринки.

В Нагар — конечный пункт нашего маршрута — мы прибыли поздним вечером, когда уже было темным-темно. А индийская тьма такова, что ее, кажется, можно резать ножом. Тишина. Никого. В Индии в деревнях и маленьких городах спать ложатся рано. Нам еще повезло, что мы все-таки наткнулись на человека, который знал, как проехать к усадьбе Рериха. Следуя его указаниям, наша машина по узкой обрывистой дороге-тропе медленно поползла вверх. Потом уткнулась в ворота. В свете фар тускло поблескивала медная табличка, на которой было выгравировано: Roerich. Вылезли. Никакого намека на кнопку звонка. Абсолютная непроницаемая тишина. Что делать?

Позже нам пояснили, как поступают в таких случаях благовоспитанные люди, к тому же попавшие в чужую страну с устоявшимися порядками и традициями. Нам надо было спуститься обратно вниз, устроиться на ночь в гостинице, а утром, приведя себя в должный порядок, нанести визит хозяевам дома.

Но, увы, такая простая мысль мне не пришла в голову. Я рассуждал иначе. Позади тысячи километров пути, преодолены всякого рода трудности, и вдруг остановиться перед столь ничтожным препятствием. Я сказал Нине Степановне:

— Вы как хотите, а я полез через забор.

Я выбрал место поудобнее, пониже, спрыгнул на землю. Сделал несколько шагов в густой тьме. Вернулся.

— Нина Степановна, а если я встречу индийских слуг? Ведь они примут меня Бог знает за кого. Как я с ними объяснюсь? Давайте и вы через забор. — И Нина Степановна, побросав через забор — тук-тук — белые туфли, подобрав сари, взобралась на ограду и — видели бы в этот момент своего уважаемого профессора студенты! — приземлилась рядом со мною.

Проблуждав несколько минут в темноте в саду, напоминавшем дремучий лес, мы вышли к флигелю двухэтажного дома. Это была кухня.

Оттуда доносился стук ножей и ложек. Поскольку двери были раскрыты, то мы без всякого предупреждения выросли на пороге флигеля.

Последовала немая сцена. Слуги — их было несколько человек — превратились в статуи. Описать выражение их округлившихся глаз не берусь. Ведь мы для них буквально свалились с неба.

Первым пришел в себя невысокий, худощавый, седой индус, испуганное лицо которого постепенно стало приобретать выражение замкнутости и некоторой важности. Это был управитель дома Рериха — Вишну. (В скобках замечу, что в Индии, особенно в простых семьях, принято давать детям громкие имена богов и знаменитых героев, очевидно, для того, чтобы в предстоящей нелегкой жизни привлечь к ним на помощь могучие небесные силы.)

Нина Степановна вступила с ним в переговоры. Рерихи вместе с гостями ужинали в столовой. Вишну спросил, как доложить о нас хозяевам. Визитными карточками я тогда еще не обзавелся, поэтому на каком-то клочке бумаги нацарапал свою фамилию, Нина Степановна — свою, а также приписала несколько слов от себя. Так как она была уже знакома с Рерихами, то я уповал на нее, считая, что потом расшифрую свою фамилию.

Появился встревоженный, недоумевающий Святослав Николаевич. Он был явно ошарашен и никак не мог взять в толк, кто я, почему мы вместе. Нина Степановна принялась было объяснять: «Это поэт Сидоров, которого я сопровождаю», но я любезно перебил ее, сказав галантную фразу: «Неизвестно, кто кого у нас сопровождает: может быть, я ее». — «Так все же кто кого сопровождает?» — спрашивал вконец запутавшийся Святослав Николаевич. В дверь просунула голову Девика — жена Святослава Николаевича. Увидев Нину Степановну, она в растерянности спросила: «А почему вы не в Ришакеша?» (При встрече с ними Нина Степановна сказала, что в скором времени туда отправится.)

В общем, переполох был полный.

Наконец Святослав Николаевич спросил:

— Где вы остановились?

Так как мы рассчитывали на его гостеприимство, то вопрос нас озадачил.

— В машине, — тут же нашлась Нина Степановна.

— Ах, вот как!

Понемногу ситуация для Святослава Николаевича стала проясняться. Дело осложнялось тем, что к ним как раз приехали гости, и все комнаты были заняты. А тут мы — как снег на голову, да еще без предупреждения.

— Почему не дали телеграмму? — спросил Святослав Николаевич.

Телеграмму мы дали, но она пришла тогда, когда в ней не было никакой необходимости, — через два дня после нашего приезда.

Святослав Николаевич вызвал Вишну, сказал, что тот спустится с нами вниз и устроит нас в городском Рест-Хаузе. А завтра в 9. 30 утра он просит нас к себе в дом.

В этой суматохе я сбивчиво объяснил Святославу Николаевичу, откуда я и зачем приехал.

— Так это ведь о вас писал Беликов. Мы вас ждали, но раньше.

— Виза пришла очень поздно, — ответил я.

Святослав Николаевич, прорезая тьму фонариком, попросил показать, где именно мы перелезали через забор. Я показал, а он подозвал

Девуку и начал ей что-то говорить горячо и взволнованно. Это происшествие — чувствовалось — произвело довольно сильное впечатление на Святослава Николаевича. Потом, в Москве, он, пряча лукавую улыбку в усы и бороду, нередко представлял меня своим знакомым таким образом: «Вот человек, который попал ко мне через забор».

Рест-Хауз оказался приспособленным к современным нуждам деревянным замком, принадлежавшим когда-то местному махарадже. В наше распоряжение выделили две огромные проходные комнаты. Одна — с диванами вдоль стен — гостиная. Другая — настоящий парадный зал (метров 150, не меньше), переделанный ныне в спальню. В этом зале стояли четыре двуспальные металлические кровати, внушительный, как крепость, стол, старинные дубовые стулья. Вишну предложил расположиться мне в спальне, Нине Степановне — в гостиной. Девука — я узнал об этом позже — строго-настрого наказала ему, чтоб нас поместили в отдельных комнатах («Они не муж и жена»). Но гостиная Нине Степановне не понравилась: диваны узкие, в окна заглядывают какие-то люди. И она отвергла это предложение решительно и испуганно. Вишну был шокирован. Святослав Николаевич рассказывал, с каким трагическим тоном в голосе он докладывал по возвращении:

— Мадам отказалась ночевать в отдельной комнате.

А мы остались вдвоем в огромной неудобной и холодной комнате, где мог бы свободно разместиться целый студенческий отряд. Выпили чаю; нас покормили рисом. Мы были донельзя удручены. Прodelали такой путь — и вот тебе раз. Нам показалось, что Святослав Николаевич принял нас слишком холодно и отчужденно и что настоящего общения с ним уже не получится.

Мы расположились в противоположных углах бывшей дворцовой залы. Уличный фонарь играл роль своеобразного ночника: сквозь занавеску пробивались его лучи, образуя яркую световую дорожку на полу.

Я заснул почти сразу, но сон был недолог. Меня разбудил грохот падающих стульев, какие-то вскрики. Я настороженно поднял голову. Мне показалось, что кто-то повизгивает.

— Нина Степановна, что с вами?

— Я заблудилась, — послышалось в ответ. Выяснилось, что ночью ей понадобилось встать. В большом и чужом помещении она не смогла сориентироваться и стала наткаться на стулья — отсюда грохот, — на кровати, углы бесконечно длинного стола. С трудом добралась до окна, отодвинула занавеску, надеясь на уличное освещение, а за окном — сплошная тьма. Фонарь к тому времени погас. И вот она стоит, держась за гардину, и чуть не плачет. Она говорила потом, что мечтала лишь об одном: как бы разыскать собственную кровать.

— Не трогайтесь с места, чтоб мы не стукнулись лбами, — сказал я ей.

Я встал, включил свет в туалетной комнате — ее дверь находилась как раз за моей кроватью («Пусть горит всю ночь»). А сам закутался с головой в одеяло, надеясь, что все происшествия нынешнего дня наконец-то исчерпаны, и больше ничто не потревожит мой сон.

«Путь — это непрерывное движение, где не может быть ни момента остановки. Как только в путь, то есть в действия самого человека, ворвались гнев или раздражение, так весь путь остановился. Перестала звучать его гармония, и снова надо искать, как включиться в симфонию Вселенной, ушедшей в своем творчестве вперед, пока человек стоял на месте. Нет ни для кого возможности двигаться по ступеням Вселенной, если он тя-

жел своим встречным, если его раздраженный окрик или правоучительная, недовольная речь не помогают человеку встречному успокоиться, но вызывают в нем протест.

Первое звено всей жизни всюду — мир сердца.

Чем в большем мире идет по земле человек, тем больше и выше он видит. А чем дальше видит, тем все больше понимает, как он мал, как мало может и знает, как много еще ему надо достигать.

Переключите свои мысли, забудьте о себе и думайте только о том, чтобы не нарушить общей гармонии своими ключевыми токами. Проходя день, человек больше всего должен думать, как принести наибольшее количество мира в дела и встречи. Мир, который проливает одна душа другой, — это тот клей, который стягивает раны раздражения, прикладывает согревающий компресс к синякам бушующих страстей и льет бальзам в огорченное сердце собеседника.

Никогда не забывайте, что вся ваша деятельность, как бы высока она ни была, будет в большинстве случаев трудна вашим встречным, если вы сами в бунте и разладе. Наичценнейший труд не будет доступен массам, если сам труженик был одержим постоянной ломкой в своем самообладании. Его труд, даже гениальный, останется достоянием немногих, так как продвинуть великую или малую идею в массы народа может только тот, чьи силы живут в устойчивом равновесии.

Не имея мира в собственной душе, нельзя подать его другим. Дать можно только то, чем владеешь сам. Иначе все попытки принести мир и утешение человеку будут только пустоцветом, спиралью умствования, без смысла и цели посланными в эфир словами, где и без того немало мусора. Если проповедь новых идей малоэффективна, то это лишь потому, что она чисто формальна. Призывая к жертвам и лишениям ради высоких целей людей, проповедники чаще всего делают исключения для самих себя. Те же из них, кто несет проповедь не словом, а живым примером, всегда достигают успеха.

Иллюзии любви и красоты, создаваемые нашим воображением, до тех пор терзают нас, пока мы не завоюем себе сами полной свободы от них. И только тогда рушатся наши иллюзорные желания всякой красоты вовне, когда в нас оживет все то прекрасное, что мы в себе носим. Все толчки скорби, потеря, разочарований учат нас понимать, что нет счастья в условных иллюзиях. Оно живет только в свободном добровольном труде, не зависящем от наград и похвал, которые нам за него расточат.

Если же вы цените только жизненные блага вроде денег, драгоценностей, богатства и внешнего положения, связанного с ними, а вопросы духа для вас излишнее бесплатное приложение, ваши усилия приобрести истинное знание, которое присуще только высокой жизни, будут всегда кончатся разочарованиями.

Ищите знания, чтобы понять, что несчастья нет как такового. Все, все чудеса и несчастья носит в себе сам человек. Когда человеку открывается знание, он становится спокойным, ибо мудрость оживает в нем. Не ищите чудес, их нет. Ищите знание — оно есть. И все, что люди зовут чудесами, все только та или иная степень знания.

Перспектива, открываемая знанием, открывается каждому, как художнику чувство перспективы, не сразу. Книга духовного знания не лежит вовне, она в сердце человека. И читать ее может только тот, кто учится жить свой каждый новый день, в который он вступил, все повышая уровень своего творчества.

Не давай слишком много обещаний и не разочаровывайся в своих силах. Не глупость твоя заставляет тебя сомневаться во всем, а привычка скептически принимать все обстоятельства жизни. Привычка думать об одной жизни земли в отрыве от всей жизни Вселенной. Усвой основное правило каждого живого человека: научись диалектически мыслить. Не разрывай связи со всеми радостными силами природы. И когда настает твой час постичь знание всех элементов стихий природы, принеси к этому моменту в самом себе полный самообладания и гармонии сосуд.

Остерегайтесь не умствовать там, где нужна простота мудрости. Научитесь хотя бы только одному: не имея о чем-либо достаточных знаний, не отрицать того, что тебе говорят.

Мудрость не оказывает влияния извне. Она не проникает откуда-то в глубины духа. Она там живет. И пробудить ее в себе может только сам человек. И только сам человек — ограничитель собственного Света.

Если ты полон сияющей радостью, ты сразу увидишь в человеке чудо: он слит с гармонией, он идет в ней, несет в себе ее, хотя сам этого не видит. И каждый не видит по разным причинам. Один — потому, что карма держит его цепко, и никак он не может освободиться от страха, жадности и ревности, которым служил долгие годы. Другой не может вырваться из ряда предрассудков долга и личной любви. Третий топчется в лабиринте узкого ума и не может вырваться из него и попасть в творчество интуиции. Четвертый завалил себе выход к освобождению, бега весь день по добрым делам, а дома сея мусть и раздражение и т.д.

Не забудь вовек: все — в человеке. И только он один — творец своего пути. Вернее, каждый человек есть путь, и этот путь настолько близок к творчеству Единой Жизни, насколько смог освободить ее в себе человек».

Сделать визит Святославу Николаевичу нам не пришлось. Ровно за час до назначенного срока Святослав Николаевич появился у нас. Он был в полуфренче стального цвета (на мой взгляд, очень удобный костюм хотя бы потому, что не нужен галстук). При дневном свете я лучше рассмотрел его живое и энергичное лицо, знакомое мне по фотографиям. Карие глаза, уходящие вглубь, которые могли обретать жесткое металлическое выражение (как это было накануне), сейчас поблескивали веселыми, добродушными искорками.

Он извинился за вчерашнее недоразумение.

— Что вы! — отвел я его извинения. — Это я должен просить прощения за то, что вторгся в дом столь экстравагантным способом.

— Считайте, что это весть из России, — я протянул Святославу Николаевичу книгу стихов его отца: маленький томик в белом балакроне. — Может, она окажется той ласточкой, что сделает весну.

Святослав Николаевич объявил, что пришел забрать нас с собой. Гости уехали довольно рано. Комнаты для нас готовы.

Мы попытались расплатиться за ночлег в Рест-Хаузе, но Святослав Николаевич решительно воспротивился: «Со вчерашнего дня вы — мои гости». Мы простились со старинным замком, оставив в нем на неопределенное время — Святослав Николаевич обо всем договорился — нашего шофера-непальца.

Девика Рани, юная и одухотворенная красота которой хорошо известна по портретам работы ее мужа, встретила нас в высшей степени приветливо. Она была в ярком праздничном сари, в волосах — гвоздика. Сокрушенно разводя руками, она сообщила, что такой казус, чтоб некуда было поместить гостей, за двадцать девять лет их совместной жизни слу-

чился впервые. По ее словам, она так расстроилась, что не спала до двух часов ночи.

— То, что вы приехали, — сказала Девика, — хороший знак. Долина Кулу принимает далеко не всех. Многие хотят сюда попасть, а не могут.

Еще раз выяснилось, какое исключительное стечение обстоятельств благоприятствовало моей гималайской поездке. Обычно Рерихи в жаркое летнее время выезжают к себе в горы на месяц, а то и на два. Но на этот раз, так как год сложился напряженным — столетний юбилей Николая Константиновича Рериха требовал много сил и хлопот, — они вырвались сюда всего лишь на семь-восемь дней. И если бы я приехал в Индию чуть раньше или чуть позже, то вряд ли бы увидел Гималаи.

— Мистер Сидоров! — обратилась ко мне Девика с несколько торжественной интонацией в голосе. — Еще вчера я поняла, что в прежних жизнях вы быди индусом. Поэтому я повторяю то, что произнесла вчера мысленно: «Добро пожаловать на родную землю!»

Как я уже говорил, теория перевоплощения пустила цепкие корни в сознание индусов. Ее придерживается как религия, исповедующая многобожие, — индуизм, так и религия без Бога — буддизм. Да и многие духовные учения Индии, объявившие о разрыве с догматическими религиозными традициями, тем не менее строят здание своей духовной этики на краеугольном камне теории перевоплощения. Поэтому древнейший и таинственный символ — змея, кусающая свой хвост (его, кстати, можно обнаружить и в рукописях средневековых алхимиков), здесь считается олицетворением кругообразного движения человеческого духа. Человек живет не однажды, верят индусы, не однажды он возвращается на землю, и круг его жизней, разумеется, не замыкается на одном-единственном месте.

Проживший несколько воплощений в Китае может быть воплощен потом во Франции или в Англии, живущие в промышленных центрах Америки в следующей жизни могут оказаться в затерянных уголках джунглей и т.д.

В цикле человеческих жизней, говорят сторонники теории перевоплощения, не играет особой роли географическое положение. Даже национальность, религия и им присущие свойства не играют роли, если сам человек не привязал себя к ним ненавистью или преступлениями в такой же мере, как и суевериями или тяжкой любовью. Среди сил, сковывающих свободу духа человека, наиболее неразрывные связи плетет ненависть. Если, живя среди своего народа, человек ненавидел его, он будет много раз воплощаться в том же самом народе, пока не победит своей любовью всех горестных обстоятельств, а может быть, и преступлений, которые явились результатом его ненависти. Точно так же ненависть или презрение к чужой нации или стране, к их особым свойствам создают трудную кармическую связь, которую надо изживать века и века.

Любопытно сопоставить эти суждения с тонким и вдумчивым замечанием Ромена Роллана, который писал, изучая философско-духовные концепции Индии: «Сколь фантастической ни казалась бы человеку Запада эта теория перевоплощений, она устанавливает самую тесную кровную связь между людьми всех времен и таким образом оказывается родственной нашей современной вере во всеобщее братство».

С нашей точки зрения, эта теория столь же фантастична, сколь и поэтична. Но наука, штурмующая бесстрашно недостижимые ранее вер-

пины легенд и мифов, ныне подошла вплотную к тем проблемам, которые по-своему — иногда, может быть, слишком прямолинейно — пыталась решить традиционная вера Востока в переселение человеческих душ. Известны поразительные психологические феномены, изучаемые современной наукой: человек под гипнотическим воздействием вдруг начинает говорить на языке, который он заведомо не знает, или описывает местность, которую раньше он не видел. Разумеется, сейчас никто не возьмется дать однозначное истолкование этим явлениям. Здесь широкое поле как для экспериментов, так и для гипотез. Ясно одно: в генетическом коде человека зашифровано гораздо больше, чем мы могли предположить, а тем более — разгадать. Науке здесь еще предстоит сказать свое веское и авторитетное слово.

В какой-то беседе (точно не помню, с кем) я выразил сомнение: а не расслабляет ли теория перевоплощения и неразрывное с ней понятие кармы волю человека, не ведет ли к фатализму — ведь, согласно представлениям о карме, за все дурное человека должно непременно наступить возмездие (в той или иной жизни) так же, как все хорошие поступки в той или иной жизни будут обязательно увенчаны наградой? Не является ли это философией сугубой пассивности?

Помню, как бурно возражали мои собеседники. Философия Индии — это философия действия, сказали мне. Лишь того, кто не знаком с основами нашего мирозерцания, может удивить это. Ваше представление о пассивном характере нашей философии покоится на недоразумении: действие вы склонны путать с формой действия.

— Вы забываете, — говорили мне, — а иногда и не подозреваете, что так называемая пассивность подчас гораздо результативней прямолинейной активности. Тут многое зависит от конкретной ситуации и конкретных особенностей того или иного народа. История освободительной борьбы Индии, как вы знаете, богата именно формами пассивного сопротивления, которые нередко приносили успех и победу.

Разумеется, мы прекрасно понимаем, что теория перевоплощения рождает — особенно у тех, кто слепо верит в твердокаменные догматы религии, — автоматизм в поведении, застой в мыслях и делах. Но Учителя новой Индии, начиная с Вивекананды, считали первоочередным долгом бороться с духовным оцепенением своих сограждан, вытекающим из такого верования. Учителя Индии предостерегали и предостерегают:

«Перестаньте так часто говорить слово «карма». У вас создалась привычка все сваливать на это маленькое слово. Попали ли вы в тяжелую земную жизнь из-за собственной инертности или односторонности, как флюс, энергии — карма виновата. Не сумели вы устроить своей личной жизни в доброте и мире — карму за хвост в виде спасительного змея. Не смогли вы создать себе радостного окружения по причине, конечно, собственной разбросанности и несобранности на единой цели — снова карма. Не вышли вы в большие люди — еще раз карма и т.д., и т.п.

В результате — полное разочарование в текущей жизни, виновато окружение, выросло в сердце уныние и... или вы погубили воплощение, или вы в раздражении и зависти выковали себе пути к злу. Тот, кто часто повторяет слово «карма», а продолжает жить все так же, как жил год назад, вчера, сегодня, не ища в себе обновляющих сил доброты и радости, тот является таким же мертвецом среди живых, как и тот, кто постоянно думает о смерти и боится ее».

Но возвратимся к рассказу и гостеприимным хозяевам, заботами которых мы были размещены как нельзя лучше.

Нине Степановне отвели комнату внизу, мне — две комнаты с прилегающей к ним ванной наверху. Одна из комнат — бывшая спальня Елены Ивановны и Николая Константиновича Рериха. Это я понял из слов Девки: она любезно взялась показать мне мои апартаменты. Указывая на деревянные кровати, разделенные небольшим промежутком, она сказала: «This is a bed of madam Roerich», «This is a bed of mister Roerich». Здесь все сохраняет прежний вид. Тяжелые тумбочки (от времени они потемнели, потрескались). На стенах на специальных подставках — керосиновые лампы с белыми матовыми пузырями. Электричества тогда не было, и приходилось рассчитывать лишь на такое освещение. Впрочем, нужда в них не отпала и сейчас. При мне несколько раз выходила из строя электростанция, и мы в темноте, чиркая спичками, зажигали керосиновые светильники.

Дверь из спальни вела в другую комнату с книжным шкафом у стены и массивным письменным столом у окна. Это был кабинет Елены Ивановны Рерих. Здесь она работала: ранним утром при свете восходящего солнца, вечером — при свечах. К свечам у Елены Ивановны было особое пристрастие, и она не отказалась от них даже тогда, когда в доме появилось электричество. Выступающие стены угловой комнаты застеклены, и из окон открывается воистину божественная перспектива. Голубой простор. Горы, покрытые лесом. Заснеженные вершины. Видна двуглавая гора, напоминающая букву «М». С легкой руки Елены Ивановны ее так и называли: гора М. За окнами стояла тишина, прерываемая ровным рокотом реки Биас, бегущей по ущелью с севера на юг. Река считается священной. По преданию, на ее каменистом берегу мудрец и поэт Древней Индии Вьяси писал «Махабхарату». Впоследствии река получила его имя: Биас — трансформированное временем Вьяси.

Святослав Николаевич провел нас по дому, который теперь больше уже походит на музей, а мы соответственно этому — на экскурсантов. Дом построен, сказал он, сто с небольшим лет назад. Строил его англичанин, хирург по профессии, полковник по званию. Хватка военного человека тут угадывается во всем. Здание надежное, основательное, кирпичные стены чуть ли не метровой толщины. Вознесенное на высоту двух тысяч метров, окруженное высоким забором, оно напоминает крепость.

От прежнего владельца, хотя усадьба попала потом в другие руки, осталось немало вещей. Когда Рерихи договорились о покупке дома, они были удивлены, что на столовом серебре, равно как и на садовой утвари, стояли буквы H.R. — английские инициалы Елены Ивановны (Helene Roerich). Это было совпадением: британского полковника звали Хенри Ренник.

Дом спланирован отлично. К комнатам для хозяев, для гостей, для прислуги примыкают ванны, совмещенные с туалетом.

Из спальни Рерихов — а именно отсюда мы начали свой обход — мы попали в широкий просторный холл. Здесь, в этом зале, где некогда стояла большая позолоченная статуя Будды — впоследствии старший сын Рериха Юрий Николаевич привез ее в Москву, — по вечерам собиралась семья Рерихов. Часы отдыха, часы сокровенных бесед. Заводили патефон, слушали любимые пластинки. Вагнер, Римский-Корсаков, Стравинский, Скрябин. От прежних времен в холле остались: на полу огромный персидский ковер, на стенах тибетские ткани.

Дверь из комнаты направо ведет в гостиную с верандой, или, точнее, с балконом, превращенным в веранду. Дверь налево ведет в комнату Святослава Николаевича и Девики.

Холл и гостиная — святая святых рериховского дома. Сюда в былые времена допускались лишь самые близкие люди. Обычно гостей принимали на первом этаже в столовой — главной официальной зале всей усадьбы. Столовая расположена симметрично холлу на втором этаже. Только дверь направо ведет не в гостиную, а в студию Николая Константиновича. Эта комната — мы задержались в ней надолго — с двумя гигантскими окнами, глядящими на запад, почти в течение двух десятилетий была рабочим местом художника.

Последний — гималайский — период был особенно интенсивным в творчестве Рериха. Из пяти или семи тысяч картин (точное количество полотен Рериха до сих пор не установлено) здесь написано около половины. Мастер гор, как его называли уже в те годы, почти ежедневно писал с натуры гималайские пейзажи. Гималайская серия по справедливости считается вершиной творчества Рериха. Она являет собой пример небывалого в истории мировой живописи одухотворенного синтеза тем, мотивов, сюжетов (очень часто легендарных) всех стран, всех континентов, всех народов. Но, как известно — и об этом не раз заявлял сам художник, — главные, ведущие темы ему дали две страны, в его сознании слившиеся в единую Державу Света: Россия и Индия.

Сейчас мастерская превращена в галерею, открытую для каждодневного посещения. На стенах развешано несколько десятков работ художника: этюды, небольшие полотна. Посетителей, когда наступает туристский сезон, немало.

Выйдя из галереи, мы очутились в саду, который не только ночью, но и днем нам показался похожим на чащу леса. Магнолии, лимонные деревья, высокие сосны. С крыши вниз головами свисают ящерицы. То и дело они срываются и шлепаются тяжело и звучно на землю. А вот царь и повелитель здешнего сада — гигантский кедр, а под ним скульптура Гугу-Чохана — покровителя долины Кулу. Эта старинная скульптура знакома и по многочисленным фотографиям, и по портрету, написанному Святославом Николаевичем: он изобразил рядом с ней своего отца. Увековечена она и на картине Николая Константиновича. Кто бывал на его выставках, тот, наверное, запомнил выразительную фигуру каменного всадника на фоне фантастического цветения деревьев. Правда, пейзаж с той поры несколько изменился. Деревья вырублены, и сейчас Гугу-Чохан как бы парит в открытом пространстве.

По тропинке, выложенной камнями, мы спустились вниз к мемориалу Рериха. Мемориал, пожалуй, слишком громкое слово. Оно может ввести в заблуждение, ибо предполагает целый комплекс неких сооружений. А памятник художнику очень скромен. Это гранитный камень, некогда сорвавшийся с вершины. На нем на языке хинди высечена известная ныне всему миру надпись: «Тело Махариши Николая Рериха, великого русского друга Индии, было предано сожжению на сем месте 30 магхар 2004 года Викрам эры, отвечающего 15 декабря 1947 года. ОМ РАМ».

Невысокая ограда. Цветы. Несколько минут мы стояли молча. Потом Святослав Николаевич в задумчивости сказал:

— Когда отцу говорили, дескать, трудно жить на чужбине, он возражал: «Индия не чужбина, а родная сестра Руси». Тем не менее до самой смерти все мысли его были о России. И даже после смерти. Когда сжига-

ли тело отца, я помню, как в языках пламени лицо его медленно повернулось на север. В сторону России.

Нас позвали завтракать. В прохладном полусумраке столовой Девика обратилась ко мне с неожиданным вопросом:

— Мистер Сидоров, а не мешал ли вам спать нынешней ночью призрак?

Оказывается, дворец, в котором мы ночевали, как и положено любому порядочному старинному замку, имеет свое собственное привидение. Существует легенда, что в какие-то давние времена из-за несчастной любви там кончила жизнь самоубийством юная принцесса. И вот теперь после полуночи она бродит по комнатам замка, да еще с кинжалом в руках, до полусмерти пугая постояльцев. И особо дурной славой пользуется та комната, где мы расположились вчера с Ниной Степановной (кто знает, может быть, именно поэтому она и была незанятой?).

Я отвечал, что, судя по всему, роль этого привидения с успехом выполняла Нина Степановна. И рассказал ночную историю, что, естественно, вызвало дружный смех у Святослава Николаевича и Девика.

Честно говоря, наш ночлег в Рест-Хаузе явно сослужил нам хорошую службу, ибо давал обильную пищу для шуток. А это с самого начала позволило создать непринужденную атмосферу за столом. У нас установилось негласное правило: во время завтрака и обеда не касаться серьезных тем и проблем, не обсуждать их. Зато не было конца веселым воспоминаниям (одна история влекла за собой другую), юмористическим предположениям («Вы провели с Ниной Степановной романтическую ночь в замке», — не уставала со значением напоминать мне Девика.) Она говорила также, что мы разбудили своим появлением их дом, что мы как будто вернули старые времена, когда точно так же не смолкали за столом смех и шутки.

О Девике Рани мы, разумеется, были наслышаны. Мы знали, что она — внучатая племянница Рабиндраната Тагора, знали, что в свое время она была самой популярной кинозвездой Индии. Газеты называли ее «индийской Мери Пикфорд». Имя Девика Рани неотделимо от истории отечественного кино: она была не только знаменитой актрисой, но и постановщиком широко известных фильмов. Со Святославом Николаевичем они поженились в сорок пятом году. Сообщая в одном из писем об этом событии, его отец писал:

«Помимо великой славы в своем искусстве, Девика — чудный человек, и мы сердечно полюбили ее. Такой милый задушевный член семьи с широкими взглядами, любящий новую Русь. Елена Ивановна в восторге от такой дочери».

Девика рассказала нам о том, как боязно ей было входить в семью Рерихов.

— Ведь они были Махатмы, а я — простой человек. Хотя Елена Ивановна и относилась ко мне замечательно и называла меня «маленькая Лакшми», но на первых порах было очень трудно.

В том, что Рерихи — Махатмы, у Девика нет и тени сомнения. По-низив голос, она доверительно сообщила:

— Вы не представляете, как я испугалась, когда увидела вокруг спящего Святослава голубое пламя.

(Свечение, которое иногда можно наблюдать вокруг человека, в Индии называют аурой. Ее сейчас фиксируют при помощи приборов, изобретенных Кирилианом. Индусы верят, что некоторые люди обладают спо-

собностью видеть это свечение. Как я понял, Девика причисляет себя к таким людям. Голубой цвет ауры, по представлениям индусов, свидетельствует о большой духовной высоте и силе человека.)

— А вокруг мадам, — добавила Девика, — когда она спала, всегда горело голубое пламя.

О Елене Ивановне следует сказать особо. Как известно, и муж, и сыновья считали ее добрым гением своей семьи. В речи Святослава Николаевича постоянны ссылки на ее непререкаемый авторитет: «Матушка говорила», «Матушка нас призывала». «Ведущая» — так многозначительно назвал Николай Рерих картину, посвященную Елене Ивановне: женщина ведет своего спутника по крутым обрывистым тропам на светящуюся вершину. Нет ни одной живописной работы Рериха, в которой Елена Ивановна не принимала бы участия. Сюжеты многих картин — лучших картин! — заявлял художник — подсказаны ею. О ее жизни, поражающей воображение постоянным горением духа и сверхчеловеческим напряжением физических и внутренних сил, можно написать целую книгу. Я думаю, что со временем такая книга — и не одна! — будет написана.

Принадлежит к родовой фамилии — достаточно сказать, что Елена Ивановна была правнучкой фельдмаршала Кутузова, племянницей Мусоргского, — признанная красавица своего круга, она имела возможность сделать блестящую партию. Пророчили ей и великую музыкальную будущность: в ней рано проявился дар пианистки. Но Елена Ивановна предпочла другое. Соединив свою судьбу с судьбой Николая Константиновича Рериха, она избрала многотрудный путь первопроходцев, поставивших перед собой целью синтез восточной и западной духовной культуры. Елена Ивановна много переводила; ее перу принадлежат опубликованные под псевдонимом книги: «Основы буддизма», «Криптограммы Востока». Издано два тома ее писем. Но главный жизненный и духовно-творческий подвиг Елены Ивановны заключается в том, что, общаясь с Махатмами, она сделала достоянием нашего времени их огненную йогу (Агни-йогу), обобщающую опыт прежних йог и дающую древним символам и древним принципам современное научное толкование. Книги, в которых изложены мысли духовных Учителей Востока — их первые публикации относятся к двадцатым — тридцатым годам, — известны под общим названием «Живая этика». Ныне становится ясным, что в них поставлены ключевые, неотложные для нашего космического века проблемы.

— Рерихи в Индии на особом положении, — продолжала рассказ Девика. — К нам приезжают, у нас живут немцы, англичане, американцы, французы. Некоторые из них искренне пытаются приспособиться к нашим условиям, ходят в наши храмы, носят нашу национальную одежду. Они становятся как бы индусами. А вот Рерихи в Индии не приспособились, они всегда в ней оставались русскими. Но именно они-то и нашли путь к индийской душе, а не те, которые усвоили некоторые особенности нашего внешнего поведения.

Те, кто видел Девиду, знают, сколь удивительно ее сходство с изображениями на портретах Святослава Николаевича. Оно тем более удивительно, что минули годы и десятилетия, а Девика все та же. Можно подумать, что она обладает секретом вечной юности и красоты. Некоторые в этом уверены. Помню, как в Москве, улучив удобный момент, моя жена просила Девиду поделиться рецептом неувядающей молодости. «Может, нужен какой-то строгий режим дня и питания? — спрашивала она. — Может, существуют какие-то определенные упражнения?» Смеясь, Девид

ка отвечала: «Весь секрет в том, чтоб в голову не приходили никакие желания». Это, по всей вероятности, соответствует истине, но тем не менее Девика — я-то знаю — ежедневно занималась упражнениями по системе йоги, и на них у нее уходило довольно много времени. Из-за этого, как правило, она не появлялась к завтраку.

В Индии хорошо усвоили мысль о том, что тело является своеобразным слугой, причем подчас — весьма строптивым.

Тело в трамплин превращаться не хочет. Хочет слуга, чтоб служили ему.

Поэтому «слугу» здесь стараются держать в ежовых рукавицах. А вот к нашему увлечению йогой в Индии относятся сдержанно, порой — отрицательно. Узнав о том, что я пытаюсь ставить дыхание по методу Вивекананды, то есть вдыхаю воздух одной ноздрей и, задержав его на несколько секунд в себе, выдыхаю через другую — об этом я сообщил с чувством некоторой гордости, — Девика испуганно всплеснула руками.

— Мистер Сидоров, неужели вы не понимаете, что в условиях города вы вдыхаете яд, а применяя йоговский способ, насыщаете ядом все клетки своего организма. Такие упражнения у нас делают где? На берегу реки, в лесу, в горах. Кстати, не думайте, что везде и всюду можно принимать любые асаны. Самые сложные из них в городе, например, абсолютно противопоказаны.

В Индии, как я убедился, считают, что система физических упражнений, именуемая хатха-йогой (а в основном у нас увлекаются ею), ни в коей мере не может являться самоцелью. Предупреждают, что при низком нравственном уровне человека она обязательно даст уродливые последствия. Хатха-йога, считают здесь, может играть лишь вспомогательно-подчиненную роль на путях внутреннего совершенствования человека. В Индии выделяют четыре главных пути такого совершенствования и соответственно этому выделяют четыре главных йоги: бхакти-йогу (путь любви к людям), карма-йогу (путь постоянного действия), жнани-йогу (путь знания) и, наконец, царственную раджа-йогу (путь исключительно духовных углубленных медитаций и безмолвия).

Неверными оказались и наши предположения насчет вегетарианской кухни в гималайском ашраме Рериха. Мы ехали к Рерихам в полной уверенности, что какое-то время нам придется поститься. Мы знали, что родители Святослава Николаевича были вегетарианцами, он, мы полагали, тоже. Но нет. В первый день на обед нам подали куриные котлеты. На другой день — баранину. Хозяева, как и мы, спокойно ели мясо.

Точка зрения Святослава Николаевича на вегетарианство проста. Воздержание от мясной пищи — вещь хорошая. Но вегетарианство, как и хатха-йогу, нельзя превращать в самоцель. Если б дело сводилось к отказу от определенного вида пищи, то задача духовного преобразования человека крайне бы упросталась. Стал вегетарианцем, и ты — на высоте. Но в действительности все обстоит несколько иначе. Если гений и злодейство — вещи несовместные, то вегетарианство и злодейство могут, увы, преспокойно уживаться в человеке.

И потом. Быть или не быть вегетарианцем в значительной мере зависит от условий, в которых ты живешь, от обстоятельств, в которых ты очутился. Вивекананда был строгим вегетарианцем. Но в Америке он делал то, что абсолютно неприемлемо для правоверного индуса, — ел говядину. Не надо быть рабом буквы догмата. Остальное, как говорится, приложится.

На почве увлечения вегетарианством со Святославом Николаевичем случилось забавное происшествие. В молодости ему пришлось жить в Париже. В то время в Париже был ресторан — модный и потому довольно дорогой, — который специализировался на вегетарианских блюдах. Святослав Николаевич усердно его посещал. Потом на некоторое время он уехал из Парижа. Вернувшись, он повел свою спутницу — тоже убежденную вегетарианку — в этот ресторан. Метрдотель сразу узнал постоянного посетителя. «Мосье, вы очень давно у нас не были». — «Я находился в отъезде, — сообщил Святослав Николаевич, — и соскучился по вашей кухне. Особенно мне нравятся ваши овощные супы». Метрдотель согнулся в учтивом поклоне: «О да, мосье. Мы ведь делаем их на изысканном мясном бульоне».

Мы весело засмеялись, представив себе, какие лица были у Святослава Николаевича и его спутницы. По словам Святослава Николаевича, та чуть не упала в обморок.

Я сказал, что аналогичная история была и со Львом Николаевичем Толстым, которому Софья Андреевна, заботясь о здоровье мужа (и, конечно, тайком от него), знаменитые рисовые котлеты тоже готовила на курином бульоне.

— Так что, очевидно, справедливо старинное изречение, — заключил я. — Враги человеку — ближние его. Мешают ему, не дают ему стать совершенством.

После обеда в доме Рерихов воцаряется тишина. По порядку, заведенному исстари, все расходятся отдыхать по своим комнатам. Мне не спалось. Я ходил по кабинету Елены Ивановны, трогал руками вещи, любовался горным пейзажем, снегами, сверкающими на солнце, облаками, что наползали на седловину хребта. А потом за столом, где стоит письменный прибор Елены Ивановны, знакомился с материалами военной поры.

От Святослава Николаевича я знал, как встретила весть о начале войны маленькая русская колония в Гималаях. На другой день Юрий и Святослав Рерихи дали телеграмму в Лондон нашему послу Майскому с просьбой зачислить их в ряды действующей армии. Каждый вечер у радиоприемника собиралась вся семья. Слушали московские известия. Святослав Николаевич показывал старые английские газеты с лаконичными сообщениями:

«Академик Рерих и его сын Святослав пожертвовали на Русский Красный Крест 500 английских фунтов и 10000 рупий на военные нужды».

«Издательство «Китабистан» в Аллахабаде к семидесятилетию академика Рериха выпускает 12-й том его сочинений под названием «Химават» в пользу Русского Красного Креста».

И вот записи, сделанные рукой Николая Константиновича Рериха в период Великой Отечественной войны. Тревожные и горькие вначале, они становятся все более радостными по мере приближения войны к концу.

«Русские славные победы гремят. Подвиг совершается, «идет война народная, священная война». Эти дни мы все слышали о наших прежних местах. (Запись помечена четвертым февраля сорок четвертого года.) Вот наша станция Волосово, а теперь она уже город. Леможа, Заполярье, Извара — все наши места. Так хочется там, на Руси, помочь всем знанием, всем опытом, всеми накоплениями.

Все-таки мало знают нашу великую Родину. Хорошо еще, что умножаются уроки русского языка. Пишут, что в России теперь кличка «ан-

тикультурный» является ругательством. Русские воины идут вперед с кличем: «За Толстого! За Пушкина!» Знаменательно.

Какая героическая молниеносность в русских победах! Неслыханно, чтобы в один день брать тысячи мест, и среди них первоклассные крепости! Какая-то непобедимая лавина! Что-то суворовское и кутузовское!

Заспешили большие события. Уже в третий раз русские войска в Берлине. 1756, 1813, 1945 — каждое столетие.

Много русских сердец поверх всех преходящих трудностей живут о славе любимой Родины. И эта слава рождается не из шовинизма, но из быстрокрылой мечты о светлом будущем. Привет всем народам Великой Руси. На пожарище возведется дом прекрасный. Израненные стены и башни вознесутся еще краше. Народы еще глубже поймут ценность своего творческого достояния. Да будет! И будет расцвет мысли и творчества».

После чаепития, которое в доме Рерихов тоже является традиционным, мы перебрались в гостиную.

— Вот здесь, — Святослав Рерих указал на угол комнаты, где стояли кресла с выцветшей ситцевой обивкой, — беседовали Неру и мой отец. Я давно был знаком с Неру. У меня установились дружеские отношения со всей его семьей. Неру хотел познакомиться с отцом, но мешали дела. В мае сорок второго года Неру вместе со мной отправился в долину Кулу. Здесь он провел неделю. Я воспользовался случаем и написал тогда целую серию этюдов и портретов Неру. Он, как вы знаете, был совершенно изумительный человек — глубокого, неповторимого сердца, большой широты взгляда. И, будучи исключительно культурным человеком, он, конечно, являлся прекрасным руководителем для Индии. Я его не только уважаю, но и люблю. И, конечно, в моих портретах я старался передать то, что о нем знаю, вижу и видел в нем.

Из очерка Николая Константиновича «Неру» мы знаем характер и содержание бесед. «Говорили об индорусской культурной ассоциации, — сообщает Рерих. — Пора мыслить о кооперации полезной, сознательной».

Если вспомнить, когда проходила встреча — разгар войны, страшное лето сорок второго года, — то становится понятным, что так спокойно, так обстоятельно о проблемах будущего могли беседовать люди, абсолютно уверенные в будущем. Так могли беседовать лишь мудрецы, которым оно открыто.

— Неру с чувством высочайшего благоговения относился к Ленину, — говорит Святослав Николаевич. — Он считал его Махатмой. Если вы читали его письма, то, конечно, знаете это.

Я читал эти письма — они составили книгу «Взгляд на всемирную историю», — перед отъездом их вновь перечитывал и отлично помнил слова, адресованные Джавахарлалом Неру своей дочери.

«Год, в котором ты родилась, 1917 год, был одним из самых замечательных в истории, когда великий вождь с сердцем, преисполненным любви и сочувствия к страдающим беднякам, побудил свой народ вписать в историю благородные страницы, которые никогда не будут забыты. В тот самый месяц, когда ты родилась, Ленин начал великую революцию, изменившую лицо России и Сибири».

— Получилось так, — завершает рассказ Святослав Николаевич, — что мой отец и Неру больше уже не виделись. Англичане вскоре заключили Неру в тюрьму. А когда он вышел на свободу и Индия обрела независимость, ушел из жизни мой отец. Неру, будучи уже премьер-министром, открывал в Дели первую посмертную выставку моего отца.

От майских дней сорок второго года осталась фотография. Впоследствии она не раз репродуцировалась в журналах и газетах. На переднем плане снимка — Джавахарлал Неру, Николай Рерих, Индира Ганди, Святослав Рерих. На заднем — под большим зонтиком от солнца — Елена Ивановна. Лица ее не видно. Елена Ивановна не любила фотографироваться и соглашалась сниматься лишь в самых исключительных случаях.

Конечно, и в этот день, и в другие я расспрашивал Святослава Николаевича о нем самом, о его картинах, о его творческих установках. Он охотно отвечал на мои вопросы.

«Ключ к моим картинам, к моему творчеству — в моем отношении к жизни. Я люблю жизнь, меня жизнь всегда интересовала. Интересовала не только жизнь людей, но жизнь всей природы — вся жизнь. Я всегда, уже с детства, увлекался всем, что природа нам дает. И теперь ничто не доставляет мне столько удовольствия и радости, как погружаться в природу и читать ее книгу, эту книгу мудрости. Она разлита во всем: в крыльях бабочек, в сиянии кристаллов; ее вы встретите в цветах, в опылении, в жизни насекомых. И эта радость, которую я ощутил именно в контактах с природой, и есть ключ к моему творчеству и моим картинам.

...Много моих картин, как вы знаете, посвящено Индии, потому что я живу в Индии, потому что я хотел отразить жизнь Индии, ту жизнь, которая меня особенно привлекала и которая, может быть, меня поражала. Я не знаю, насколько это мне удалось или удастся. Индия настолько многообразна, что отразить ее всю, во всем ее сверкании очень трудно. Но все же я считаю, что мой долг — это сделать.

...Мой подход к Индии был не только через искусство, но и через мысль Индии, являющуюся совершенно исключительным феноменом. Она выкристаллизовалась на протяжении столетий, тысячелетий в замечательные философские системы. Все это говорит о древней культуре, которая пронизывает все искусство. Эта культура исключительно высокого уровня, это то, что делает Индию великой страной.

...Можно ли сказать, что мне помогает русский реализм? Да. Мои истоки в России. Я был полон русским искусством, это были мои истоки, и на них основано все мое последующее знание».

Невзирая на все уважение к традициям дома, мы в первый же день внесли изменения в устоявшийся распорядок. Припозднились основательно. Перед сном Святослав Николаевич провел нас на балкон, чтобы мы рассмотрели здешнее ночное небо. Указывая на яркий звездный сектор, сказал:

— Созвездие Ориона.

Это созвездие пунктуально, примерно в одиннадцать вечера (исключая весну, когда оно несколько уклоняется в сторону) восходит над гималайским домом Рерихов.

«Перед новыми поворотами в пути страдают только те, кто носит в себе еще не растворенным в любви свое «я». Кто ищет, отягощенный страстями, тот еще больше заблуждается.

Если человек говорит, что любит науку, а не любит людей, для которых он ищет знаний, не видит в людях высших целей — он только гробкопатель науки. Если человек идет по жизни, не замечая жертв и самоотвержения тех, кто сопровождает его в этой жизни, он не дойдет до тех высших путей, по которым идут истинно великие люди. Если в человеке атрофируется нежность, доброта по мере того, как он восходит в высокие степени учености и славы, он сам лишает себя всех возможностей достичь

радости общения с людьми, пленяющими его полнотой и размахом своей деятельности. Точно так же обстоит дело и с любовью к природе. Чтобы заметить ее усилия помочь каждому любить ее в себе и себя в ней, надо научиться замечать подвиг жизни своей родной матери. Научиться любить ее, чтобы во всю дальнейшую жизнь навсегда знать, что такое любовь.

Всякая форма любви, где есть страх, непременно будет безобразной.

Ты должен думать, и думать очень крепко, чтоб в сердце твоём не шевелился червь ревности. Большого ужаса, чем пронизать свою жизнь припадками ревности, нельзя себе и представить. Всю жизнь себе и окружающим можно отравить и даже потерять весь смысл долгой жизни только потому, что дни были разъедены ревностью. Можно иметь великий талант, можно увлечь человечество в новые сферы литературы, музыки, живописи — и все же создать себе такую железную клетку страстей в личной семейной жизни, что придется годы и годы изживать ту плесень на своем духе, что нарастил в ревнивой семейной жизни.

В девяноста девяти случаях из ста то, что люди называют любовью, на самом деле или их предрассудки и суеверия, или их себялюбие. Истинной любовью будет лишь та, которая раскрывает все способности и таланты к творческой деятельности, которая освобождает дух человека.

Всякая разлука только до тех пор мучительна, пока у человека не созреет сила духа настолько, чтобы посылать творческий ток любви своему любимому с такой энергией, которая сплетала бы в любую минуту в одну общую сеть преданность обоих. Эта мощь духа так же развивается, как и всякая иная способность человека. Ежедневная радостная мысль о человеке равняется постройке рельсов для молниеносного моста, на котором можно научиться встречаться мыслями с тем человеком, о котором будешь радостно, чисто, пристально и постоянно думать.

Не забывайте, что самые важные встречи человека — это его встречи с детьми. Обращайте больше внимания на них — мы никогда не можем знать, кого мы встречаем в ребенке.

Ребенок — это не тиран, который завладевает всею твоею жизнью. Не идол, для которого ты отрежешь себя от всего мира и весь мир от себя, чтобы создать замкнутую, тесную ячейку семьи, связанной одними личными интересами: любовью к «своим». Ребенок — новая связь любви со всем миром, со всей Вселенной. Это раскрепощенная любовь матери и отца, у которых будет расти не «наш», «свой» ребенок, но душа, данная на хранение.

Не забывайте, что дети, родившиеся у вас, — не только плоды плоти и крови, принадлежащие вам. Но это те драгоценные чаши, которые Жизнь дала вам на хранение, улучшение и развитие в них их творческого огня. Не прилепляйтесь к ним, как улитка к раковине. Всегда думайте, что в вашем доме им пожить и погостить суждено какое-то время, чтобы созреть к собственной жизни.

Дети не только цветы земли. Они еще и дары ваши всей Вселенной. Через них вы или помогаете возвышаться человечеству, или остаетесь инертной массой, тем месивом, из которого, как из перегнившего леса, лишь через тысячи лет родятся уголь и алмаз.

Это неважно, каков будет первоначальный, тайный источник вашей накопившейся любви. Любя одного человека до конца, вы — именем его — будете служить миллионам.

Если сегодня любовь в сердце однобока и может понимать счастье

только в любви к «своим», то завтра — по тем или иным причинам — сознание человека может расширяться, и он охватит своею любовью «чужих». Двигаясь дальше по пути совершенствования и знания, человек осознает, что нет вообще чужих и своих. Что есть везде и всюду такие же люди, как он сам. Этот человек мог продвинуться дальше и выше. Другой мог сильно отстать и остаться еще в стадии двуногого животного. А третий мог так далеко шагнуть вперед, что приходится зажмуриться, чтобы иметь возможность на него посмотреть.

Важнее для праведника указать другому путь в рай, хотя бы самому и споткнуться. Не тот день считай счастливым, который тебе что-то принес приятное, а тот, когда ты отдал людям свет сердца. Вглядывайся во всех встречаемых. Если ты встретил человека и не сумел подать ему утешающего слова — ты потерял момент счастья в жизни.

Верьте не в чудеса вне вас, а в чудо живущей в вас самой любви, притягивающей к себе весь огонь сердца встречного.

В любви не стоят на месте. Любовь — живая сила, и ее надо все время лить по новым и светлым руслам. Любовь признает один закон: закон творческой отдачи. И все то, что ты отдаешь людям, любя их, снисходя к ним, все это, как ручьи с гор, посылает тебе Жизнь.

Знайте твердо: до последнего момента надо верить и надеяться пробудить в человеке его святая святых. До последних сил сердца надо молить Жизнь о помощи заблуждающемуся, заблудившемуся или оступившемуся, ибо в каждом живет Она, а для Ее пробуждения нет ни законов логики человеческой, ни законов времени человеческого.

Держи сердце широко открытым. Следи, чтобы ни один его лепесток не закрылся. Лей молча любовь и не приходи в отчаяние, если человек не подбирает твоей любви, остается беспокойным и непросветленным. Не думай о последствиях, но всегда действуй сейчас.

Действовать не значит всегда и молниеносно побеждать. Это значит только всегда вносить пробуждение в дух человека, хотя бы внешне это имело вид, что ты не принес человеку мгновенного успокоения.

Сострадать — значит прежде всего мужаться. Так мужаться, чтобы бесстрашное, чистое сердце могло свободно лить свою любовь. А любовь, пощада и защита — это далеко не всегда ласковое, потакающее слово. Это и укор, это и удар любящей руки, если она видит, как падает дух человека, чтобы трамплином своей силы подкинуть огня в снижающийся дух и энергию человека. Это и награда за текущий день, прожитый в чистоте и творчестве.

Не отчаивайся, не считай себя бессильным в иные моменты жизни, когда стоишь перед скорбью и смятением человека и думаешь, что не можешь ему помочь. Нет таких моментов, где бы чистая любовь и истинное сострадание были бессильны, не услышаны теми, к кому ты их направляешь, и оставлены без ответа. Правда, не всегда твои чистые силы проявляются мгновенно внешней помощью встречному. Факты внешнего благополучия, единственное, что ценят люди как помощь, далеко не всегда составляют истинную помощь. Но каждое мгновение, когда ты вылил помощь любви, как самую простую доброту, ты ввел своего встречного в единственный путь чистой жизни на земле: в путь единения в мужестве, красоте и бесстрашии.

Расширяйте действенную любовь в ваших сердцах в труде простого дня. Не думайте так много о себе, о подвиге своего спасения. Думайте чаще и больше о мире, о живущих в нем людях, ищущих любви, зовущих

и молящих о помощи и спасении. Посылайте каждому сердцу вашего сердца привет. Это ничего не значит, что в момент сосредоточения и тишины вы не видите людей и мир. Вы — люди, вы — мир, вы можете так широко любить и благословлять людей, печальных, неустойчивых и несчастных в своей жизни, что волны вашего доброжелательства долетят до них и принесут им успокоение.

Никакая энергия, посланная человеком в доброте, не может пропасть в мире. Энергия зла окутывает только тех, в ком встречается раздражение. Тогда она может угнездиться в человеке. А энергия доброты не минует ни одно существо в мире и если не освободит, то облегчит каждого страдальца, мимо которого мчится.

Чем выше и дальше каждый из нас идет, тем яснее видит, что предела достижения совершенства не существует. Но дело не в том, какой высоты ты достигнешь сегодня. А только в том, чтобы двигаться вперед вместе с вечным движением Жизни. А войти в него, в это движение, можно только любовью. Если сегодня ты не украсил никому дня твоей простой добротой — твой день пропал. Ты не включился в вечное движение, в котором жила сегодня вся Вселенная; ты отъединился от людей, а значит, не мог подняться ни к какому совершенству. Туда путь один: через любовь к человеку.

Никто не может быть отделен от человечества ни в чем: ни в дурном, ни в хорошем. В каждом из нас воплощено все человечество. Это не риторический оборот, не художественный образ, а реальная действительность.

Все низменное и дурное, вызывающее у тебя естественное чувство отталкивания, протест, брезгливость, живет и в тебе же самом, но оно живет в связанном состоянии, запрытанное так глубоко от тебя, что ты об этом и не подозреваешь. Иногда необходимо чрезвычайное обстоятельство, чтоб оно выявило себя.

Из этого вытекает призыв к неосуждению, которое имеет практический результат для самого тебя: отрицая и обличая других, ты не подозреваешь, что отрицаешь и обличаешь самого себя. Неосуждение важно еще как этап, предшествующий состраданию. Целительная сила сострадания, как некий бумеранг, возвращаясь к тебе же, помогает изжить в тебе то, что глубоко и подчас скрыто от тебя.

Но если в тебе живет все дурное и низменное, то, с другой стороны, в тебе живет все высокое и героическое. Но оно тоже находится в тебе в связанном состоянии, неосознанное тобою. Понимание этой стороны дела уничтожает питательную почву зависти: все высочайшее, что доступно избранным человечества, доступно и тебе. Просто нужно быть внимательным к себе и не бояться себя и силы своей.

Все действия человека куют его связь со всем миром. Как бы ты ни жил, отъединиться от связи с людьми ты не можешь. Ты можешь только своим поведением ковать ту или иную связь, ткать ту или иную сеть, в которую ловишь людей и ловишься сам. Тобой создается та или иная атмосфера добра или зла.

Постигни, что служение ближнему — это не порыв доброты, когда ты готов все раздать, а потом думать, где бы самому промыслить что-нибудь из отданного для собственных первейших нужд. Это вся линия поведения, весь труд дня, соединенный и пропитанный радостью жить. Ценность ряда прожитых дней измеряется единственной мерой: где и сколько ты выткал за день нитей любви, где и как ты сумел их закрепить и чем ты

связал закрепляющие узлы. Оцени радость жить не для созерцания мудрости, не для знания и восторгов любви, но как простое понимание: все связано, нельзя отъединиться ни от одного человека, не только от всей совокупности обстоятельств».

Утром, причем довольно рано, меня разбудил мелодичный звон колокольчика. Его сопровождало монотонное пение. Звон колокольчика повторялся потом каждое утро, и однажды я спросил у Святослава Николаевича: что это значит? Он пояснил, что, по представлениям индусов, дом его отца — ведь отца здесь называют то Махатмой, то Махариши, то Гуру-Дэвом — священный. Поэтому каждый день вне зависимости от погоды (жара ли, холод, дождь, снег, вьюга — все равно) местный пандит совершает ритуальный обход вокруг дома. Такова традиция.

После завтрака Святослав Николаевич уехал по делам в город. Я же отправился бродить по саду, опять спустился вниз к памятнику Рериха. Возвращаясь, я увидел, что у кедра-великана пандит (тот самый, что разбудил меня утром; он был смугл, худощав) готовится к какому-то обряду. Глиняная чаша была наполнена водой. На постаменте статуи у ног Гугу-Чохана горели благовонные палочки. Потом я узнал, что за два месяца до нашего приезда в дерево ударила молния. Ударила странным образом, не обуглив его, а как бы прорезав секирой. Пандит должен был спросить небо: к чему это — к добру или не к добру? Обряд-гадание заключается в следующем. В воду опускаются три навозных шарика: один — с лепестками розы, другой — с зернышками риса, третий — с травой. Если всплывет шарик с розой — значит к добру, если с рисом — то это еще полбеды, нужно принести очистительные жертвы и все будет в порядке, а вот если с травой — тогда худо. Всплыл шарик с лепестками розы.

Но этого я уже не видел, потому что прошел к себе, чтоб сделать кое-какие пометки в блокноте. Правда, уединение мое длилось недолго, ибо почти немедля Девика послала за мной.

Надо сказать, что Девика принимала во мне — очевидно, как в бывшем индусе — самое живое участие. Она без конца забрасывала меня вопросами: как я себя чувствую? почему грущу? (если на минуту я позволял себе задуматься). Слова «мистер Сидоров» не сходили с ее языка. Она гадала мне по руке и, как водится в таких случаях, наговорила мне кучу приятных вещей.

На этот раз она хотела познакомить меня с пандитом. Мы — Девика, Нина Степановна, я — уселись в плетеные кресла в тени деревьев, а пандит, подобрав ноги под себя, под палящим солнцем, которого он, по-видимому, не опасался, — на земле. Он начал петь, покачивая равномерно головою в такт пению.

— Ригведа, — сообщила Нина Степановна.

В смысл слов я, естественно, проникнуть не мог, но сам ритм был замечательный: бодрый и в то же время умиротворяющий.

Короткая пауза: мы воспользовались ею, чтоб передвинуться поглубже в тень. А пандит поднялся и запел стоя, воздев свои руки к солнцу. Ритм пения резко изменился. Мне даже почудилось, что он стал несколько угрожающим.

— Гимн в честь огня, — сказала Нина Степановна.

Свет есть огонь, разжиженный огонь, огонь, которым управляют боги.

Этот мантрам о космическом огне, пронизывающем нашу земную

сферу, мне показался довольно примечательным. С помощью Нины Степановны я записал его в свой блокнот.

«Огонь подступает к домам, лижет лица людей, а люди не знают. Но все ли люди не знают? Не все.

Тот, кто знает, но хочет знание свое схоронить от людей, — будет сметен!

Тот, кто знает, но в страхе свои закрывает глаза, — будет сметен!

Тот, кто не знает и знать не захочет, — будет сметен! Тот, кто не знает, но сердцем чист, как дитя, — будет спасен!

Огонь на огонь — в этом ваше спасенье. Утончайтесь духовным огнем, берегите сердце чистоту. Аум».

Но вот пение кончилось, и начался наш гималайский сатсанг. Пандит высказал твердое убеждение, что наша сегодняшняя встреча в сердце священных гор может означать лишь одно: все мы связаны кармически прежними рожденьями.

Я спросил у пандита, где он учился, откуда он знает столь досконально Веды (Девика говорила, что он может читать их часами наизусть).

Оказалось, что пандит не получил никакого образования — даже обычного, школьного, — а учился он у Махатмы, который жил некогда неподалеку отсюда в горной пещере.

Будущий священнослужитель был мальчиком, когда Махатма взяла его к себе. Двенадцать лет он был его учеником.

— А потом, — пандит взмахнул руками, как крыльями, — Махатма улетел.

— Как улетел?

— При помощи воздушной йоги. Как птица. Поскольку в рассказах индусов порою очень трудно провести грань между действительностью и воображением (а сами они, убежденные в реальности тех или иных феноменов, не утруждают себя более или менее весомыми доказательствами), приходится это сообщение, как и многое другое, оставить на совести собеседника.

Узнав о том, что я пишу стихи, пандит одобрительно кивнул, присоветовав к этому короткой мантрам, который в переводе выглядит так:

— А творчество возникло из молитвы. Да будет вновь молитвою оно!

Он убеждал меня быть устремленным в сторону вечного и духовного («Сейчас, как никогда, это исключительно важно для всех людей на земле»). Однако мне, по мнению пандита, следовало освободиться от большого внутреннего недостатка: его можно назвать самопогруженностью, можно — самовлюбленностью, а если быть совсем точным, то привязанностью к своему низшему «я».

— Когда пишешь, — учил меня пандит, — ты должен как бы отойти от жены, от семьи, от всего внешнего. Ты должен быть отстраненным, как махараджа. И все придет само по себе.

Когда я возразил, дескать, трудно полностью отключиться от забот, от суеты, пандит отвечал: совсем нетрудно. Нужно решиться лишь один раз и потом не сворачивать с пути.

— Но, — пандит предостерегающе поднял указательный палец, — ни на мгновение не надо забывать: все, что звучит в тебе, идет не от тебя, а через тебя, сверху. Необходимо все время помнить об этом.

Должен признаться, что на первых порах меня поражило — потом я привык — упорное стремление индийского собеседника оберегать высокие слова, если они произнесены по тому или иному поводу, от давления

своей личности. «Не я, а через меня», — в какой-то момент разговора вам обязательно скажут это. Девика, которая призывала меня, собственно, к тому же, к чему призывал пандит, не уставала напоминать: «Но это не Девика вам говорит, а через Девику вам говорится». То же самое заявлял и пандит, когда напутствовал меня, прощаясь. А сказал он мне следующее:

— Вся жизнь — ряд черных и розовых жемчужин. И плох тот человек, который не умеет носить в спокойствии, мужестве и верности своего ожерелья жизни. Нет людей, чье ожерелье жизни состояло бы из одних только розовых жемчужин. В каждом ожерелье чередуются все цвета, и каждый связывает жемчужины шнурком своих духовных сил, нося все в себе.

Есть ученики, дарящие жемчужины черные: они идут путем печалей и несут их всем встречным. То не твой путь. Есть ученики, дарящие всем розовые жемчужины радости, и тот путь тебе определен.

Но навсегда запомни, что путь ученичества равно велик перед вечностью, несешь ли ты в своей чаше розовые жемчужины радости или черные жемчужины скорби. Чаша радостного только кажется легче. На самом же деле людям одинаково трудно нести в достоинстве, равновесии и чести и чашу радости, и чашу скорби.

— Собственно, что такое радость? Если есть примесь личного, то это не радость. Подлинная радость не имеет точки отсчета, ибо личность растворена в беспредельности. Существо дела можно выразить словами: радость — это жизнь беспредельного в тебе и через тебя.

Так говорил Святослав Николаевич, продолжая тему, затронутую пандитом. После обеда и короткого отдыха хозяева вызвались показать нам ближайшие окрестности. Мы вышли за ограду дома и вскоре очутились в лесу. Нас предусмотрительно снабдили палками, потому что лес изобилует крутыми спусками и подъемами, и на узкой тропинке легко было поскользнуться. Мне вручили толстую трость с монограммой: N. K.

— Если тоска — это сужение сердца, то радость — его расширение. А радостное расширение сознания называется мудростью.

В некоторых духовных источниках страданию противопоставляется радость, что, на мой взгляд, совершенно неправильно. Эта дуада противоположностей, очевидно, должна выражаться словами: страдание — удовольствие. Радость (если мы определяем ее как особую мудрость) может быть связана с состоянием удовольствия и страдания, а может быть не связана. Не секрет, что удовольствие, особенно низменного плана, ведет отнюдь не к радости, а к разочарованию и скорби. А страдание, внутренне осмысленное и внутренне пережитое, может привести в светлую гавань радости. Во всяком случае, радость — это то свойство души и духа, к которому надо стремиться, а не изживать, и потому не следует ставить радость в дуаду противоположностей.

Спутницы, увлеченные своим женским разговором, сильно от нас поотстали. Поджидая их, мы сели на сваленное ветром дерево. Святослав Николаевич снял шляпу, положил ее на колени. На его мизинце веселым синим светом играл сапфир. («Дар реки Биас», — рассказывал Святослав Николаевич. Он нашел камень на берегу реки и отдал оправить его.)

— Мудрецы утверждают, что огонь творчества раскрывает двери духу, и потому творчество дает радость человеку, ни с чем не сравнимую. Путь искусства один из самых трудных на земле хотя бы потому, что не всем, как говорится, дано петь песню своей любви, и кто-то должен петь

песню любви лишь для других, проявляя тем самым величайшее самоотвержение. Учителя Востока считают, что талант, гений не должен выбиваться из состояния радости, в котором он постоянно пребывает как голец Света. Учителя Востока, обращаясь к служителю Муз, говорят... — Святослав Николаевич помедлил мгновение — память у него отличная, доброжелательно-строгим голосом произнес слова, по всей видимости, давным-давно ему известные: «Если ты творишь свое создание, наполненное личными чувствами, оно затронет в каждом только его личное, и больше ничего. Творец красоты несет ее людям, забыв о себе. Он творит там, где кончается личное. Он любит и чтит людей, а потому и может единиться с ними в красоте и единить их в ней. Он не одержим страстями. А обращаясь к писателю, Учителя Востока говорят... — Святослав Николаевич хитро прищурился, глядя на меня: — «Пиши просто». — Он сделал многозначительную паузу. — И добавляют: «Но ведь какая бездна мудрости должна жить в сердце человека, чтобы сказать о жизни другого или о своей просто».

И вот что они еще говорят. Путь писателя разный. Один много вещей напишет, будто бы и нужны они его современности. Но, глядишь, прошло четверть века — и забыли писателя люди, хотя и читали его, и награждали его. Другой — мало или даже одну вещь написал, а живет его вещь века, в поговорки войдет. В чем же здесь дело? В самом простом. Один писал, и сам оценивал свои сочинения, думая, как угодить современникам и получить побольше благ. Он временного искал — временное ему и ответило.

Другой осознал в себе единственную великую силу: огонь вечности. Он и в других старался его подметить. Старался видеть, как и где человек грешил против законов вечности, и страдал от распада гармонии в себе. Замечал, как другой был счастлив, сливаясь с вечностью, и украшал жизнь окружающим. И такой писатель будет не только отражать порывы радости и бездны скорби людей в своих произведениях. Он будет стараться научиться так переживать их жизнь, как будто сам стоит в обстоятельствах того или иного человека. Но мало и стать в обстоятельства каждого, надо еще найти оправдание каждому в своей доброте, и только тогда поймет писатель, что значит описать жизнь человеческую «просто».

Как вы знаете, мой отец считал, что наступает время для нового искусства, для искусства принципиально нового типа. Он был убежден, что старые формы художественного самовыражения, по существу, исчерпаны. Доказательство этому в литературе — Толстой и Достоевский. Они обозначили некий предел для искусства, который уже не преступишь, и они же, с другой стороны, вывели искусство на некий рубеж, за которым открываются совершенно новые перспективы. Толстой, как, может быть, никто другой, чувствовал, что новое вино вот-вот прорвет старые меха. Отсюда столь яростное отрицание прежнего себя. Ему казалось, что слово и жизнь разделяет какая-то зыбкая, почти не осязаемая грань. Еще шаг — надо его лишь сделать, — и она будет преодолена.

В чем различие между старым и новым искусством? На мой взгляд, оно в следующем.

Произведения старого искусства мы воспринимаем отстраненно, по большей части созерцательно. Конечно, читая того же Толстого или Достоевского, мы волнуемся, переживаем за героев, испытываем возвышенные чувства. Но, отложив книгу в сторону, мы, как правило, принимаем за старое. Вот и получается, что искусство катится в одной плос-

кости, а жизнь наша — в другой. Они как параллели, которые пересекаются лишь в нашем воображении. Искусство нового типа, если хотите, является как бы эхом и отражением той беспредельности, где эти параллели пересекаются не в воображении, а на самом деле.

Произведения нового искусства — тут прежде всего приходят на ум картины отца — требуют активности и, главное, немедленного подключения к их току. Контакт с его полотнами не может быть созерцательным. Или он есть, и тогда начинается устремленная внутренняя работа, которая представляет собой как бы совместную медитацию с автором, начинается трансформация, которая имеет шансы стать необратимой. Или его нет, и тогда произведение наглухо закрыто от тебя. В последнем случае требуется одно: не торопиться с выводами. Не надо спешить, не надо суетиться, а тем более в упрямой запальчивости отрицать. Может быть, время твое еще не пришло.

Отличительный признак наших дней — разрыв между мыслью и действием, которым болели предыдущие эпохи, — должен сократиться, а завет сойти на нет. Поэтому завет нового искусства: мысль — действие.

Но, конечно, вопрос не ставится в плоскости: какое искусство лучше — старое или новое? И, конечно, нет непроходимой границы между старым и новым искусством. В творениях мастеров прошлого можно увидеть проблески, вспышки искусства грядущего. Просто то, что у них было интуитивным, спонтанным, случайным, сейчас становится вполне осознанным и целенаправленным процессом.

Какие вещи я склонен отнести к искусству нового типа? Стихи-медитации моего отца (вы составляли его сборник и в предисловии слегка затронули эту проблему). И, разумеется, его полотна. Как вы знаете, в Индии их называют медитациями в красках. Это очень точно сказано, и вы правильно написали в свое время об этом:

«Сиянье красок, рериховских красок — Сверкающая мысль Учителей».

В этот вечер засиделся допоздна. При свете керосиновой лампы — электричество в тот день отключили — я перечитывал выписки из своей старой «индийской» тетради, удивляясь тому, как точно совпадает их пафос с мыслями Святослава Николаевича о новом искусстве и отличительных признаках его.

«Никто не идет в одиночестве, а менее всего тот, кто несет людям завет новый».

Но людей таких, чтобы приняли безоговорочно в цельной верности новый завет своей современности, — мало. Большинство старается примирить слово новое со старыми предрассудками. И выходит у них халат из старой затасканной мешковины с новыми яркими заплатами. Они не чувствуют этого уродства, не страдают от дисгармонии, потому что их понятия о гармонии — детские. Устойчивости в них нет, и вечностью, в ней полагая весь смысл своего текущего сейчас, они не живут. Страдает от бурь и отрицания толпы больше всего тот, кто принес завет новый.

Многие миллионы сознаний, где еще закрыт выход духу, живут, запертые в крепости ограниченно-заземленных идей ума не менее надежно, чем те миллионы, что постоянно ищут духовных путей, а живут в узких рамках личного. Первые, отрицающие духовную жизнь, часто бывают цельнее и находят путь к истине скорее и легче. Вторые — «искатели» — чаще всего так и умирают в двойственности, ища в идеях и фантазиях, а в земном сером дне живя в лапах личных желаний.

Можно стоять у источника жизни и не видеть его. Поэтому в предстоящих встречах никогда не удивляйся, если люди будут слушать твои слова и не слышать, то есть не понимать их смысла. Будут знакомиться с твоими произведениями, выбирать то, что им будет нравиться, и пожимать плечами на все остальное, что они будут связывать с твоею, им не нравящейся или им непонятною личностью, и говорить: «Мало ли кто и что выдумывает?» В этих случаях ты помочь людям ничем не сможешь, так как их глаза еще не пробудились и потому видеть не могут.

Старайся раскрыть сознание человека, что ни один из идеалов, носимых в уме как теория, не может иметь активного воздействия на сердце и дух человека.

Проповедуй в произведениях: только тот человек может войти в полное понимание своей роли на земле и понять смысл жизни, кто в своем куске хлеба не ощущает горечи, то есть в ком исчезло окончательно чувство зависти. Тому, кому еще свойственны сравнения своей судьбы с судьбами других, нет места в предстоящей деятельности людей будущего. Полная радостная самостоятельность и независимость каждого есть остов будущего человечества.

Неси не проповедь, ибо проповедь есть знание, не подкрепленное собственным примером. Гонец Света должен найти силу жить так, как звучат передаваемые им слова, он должен утверждать в действии то, что дерзнул сказать. Только тогда слова ваши взойдут как семена, а не как плевелы. По жатве понимайте силу и чистоту собственного посева.

Слово мира и любви неси не как возобновленный догмат: учи людей жить без догмата. Пытайся разъяснить тягчайшее заблуждение: жить духовно по указке другого.

Человек будущего должен жить в полной свободе, то есть в полном раскрепощении. Как самостоятельный труд, так и самостоятельное духовное развитие необходимо будущему человеку, психические чувства и силы которого будут легко развиваться. Но условием для их ценного и истинного развития должна быть полная устойчивость в своей самостоятельности, что равносильно непоколебимой верности.

Идите, легко выполняя свои задачи, и не ждите восходящих сейчас же плодов вашей работы. Вы — новые пахари; колосья созреют. Не о плодах труда заботьтесь, но о том, чтобы в вас никогда не мелькнуло желание наград или похвалы за ваш труд.

Не ждите, что вас встретят приветом, оценят и признают. Вы будете унижены и огорчаемы; будете осмеяны и оклеветаны не раз; но для этих обстоятельств идите глухими и слепыми. Им нет отклика в ваших сердцах. Там живет только Радость — Действие. Она встречает каждого, и она же его провожает».

Виктор Алексеевич Лютов родился в 1950 году в селе Ельники Мордовской АССР. Окончил отделение журналистики Воронежского госуниверситета. Более 20 лет работает главным редактором районной газеты «Семилукская жизнь». Заслуженный работник культуры РФ. Публиковался в журнале «Подъём», «Литературной газете». Автор поэтических сборников «Игра по нулям», «А средь великих я стоял четвертым», «Аморальный ущерб», «Земли далекие и близкие» и других. Живет в городе Семилуки Воронежской области.

Виктор Лютов

КОГДА МЫ ВИДИМ СОЛНЦЕ

* * *

Дочери Тане

Мыслями земными озабочен,
у окна в раздумье я стоял,
слушая осенний сумрак ночи
и дождя беснующийся шквал.
Почему-то думал я наивно,
словно злую истину постиг,
что наверняка людей счастливых
нету на планете в этот миг.
За окном скулил по-волчьему ветер...
И сквозь стоны ветра и дождя
я услышал вдруг и не поверил:
«Я люблю, люблю, люблю тебя!»
Голос, по-мальчишески отчаян,
вопросил сквозь дождевую муть:
«Почему же ты не отвечаешь?
Ну, скажи, скажи хоть что-нибудь!»
Для чего-то, затаив дыханье,
слушал я в нетвердой тишине
с непонятным страстным ожиданьем,
будто бы ответ был нужен мне.
И в чужую тайну посвященный,
я услышал, словно во хмелю,
с завистью неясной, затаенной
голосок чуть слышимый: «Люблю!»
И куда-то отошли ненастья,
дождь умерил нудное нытье,
от его мальчишеского счастья,
от девичьей смелости ее.

...И тоска в душе моей угасла.
Дождь уже не лил, а моросил...
И подумал я: «А жизнь прекрасна!»,
Словно бы открытье совершил...

ПЕЧАЛИНКА

В телеке красавица скинула халатик.
Дальше, в общем, девушке нечего снимать.
Ведь у нас свобода. Вместе с демократией.
Это надо каждому ясно понимать.
К строевой привычные, в ногу к рынку двигаем.
В шопах-супермаркетах он во всей красе.
Все теперь свободное — даже и религия.
Нынче в Бога веруют, ну, почти что все.
И в душе (жива она?) места нет печалинке.
Ящик сериалами нас очаровал.
Критикуем запросто всяческих начальников,
даже губернатора, хоть и генерал.
Все у нас продажное — дорого-недорого.
Как один, богатыми все мечтаем стать.
И в газетах ищем мы, сколько стоит доллар.
...А вот слово Родина в них не отыскать...

* * *

Природы ль, Бога ль дочери-сыны —
недолго миг, когда мы видим солнце.
Уже с рожденья смертью мы больны —
всем умереть когда-нибудь придется.
Я понимаю, что короток век.
Чем старше, тем стремительнее годы.
И сомневаюсь в том, что человек
великое создание природы.
Звенит струною тонкой жизни нить.
А звук все выше, выше... Затихает...
Но если б предложили вечно жить,
я б отказался — это точно знаю...

МУЖСКОЙ РАЗГОВОР

В день субботний, томясь от безделья,
завершивши о выборах спор,
мужички за бутылкой сидели
и про женщин вели разговор.
Рюмку приняв, поднявши другую,
тот сказал, что умишком был слаб:
«Женский пол без сомненья делю я
на две части: на женщин и баб.

Баба — это, друзья, как граната.
Даже если не тронешь — страшна.
И ни в чем никогда виновата
не бывает по жизни она.
Спорить с ней? Да повеситься лучше!
Не согласен коль — так заорет!
И всегда она учит и учит,
всех, кто под руку ей попадет.
Эх, послать... в тридевятое царство!
Бесполезно — пытался не раз...
Знает, как управлять государством,
ну, и как починить унитаз.
Баба в жизни не знает сомненья.
Что ни сделаешь — все ей не так.
И уверена аж от рожденья
в том, что муж ее — полный дурак.
Как Бен Ладен, крута на расправу.
Нет закона — сплошной беспредел.
Десять лет заключенья, коль вправо,
а налево шагнул, то расстрел...»
Тишина оглушительной стала.
Лоб и щеки — в холодном поту.
А в руке его рюмка дрожала,
не нашедши дороги ко рту.
...Полчаса промолчали, не меньше.
Каждый думал, наверно, про жизнь.
Все же подняли, стоя. За женщин.
Молча выпили. И разошлись...

ДВЕ КАПЛИ

День обещает нынче быть — хорош.
И зелены еще деревьев патлы.
О, город Семилуки, ты похож
На горожан своих, ну, как две капли!
Сегодня нарядился ты слегка,
Убогость на окраины упрятав.
Ну что ж, признаюсь честно, что пока
И ты, и мы не очень-то богаты.
Хоть никогда не жил ты налегке,
Случается на улицах веселье.
А утром — свалка на Жилгородке,
И это значит, мы с тобой — с похмелья.
Повеселились славно — просто жуть!
Но, слава Богу, морды не побиты.
Мы, честно, невоспитанны чуть-чуть.
И ты, как мы, немного невоспитан.
И все ж в любви признаюсь горячо
Тебе. И пожелаю в день рожденья
Начальников разумных. И еще
В твоих заботах — капельку везенья.

Чтоб детям нашим счастливо жилось.
Чтоб слезы — только вешние капли.
Короче, чтоб хотелось и моглось.
И чтоб как можно реже мы болели.
Еще скажу я истину одну,
Хотя за точность... Умываю руки.
Что там Ростов, который на Дону?
Есть на Дону славнее — Семилуки!
...В Москве (без шуток) — море красоты.
И Путин там. Но не в столицах сила.
Не на Москве, а на таких, как ты,
Наверно, все же держится Россия...

* * *

Временами чувствую усталость.
И бегут морщинки по лицу.
То ли жизнь еще не начиналась,
То ли приближается к концу.
Но душе
не хочется покоя.
И пока летаю я во сне.
Мне бы сесть
на самый дальний поезд,
Тот, что отправляется к весне.
Пусть он мне тревогу укачает.
На зеленый повернет в судьбе.
И плеснут в стакан отнюдь не чая
Добрые соседи по купе.
Покурить я выйду на стоянке
Ночью непроглядной и глухой.
Где-то на заштатном полустанке
Женщина помашет мне рукой.
И в душе опять проснутся силы.
Прогоню тупые мысли прочь.
...Лишь чуть-чуть
тревожно за Россию,
Ну, и за единственную дочь...

Анна Куприяновна Барышниковна (1868—1954) родилась в деревне Чуриково (Верейка) Землянского уезда Воронежской губернии. Одна из лучших русских сказительниц. В ее репертуаре было более 100 волшебных, сатирических и юмористических сказок. Публиковаться начала с 1925 года. Член Союза писателей СССР. Награждена орденом Трудового Красного Знамени.

**Анна Барышниковна
(Бабушка Куприяниха)**

ПРАВДА И КРИВДА

Сказки

ИВАН — МУЖИЦКИЙ СЫН

Завелись у мужика в скирдах крыса и мышь. Мышь была заботливая, а крыса беззаботная — все бы ей по скирдам скакать. Только и знала — как бы своровать яичко либо цыпленка. А мышь точит и точит зерно, готовит себе муку на весь год.

Вот снегом все замело, а у крысы поесть нечего. Приходит она к мыши, просит взаимы муки. Дала ей мышь муки.

Весна подошла. У мыши вся мука вывелась. Пошла мышь с крысы долг спрашивать.

Ухватила крыса мышь за хвост, много горя той досталось, избила она мышь в прах.

Подает мышь на крысу прошение в суд.

Собрались звери и птицы, начали судить.

Крыса схитрила — всех перепоила: птиц и куниц, медведей и лисиц.

Орел главным судьей был. Вышел орел, прочитал приговор: оставить прошение мыши без последствий.

А мышь бойкая была. Видит, что неправильно присудил орел в крысину пользу. Дождалась, когда орел спяну заснул, взяла и подгрызла ему крылышки.

Поехал мужик рано утром нарубить леску, истопить печку. И вот тебе, наехал на пьяных зверюжин. Испугался, поворачивает лошадей обратно. А орел говорит:

— погоди, мужичок, не торопись, назад вернись, возьми-ка меня с собой! Корми-пой, пока не поправлюсь, — я тебя отблагодарю.

Мужик пьяных зверей порубил, посолил, год орла кормил.

Исправились у орла крылья. Он говорит:

— Полетим теперь ко мне!

Подхватил мужика, и полетели они к орлу.

Мужик в гостях у орла год был. Пил, ел, гулял — как прошел год, не видал.

Вот собирается он домой.

Дает ему орел берестяной коробочек.

— Возьми, — говорит. — Только не открывай, пока домой не придешь.

Шел-шел мужик и думает: «Что же это за коробочек такой? Дай-ка я погляжу — что в нем?»

Открыл он коробочек. Посыпались оттуда дома да амбары, лавки — полны товара. Никак он не закроет этот коробочек.

Где ни взялся колдун. Говорит:

— Отдай мне то, чего дома не знаешь, а я тебе помогу.

Мужик подумал: «Все-то я дома знаю. Нечего мне бояться».

Ну и согласился отдать то, чего дома не знает.

Колдун договор написал. Дома, амбары и лавки в коробочек сложил.

Пришел мужик домой, глядит — жена его сына родила.

Мужик затосковал, весел с тех пор никогда не бывал. Положил договор в сундук на самое дно и никому о нем не сказал.

Живут они, проживают, сын с матерью ничего не знают. Коробочек открыли — домов, амбаров понастроили. А мужик все невеселый.

Вот сравнялось сыну Ивану двадцать два года. Полез он как-то раз в сундук и увидел договор.

— Что это? — спрашивает отца.

Мужик ему все рассказал.

— Эх, батя, — говорит Иван, — давно бы мне надо было сказать! Ну, не гневайся! Пойду твой долг платить.

Простился с родителями и пошел.

Шел-шел, зашел в лес дремучий. Там стоит дом премогучий. Кругом по балясинам человеческими головами обнесен, кожами человеческими обвешен.

Является Иван к колдуну.

Колдун говорит:

— Давно, давно пора, Иван — мужицкий сын, отцов долг заплатить — мне послужить. Ступай на кухню отдыхать. А завтра на работу.

Пошел Иван на кухню.

А у колдуна в кухарках красавица-девица была. И Иван собой красавец. Полюбились они друг другу.

Рассказал Иван — откуда он и зачем пришел. Красавица-девица говорит:

— Плохие твои дела, Иван — мужицкий сын! Хочет тебя хозяин по-

губить — жизни лишить. Видишь посреди двора колоду? Велит он тебе завтра ее поколоть, порубить, в поленницу дрова сложить.

— То для меня дело пустое! — отвечает Иван. — Силой отец с матерью не обидели.

— Не хвались раньше времени, Иван — мужицкий сын! Колода та не простая. Тут не сила, а сноровка нужна. Деревья, что вокруг колоды стоят, такими, как ты, молодцами были. Станешь завтра колоду рубить, увидишь на комле маленький сучочек. Бей по тому сучку топором. Проманхнешься — на себя пеняй!

Вот велит на другой день колдун Ивану колоду поколоть, порубить, в поленницу дрова сложить.

Берет Иван в руки топор. Размахнулся во все плечо и ударил по колоде.

Колода как лежала, так и лежит. А сам он в землю, будто корнями врос. Размахнулся Иван по второму разу, сильнее прежнего ударил.

Колода как лежала, так и лежит. А сам он по пояс дубовой корой оделся.

Тут испугался Иван. Вспомнил, что кухарка ему говорила. Присмотрел на комле маленький сучочек. Нацелился в него, попал топором.

Загремела колода, на поленья развалилась. Поленья сами в поленницу посложились.

Спали с Ивана чары.

Приходит он к колдуну, докладывает: выполнил приказ.

Вышел колдун во двор, посмотрел — правда. Злоба его взяла, однако вида не показывает.

— Ну что же, — говорит, — спасибо за службу, Иван — мужицкий сын.

Ступай на кухню отдыхать. Завтра будешь мне неезженного коня объезжать.

Приходит Иван на кухню, смеется.

— Это, — говорит, — для меня дело пустое — коня объезжать.

— Не хвались, Иван, раньше времени, — говорит кухарка. — Хочет тебя хозяин погубить, жизни лишить. Конь-то не простой будет. Дам я тебе три пуда железных прутьев. Когда станет конь подниматься кверху, бей ты его теми прутьями между ушей, сколько сил у тебя хватит.

Вот наутро подвели Ивану неезженного жеребца. Это сам колдун конем обернулся. Сел Иван верхом, поднялся конь выше лесов, чуть пониже облаков. Хочет Ивана на землю сбросить. А Иван к нему крепче прижимается, ногами бока давит, железными прутьями между ушей бьет.

Бил до тех пор, пока конь на землю не опустился.

Привязал Иван коня у крыльца. Приходит к колдуну. А тот уже обернулся человеком, лежит на постели, охает:

— Послужил ты мне хорошо и на этот раз, Иван — мужицкий сын. Ну, исполни еще мой приказ: искупайся завтра утром в моей бане.

Приходит Иван на кухню, рассказывает служанке, смеется.

— Разве это работа, — говорит, — в бане искупаться?

Та отвечает:

— Плохо тебе завтра будет, Иван — мужицкий сын! Хочет хозяин тебя живьем изжарить, кожу содрать, голову на балясину повесить. Ну, ложись спать, утро вечера мудренее.

Испекла она ночью пышку-говорущку. Посадила в баню. А сама с Иваном — бежать.

Приказывает колдун наутро слугам баню топить, докрасна раскалить.

Подходит, спрашивает:

— Как, Иван-мужицкий сын, хороша баня?

А пышка-говорушка Ивановым голосом отвечает:

— Баня не скоблена,

Три года не топлена,

Зуб на зуб не попадает.

Рассердился колдун на слуг, что плохо баню топят. Велел еще дров подложить.

Приходит снова, спрашивает:

— Как, Иван-мужицкий сын, хороша моя баня?

А пышка-говорушка отвечает:

— Баня не скоблена,

Три года не топлена,

Зуб на зуб не попадает.

Взялся колдун сам баню топить. Все дрова пожег. Спрашивает:

— Как, Иван-мужицкий сын, хороша теперь баня?

Пышка-говорушка отвечает:

— Баня не скоблена,

Три года не топлена,

Зуб на зуб не попадает.

Открыл колдун дверь, а там — пышка-говорушка. Хватился — и ку-харки нет.

Снаряжает колдун погоню.

Слышит красавица-девица, что погоня близко. Обернулась она сви-нней, а Ивана пастухом сделала.

Подбегает погоня:

— Тут Иван — мужицкий сын не проходил?

Пастух отвечает:

— Нет, никого не было.

Вернулась погоня ни с чем. Колдун спрашивает:

— Никого не видали?

— Нет, никого. Только пастуха со свиньей повстречали.

— Это они самые и были!

Посылает снова погоню.

Слышит красавица-девица, что нагоняют. Сделала она Ивана конем, а сама обернулась репьем. Возвращается погоня ни с чем. Колдун спра-шивает:

— Что же, никого не видали?

— Нет, никого. Только ходит конь, а на хвосте у него репей.

— Ах, это они самые!

Побежал колдун сам. Бежит — земля дрожит.

Слышит красавица-девица — нагоняют.

Обернулась она морем, а Ивана селезнем сделала.

Стал колдун воду пить, чтобы море осушить. А селезень крикает:

— Чтoб ты лопнул! Чтoб ты лопнул!

Так оно и случилось: лопнул колдун и издох.

Прибежал Иван — мужицкий сын со своей невестой домой, к отцу-матери. Свадьбу сыграли. Стали они жить-поживать.

Все у них хорошо. Письма мне пишут, только я что-то тех писем не получаю.

ПРАВДА И КРИВДА

Жили-были два брата. Один правдой жил, другой — кривдой.

Тот, что кривдой жил, — богатый, а правдой — бедный.

Вот они поспорили между собой. Богатый говорит:

— Кривдой лучше жить.

А бедный говорит:

— Нет, правдой лучше!

— Пойдем на мост, — говорит богатый. — Подождем там до трех встреч. Если трое скажут — правдой лучше жить, то мне глаза колоть. Если скажут: кривдой — тебе.

Вот пришли они на мост. Купец едет.

— Чем лучше жить — правдой или кривдой?

— Эх, ребята, не обманешь — не продашь, — говорит купец. — Кривдой жить лучше.

Едет барин.

— Скажи, барин, чем лучше жить — правдой или кривдой?

— От трудов праведных — не построишь палат каменных, — говорит барин. — Кривдой жить лучше.

Идет нищая старушка, милостынку собирает.

— Скажи, нам бабушка, чем лучше жить — правдой или кривдой?

— Э, милые мои. Коль не солжешь — то и не сожрешь. Знамо, кривдой лучше жить.

Обрадовался богатый. Выколол бедному брату глаза и домой пошел. Остался тот один.

Ползал, ползал до самой ночи, заполз в лес непроходимый. Приполз к громадной осине, толстой-претолстой. Свернулся под ней калачиком — спать.

Вот лежит он под ней, а время уже двенадцать часов. Слышит стуконень-громонень, визг, свист. Слетаются черти на осину.

С верхушки самый главный бес кричит:

— Какого нет?

— Косого нет!

— Какого нет?

— Хромого нет!

Завизжало, замяукало. Прилетает косою черт.

Спрашивает главный бес у косого:

— Где был, бездельник?

— Был я в царстве Ерихонском, Марью-царевну засушил.

— А как ее исправить, знаешь?

— Стоит на берегу Хвалынского моря избушка без окон и дверей, в той избушке печка, а в печке пышка. Покормить ею Марью-царевну — и исправится все дело.

— А еще что ты сделал?

— У царя Микидона во всем царстве воду унял.

— А чем исправить?

— Под таврическим дубком есть кувшинчик с водой. Достать этот кувшинчик да воду из него в колодец вылить — исправится царство.

— Ну смотри, никому не говори!

Опять визг по лесу пошел. Прилетел хромой черт.

— А ты, хромой, что сделал?

— Смутил я двух братьев, один другому глаза выколол.

— А чем исправить, знаешь?

— Под тем мостом, где глаза кололи, пузыречек закопан. Помазать из того пузыречка глаза — и они исправятся.

Услышал слепой, обрадовался. Дополз до моста, нашел пузыречек, помазал себе глаза. Опять зрячим стал.

Приходит в царство Ерихонское, где Марья-царевна сохнет.

— Что же ты все хвораешь? — говорит.

— И-и, милый, сколько докторов перебывало, не найдут лекарства. Чем-чем ни лечили...

— А вот я тебе помогу.

Пошел на берег Хвалынского моря, разыскал избушку без окон и дверей. Достал из печки пышку, принес Марье-царевне.

Съела она пышку и стала здоровой.

Обрадовался царь Ерихонский, наградил бедного мужика по-царски: и медными деньгами, и старыми лаптями.

Пошел мужик дальше в царство Микидоново, где воды нет.

— Что ж это у вас напиться нельзя? — спрашивает.

— Ох, милый! У нас пятый год во всем царстве воды нету. Может, ты поможешь?

— Помогу!

Пошел под таврический дубок, выкопал кувшинчик и пустил им водицу.

Все старые и все малые обрадовались. Чего ему хотелось, всего дали.

Привез он подарки домой, жена рада. Хорошо зажили они.

Приходит к нему богатый брат. Посмотрел — и зависть его взяла. Хочется ему еще богаче стать.

Вернулся домой. Говорит жене:

— Пойдем, жена, на то место, где я брату глаза выколол.

Приходят туда.

— Коли мне глаза! — говорит.

Выколола ему жена глаза.

Пополз богатый брат к осине. Лег под ней ночевать.

Поднимается в лесу стукhovenь-громovenь. Слетаются на осину черти.

Куда как страшно!

— Какого нет? — кричит главный бес.

— Косого нет!

— Какого нет?

— Хромого нет!

Засвистело, замаякало. Вот тебе явились оба.

— Что ж, набедокурили? — спрашивает главный бес.

— Ох, беда нам. Все, что мы тот раз наделали, все исправилось. Кто-то нас тут подслушивает. Обыскать надо.

Кинулись черти искать. Нашли под осиной богатого брата и разорвали на куски.

До тех пор только и жил кривдой богатый брат.

БРАТ АЛЕША

Служил солдат на царевой службе двадцать пять лет. Вот отслужился и пошел домой. Идет и думает: «Что ж это я — двадцать пять лет отслужил, а царя не видел. Дай-ка я вернусь — погляжу царя».

Шел-шел, заблудился, попал в лес. И блудит по лесу.

А царь, у какого он служил, был в том лесу на охоте и тоже заблудился.

Вот они и сошлись вместе с солдатом.

— Ну ты, парень, где был? — спрашивает царь.

— Да вот, у царя служил, а царя не видел. Посмотреть воротился и заблудился.

Царь говорит:

— И я тоже.

— А звать тебя как?

— Да зови — брат Алеша.

— Ну, брат Алеша, — говорит солдат, — где будем ночевать?

Ходили, ходили по лесу, никакого там селения не нашли.

Солдат говорит:

— Ну-ка, брат Алеша, подсади-ка меня. Я на дуб влезу погляжу — не светится ли где огонек.

Влез он на дуб и видит — светлеет впереди окошко.

Приходят они туда. Двор весь чугунный, ворота на запоре, собаки лихие. Вот они постучали — собаки заворчали.

Выходит старая старуха.

— Можно у тебя, бабушка, переночевать?

— Можно, — говорит старуха.

Отворила ворота, ввела их в избу.

Вот попросили они поесть.

— Нет ничего, — говорит старуха.

А солдат бывалый был.

— Как так нет ничего? Нам по уставу не положено на голодное брюхо спать ложиться.

Полез в печь, там — мясо.

— Вот, брат Алеша, нам и кушанье.

Открывает шкап, там — водка.

— Ну, брат Алеша, пей!

Выпили они, закусили.

— Где же нам спать? — спрашивают.

Отвела их старуха на чердак.

Царь уснул, а солдату не спится, все равно как на часах. Вот слышит он конский топот, лошадиный грохот, двенадцать человек едут. Это все разбойники-живорезы, одной охотой занимаются — людей режут.

Открывает им старуха и говорит:

— У нас гости есть. На чердаке у меня спят.

Те отвечают:

— Мы с ними еще управимся. Давай ужинать.

Сели они ужинать. Попили, поели. Какие пьяные, какие нет. Вот старый старик и говорит:

— Поди-ка, Ванька, прибери-ка их там.

Полез Ванька на чердак, а солдат все слышит, уже саблю держит наготове. Только тот показался, он ему сейчас голову долой.

Старик говорит:

— Что это он там долго завозился? Поди-ка, Сенька, ты.

Пошел и Сенька. Нет и его.

Говорит старик:

— Что это они там двое не разберутся? Поди-ка, Родион, туда!

Пошел и Родион.

— Ну-кося, Сережка, пособи им там немножко!

Пошел и Сережка.

А солдат только управляет им головы снимать. Старик посылал-посылал одного по одному, пока со старухой вдвоем не остался.

Сидят они и говорят:

— Видно, ребята там вещи делят. Много вещей должно быть.

Не терпится старику, пошел он и себе.

Только влез на чердак, покатила и его голова.

Так не спал солдат всю ночь.

Вот загорелась заря, будит он царя.

— Брат Алеша, проснись, погляди, сколько мне работы за ночь было.

— Что же ты меня не разбудил? — спрашивает царь.

— Да боялся, чтобы ошибки у нас не получилось. Как бы ты с меня голову не снял.

Сошли они в избу. Ухватил солдат старуху за душу — стал ее трясти, как грушу.

— Пстой, служивый, не тряси. Все тебе расскажу, что где есть, покажу.

Повела их в выход, в земле вырыт. Трехэтажный. В одном этаже — тяжести да гужи. В другом этаже — платья да шинели. В третьем — золото да серебро.

Выпил солдат вина рюмку, насыпал золота сумку. Куда еще больше взять? Скинул рубаху, давай насыпать.

Царь говорит:

— Довольно, не донесешь.

Вышли они из леса, уже и царство недалеко.

Солдат и спрашивает:

— Брат Алеша! Как царя узнать?

— Это дело простое. Как выйдет царь, все шапки перед ним поснимают. Кто в шапке останется, тот и царь.

Вот брат Алеша пошибче пошел, а солдату спешить некуда. Отдохнет, трубочку покурит, дальше идет.

А царь пришел во дворец и посылает полк солдат.

— Подите вы этого солдата с музыкой встретьте.

Вот, не доходя до солдата десяти сажений, остановился полк, музыка заиграла.

— Ах, какие хитрые, — говорит солдат, — узнали, что я богат, стали с музыкой меня встречать.

Развязал сумку и давай золото рассевать. Некогда солдатам играть. Кинулись деньги собирать. Пока он с ними поговорил, весь полк золотом наделил.

Царь ждал, ждал, посылает другой полк.

Не доходя до солдата десяти сажений, остановился полк, стала музыка играть.

Начал солдат опять золото рассевать.

Посылает царь третий полк. Тут солдат со своим золотом расстался, третьему полку золото досталось.

Выходит навстречу сам царь.

— Здорово, брат Алеша, — говорит солдат. — Вот он и я.

— Здравствуй, служивый.

— А где же царь?

— А ты кругом посмотри.

Оглянулся солдат, стоят все без шапок, только он да брат Алеша в шапках.

— Выходит, мы, брат Алеша, с тобой оба цари, — говорит солдат. Распрощался он и веселый домой пошел. Все он повидал и спокоен душой стал.

КАК НЕМЕЦКИЙ ГЕНЕРАЛ К ПАРТИЗАНАМ В ПЛЕН ПОПАЛ

В некотором царстве, не нашем государстве, за реками, за лесами, а где — угадайте сами, жил да был немецкий генерал. Уж такой он был жадный да лютый, что даже самые злые немецкие собаки диву давались.

Вот вздумал генерал нашу землю воевать: чужое добро к рукам прибирать, города-села пожечь, людей посечь, а кто живой останется — онемечить, чтобы русским духом не пахло.

В поход собирается, выхваляется:

— Всех сокрушу, никого не пощажу!..

Ладно, приходит он со своим войском в нашу деревню и шумит:

— Где народ? Почему в деревне пусто? Почему меня хлебом-солью не встречают, ничем не угощают?

Докладывают ему:

— Так, мол, и так. Придется вам, господин генерал, лечь спать натошак. Народ весь разбежался, один глухой старик остался.

— А привести мне этого старика!

Приказано — сделано. Привели к нему старика Пахома, что сидел на печи дома.

— А ну, отвечай, где народ? Почему не идут ко мне с поклоном, не несут угощенье?

Говорит ему Пахом:

— Народ наш в лес подался и всю живность с собой угнал. Прослышал, что вы идете.

Пуще залютовал генерал:

— А далеко ли, — спрашивает, — тот лес?

— Да недалече, — отвечает Пахом, — рукой подать. Стоит у нас лес на гладком месте, как на бороне, верст двадцать в стороне. А в лесу этом и коровы, и свиньи, и гуси. Гуси так и рвутся в жаркое, а свиньи рылом о землю стучают, во все горло хрюкают, в котлы просятся, ждут вас, ваше высокосвинородие, не дождутся.

Обрадовался генерал. Приказал в трубы трубить, лес окружить. От жадности рычит. Хочется ему отобедать, свининки отведать, гусей на заедки, а солдатам — генеральские объедки.

Смекнул Пахом, побежал к себе в дом. Малого внука в лес посылает, наказ ему объявляет: партизанам доложить, а скотину по лесу распустить.

Ведет генерал свое войско в лес, а там полно чудес: коров и свиней, кур и гусей.

У генерала глаза разгораются, брюхо раздувается.

— А ну, — кричит, — всю живность переловить, чтоб было мне чем закусить!

Побежали солдаты — кто за коровой, кто за быком, кто за свиньей, а кто за петухом.

Свиньи по лесу разбегаются, коровы бодаются. Лезут солдаты за гусями в болото. Ну как есть, настоящая охота. Остался генерал один.

— Эх, — думает, — хороша пожива. Сала нажруся, молока напьюся, будет в самый раз, да еще останется про запас.

Размечтался так да малость и всхрапнул.

Спит генерал, а партизаны его солдат окружили да всех и побили. Немец за коровой, а партизан за ним. Корова бодается, немец спотыкается, на партизанские вилы натывается. Те, что за гусями гонялись, навсегда в болоте остались. Те, что бегали за петухом, были приколоты партизанским штыком.

А генералу снится сон, будто объедается он и поросятиной, и гусятиной. Яйца целиком глотает, курицу живьем поедает, свиную ногу в рот сует, да никак не прожует.

Быки и коровы на генерала наступают, в брюхо к нему попасть жалят.

Торопится генерал — всех бы съел! От натуги покраснел, жилы раздулись, того и гляди лопнет...

Проснулся, смотрит: руки у него за спиной связаны, на шее веревка. Стоят партизаны кругом, а впереди дед Пахом.

— Следуй, — говорит, — за нами, угощать тебя будем сами.

Так и не пришлось немецкому генералу отведать нашего гуся.

Тут и сказка вся.

КОТ И СОБАКА

Послала старуха сына Ивана на базар ложек купить. Дала ему четвертак.

Ведет мужик на живодерню собаку. Ивану жалко ее стало. Он говорит:

— Продай собаку!

— Купи!

— Сколько за нее?

— Давай четвертак!

Отдал он деньги, приводит собаку домой.

Старуха спрашивает:

— Купил ложек-то?

— Нет, я собаку купил.

— Самим есть нечего! — ворчит старуха.

На другой день снова дает она сыну четвертак — купить чашек.

Ведут на живодерню кота бить.

Иван говорит хозяину:

— Продай кота!

— Купи!

— Сколько просишь?

— Четвертак!

Отдал он за кота четвертак, приводит его домой.

Спрашивает старуха:

— Купил чашек?

— Нет.

— А что купил?

— Кота!

Рассердилась старуха:

— Ну, пускай тебя кот и собака кормят.

Повесил голову Иван.

А собака и кот говорят:

— Не горюй, хозяин, с нами не пропадешь.

Вот идут они. Горит дерево, а на дереве гнездо, а в гнезде малый птеник.

Птичка над деревом летает, горькими слезами плачет, спасти дитя свое не может.

Посылает Иван кота. Взобрался тот на дерево, схватил птенца и обратно.

Обрадовалась птичка, приносит Ивану кольцо и говорит:

— Возьми — пригодится. Когда нужно будет, с руки на руку кольцо переодень — явятся к тебе двенадцать молодцов. Что прикажешь, то и сделают.

Приходит Иван домой.

— Садись, мать, за стол. Обедать будем.

— Ничего, сынок, не варила.

— Не беда! — говорит Иван.

С руки на руку кольцо переодел. Стоят перед ним двенадцать молодцов.

— Что прикажешь?

Велел им Иван подать обед.

Взялись те за дело. Весь стол кушаньями уставили.

Пообедал Иван с матерью. Кота и собаку накормил.

Живут они поживают. Вот Иван и говорит:

— Иди, мать, к царю. Сватай за меня цареву дочку.

— Да ты что, сынок? Голова на плечах надоела?

— Не бойся, мать. Все хорошо будет.

Пошла та к царю свататься.

— Здравствуй, батюшка-государь!

— Здорово, бабушка! Что скажешь?

— Да вот мой сынок послал меня к тебе свататься.

— Что ж, дело хорошее, — говорит царь. — Только пускай твой сын прежде дом построит. Да чтобы был тот дом в точности, как мой: ни топором отесать, ни пером описать. Не сделает: мой меч — голова с плеч!

Запечалилась старуха, приходит домой, рассказывает сыну.

— Не горюй, мать, — говорит Иван.

Переодел с руки на руку кольцо. Стоят перед ним двенадцать молодцов.

— Что прикажешь?

— Сделать мне дом, все равно как у государя-батюшки: ни топором отесать, ни пером описать.

Те говорят:

— Ложись спать, утро вечера мудренее.

Лег он спать.

Утром встал: стоит дом в точности, как царский: ни топором отесать, ни пером описать.

Посылает он опять мать к царю.

— Что пришла? — спрашивает царь.

— Да насчет свадьбы поговорить, государь-батюшка.

— А дом выстроили?

— Выстроили, государь-батюшка.

Идет царь смотреть. Стоит дом, в точности как его: ни топором отесать, ни пером описать.

— Ладно, — говорит царь. — Это хорошо. Только пускай теперь твой сын сделает от моего дворца до своего дворца мост с золотыми перильцами. И чтоб не на столбиках был тот мост, а в воздухе висел. А по сторонам от моста чтобы росли яблоньки, а на яблоньках чтоб были яблочки — и краснобоконькие и белобоконькие. Яблочки чтобы спели, а пташки чтобы пели-распевали — и соловьями, и канарейками. Как сделает твой сын все это, выдам за него дочь. А нет: мой меч — голова с плеч!

Пришла старуха, плачет, рассказывает сыну:

— Вот приказ от государя какой!

— Не печалься, мать, — говорит Иван.

Передел кольцо с руки на руку. Стоят перед ним двенадцать молодцов.

— Что прикажешь?

— Государь велел мост сделать, чтоб не на столбиках был, а в воздухе висел.

— Ложись спать, — говорят те. — Утро мудренее вечера.

Встал Иван наутро — мост готов.

Пошла старуха опять к царю. Приходит, докладывает:

— Государь-батюшка, все готово, как ты приказал.

Велит царь подавать тарантас, едет с царицей мост смотреть.

Ехал по мосту с утра до вечера — загляделся на наливчатые яблочки, заслушался пташек. Какой пречудный мост, какая птица предивная! Соловьи-то щелкают, пташки-то распевают. Царю некуда деваться, нельзя больше отпираться — надо дочку за Ивана отдавать.

Вот перевенчали их и спать положили.

А царевне обидно, что не за королевича ее выдали, а за простого мужика. Задумала она от мужа избавиться. Приласкалась, спрашивает:

— Как ты мог так быстро все это построить?

— Да это я не сам! — говорит Иван.

— А кто же?

Рассказал ей Иван про волшебное кольцо.

Она подождала, пока муж заснул. Сняла у него с пальца кольцо. С руки на руку передела.

Явились перед ней двенадцать молодцов:

— Что тебе угодно?

Приказала она им схватить Ивана и положить в старую избу.

Просыпается Иван наутро. Видит — все прежнее вокруг. Хватился — нет кольца. Что делать?

А кот и собака говорят:

— Не горюй, хозяин, выручим мы тебя.

Идут кот и собака отыскивать кольцо. Пришли ко дворцу. Двери все закрыты, никак войти не могут. Видит кот: наверху окно открыто. Влез туда. Царевна там со своими няньками да сеньными девками спит. А кольцо у нее во рту. Это она спрятала, чтобы никто взять не мог.

Вытащил кот у няньки табакерку и насыпал царевне в нос табаку.

Чихнула она. У ней изо рта кольцо-то выскочило. Схватил кот кольцо да бежать.

Собака спрашивает:

— Что, взял?

— Взял!

Побежали они домой. Подходят к речке. Собака говорит:

— Давай кольцо мне.

Взяла в зубы кольцо. Кот ей на спину сел. Поплыли они.

Где ни возьмись — щука. Хватъ собаку за лапу.

Собака — гав! И уронила кольцо.

А щука пьяницей была. Подхватила кольцо — и в кабак. Сидит пьянствует.

Вылезли кот и собака на берег. Сидят, думают — как быть?

Глядь — ползет рак.

Поймал кот рака и говорит:

— Сейчас я тебя есть буду.

— Ах, — говорит рак, — пусти меня, котик серенький. Я тебе пригожусь.

— Ладно. Найди мне то кольцо, что мы в воду упустили.

— Я знаю, — говорит рак, — где это кольцо. Его щука-пьяница унесла.

Пополз рак в кабак, где щука пьянствовала. Ухватил щуку клешней и давай волочить: то за бока, то за жабры. А сам приговаривает:

— Я — рак, не дурак, где хвачу, там будет знак!

Всю исколотил. Бросила щука кольцо да от него.

Ползет рак обратно, кольцо в клешне держит. Отдал коту и собаке. Те рады. Принесли кольцо Ивану.

Иван кольцо с руки на руку передел. Встали перед ним двенадцать молодцов.

— Что прикажешь?

— Мою хитрую жену приведите к моему двору!

Явились молодцы во дворец, схватили царевну и в избу к Ивану приволокли.

— Здравствуй, жена! — говорит Иван. — Не хотела со мной в богатстве жить, живи в бедности.

Пришлось царевне на лавке спать, из миски щи хлебать, мужицкую работу исполнять.

Стала ее старуха бранить, а она у мужа прощенья просить. Всю дурь у нее вышибло.

Простил Иван жену. Зажили они по-хорошему.

*Стихи
семилукских
поэтов*

ЦЕЛУЕТ СНЕГ СИНЕЮЩАЯ ДАЛЬ

Валерий Гомонюк

СЕЛО СЕМИЛУКИ

Взбирается в гору устало
Село у излуки донской,
Сады и дома разбросало
До самой черты городской.

От северных стуж укрывает
Угрюмый задумчивый лес,
Он вместе с садами встречает
Игривую зорьку с небес.

Клубятся туманы седые,
Над поймой молочная мгла,
Лугов ароматы густые
Вдыхает подножье села.

С рассветом веселые звуки
Заполнят проснувшийся склон,
Разбудит заря Семилуки
И с буйными ивами Дон.

Галина Котельникова

* * *

Я вяжу тебе шарф, и петля за петлей,
То вяжу наши встречи, то вновь распускаю,
И куда приведет столь простейший узор —
Я сказать не могу, потому что не знаю.

Знаю только, не будем отныне с тобой,
И не свяжет нас спица в единые петли,
Что любовь умирает, не верь, не со мной,
Что любовь умирает, поверь — это сплетни.

Я вяжу тебе шарф, и петля за петлей,
Вспоминаю, как встретила взгляд твой однажды,
И тогда сердце думало, что же со мной,
Неужели любить можно в жизни отважно?

Неужели отдать можно все до конца,
Все улыбки, все вздохи, все радости, слезы?
Неужели связать можно жизнь до венца,
И любовь это то, что бывает серьезно?..

...Упустила петлю, а затем целый ряд,
Где-то нити не вынесли тягость вязанья,
И на место шарфа вновь приходит клубок,
А на место любви — снова только терзанья.

Я вяжу тебе шарф, набирая опять,
Петли новые, петли до боли тугие,
Не могу в этот раз упустить я узор,
Не могу, чтобы в сердце входили другие.

Я прошу — оцени, я прошу — полюби,
Я прошу, помоги верить в то, что однажды,
Я свяжу тебе шарф, и вернется любовь,
И любить можно будет как прежде, отважно.

Сергей Бондаревский

* * *

Осень. Ночь. Сезон желаний.
Ввысь смотрю и жду известья,
А в ответ, в мои ладони
Осыпаются созвездья.
Я ловлю горстями звезды
И роняя, рассыпая
Все люблюсь звездным небом
В чистом поле засыпая,
Чтоб увидеть продолженье
Полусказки-полубыли,
Как поймал я птицы счастья
Яркий хвост из звездной пыли.

Я был обычным мотыльком,
Смотрел на лампочку тайком,
Пока коварный огонек
Меня однажды не увлек.

Решил я, хватит любоваться,
Пора хоть раз поцеловаться.
Мелькнули, вспыхнув два крыла,
Любовь короткая была.

Виктор Кулаков

ПЕРВАЯ ШКОЛА

*Памяти моей первой учительницы —
Татьяны Игнатьевны Мацаевой*

Вновь я в далеком селе — с небогатыми
Старыми, тесными, тихими хатами,
Где по низинам, чуть слышно журча,
Вьется речушка-мечта — Еманча.

И пробуждаются воспоминания...
Рад я — сердечно, безмерно — свиданию
С доброй наставницей — школой моей.
Передо мной — череда давних дней...

Послевоенные годы тяжелые
В жизни сплелись с Еманеченской школою.
Были здесь радости, горести, слезы.
Помню — и в слякоть, и в злые морозы —

В бедной одежде, худые, голодные,
Робко входили мы в классы холодные,
К печке тянули дрожащие руки
И — кое-как постигали науки.

Учителя — в этой скромной обители —
Были для нас как вторые родители:
Где-то — помягче, а где-то — построже.
Мы ж за их спинами корчили рожи,

Класс потешали другими проказами
И «щеголяли» жаргонными фразами.
В ногу со временем — трудно мы жили,
Но по-мальчишески крепко дружили.

Помню — сквозь долгие десятилетия —
Как нас манили сирени соцветия
В стареньком школьном заросшем саду! —
Словно в счастливом, пьянящем бреду.

И невзирая на ранги служебные,
Первая школа, как сказка волшебная,
Ждет и зовет — через годы — назад,
В старый вишнево-сиреневый сад...

Светлана Шипилова

НА ЗАДВОРКАХ ПАМЯТИ

На задворках памяти жестокой
Все еще живет твой нежный взгляд...
Надоело слыть мне одинокой,
Также как и сотни лет назад.

Ты — я верю — понимаешь даже.
Может, прихожу к тебе во сне.
Только разум, как всегда на страже,
Не позволит дозвониться мне.

Все — не больно, боль одна на свете,
Расставаньем все ее зовут,
Мы вслепую все — совсем как дети —
Верим, что любимых нам вернут.

Зря я, милый, говорю стихами,
Когда грудь переполняет боль...
Просто я не чувствую руками,
Ты мне сердцем чувствовать позволь.

Алексей Куралесин

ПОСЛЕ МИТИНГА НА БРАТСКОЙ МОГИЛЕ

Звучит Шопен в морозной тишине,
Расходятся с могилы горожане.
Вдруг слышу я (иль показалось мне) —
Рыданья чьи-то глухо задрожали.

Я возвратился. Вижу над плитой,
Прильнув щекой к поверхности холодной,
Седая, с непокрытой головой
Склонилась женщина в печали безысходной.

Как повелось, издревле, как в веках —
Слезой омытые лились простые речи.
Алел цветок в иззябнувших руках,
Тряслись худые, старческие плечи.

«Родной сынок мой, словно ты вчера
Ушел в размытую дождями осень.
Ты был совсем молоденьким тогда,
Теперь тебе уж было б сорок восемь».

Все эти годы я тебя ждала
И, как во сне, работала, ходила.
Я твой костюм в полоску сберегла
И карточку невесты сохранила.

Домой не возвратился и отец,
Вдали от Родины сомкнул он взгляд орлиный.
Когда войне уж близился конец,
В сырую землю слег он под Берлином.

Жила одна. Ты в сердце был живой,
Как будто в долгой мы с тобой разлуке,
И лишь теперь узнала я, родной,
Что ты погиб в боях за Семилуки».

— Ну, хватит, бабушка! Довольно плакать Вам, —
(И у меня катились слезы градом).
— Откуда, бабушка, приехали Вы к нам?
— Приехала, сынок, из Волгограда.

Я родилась там, жизнь там прожила,
В войну видала смерть, нужду и муки,
А как могилку Сашину нашла —
Мечтаю переехать в Семилуки.

Виктор Мацаев

КРАЯ РОДНЫЕ

По бережку, по бережку,
Над кручами, откосами.
Все яблони, как девушки,
Стоят зеленокосые.
То дымками окраины,
То росами унизаны.
Никем вы не охаяны,
Никем вы не унижены.
Со мною вы помолвлены,
Со мною вы обвенчаны,
И каждый день по-новому
Любить мне вас обещано...

Екатерина Баранова (Мамошина)

* * *

О, сколько их, так искренне рифмующих
Свои мечты, осталось не у дел...
Я не хочу загадывать о будущем:
Мой стих лежит спокойно на листе.
И мне порой единым вздохом нежности,
Чтоб только груз с души на время снять,
Мой тихий стих, дрейфующий в безбрежности,
С листа зефиром хочется прогнать...
И помолчать, задумавшись о тленности
И бесконечном поиске пути...
О, скольким им, рожденным откровенностью,
К нам не случилось рифму донести!

Людмила Гоголева (Проскурина)

* * *

Унылая, пропитанная осенью столица.
Арбат простуженный от серого дождя продрог...
У всех прохожих встречных одинаковые лица —
Людей, родившихся в метро.

Ведь кто-то называл тебя великой,
И воспевал твои сады и купола,
Так как случилось, что предстала ты безликой,
Чтоб я увидеть в неглиже тебя смогла?

Сквозь муть стекла я вниз смотрю на город распростертый,
На воду грязную, по берегам одетую в бетон,
На нескончаемый поток машин под небом, в мертвый
Оттенок скорби выкрашенным, тон.

Шум исполина за окном звук капель заглушает,
Его стогласое сердцебиенье тонет в пелене седой,
И в гулких переходах под землей он настигает
Тех, не родившихся в метро, кто не раздавлен, кто еще живой,

А крови их вкусив, он в скорости о них забудет,
И жить заставит их по правилам другим,
И еще много исковерканных жестоко судеб
Бродить теньями станут посреди промозглой мги.

Сквозь лед стекла едва ли уловим здесь гул и грохот.
И по ту сторону не слышно — хоть душа кричи, хоть разорвись...
Но так устроен мир, не знаю, хорошо ли, плохо,
Что никогда не прекратится гонка под названьем кратким «жизнь».

Яков Климов

ЧАСТУШКИ

Я веселые частушки
Достаю с-под черепушки.
Еле помещаются,
Выскочить стараются.

Ох, товарищ, нас-то двое,
А красавица одна.
Никому из нас с тобою
Не достанется она!

Дураком до свадьбы был:
Милку на руках носил!
Как женился, поумнел —
И жене на шею сел.

Заиграй, баян певучий,
Выйдем за околицу.
Налетайте, девки, кучей —
Давайте знакомиться!

Я под вечер Нинку пылко
Звал гулять в густом лесу.
— Заяц там! — боится Нинка.
— Не робей, уж! Я спасу!

Девки в озере купались,
Я стоял на берегу.
Почему на берегу?
Я невинность берегу!

Когда был еще не слаб,
То охотился на баб.
Как ударил паралич,
Стал охотиться на дичь.

Дело к вечеру. В окошко
Предзакатный луч глядит.
Заиграл друг на гармошке —
Мое сердце веселит!

Татьяна Теплякова

* * *

Поманила за собою даль звенящая,
Увела за горизонт в просторы синие, —
То влюбленность, став любовью настоящей,
Растопила в сердце бахрому из инея,

Зацвела цветами первыми, несмелыми,
Утолила жажду путнику уставшему,
Яркой краской щедро брызнула по белому:
«Да воздастся по заслугам очень ждавшему!»
Ручейками зазвучав неугомонными,
Тишина журчаньем ласковым наполнилась.
И смотрю глазами я замороженными,
— Мы с тобой давно знакомы! — сердцу вспомнилось.
Соловиной трелью вешний сад разбуженный,
Утонул в цвету, дурманя ароматами.
Как же долго я ждала тебя, мой суженый,
Налюблюсь за все года, судьбой примятые!
Поманила за собою даль звенящая,
Увела за горизонт в просторы синие.
То влюбленность, став любовью настоящею,
Пролилась на душу благодатью-ливнями...

Игорь Клепиков

ОСЕННЕЕ

Деревья шепчутся в тревоге безысходной,
Как будто потеряли что-то,
А сами не поймут чего.
Стоят и трогают друг друга
Ветвями голыми с остатками листвы.
Они в том дивном полусне
Порастеряли часть себя
И только лишь шумят-шумят...
А осень листья красит и срывает.
Они трепещут под ногами
И стелятся на мокрый тротуар.
Дыханием дождя, прохладным, тихим
Охвачены природа и любовь.
Кругом разлита сумрачная свежесть.
И этот мир чудесный и простой
Весь красотой осеннею пропитан...

ДЕТСТВО

Где-то рядом оно, по соседству,
Разбросало волос своих медь,
Ходит, бродит счастливое детство,
Не умеющее стареть.
Босоногое, чистое, звонкое,
Может, снова вернется ко мне...
Я, как прежде, родною сторонкою
Поскачу на буланом коне.

Там, где травы искрятся росой,
Облака подступают к ногам,
Поскачу целоваться с зарею
На окрашенный солнцем курган.

Владимир Смирнов

ВЕСНА

На дворе весна-проказница,
Праздник — проводы зимы.
Солнце светит, солнце дразнится,
Все задаром, не взаймы.
Хороша картина русская:
Тишина, простор, покой,
Косогор, тропинка узкая,
Деревенька над рекой.
Телогрейки, шапки, валенки —
Любо-дорого смотреть:
Три дедули на завалинке
Вышли косточки погреть.
Коромысло с двумя ведрами,
В дом водичка из реки,
Идет девка, крутит бедрами,
Загляделись старики.
«Это чьи такие молодухки?» —
Вдруг вопрос от старичья.
«Что вы, белые бородухки,
Я пока еще ничья».

Александр Яковлевич Сухарев родился в 1923 году в селе Малая Трещевка Землянского уезда Воронежской губернии. Участник Великой Отечественной войны, награжден пятью боевыми орденами. Работал в Воронежском обкоме комсомола, ЦК ВЛКСМ, в аппарате ЦК КПСС. С 1984 года Министр юстиции РСФСР, в 1988—1990 годах — Генеральный прокурор СССР. Ведет большую общественную и научную работу. Автор книг мемуаров «Листая памяти страницы», «По зову правды». Живет в Москве.

Александр Сухарев

ОТРОЧЕСТВО БЕЗ ДЕТСТВА

(Малая родина в судьбе
Генерального прокурора СССР)

Фамилия моя — «хлебная». Носили ее из поколения в поколение потомственные хлеборобы, исконные русские селяне Воронежской губернии. Правда, некоторые ученые доказывают, что Сухаревы — это от прилагательного «сухой», то есть «худой», но оно и верно: от крестьянского труда особенно не располнеешь. Были в России и дворяне Сухаревы и, хотя к титулованной знати не относились, их герб значился в Общем гербовнике дворянских родов Российской империи. Некоторые из них уже в начале XVIII века владели имениями в разных уголках Центрального Черноземья. А стрелецкий полковник Лаврентий Сухарев прославился тем, что первым выступил в поддержку молодого Петра I, его именем была названа знаменитая Сухаревская башня, а в наше время — и одна из станций московского метро. Впрочем, лично я встречал немало Сухаревых и не русской национальности и не православного вероисповедания, мое возможное родство с героическим полковником подтвердить (как, впрочем, и опровергнуть) ничем не могу. По крайней мере, мои усилия в генеалогических изысканиях к фантастическим открытиям не привели, и слава Богу.

Дело в том, что сегодня многие пытаются доказать свое если не княжеское или графское, то дворянское или купеческое происхождение,

но выглядит это, по меньшей мере, смешно, а если задуматься — странно: ведь не Иваны мы, не помнящие родства, чтобы предать память своих предков ради фальшивых свидетельств принадлежности к «элите». Истинную элиту составляют те, кто заслужил это своими собственными делами, а не те, кто, перебравшись из деревни в город, из города — в столицу, а из столицы — за границу, превращаются из чичиковых в хлестаковых; они не могут гордиться своим прошлым, так как гордиться там нечем, но не испытывают и стыда — за отсутствием такового, так что стыдиться за них приходится их менее «продвинутым» соотечественникам. Честь и честность — слова однокоренные, и нельзя обладать первой, не соблюдая второй; новоиспеченные «дворяне», стесняющиеся своих «простых» отцов и матерей, дедушек и бабушек, унижают прежде всего самих себя. Нет, меня воспитывали иначе, и хотя мне уже немало лет, я вспоминаю родителей с любовью, гордостью и благодарностью за все то, что они мне дали.

Мой отец Яков Тихонович, как и дед, Тихон Иванович, и все их братья были потомственными крестьянами. Они знали и любили дело свое, были уживчивыми и работающими, стремясь создать крепкое усадебное хозяйство со скотом и птицей. Мать Мария Михайловна, в девичестве Воронова, тоже происходила из крестьянской семьи, будучи младшей из трех сестер и трех братьев. Их двор в селе Гнилуша был бедным, и вскоре, еще до революции, жизненные пути Вороновых разошлись. Старшая сестра ушла в монастырь, средняя уехала с богатой помещицкой семьей на «теплые воды» и там застряла на долгие годы, выйдя замуж, а двое из трех братьев, увлекшись политикой, вступили в Землянскую организацию РСДРП, впоследствии ставшей ВКП (б). Моему отцу было двадцать пять, а матери — двадцать три года, когда 11 октября 1923 года у них родился первенец — это был я.

Жили мы вместе с дедушкой и бабушкой в селе Малая Трещевка Землянского уезда Воронежской губернии. Край это старинный, с богатой историей, само название чего стоит:

Землянск — услышал имя я,
Земля — почудилось вослед,
Землян исходная земля,
Лучин горит в землянке свет...

Так написал о моей родине один поэт, мой земляк и современник.

История Землянска уходит корнями в 1657 год, когда по указанию государя Алексея Михайловича 20 старых воронежских солдат основали на берегу местной речки Землянка военное поселение. Спустя пять лет вокруг поселения была выстроена крепость, обнесенная валом и глубоким рвом. На случай осады в крепости имелся глубокий колодец с постоянным запасом пресной воды и подземный ход к речке длиной 60 метров. В 1663 году Землянск приобрел статус города; его население пополнилось черкасами — украинскими переселенцами из-за Днепра, поступившими на русскую службу. Служили землянчане честно, оберегали Русь от татарских набегов; случались и внутренние столкновения: в 1670 году гарнизон Землянска поддержал восстание Степана Разина. При Петре I землянских черкас переселили в южную часть Воронежского края, к Черной Калитве и Богучару, так что большинство населения города стали составлять русские. Землянск рос, в нем возводились каменные дома и храмы. По преданию, одну из землянских чудотворных икон — Тихвинской Божией Матери — написал и освятил сам Преосвященный Тихон Задонский, епископ Воронежский и Елецкий, в 1776 году. (После революции местные жители спасли икону от поругания и уничтожения, правда, размеры ее обрамления изменились и оправлена она теперь в другую, простую раму). В 1781 году город Землянск получил свой герб, на котором были избоб-

ражены перепелки в золотом поле; официальное описание гласило: «В верхней части щита — герб Воронежский. В нижней — пять летающих перепелок в золотом поле, каковыми птицами город сей весьма славится». В середине XIX века Землянский уезд по количеству населения занимал шестое место среди двенадцати уездов Воронежской губернии, а сам Землянск — восьмое среди уездных городов. К концу столетия в городе проживало около четырех тысяч жителей, здесь было три ярмарки, два каменных храма, трехклассное уездное училище и церковно-приходская школа. С декабря 1917 года начался советский период истории родного края; через пять лет уезд ликвидировали (как раз в год моего рождения) и Землянск утратил статус города, но в 1928 году снова становится райцентром до 1963 года, после чего основная часть территории была включена в состав Семилукского района.

Сегодня Землянск — село, но достаточно пройти по улицам, чтобы убедиться в его городском прошлом: сохранились старинные купеческие дома, с их украшенными фигурной резьбой карнизами и наличниками, лавки, амбары, здания уездной земской больницы и приходской школы, действующая и поныне Никольская церковь. С июля 1942-го по январь 1943 года Землянск находился в тылу врага, и фашисты устроили в одном из древнейших храмов конюшню, иконы жители спасли, разобрав по домам. За эти полгода под властью оккупантов в районе погибло 1772 мирных жителя, в том числе дети, тогда как с войны не вернулось 344 человека из более чем двух тысяч жителей Землянска, ушедших на фронт.

Среди уроженцев края немало известных людей: родом из здешних мест знаменитая народная сказительница Анна Куприяновна Барышникова — «бабушка Куприяниха», художник, академик исторической живописи Александр Никанорович Новоскольников, врач-невропатолог, академик Евгений Константинович Сепп, композитор, автор вальса «На сопках Маньчжурии» Илья Алексеевич Шатров, Герой Советского Союза Алексей Иванович Леженин, погибший в 1943 году в ожесточенном бою под Новороссийском.

Мое родное село Малая Трещевка лежит в семи километрах от Землянска, на территории нынешнего Рамонского района. Недавние раскопки воронежских археологов доказали, что уже более полутора тысяч лет назад здесь жили люди. Мне до сих пор снятся дышащие паром после теплого дождя вспаханные поля, сверкающие на солнце глубокие затвердевшие колесницы тележных следов, многократно исхоженный мною путь от своего села до райцентра, через овраги и перелески. Сама Малая Трещевка, похожая на старый хутор, тоже пересечена глубоким оврагом, на одной стороне которого располагались дворы Сухаревых, а на противоположной — Фроловых, Бородницких и Ветониных. Все село утопало в яблоневых садах, зарослях груш, слив, вишен, особенно в моем селе был крупный чернослив и вкусные плоды терновника, обязательно обрамлявшие дворы. Каждый двор имел, как минимум, одну рабочую лошадь, одну-две коровы, свиноматку и от пяти до десяти овец, не считая уток, которых любили разводить на болотистых берегах небольшой речушки, притягивавшей, как магнит, деревенскую детвору.

Шли годы, наша семья росла: у меня появились младший брат Николай и сестра Мария. В старой хате становилось тесно и, когда мне исполнилось семь лет, мы переселились на другой конец села в новый дом, построенный рядом с домом старшего брата моего отца, Тимофея Тихоновича. День переезда запомнился на всю жизнь: отец, мать и мы, трое детей, вместе со всем своим немудреным скарбом, включая кота и дворняжку Шарика, поместились на одной подводе. Дом стоял на самой окраине села, на делянке деда с дубовыми деревьями, окруженный зарослями густого терновника, которых я поначалу побаивался. Не прошло и двух месяцев, как начались занятия в нашей сельской начальной школе, куда мне приходилось ежедневно в любую погоду идти через всю деревню, под лай незнакомых

собак, преодолевая препятствия и удерживаясь от мальчишеских соблазнов. Только два года спустя я ощутил прелесть новоселья: появились новые друзья, младший брат Николай пошел в первый класс. В школу мы теперь ходили вместе и эти походы больше не были ни страшными, ни скучными. Неподалеку от нашего дома на пригорке мастеровитый сосед оборудовал «реликвечели», где по праздникам собирались детвора и взрослые нарядные селяне покатаются на диковинных качелях, померяться силой в кулачных боях, спеть и сплясать под веселую балалайку и гармошку.

В том же 1930 году началась коллективизация. Колхоз, получивший название «Первое мая», а потом переименованный в «Страну Советов», создавался не без известных «перегибов», когда владельцы веялок, косилок и молотилок объявлялись кулаками и отправлялись на выселение, а принадлежавший им инвентарь и скот обобществлялись. В разряд кулаков, например, попали наши однофамильцы Сухаревы, а по-деревенски Сидоровы, поплатившиеся за свои подсобные орудия труда и обильно пролитый пот. Запомнились «набеги» уполномоченных, рыскавших в поисках спрятанных в подzemелье пшеницы и ржи, проса и бобовых, которые нащупывали с помощью заостренных железных прутьев. При обнаружении зерно подлежало безвозмездному изъятию в пользу государства в счет продналога. Такой процедуре подвергся и наш только что возникший двор, считавшийся крестьянским по отцу и пролетарским по матери, так как двое ее братьев были членами партии. Поскольку ничего не обнаружилось, нашу семью не смогли обвинить в принадлежности к кулакам или подкулачникам.

Естественно, рождение колхоза заметно изменило уклад жизни селян. Вместо соперничества дворов в стремлении к имущественной зажиточности, рождалось соревнование колхозников за выработку трудодней, оплачивавшихся натурой: зерном, картофелем, свеклой, подсолнечником и просом. Молодежь по вечерам стала распевать новые, «политически грамотные» частушки, из которых мне запомнилась следующая:

Мой миленок — тракторист,
Я — ударница полей,
Он борется за машину,
Я — за двести трудодней!

Видимо, это был предел возможностей колхозника; следует напомнить, что даже в годы войны повышенный обязательный минимум трудодней устанавливался в зависимости от района в количестве от ста до ста пятидесяти, за выполнение двухсот трудодней фамилии ударников помещали на колхозной доске Почета. Но не следует думать, что колхозная жизнь сводилась лишь к бесконечному изнурительному труду. В моей памяти отложились и щедрые коллективные трапезы, сопровождавшиеся обильными возлияниями, в дни празднования Первого мая, годовщин Октябрьской революции и даже Парижской коммуны. Эти новшества как-то уживались с традиционными праздниками Троицы летом, Покрова — осенью и другими. На Рождество, Крещение, престольные праздники селяне приглашали в гости родных и друзей и пользовались их гостеприимством. Помню, как наш дом навещали родственники из Сомова, Землянска, Гнилуши, Чистой

Лейтенант А.Я. Сухарев. 1941 г.

поляны, с каким нетерпением мы ожидали их приезда, и как радовались приглашениям с их стороны, чтобы прокатиться в тарантасе или санях с бубенцами и колокольцами в праздничной одежде.

Незабываемым зрелищем для нас, детей, были церковные пасхальные торжества. Малая Трещевка состояла в приходе Чистополянской церкви, находившейся в полутора километрах от дома. Вспоминаю трепетную подготовку к Пасхальному дню. Отец с моей помощью резал поросенка или ягненка, а иногда и просто курицу, мать готовила холодец, натирала по особому рецепту лапшу, пекла кружевные воронежские блинчики и, естественно, ставила белый квас с хреном. Если ожидалась гости, количество блюд доходило до пятнадцати-двадцати, а кроме деревенской ядреной шестидесятиградусной самогонки закупалась казенная водка, по старинке уважительно именовавшаяся «белой головкой». Обязательной принадлежностью праздника были выходная или новая одежда. У отца — сатиновая рубашка под ремень, у матери — белая кофта и необыкновенно красивая кружевная шаль. Мне же, кроме шитой матерью косоворотки, полагались, как и отцу, сапоги, но их-то и не было. Приходилось брать их напрокат, чтобы только покрасоваться в храме в новых сапогах, но ни в коем случае не идти в них полтора километра до церкви и столько же обратно, дабы не нанести какого-нибудь ущерба земной обуви. Поклявшись в этом всеми страшными клятвами, я натягивал рваные опорки и шел вместе с родителями в Чистую Поляну, от радости не чувствуя земли под ногами. Только при подходе к церкви мы снимали привычную одежду, надевали новую, а я наконец-то обувал начищенные дегтем сапоги богатого сверстника. Трудно передать словами детское восприятие торжественной пасхальной литургии, причастия, целования Креста Господня, возвышенных песнопений, то неповторимое ощущение, когда нам вручали освященные пасхальные яйца и куличи, а в наших руках теплились свечи в сияющих, как нам казалось, золотых подсвечниках. Это необыкновенное чувство торжественного церковного действия, сохранилось во мне вплоть до войны. Поэтому мне, в целом атеистически воспитанному красному командиру, была по душе инициатива Сталина и советского правительства по учреждению высоких государственных наград, связанных с именами выдающихся полководцев Александра Невского, Суворова и Кутузова, Нахимова и Ушакова, причисленных потом к лику святых.

Однако жизнь состояла не только из праздников, но в основном из будней, а они для нашей семьи, включая подростков, были трудовыми. Отец запомнился мне озабоченным жилистым трудолюбом, а с раннего школьного возраста работал по дому, в колхозе наравне со взрослыми. Детская память запечатлела отца на лошади, пашущим огород, корчующим дубовые пни ломом или рубящим огромным колуном дрова: треск разлетающихся по сторонам поленьев, гора березовых и дубовых чурок, и отец, исполин, разгоряченный, увлеченный, загорелый, с засученными рукавами. Когда я немного подрос, он научил меня выполнять всю крестьянскую работу: пахать, сеять, косить, заготавливать дрова, убирать созревший урожай. Как старший из детей, я нес многочисленные обязанности по домашнему хозяйству, уходу за скотом, помогал родителям выработать минимум трудодней на колхозных полях и фермах. Но все это не идет ни в какое сравнение с тем колоссальным объемом работы, лежавшим на плечах моей матери: дом, вся домашняя живность, а кроме того, отработка все тех же трудодней, дававшихся очень и очень нелегко — достаточно вспомнить размеры полевых соток колхозной свеклы, подсолнечника и бахчевых культур, которые вручную пропалывали женщины и подростки.

Может, поэтому самым большим желанием моей матери было, чтобы я получил образование и «вышел в люди». Если отец хотел, чтобы я продолжил его дело и стал настоящим хозяином, то мать не жалела ни сил, ни средств (чего стоило

только убедить отца), лишь бы я стал образованным трудягой. Надо сказать, что многие наши односельчане стремились дать своим детям образование, и государство им шло навстречу. Помню, как селянин Семенка Бородкин, похожий манерами на шолоховского Щукаря, на сходке колхозников под одобрение селян благодарил советскую власть, что учит детей, и клялся: «Я в лепешку расшибусь, но выведу свою дочь Матрешку в счетоводы». Как раз в это время развертывалась культурная революция, из страны почти полной неграмотности Россия стремилась стать просвещенной, где стар и млад, миллионы, десятки миллионов учились читать, писать и считать, приобщались к знаниям. Среди них оказался и я.

Первые четыре года я учился в нашей сельской двухклассной школе. Она размещалась в добротной деревенской избе, занимая сносное помещение с двумя рядами парт для детей первого и третьего классов, где все предметы вела одна учительница Ольга Николаевна. Для деревни тридцатых годов это была личность неординарная: во-первых, дочь священника, а во-вторых, курила: увидеть в селе курящую женщину тогда было почти то же самое, что увидеть инопланетянина. Преподавала она интересно и занимательно и была порядочным, уважаемым нами человеком. Это чувство благодарности к Ольге Николаевне у меня было так велико, что ради нее я готов был идти даже на такие домашние прегрешения, как тайная «экспроприация» части содержимого отцовского сундучка с крепчайшим самосадам. Благодаря учительнице, приносившей книги из дома, я пристрастился к чтению, старался учиться как можно лучше и вскоре стал ее помощником. Во время отлучек Ольги Николаевны на меня возлагалась почетная обязанность замещать ее в качестве учителя и воспитателя. Воодушевленный доверием, я брался проверять домашние задания в младшем первом классе, где был мой брат Николай, и, естественно, находил в его тетради ошибки и, бывало, выставял «неуд», после чего тот с криками и слезами бежал домой, браня меня на всю деревню.

С подачи учительницы я прослыл на селе непревзойденным декламатором стихов, смысл которых стал до меня доходить лишь несколько лет спустя. До сих пор помню некоторые из них, которые я читал по праздникам с импровизированной сцены сверстникам и их родителям, навещавшим школу не только в дни редких родительских собраний. В одном таком «произведении» изображался спор электрической «лампочки Ильича», только что начавшей входить в быт села, с керосиновой лампой. Конфликт олицетворений светлого будущего и мрачного прошлого разгорался нешуточный, вплоть до личных оскорбительных выпадов, которые восторженно воспринимались слушавшими меня колхозниками. Раздраженная «лампочка Ильича», заклиная керосиновую подругу, бросала ей в лицо:

Глупая вы баба,
Фитилек у вас горит чрезвычайно слабо,
Между тем как от меня льется свет чудесный,
Потому что я родня молнии небесной!

Затем следовал более «крутой» стих уже с политическим подтекстом под условным названием «Пятилетку в 4 года». Не понимая сути замысла автора, я громко тараторил:

Чтобы строить... надо знать:
Пять — четыре, пять — четыре,
Пять — четыре, а не пять.

В итоге, заслужив оvation публики, я еще получил награду в виде отреза ситца на рубаху (примерно, как в истории с «красными революционными шароварами» из знаменитого фильма «Офицеры»), так что, когда я горделиво спускался с трибуны, меня окружала вся деревенская ребятня, завистливому восторгу которой не было предела.

Четыре года в начальной школе пролетели незаметно. Надо было решать, что делать дальше: продолжать обучение или начинать работать как взрослый. Вопреки мнению отца, нуждавшегося в помощниках по хозяйству, мать настояла на том, чтобы отправить меня учиться в Землянск, в школу крестьянской молодежи (с начала тридцатых годов ШКМ стали расшифровывать уже как «школа колхозной молодежи»). Понятно, что ходить каждый день в город пешком по семь километров туда и столько же обратно я не мог (особенно зимой), поэтому меня отправили на квартиру к дальним родственникам. Они сами еле-еле сводили концы с концами, а на мое содержание требовались деньги, и мать стала подрабатывать шитьем, а отец, навещая меня, помогал родне, чем мог — привозил харчи, заготавливал впрок поленья, колол дрова и т.п. Землянские родственники относились ко мне доброжелательно, и я вспоминаю их с благодарностью.

Новая школа была лучше прежней: предметно-классное обучение, большой педагогический коллектив, активная общественная работа. Землянская ШКМ запомнилась мне в первую очередь требовательностью и высоким профессионализмом учителей. С тех пор прошло уже более семидесяти лет, а память все еще хранит их фамилии и даже некоторые имена. Так, директором школы был Чесноков, учительница Зубкова преподавала историю, строгая Меркулова Липа Ивановна вела математику, Ольга Васильевна Сонина — биологию, а Андрей Андреевич Котенко был учителем труда. Биолог была подлинным энтузиастом своего дела, всегда сопровождала уроки занимательными иллюстрациями, приносила в класс гербарии, живые цветы, различные диковинные растения; мы, весь класс, ее очень любили.

Класс был дружным, спаянным общественными делами. Мы, пионеры, занимались художественной самодеятельностью, ездили в лагерь в Семидубравное, играли в «чапаевцев», одеваясь в самодельные бурки и папахи, как в кино, и сражаясь самодельными саблями. Помню, как гордился тем, что вместе с классом

Штаб 237-го стрелкового полка. 1944 г.

сажал дубовую рощицу. Моим лучшим другом был Слава Усачев — прекрасный парень, человек, сделавший себя сам. Вернувшись с войны, он поступил в Воронежский университет, окончил историко-филологический факультет, позднее защитил кандидатскую диссертацию по философии. Работал первым секретарем Землянского райкома ВЛКСМ, заведомо райкома партии, затем двадцать лет отдал работе в Воронежском обкоме КПСС, пройдя путь от лектора до секретаря по идеологическим вопросам. Почти столько же, с 1969-го по 1988 год, Вячеслав Усачев проработал заместителем министра высшего и среднего специального образования РСФСР, а выйдя на пенсию, принимал активное участие в деятельности Всероссийского союза ветеранов. К сожалению, время неумолимо, и его уже нет среди нас.

Конечно, кроме ребят умных и порядочных, были и хулиганистые мальчишки, предводителем которых являлся Андрей Авдеев. Однажды Ольга Васильевна ходила между партами, держа в руках горшок с интересным ветвистым цветком, демонстрируя нам премудрости генетики на живом наглядном примере распускающегося растения, а дурашливый Авдеев незаметно подставил ей ногу и она упала, разбив горшок. Мы все ругались на Авдеева, а мои отношения с ним после этого совсем испортились. Возможно, по его доносу, а может быть, и благодаря «сигналу» кого-то из учителей, я вскоре попал в неприятную историю, которая могла кончиться для меня печально.

В землянской школе я слыл неплохим и даже успешным, законопослушным учеником, впитавшим культуру поведения своих городских сверстников. И вдруг меня обвиняют в неблагонадежности с вызовом к директору школы Чеснокову и уполномоченному районного НКВД. (Замечу, что происходило это в 1937 году, когда можно было очень легко оказаться виноватым без всякой вины и любая случайность могла поломать человеку жизнь.) После формальной беседы о моей родословной мне было предложено чекистом в гражданском костюме пройти с ним через городскую площадь в незнакомое полуподвальное помещение «для выяснения личности». А поводом послужила моя якобы «враждебная» выходка в отношении маршала Ворошилова, портрет которого недавно появился в нашем классе. Возможно, я как-то нелестно прокомментировал новый портрет, не знаю; как выяснилось позднее, меня обвиняли в том, что я произнес или «бешеные глаза», или «как угрюмо и враждебно смотрит». Говорил ли я эти слова или нет, припомнить не могу, но не исключаю, что мог произнести что-то подобное. А кто «стукнул» чекистам, неизвестно до сих пор. Лишь на третьи сутки в КПЗ ворвалась заплаканная мать, требуя сказать, что я наделал дурного, угодив в «каталажку». После моих уверений в своей невиновности она несколько успокоилась и поинтересовалась, как здесь кормят, заглянув в мою алюминиевую кружку с коричневой жидкостью. Когда я общими словами отделался от вопросов о кормежке и начал хвалить напиток, именовавшийся здесь «кофе», мать пожелала попробовать его, о чем ей пришлось тут же пожалеть: сделав глоток, она сразу сплюнула густое месиво, так как тюремный «кофе» был заварен молотыми желудями. Затем мать позвала наверх, о чем с ней говорили — неизвестно, только меня вскоре отпустили. Провожая меня на квартиру, она всю дорогу шепотом твердила мне, что надо быть осторожным в разговорах, не болтать лишнего, хвалить все портреты, если даже их ругают другие. Взволнованный случившимся, эти материнские напутствия я усвоил надолго.

Когда я приезжал домой на каникулы и мне случалось вместе с матерью проходить по селу, она останавливала каждого встречного и с гордостью говорила: «А мой Саня в городе учится!». Учеба в Землянской ШКМ была верхом ее мечты, однако она лелеяла далеко идущие планы относительно моего будущего. Вскоре замысел перешел в фазу осуществления, и мать стала уговаривать своего брата Ива-

на Михайловича Воронова, чтобы тот помог вытащить меня в областной Воронеж, где он жил с семьей, работая на низовой должности в ведомстве по сбору сельхозналога.

Как-то в один из зимних воскресных дней, будучи в командировке в Землянске, Иван Михайлович пожаловал к нам. Указывая на «смышленного» семиклассника, мать напомнила брату о желании видеть меня в культурном Воронеже, а чтобы облегчить процесс принятия решения, накрыла стол с традиционными закусками и бутылкой спиртного. Выпив с отцом, они договорились о моем будущем, а затем, чокаясь, перешли к темам сельского бытия и даже перекинулись на политику. Помню, как Иван Михайлович, разгоряченный парами спиртного, размахивая руками и пытаясь убедить малограмотного отца в правоте политики партии, вдруг доверительно изрек: «Поверь мне, Яков Тихонович, вскоре большевики разберут луну на железную дорогу». Возражая ему, православный отец, озираясь на иконы, в запальчивости воскликнул: «А ничего еще более богохульного вы не придумали?». На что получил ответ: «Не кипятись, на все свой черед. Разберем месяц — займемся звездами. Все по плану». Чтобы остановить накаляющийся конфликт между братом и мужем, моей матушке пришлось прибегнуть к последнему аргументу: поставить на стол жареного поросенка и достать еще бутылку водки. Помолившись на икону, она призвала мужчин выпить за детей и семьи. Дипломатический ход явно удался. Прощаясь с моими родителями, побревший Иван Михайлович погладил меня по голове и, глядя в глаза, произнес: «Ну, племянничек, учись пока, и до скорой встречи в Воронеже».

Так оно и случилось в следующем, 1938 году. Окончив восемь классов школы, благодаря усилиям матери и ее брата я оказался в многолюдном Воронеже, давшем мне надежную путевку в жизнь. Областной центр в это время бурно рос и развивался. Если в 1930 году население Воронежа насчитывало 168 тысяч человек, то в 1938 году достигло 340 тысяч, т.е. удвоилось. За годы первых пятилеток город преобразился, улицы украсились новыми монументальными зданиями, такими, как Дом книги, Дом связи, «Утюжок», Госбанк, Дворец пионеров, гостиница «Воронеж», управление ЮВЖД. На площади 20-летия Октября (ныне площадь Ленина) выросло здание обкома партии и облисполкома; зеленым вестибюлем площади стал расширенный и перепланированный Кольцовский сквер. Кроме общественных сооружений, в Воронеже строились многоэтажные жилые дома с водопроводом, канализацией и электрическим освещением. Весь центр города был замощен и заасфальтирован — свыше 100 километров улиц; 120 трамвайных вагонов перевозили горожан по 12 маршрутам протяженностью около 60 км; в Воронеже работали около тысячи магазинов и палаток. Открывались новые школы, детские сады, парки, скверы, кинотеатры, универмаги, город становился все более нарядным и благоустроенным.

Все это произвело на меня огромное впечатление: по сравнению с Воронежем не только Малая Трещевка, но и уже ставший второй родиной Землянск казались маленькими. Из сельской глуши и уездной тиши я очутился в грохочущем железе и дымящем трубами индустриальном центре, где на моих глазах шло коренное переустройство жизни.

Здесь я стал работать учеником слесаря на одном из производств разрастающегося 18-го авиационного завода имени Ворошилова, того самого легендарного маршала, из-за истории с портретом которого я чуть было не отправился в изолированные места. Я очень гордился близостью к авиации: это вам не какая-нибудь швейная фабрика или мясокомбинат, это настоящий завод, где делают настоящие самолеты! Действительно, авиазавод, основанный в 1932 году, уже через пару лет наладил производство тяжелых и дальних бомбардировщиков — стратегического оружия XX века. Здесь был запущен в серию тяжелый цельнометалличе-

ский бомбардировщик ТБ-3 конструкции Андрея Николаевича Туполева — огромные машины, поднимавшие по 2 тонны бомб, гордость советской авиации 30-х годов, много раз участвовавшие в знаменитых авиационных парадах над Красной площадью.

Завод обеспечил меня местом в общежитии, одновременно я стал учиться в вечерней рабочей школе. Радости моей не было предела, ведь я стал «городским», трудился вместе с настоящими мастерами своего дела, а по вечерам отправлялся в школу с диктантами и математикой, историей и немецким языком, пригодившимся мне потом на войне.

Первое время было тяжеловато — приходилось работать на пределе физических и умственных возможностей, а мне было всего 15 лет. Однако новый опыт был чрезвычайно интересным: если на заводе я и ожидал увидеть людей зрелого и пожилого возраста, то встреча с такими лицами за учебной партой была для меня неожиданностью.

Перед войной к свету знаний тянулись и молодые, и старые: более половины вечерников 9 класса были семейными и, как я убедился, шли в школу не за аттестатом, а за знаниями, особенно, что касается математики и физики. Естественно, что в такой своеобразной школьной аудитории я стремился не уступать в учебе своим взрослым одноклассникам, тянулся изо всех сил еще и потому, что не мог подвести матушку и дядю, приложивших огромные усилия, чтобы я приспособился к городской жизни. Случались, конечно, разного рода неприятности, опоздания и пропуски занятий, хотя экзамены тем не менее я сдавал прилично. Дело в том, что после переезда в большой город с его непривычными соблазнами я хоть сильно уставал и порой клевал носом на уроках, но как-то находил время для клуба и танцплощадки, одевая модные в то время расклепанные к низу брюки и начищенные зубным порошком матерчатые баретки. Неистребима в этом возрасте тяга к танцам, кинокартинам, первым свиданиям, хотелось успеть всюду, что, естественно, никак не получалось.

А тут появилась мечта — стать военным летчиком. Поголовное поветрие той поры захватило не только ребят, но и чуть ли не половину девчат. Скрывая свои замыслы от родственников, я стал усиленно готовиться к легкому училищу, приписав себе лишний год возраста в заявлении в райвоенкомат. Когда же там стали более тщательно проверять документы, то без труда обнаружили подлог и сообщили об этом в райком комсомола. На бюро мне крепко досталось, объявили выговор, что пошло мне только на пользу. Я осознал несбыточность своих надежд не только из-за возраста, но и из-за отсутствия полного среднего образования, необходимого для военного училища, успокоился и стал наверстывать пропуски в занятиях.

В любом случае работа на левобережном предприятии не прошла даром: не реализовались подстегиваемые близостью к самолетам мои мечты о полетах, но я все же получил крепкую трудовую закалку. Помню, что главным на заводе называли Шенкмана, который позднее руководил производством Ил-2 в условиях эвакуации завода в Куйбышев и которого в ноябре 1941 года Сталин пугал суровой карой, если тот не поднимет темпы выпуска боевых самолетов. Но хорошо запомнил одного «большого начальника» — Михаила Емельяновича Вайцеховского, героя гражданской войны, прибывшего на наш строительный заводской объект. Он интересовался работой новой техники и, в частности, проявил интерес к пневматической установке бетономешалки, которую я, начинающий слесарь, обслуживал с большим трудом: при запуске толстый гофрированный рукав вновь и вновь валил с ног юного мастера.

С началом войны полковник Вайцеховский стал командиром Воронежского добровольческого коммунистического полка, в сентябре 1941 года в составе 1-й

гвардейской стрелковой дивизии принявшего боевое крещение на территории Сумской области. Позднее полк Вайцеховского воевал с немцами под Белгородом и Ельцом, шел в первом эшелоне во время советского контрнаступления под Москвой, при этом Михаил Емельянович неоднократно лично поднимал бойцов в атаку. В феврале 1942 года, ведя наступление на сильно укрепленный опорный пункт врага (село Лески под Новым Осколом), полковник Вайцеховский был ранен осколком мины. Солдаты вытащили его из-под обстрела и на машине доставили в Воронеж, где врачи провели сложную операцию, но спасти жизнь этого замечательного человека не удалось. Похоронили М.Е. Вайцеховского в городском Детском парке; здесь навеки застыл он в бронзе, а его именем была названа одна из улиц. Что же касается сформированного им полка, то он сражался с врагом в Донбассе и Запорожье, освобождал Венгрию, а закончил свой боевой путь в Вене, сохранив память о своем первом командире. Многие из наших заводчан ушли на фронт в рядах этого полка. За мужество и героизм, проявленные в боях за Родину, 14 воспитанникам завода было присвоено звание Героя Советского Союза, а летчик-истребитель А.К. Рязанов стал дважды Героем.

Обстановка в мире в те годы все более накалялась, тучи сгущались и все отчетливее чувствовалась приближение войны. На заводскую взлетную полосу, с которой взмывали в небо наши серебристые красавцы, порой приземлялись самолеты незнакомых очертаний с крестами на крыльях. В настроениях рабочих что-то менялось, люди стали более задумчивыми. 1 сентября 1939 года фашистская Германия напала на Польшу: началась Вторая мировая война. Уже через пару месяцев появились и живые свидетельства войны — точнее, свидетели: в наше общежитие поселили группу подростков, говоривших по-польски, так что нам пришлось потесниться. Как выяснилось, это были дети польских евреев, подвергшихся нацистским гонениям сразу после оккупации. До войны в Польше проживала самая крупная еврейская община в Европе, насчитывавшая около 3,3 миллиона человек; к лету 1945 года их осталось не более 40 тысяч, и даже с учетом того, что позднее около 140 тыс. человек вернулись в Польшу из СССР, а еще от 100 до 130 тыс. человек остались в Советском Союзе, очевидно, что нацистами было уничтожено свыше 90 процентов польских евреев.

Вскоре меня перевели на моторостроительный завод №16, располагавшийся не на левом, а на правом берегу Воронежа. Этот завод был основан в 1928 году как предприятие по выпуску мирной продукции. В 1937 году он стал работать и на военную промышленность — началось производство корпусов 76-миллиметровых снарядов, на следующий год заработал спеццех по ремонту 45-миллиметровых противотанковых пушек. В июле 1940 года постановлением Комитета Обороны при Совете Народных Комиссаров СССР завод был передан в Наркомат авиационной промышленности, и начался выпуск легких авиационных двигателей М-11 для самолетов ПО-2, прославившихся в годы войны в качестве легких ночных бомбардировщиков. За годы войны завод выпустил более 30 тысяч авиационных моторов.

На моторостроительном заводе я трудился уже не в качестве ученика, а как полноправный слесарь, одновременно осваивая премудрости токарного и фрезеровального дела. Здесь, в новом коллективе моторостроителей, я учился филигранности мастерства у специалистов, ощутил на себе придирчивость контролеров и приемщиков оборонной промышленности. В предвоенной обстановке требовалось сплочение всех звеньев производства, усиливалась борьба с прогульщиками, разгильдяями и бракоделами. В июне 1940 года Президиумом Верховного Совета СССР был издан Указ «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений», в котором предусматривалась жесткая ответствен-

А.Я. Сухарев — комсомольский работник

ность за прогулы и самовольный уход с предприятий. Самовольный уход карался тюремным заключением сроком от 2 до 4 месяцев, а прогул — исправительно-трудовыми работами на срок до 6 месяцев с удержанием из заработной платы до 25%. Но и без таких мер все понимали — приближается война, поэтому на каждом предприятии, в том числе и на нашем моторостроительном заводе, рабочие собрания резко критиковали отстающих в соревновании, клеймили ошибки и недостатки нерасторопных снабженцев и начальствующих бюрократов.

Особенно запомнилось шумное собрание моего родного сборочного цеха, где обсуждался вопрос подписки на заем. Выступающие друг за другом партийные активисты призывали пополнить государственный бюджет и показать пример сознательности, а мы, патриотически настроенные комсомольцы, настолько горячо поддерживали старших товарищей, что весь цех гудел, как улей. Действительно, пылкие комсомольцы Виталий Васнев и Александр Сухарев, известные своими бесшабашными выходками и вечными просьбами «взаимы до полочки», громогласно требовали поголовной подписки на заем в размере ни много ни мало, а трехмесячных окладов, отчего у пожилых семейных рабочих вытянулись и насупились лица. В итоге договорились ограничиться двумя окладами, что, конечно, тоже было немалой жертвой для заводских тружеников, но зато и показывало их высокую сознательность.

Война катилась по Европе, и мало кто серьезно верил в искренность немцев, незадолго до этого подписавших с СССР пакт о ненападении. Действительно, когда разгромленная в Первой мировой войне Германия была разоружена и связана статьями Версальского договора, Советский Союз, также не пользовавшийся популярностью у западных стран, активно сотрудничал с ней, в том числе и в военной сфере. Обе страны производили взаимные поставки вооружения и боеприпасов, советские и немецкие военные специалисты присутствовали на маневрах, посещали академии и училища, знакомились с методами боевой подготовки двух армий. На нашей территории были созданы танковые и авиационные центры по совместной подготовке военных специалистов. Конечно, после прихода к власти Гитлера советско-германское военное сотрудничество сократилось, тем не менее все же продолжалось в некоторых других областях, а после подписания договоров 1939 года вновь оживилось. В 1940 году группы наших авиаконструкторов и летчиков-испытателей несколько раз посещали Германию, знакомились с образцами военной техники; к нам, в свою очередь, наведывались немецкие специалисты.

Однако продолжалось это недолго: помню, через некоторое время после перехода на моторостроительный завод я встретил знакомых левобережных заводчан и поинтересовался, как там обстоит дело с немцами, еще недавно посещавшими наше производство. Ответ, данный со всей рабочей прямоотой, меня обескуражил: ты, дескать, не с неба ли свалился — немцев полгода, как след простыл. Помню, мне даже стало как-то не по себе от смутных предчувствий, которые вскоре растворились в нахлынувшем потоке эмоций иного рода: ладно, думал я, может быть, скоро встретимся и тогда вам придется сильно пожалеть о своей опрометчивости. В то время мы мало верили в миролюбие гитлеровской Германии, но были твердо уверены в несокрушимости наших вооруженных сил (как в популярной песне: «От тайги до Британских морей Красная Армия всех сильнее»), что на самом деле во многих отношениях было недалеко от реальности) и слова «Если завтра война, если завтра в поход» вызывали всеобщее воодушевление.

У нашей уверенности были серьезные основания, ведь СССР недавно дал достойный отпор японским милитаристам, победил, хотя и не так быстро и просто, как ожидали, в войне с Финляндией, расширил свои границы за счет Прибалтики, Западной Украины и Белоруссии, Бессарабии и Северной Буковины. С другой стороны, настораживала та быстрота, с которой гитлеровский вермахт захватывал одну страну за другой, нанося сокрушительные поражения хваленым европейским армиям. Так, на разгром более чем миллионной польской армии немцам потребовалось менее трех недель; только в плену оказалось около 700 тыс. польских солдат и офицеров, в то время как потери германских вооруженных сил составили 10,5 тыс. убитыми. Дания была оккупирована за один день силами двух дивизий; на захват Норвегии из-за противодействия десантов и флотов союзников вермахту потребовалось два месяца, но и здесь немцы победили, потеряв при этом всего 1,3 тыс. человек убитыми. Голландия была захвачена за 5 дней, Бельгия капитулировала через 17 дней. На территории Франции активные боевые действия начались 5 июня 1940 года, 14 июня немецкие войска вступили в Париж, 17 июня французское правительство запросило перемирия, а 22 июня 1940 года, через 2 недели после начала фашистского вторжения, Франция с ее армией в 2,7 млн. человек, поддержанной 400-тысячным английским экспедиционным корпусом, капитулировала. 6 апреля 1941 года немецкие танки пересекли границы Югославии и Греции, и уже 17 апреля капитулировала первая, а 21 апреля — вторая. Словом, страны падали перед германской боевой машиной подобно костышкам домино, отчего апетиты фашистов лишь увеличивались, так что становилось ясно: рано или поздно настанет очередь Советского Союза вступить в смертельное противоборство с коричневой чумой.

И вот настал роковой день 22 июня 1941 года: нацистская Германия в нарушение всех договоров, без объявления войны напала на СССР. В первый же день войны Воронежская область была объявлена на военном положении. На следующий день началась мобилизация граждан 1905 — 1918 гг. рождения, так что я под нее не попал, но захваченный общим патриотическим порывом направился в военкомат. Незадолго до этого я, наконец, окончил курс полной средней школы, сдал экзамены и получил аттестат, а до 18-летия оставалось совсем немного. Военком (это был другой, Ворошиловский военкомат), узнав о моих прошлых злоключениях при попытке преждевременно поступить в летное училище, посмотрел данные о моем образовании, почитал весьма положительную заводскую характеристику и предложил мне поступить в наше Воронежское военное училище связи, выпускники которого так нужны были на фронте. Я так и сделал, и вскоре уже в форме курсанта военного училища поехал на завод, чтобы поблагодарить своих мастеров-наставников и друзей-комсомольцев и получить окончательный расчет с замечательным коллективом оборонного предприятия. В Воронеже я прибыл до

сентября, а затем продолжавшие наступать немцы начали операцию «Тайфун», намереваясь одним рывком захватить Москву. Танки Гудериана, за три дня проскочив двести километров, 3 октября внезапно ворвались в Орел, по улицам которого еще ходили трамваи — настолько неожиданным оказался прорыв врага. Во избежание подобного в Воронеже началась частичная эвакуация промышленных предприятий и ряда военно-учебных заведений, среди которых оказалось и наше училище; погружившись в эшелоны, курсанты и преподаватели двинулись в долгий путь до Узбекистана.

Подготовленные связисты ценились тогда чуть ли не на вес золота, так как в вооруженных силах не хватало ни средств связи, ни квалифицированных специалистов. Уже в предвоенный период было создано первое поколение отечественных военно-полевых радиостанций, телефонных и телеграфных аппаратов, коммутационных устройств, кабелей связи, средств наземной радиоразведки, с которыми Красная Армия вступила в Великую Отечественную войну. По своему техническому уровню эти средства в основном удовлетворяли требованиям войск того времени, но их было недостаточно. В частях продолжало оставаться значительное количество устаревших средств связи. Многие новые средства связи находились только в стадии освоения серийного производства, на их массовый выпуск не хватало ни мощностей, ни времени. Особенно острой встала проблема обеспечения войск техникой связи с началом массового развертывания Вооруженных Сил с осени 1939 года. К середине 1941 года Красная Армия увеличилась в 2,8 раза, в результате чего укомплектованность войск радиосредствами значительно снизилась и составляла: в звене «генштаб — фронт» — до 35%, в звене «армия — корпус» — 11, в дивизиях — 62, в полках — 77, в батальонах — 58%. Общее количество радиостанций устаревших типов во фронтовых радиосетях было на уровне 75%, в армейских — 24, в дивизионных — 89, в полковых — 63%. Немногим лучше обстояло дело и с другими средствами связи, не хватало и самих связистов, так как подготовку командиров и специалистов войск связи осуществляли лишь шесть училищ — Ленинградское, Ульяновское, Киевское, Орджоникидзевское, Сталинградское и наше, Воронежское. Таким образом, быть выпускником училища связи тогда означало принадлежать к весьма ограниченному и чрезвычайно востребованному корпусу военных специалистов, о чем мы, курсанты, впрочем, мало тогда задумывались, так как интенсивная подготовка не оставляла времени на размышления.

Воронежское училище связи до эвакуации располагалось в добротном кирпичном здании на улице Кирова в районе маслозавода. В состав училища входили несколько батальонов, с ротами и взводами. Моя 10-я рота размещалась на втором этаже рядом с кабинетами штаба батальона, напротив 11-й роты. С первого дня учебы жизнь в училище шла по строгому военному распорядку, а с началом войны продолжительность подготовки была сокращена, а количество занятий увеличилось. Курсанты ежедневно занимались физическими упражнениями на спортивных снарядах, ходили в походы по пересеченной местности с полной выкладкой армейской снаряжения, полевыми радиостанциями, телефонными аппаратами и кабельными катушками. Было и рытье окопов и блиндажей, и стрельба по мишеням, а также разного рода игры, включая радиоигры в обстановке, приближенной к боевой. Мы овладевали боевой техникой, средствами связи. Особенную трудность для молодых ребят представляло преодоление рубежей сопротивления по-пластунски и некоторые спортивные номера комплекса ГТО, а также внезапные подъемы по тревоге. Силы курсантов изматывались изрядно, но это компенсировалось здоровой пищей: гороховым супом, наваристым борщом и кашей, которых, к сожалению, иногда не хватало крупным по телосложению новичкам.

Припоминаю, как в один из первых дней в курсантскую столовую зашел не знакомый нам подполковник из числа училищного командования. После положенного приветствия он располагающе спросил, нравится ли нам обед и какие есть пожелания. Не привыкшие к этикету общения с военным начальством, ребята вставали, но упорно молчали, боясь попасть впросак. Лишь один курсант, краснея, сказал, что все хорошо, но вот порции маловаты, особенно каши, после чего учтивый подполковник, поблагодарив смельчака за откровенность, спросил: «Как фамилия?». Последний замаялся и, почему-то указывая пальцем на соседа, промямлил: «Мне-то хватает, а вот товарищи говорят...», после чего все дружно рассмеялись, а подполковник улыбнулся и, пожелав нам приятного аппетита, ушел.

Первые недели курсантской повседневности с их учебой и физической муштрой проходили трудно, но перспективы рисовались самые радужные. Мы ежедневно общались с нашими непосредственными начальниками — командирами взводов, носящими по одному кубику в петлице. Нашей 10-й ротой командовал лейтенант Кадикин, которого любили за простоту и доступность общения и над которым в то же время подшучивали из-за его довольно своеобразного выговора и замысловатой речи. Например, желая отдать роте команду: «Не смотреть под ноги, держать голову вверх», он говорил: «Ни в коем случае вниз не посмотреть!». Сам он был откуда-то из Приволжья — Чувашии или Мордовии, и его замысловатый русский не влиял на его популярность в училище. Напротив, своеобразный юмор лейтенанта Кадикина поднимал курсантам настроение — меня, например, выглядевшего особенно молодожаво, он именовал не иначе, как «Александр Яколевич»; были свои прозвища и у других курсантов.

С Кадикиным у меня произошла одна история, которая могла закончиться гораздо хуже, чем школьный инцидент с землянским портретом маршала. Как-то раз я, назначенный дневальным по роте, стоял на посту, располагавшемся рядом с входом в штаб батальона; здесь в углу были оборудованы козлы с боевым оружием. Командир батальона вместе со своим начштаба ушли на обед. В этот момент появился наш юморной командир роты, который, приняв мой уставной доклад о том, что 10-я рота находится на учении и никаких происшествий не произошло, принялся, посвистывая, проверять с помощью белого платочка, как вычищены винтовки и другое табельное оружие. Когда Кадикин отошел в сторону, я — сам не знаю, что на меня нашло — решил пошутить. Все получилось как-то самопроизвольно: взял из ящика тумбочки лежащий учебный (муляжный) револьвер, навел его на кончик уха Кадикина, стоявшего ко мне спиной, и потихоньку стал нажимать на спусковой крючок, ожидая услышать знакомый сухой щелчок. Лейтенант продолжал насвистывать.

Вместо ожидаемого щелчка прогремел выстрел, и в нескольких сантиметрах от головы Кадикина пуля выбила из стены порядочный кусок штукатурки. Откуда взялся патрон в учебном пистолете, не имею понятия. От неожиданной огненной вспышки, дыма и грохота у меня начался шок, я буквально не мог пошевелиться, в то время как реакция ротного на выстрел оказалась прямо противоположной — он начал бегать из стороны в сторону, лихорадочно пытаясь сообщить, что же все-таки случилось и что надо делать в такой нестандартной ситуации. Надо отдать ему должное — на принятие решения Кадикину потребовалось всего несколько секунд: он крикнул мне, чтобы я быстрее открыл окно и дверь, дабы проветрить помещение от порохового дыма, а сам попытался замаскировать след от пули на стене. Но главное, лейтенант произнес несколько раз подряд: «Если что — это я стрелял, в уборной. Понял меня?». Я, конечно, понял, хотя и не сразу дошло сказанное. Но спросить расстроенного Кадикина я не мог, тем более что он тут же выскочил вниз и исчез из вида. Я бросился в соседнюю роту, где между мной и дневальным соседней роты произошел следующий диалог:

- Браток, ты видел, что произошло?
- Конечно, видел.
- А ты сам откуда?
- Из Тамбова.
- Слушай, земляк, никому не скажешь?
- Не бойся, не скажу.

Тамбовец не подвел, но, главное, Кадикин куда-то исчез и несколько дней я его не видел; можно понять, в каком состоянии я был все эти дни. Ведь узнай об этом какой-нибудь ретивый службист военной прокуратуры или НКВД, против меня могли легко возбудить уголовное дело по статье 58-8 — терроризм, а там и до высшей меры наказания рукой подать: солдат стреляет в своего командира во время войны! И вот, когда мы были уже в вагонах и эшелон тронулся с места, я вижу наконец своего лейтенанта, который, оказывается, в качестве командира роты отправляется вместе с нами в эвакуацию. Я со страху забился на третью полку (точнее, на третий этаж дощатых нар — везли нас в «телячьих вагонах»). Но до Узбекистана путь долгий, одним прекрасным утром я слышу снизу голос: «А где наш Александр Яколевич?». Отвечаю подобострастно, подхалимски, чуть не упав вниз: «Я здесь, товарищ лейтенант, слушаю», а самого страх сковал. «Ну, как дела?». А рядом со мной командир взвода, младший лейтенант: «Саш, что такое? Что он хочет от тебя?». «Не знаю», — говорю, а сам думаю: «Ну, все, сейчас арестуют».

Однако обошлось. Из пяти батальонов нашего училища два вскоре отправили на фронт, а мы, оставшиеся, доучивались (курс у нас был шестимесячный, сокращенный). Страх у меня так и не прошел, и я все стремился поскорее отправиться на фронт, полагая, что война, может, все спешет, и даже подговаривал то одного, то другого курсанта вместе подать заявление на фронт. Наконец, срок подготовки закончился, выдали нам новое обмундирование, выстроили на плацу и зачитали приказ правительственной комиссии; слышу: «Сухарев: лейтенант!». Оказывается, мне, одному из немногих, присвоили лейтенантское звание (9/10 курсантов были выпущены младшими лейтенантами). После церемонии разошлись все по казармам, и тут приходит старшина и говорит: «Вас срочно вызывают к командиру роты». Время вечернее, делать нечего — иду к Кадикину. Он поздравил меня с присвоением звания, достал из тумбочки бутылку белоголовки, разлил ее на два стакана «с краями», берет свой, а другой дает мне и испытующе приказывает:

На родине с мамой, братом Николаем и сестрой Марией

«Пей, лейтенант!». Я кое-как осилил половину стакана, он осушил свой до дна, поставил на стол и спрашивает: «А теперь скажи, Сухарев, почему ты хотел меня застрелить?». Смущенный до крайности, я изрек что-то вроде: «Товарищ лейтенант, да вы понимаете, я не нарочно, это случайно вышло, я не хотел...». «Так вот, я не раз вам всем говорил, как учил нас маршал Ворошилов, ружье может хотя бы один раз само выстрелить, поэтому наводи оружие только на врага, и пусть этот случай послужит тебе уроком».

Действительно, с того момента у меня больше никогда уже не возникало желание шутить с оружием. Позднее, когда училище связи уже вернули из Узбекистана в Воронеж, а я после награждения и в связи с гибелью на фронте моего отца, павшего недалеко от наших родных мест, получил единственную за войну краткосрочную побывку, я, старший лейтенант, равный по званию Кадикину, отыскал его и в знак благодарности за доброе отношение уговорил взять в подарок фронтовые сувениры.

Захмелевший и осмелевший, я пытался вернуться к злосчастному случаю с неожиданным выстрелом, но старший лейтенант ловко перевел разговор на другую тему: о моих боях на фронте и судьбе выпускников училища. Сдается мне, что это была личная оплошность самого командира роты Кадикина, оставившего свой боевой револьвер для чистки подчиненному Сухареву. При этом он забыл извлечь единственный оставшийся в нем патрон, который мог стать для нас обоих роковым, а для училища связи — несмылаемым позором. Пережитый мною стресс 41-го года я, видевший авианалеты и артобстрелы, пронес до конца войны. В коротких ночных паузах все это мне часто снилось.

Благодарная память моя будет вечно хранить порядочность первого моего командира роты Кадикина.

...Вот такими были мои юные годы, годы становления на родной Воронежской земле. А потом были этапы большого пути, пройденного мной от студенческой скамьи до должности Генерального прокурора СССР. Мой путь — путь моего поколения.

Спасибо тебе, жизнь!

В калейдоскопе событий и имен прошлого мое сознание все чаще обращается к настоящему, пытаюсь понять логику нынешней России, уразуметь ее здравым рассудком. Быть может, руководствуясь житейской мудростью, она, Россия, интуитивно нащупала потаенную дорожку выхода из оцепенения, которое пережила на финише XX века. Такое чудо, видимо, тоже возможно, если проснувшееся патриотическое сознание российского общества преодолет обывательское равнодушие.

Тем более симптомы возрождения, кажется, обозначаются. Очень надеюсь на возобновление мною выстраданного детища — системы правового воспитания населения как ведущего компонента профилактики преступности, общей культуры человека и гражданского общества. Становление и формирование этой системы считаю своим первым большим позитивным делом на правовой стезе.

К арсеналу масштабных акций я как воин-фронтовик, переживший страдания войны, мог бы отнести и зачинание Международного движения юристов против ядерной катастрофы в самый пик «холодной войны». Мне пришлось быть у истоков самой идеи миротворческого движения, разработки целевых и программных его контуров с задействованием выдающихся имен юридического мира. И я благодарен судьбе за то, что на этом новаторском пути встретился с универсальным талантом великого юриста и дипломата, Нобелевского лауреата Шона Макбрайта.

И, разумеется, в свой личный жизненный актив включаю защиту Отечества от фашистских и милитаристских врагов и участие в Великой нашей Победе, за ко-

торую Советская страна заплатила 27 млн. жизней. Мне же, словно богоизбранному окопному солдату, повезло: выжил в этом огненном пекле в числе трех процентов моих фронтовых сверстников 1923 года рождения! Вот она, небесная воля, которая позволила мне прожить долгую и содержательную жизнь, а теперь и дала возможность обратиться к нашей надежде — молодежи — со словами правды о войне и призывом к бдительности.

Ценю само дарованное свыше счастье жизни, длинную, ухабистую дорогу.

Дорожу моей «малой родиной» — это она дает мне свои силы, любовь, веру и надежду.

Признателен губернатору Воронежской области А.В. Гордееву, председателю областной Думы В.И. Ключникову, главе Воронежа С.М. Колиуху, моему коллеге прокурору Воронежской области Н.А. Шишкину, всем моим землякам за поддержку и заботу.

А завершить свои воспоминания мне хочется вечно живыми и актуальными для нынешней России поэтическими строками Александра Сергеевича Пушкина:

Владыки! Вам венец и трон
Дает закон — а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас закон.
И горе, горе племенам,
Где дремлет он неосторожно,
Где иль народу, иль царям
Законом властвовать возможно!

Будем же помнить заветы российского гения и патриота!

Василий Семенович Андреев родился в 1952 году в хуторе Поляна Семилукского района Воронежской области. Окончил отделение журналистики Воронежского госуниверситета. Служил в ВМФ. Работал в районных газетах Воронежской области, заместителем редактора газеты «Молодой коммунар», инструктором обкома КПСС. Трудился в газете «Правда», был собкором «Российской газеты», «Независимой газеты», журнала «Российская Федерация сегодня» и газеты «Коммуна» в Вене. С 1999 года — в Государственной Думе РФ, где занимал пост руководителя Пресс-службы. Имеет государственные награды. Живет в Москве.

Василий Андреев

ОТ СТАРОЙ ОЛЬШАНКИ ДО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

(Заметки журналиста)

КАДРЫ. РЕШАЮТ ВСЕ...

Не только меня удивляет сегодняшний подбор кадров. Когда на высоченных постах каким-то образом возникают люди престранные, не просто жизни не знающие — они ее даже и не хотят знать. Но — они «члены команды».

Вспоминаю эпизод из своей биографии.

Поработав год в эргильской районной газете, решил жениться, но где жить? Ну, снимем «угол», а потом и комнату в общежитии обещали дать. Так тогда поступали в районах с молодыми кадрами. Но моя будущая жена воспротивилась: она уже на авиационном заводе в Воронеже работала и возвращаться на малую родину не желала. Хорошо, вот тебе второй вариант: перевозоюсь в семилукскую газету, снимаем «угол»...

Поговорил с редактором семилукской районки Н.Г. Токаревым. Он обещал похлопотать «где надо». А «где надо» тогда — это обком КПСС. Попробовал найти одобрение у Струкова Георгия Федотовича, заместителя заведующего отделом пропаганды. Мэтр печати и гроза всех журналистов принял меня приветливо, но довольно быстро осадил: ни в какие Семилуки ты не поедешь — молод еще. Поезжай-ка, братец, в новоусманскую газету. Хотя и не был рад

такому повороту, но пришлось подчиниться. Ну а потом — свадьба, вместо «угла» целая «временка»...

Не прошло и трех месяцев как вызывают в обком. Г.Ф. с присущим ему тактом изложил мне мою перспективу: должность заместителя редактора во вновь создаваемой газете «Зори Октября» в Каширском районе. Повышение по должности в 25 лет, конечно, приятно, но ехать в село Каширское, которое по сравнению с той же Новой Усманью тогда — дыра дырой, да еще на 30 километров дальше от Воронежа!..

Привожу доводы, дескать, неопытный еще, боюсь не справлюсь... Ничего, утешают меня, поправим, где надо, подсажем. Для себя-то я уже решил — отказываюсь. На другой день меня ласково спросили: «Надумал?» «Нет», — говорю. Ласковый взгляд утонул под хмурыми густыми бровями. Прослушал строгую лекцию о партийной дисциплине и был отпущен восвояси с напутствием: «Думай!». А что думать-то?! Мы с коллегой Виктором Поповым уже и двустипшие сочинили: «Лучше я пойду по миру, чем поеду я в Каширу!».

На следующий день снова предстал пред грозными очами и опять говорю: «Нет!». Надо было видеть Г.Ф.! Гром и молнии — это детские страшилки! Тут по тяжести своего «проступка» я, кажется, уже был близок к статусу врага народа. Смог только промямлить: «Сейчас же не война». В ответ: «Партбилет на стол и вон отсюда!». «Не вы мне его вручали...», — и выскочил пулей.

А в кабинете напротив недавно назначенный заведующим сектором печати мой первый редактор Иван Петрович Ефименко (к сожалению, ныне покойный) по телефону был оповещен о том, что я «натворил». Сказал: «Жди!» и побежал к Г.Ф.

Вернулся он примерно через полчаса. Вздыхнул: «Как же ты меня подвел...». А я и сам за эти полчаса много чего передумал, особенно переживал, что невольно подставил Ивана Петровича, которого очень уважал.

— Ладно, — вздохнул Петрович, — езжай домой, а завтра в восемь просись к нему на прием.

Об отказе я уже и не думал.

Наутро звоню, говорю, это, мол, Андреев... По мхатовской паузе почувствовал, что он уже и фамилию мою забыл. «Зайди», — сказал стальным голосом. Зашел, поздоровался, говорю: «Извините, погорячился...». «Ну вот, это другой разговор», — сменил гнев на милость Г.Ф. Дальше была деловая беседа о том, как нужно работать на новом месте.

Так я и отправился в Каширу, где потом еще три года проработал редактором. Самым молодым в области на то время...

Однажды в неформальной обстановке мы втроем со смехом вспомнили этот эпизод.

— Дорогой мой, — сказал Г.Ф., — ты был участником отработанного спектакля. Не ты же первый проявлял строптивость, не хотел куда-то ехать. А нам надо было решать кадровые вопросы. И мы их решали.

Мои коллеги-журналисты тех времен могут подтвердить: у Г.Ф. если и случались кадровые проколы, то очень и очень редко.

ПРО УШИ СПИКЕРА

Несколько лет подряд, дважды в неделю — по вторникам и четвергам, я, по должности руководителя Пресс-службы Государственной Думы РФ, становился свидетелем политического спектакля на Совете палаты.

На нем рассматривались многие вопросы, но в основном обсуждалась повестка дня: выносим этот законопроект на рассмотрение или откладываем. И хотя повестка на следующий день утверждалась всей палатой, судьба отдельных законопроектов всегда зависела от мнений членов Совета.

В.С. Андреев (слева) и председатель Госдумы РФ Г.Н. Селезнёв

Заседание обычно проходило по устоявшему регламенту. Председатель Госдумы Г.Н. Селезнев ставит на обсуждение вопрос о внесении в повестку дня законопроекта, очень чувствительно затрагивающего интересы населения. Общий настрой оппозиционных фракций такой: надо над ним еще поработать, учесть все замечания.

Выступает один известный деятель и начинает вслед за другими в пух и прах разносить отдельные положения проекта. Пафос его вроде позитивен, в русле оппозиции, но всем понятно (не детишки же за этим столом собрались!) — этот лидер недоволен, ему что-то не дала администрация Президента. Оратор так распаляется (он это умеет) того и гляди, что законопроект снимут из завтрашней повестки дня.

Сидящего рядом со мной чиновника из администрации Президента такой поворот явно не устраивает. У него ж задание — законопроект должен быть завтра проголосован в трех чтениях. Чиновник шепотом апеллирует ко мне: «Ну, что он делает?! Что несет?! Ну, договорились же...» Потом не выдерживает (с него ж начальствошку сдерет), встает, наклоняется к уху громкоговорящего и что-то ему шепчет. Тот выступающего меняет, он быстро закругляется и выдает:

— И тем не менее мы за этот проект завтра проголосуем!

Небольшой зал Совета Думы взрывается от смеха. Отсмеявшись вместе со всеми, Г.Н. Селезнев спокойно говорит оратору:

— Ну, вашу принципиальность (имярек) мы все знаем...

Зал снова хохочет до слез.

Оратор практически подпрыгивает на кресле:

— А-а-а, а вы, а вы!..., — и долго не может уgomониться под гомерический хохот коллег.

На что Селезнев, пытаясь унять его пафос, ворчит:

— Ну, слушайте, хватит кричать, давайте работать. А то я уже оглох на правое ухо от вашего крика.

На что наш оратор вновь кричит:

— А-а-а, видите, какой у нас спикер?! Он еще и глухой!! Вот кто руководит нами, менять его надо!!!

Отсмеявшись, члены Совета законопроект оставили в повестке дня, и он завтра был успешно проголосован проправительственной фракцией и примкнувшей к ней фракцией крикуна.

КАК Я БРАЛ ИНТЕРВЬЮ В ВЕНЕ

В Вене 1 мая 1998 года я брал интервью у бургомистра города Михаэля Хойпля. Оно получилось серьезным и интересным, потому что герр Хойпль был и главой города, и одновременно заместителем председателя социал-демократической партии Австрии.

Он только что вышел из колонны демонстрантов и примерялся со своим сынишкой к дымящимся сосискам в импровизированном буфете, развернутом рядом с Бургтеатром. Рядом со мной и без охраны! Не мог я упустить такой случай и не расспросить его о требованиях трудящихся.

Бургомистр взмолился:

— Ну, конечно, я не против интервью. Но... знаете, у меня с утра во рту крохи не было. Можно нам как-то совместить все это?..

Ну, не зверь же российский журналист! И мы с ним славненько побеседовали, примостившись за свободным столом. Они с сыном перекусывали, я с блокнотом задавал вопросы и записывал ответы, а рядом подкреплялись горожане. Ни мы им не мешали, ни нам никто не мешал.

Бургомистр тогда рассказал, что его партия стремится сделать так, чтобы у горожан росла зарплата и не росли в цене коммунальные услуги, чтобы венцам было уютно и спокойно и без того в уютном и спокойном городе. И еще он заявил, что всегда выполняет свои обещания. И это правда, я был тому свидетелем, когда горожане вновь избрали его главой города на длительный срок.

* * *

О другом интервью — с президентом Австрийского парламента Хайнцем Фишером, ныне работающим президентом Австрийской Республики.

В ресторан молодого вина — хойригер — нас, членов Союза иностранной прессы, ежегодно приглашали канцлер Виктор Клима и президент парламента. Во время ужина канцлер и президент беседовали с журналистами на любые темы, чаще, конечно, свободные, потому что и пили вино, и закусывали вместе с нами. Потом ходили от столика к столику, и уж тут можно было задать вопрос личного характера. Я напросился сфотографироваться с главой парламента, а заодно и на интервью.

Он легко согласился на оба моих предложения. Так в моем фотоальбоме появилось фото, где мы с ним в обнимку.

А интервью с Х. Фишером мы потом записывали у него в рабочем кабинете. Касались, конечно, взаимоотношений Австрии и России, и я не преминул «ущучить» господина президента в том, что на то время Австрия оставалась единственным членом Евросоюза, не ратифицировавшим Договор ЕС с Россией. Фишер вскинулся было:

— Как не ратифицировали?! Да не может этого быть!

Но я стоял на своем, ведь перед походом к нему я консультировался в российском посольстве и меня попросили задать именно этот вопрос, мол, хоть это ничего и не даст, но капнуть на мозги — в дипломатии нередко бывает полезным.

Тогда президент пошел в комнату отдыха, долго перебирал бумаги, наконец, вышел, вздохнув, сказал:

— Да, вы правы: не ратифицировали. Но сделаем это в ближайшее время.

Уточняю, могу ли я указать в интервью, что ратификация состоится до его выхода в свет.

— Да, конечно!

Когда я рассказал об этом в нашем посольстве, мне не поверили и решили по-временить с сообщением в МИД.

Однако через несколько дней Договор был ратифицирован парламентом и тогда-то, конечно, в Москву ушла победная реляция.

...Вот вам пример действенности печатного слова и верности политика данному слову!

* * *

А потом я уже работал в Государственной Думе РФ. В рамках межпарламентских связей в нашу палату прибывала официальная делегация парламента Австрийской Республики во главе с Хайнцем Фишером. В Ореховом зале напротив кабинета Г.Н. Селезнева выстроились участники переговоров с нашей стороны, а я встал в коридоре напротив лифта: мне хотелось до начала протокола вручить президенту фотографию с той памятной для меня встречи. Тогда в Австрии мне это не удалось сделать в силу разных причин.

И вот открываются двери лифта и г-н Фишер, окинув взглядом встречающих, сразу ко мне со словами:

— О-о, привет! Как дела? А вы что тут делаете?

У членов австрийской делегации челюсти отвалились, они перетаптывались в холле у лифта. А я сообщил высокому гостю, что, мол, тут по делам Пресс-службы палаты и показал нашу фотографию. Президент искренне оживился:

— А где это мы?

— В хойригере.

— О, как интересно, а можно я это фото с собой возьму?

— Ну, конечно, господин президент, это для Вас!

Не сильно сомневаюсь, что Хайнц Фишер вряд ли помнил мое имя, как мог забыть, наверно, и сам факт интервью — мало ли их у него было за его длительную политическую карьеру. Но в зрительной памяти профессионального политика отложился образ человека, с которым когда-то встречался. И он проявил искреннее радушие, потому что опытный политик всегда помнит: люди — его капитал. Неважно даже, что иностранец.

Нет, не случайно Хайнц Фишер столько лет пользуется поддержкой австрийцев!

Кстати, моя коллега Елена, посетившая год назад Вену, рассказывала, как была поражена увиденным. Группа туристов стояла неподалеку от главной достопримечательности австрийской столицы — собора святого Штефана и слушала рассказ гида. Вдруг женщина замолкла и глазами показала на проходящую пару:

— Это наш президент Хайнц Фишер с супругой...

В этом эпизоде нет ничего необычного для австрийцев и их политиков. Они создали практически идеальные (с нашей точки зрения, конечно) условия для проживания граждан и сами пользуются этими плодами. Ни тебе пробок из-за проезда высокопоставленного чиновника по городу, ни других причин для возникновения недовольства граждан. И не требуется многочисленная охрана. Гуляй спокойно, господин президент! Хотя и там, конечно, есть оппоненты власти. Но каков уровень их запросов! Вот в чем разница между нашими странами...

А в России по делу и без дела любят заявлять: «Мы — великая страна!»

Мы — большая, но неухоженная, к великому сожалению, страна.

ПРО ХЛЕБ «ПРАВДИСТА»

Судьба журналиста часто непредсказуема.

14 августа 1991 года на редакционной летучке первый заместитель главного редактора «Правды» Г.Н. Селезнев сообщил:

— 13 августа в районе села Атерк Мардакертского района Нагорного Карабаха армянские боевики взяли в плен почти сорок военнослужащих внутренних войск. Их окружила толпа женщин и детей, за которыми стояли боевики. Естественно, в таких условиях военнослужащие не стреляли...

Сегодня туда летит борт во главе с генерал-майором Владимиром Стариковым. Надо кого-то срочно командировать.

Его взгляд упал на спецкора Андреева.

— Василий, ты как?

— Готов, Геннадий Николаевич!

Потом я познакомился с генералом Стариковым, офицером политотдела Подольным. В Степанакерт мы полетели с твердой уверенностью, что завтра на переговорах с армянами удастся их уговорить отпустить наших мальчишек. По сути тогда казалось, что это недоразумение, потому что как раз наши солдатики и защищали карабахцев от азербайджанских военных.

На месте обстановка оказалась не такой уж радужной. Армяне не спешили выполнять достигнутые ранее договоренности, а требовали от властей «... перевести шестерых задержанных армян из азербайджанской тюрьмы в любую тюрьму на территории России или другой республики, а также обеспечить им независимое судопроизводство». А кроме того, более решительных мер по наведению конституционного порядка в республике. Понятно, что задержанные солдаты им были нужны в качестве инструмента давления на власть.

Наутро летим на вертолете на переговоры с командующим карабахскими силами Вазгеном Вторым, так его тогда называли. По пути над сопками, заросшими лесом, наш вертолет попал под автоматный обстрел каких-то боевиков — летели низко. Как нам удалось не грохнуться — до сих пор не понимаю. Сели на окраине какого-то села. Подъехал и Вазген. Наш разъяренный генерал кричал на него, не выбирая выражений. Вазген лишь разводил руками, дескать, ну, не знаю я, кто там по лесу бродит и постреливает.

Военнослужащих мы так и не вызволили в тот день. Назавтра снова на борт и в полет. Переговоры шли долго, нудно и почти безрезультатно. Армянам нужно было вынудить союзные органы пойти на свои условия, а у нашего генерала противоположная задача — освободить солдат без всяких условий.

19 августа 1991 года «Правда» печатает мой репортаж, суть которого проста: «После четырех дней переговоров 40 заложников так и остаются в руках армян». А их, к счастью, к вечеру все же отпустили, но новость уже не могла попасть в номер.

Я видел молодых солдатиков. Почти все они были избиты, голодные, грязные, в крови, как потрепанные в свалке щенята. Лейтенант из Якутии (фамилию тогда нельзя было называть, а сейчас я уже и не помню, прости, парень) был ранен в руку при попытке бежать. Но держался молодцом со своими бойцами, за что и получил от братьев-армян...

Утром 19 августа меня встретил незнакомый армянин на выходе из гостиницы и огорошил сообщением:

— Спishi, пресса! А в Москве новая власть! Горбачев заболел. Ну, теперь наведут у нас порядок!

Я в штаб, расквартированный в главном административном здании Степанакерта. А меня самого генерал зовет с вопросом:

— А ты что знаешь, пресса?

Звоню в газету, заместитель редактора отдела Александр Батыгин спокойно говорит: «Да, ГКЧП. У нас все тихо, правда, БТРы стоят на улице. Но ты давай репортаж в номер».

Лишь 2 сентября 1991 года вышел в свет очередной номер «Правды» и в нем мой материал «Вид на путч из Карабаха» под рубрикой «Запоздавший репортаж». Два эти слова вместе — нонсенс, но так оно и было.

...Когда смотрели прямую передачу из Москвы, все офицеры заметили трясущиеся руки одного из членов ГКЧП, и всем стало все ясно.

— Хотя бы руки под стол спрятал, — проронил в полной тишине один из офицеров.

...Потом мы летели с частью освобожденных солдатиков в Москву. Садилась на дозаправку то в Ереване («Товарищи, за пределы аэропорта не выходить — армяне взяли еще заложников»), то в Тбилиси — «Товарищи, застрелился министр Пуго»).

* * *

Журналистская судьба занесла меня в мятежный Тбилиси в те дни, когда грузины свергали режим Гамсахурдиа. Сенсаций там не было — извечный кавказский базар, где все самое главные новости нужно делить как минимум на три. Что я и делал.

Когда в российских СМИ кричали о кровопролитии в Тбилиси, мы с моим коллегой-правдистом Бесиком Пипия, к нашему общему удовольствию оказавшимся в Грузии в отпуске, ходили по проспекту Шота Руставели и наблюдали толпы празднично шатающихся «повстанцев». Изредка кто-то постреливал, мы прижимались к домам, и у Бесика что-то звякало в черной сумке.

— Да что там у тебя звякает?

— Гранаты выдали. Шесть штук.

— Ты что, будешь воевать?

— Василий, зачем так говоришь?! Гранаты — для порядка. Я ж все-таки майор!

— Бесик, но ты ж не больше лейтенанта звание имеешь...

— Ты думаешь, что я здесь лейтенантом могу быть?! — возмутился он. — Я ж менгрел!

Потом мы поехали в славный город Зугдиди, где хурма и ее родственник королек падали прямо на стол, чай произрастал на огороде, как у нас в Ольшанке картошка, а грецкого ореха было столько, что он просто валялся на дороге. Там-то я впервые узнал, что это такое натяжной потолок. Отец Бесика — батано Мамия похвалился:

— Был во Франции в музее, увидел и вот сделал себе...

За отменно сервированным столом я по праву гостя сказал тост за гостеприимных хозяев и трудолюбивый грузинский народ. Выпили. Потом Бесик, посмеиваясь, сказал:

— Ты думаешь, я люблю работать? Или он? — указал на своего зятя. И все посмеялись. Я — над своей наивностью.

Это был октябрь 1991 года.

* * *

Почему-то сохранилось у меня командировочное удостоверение №2027 от «Правды», согласно которому я направлялся с 12 по 16 мая 1993 года на Чукотку. В то время швейцарская часовая фирма Longines предприняла транссибирскую научную экспедицию и пригласила журналистов из многих стран. Меня в

экспедицию сосватал прекрасный журналист из «Московских новостей» Володя Константинов.

Вылетали мы из Санкт-Петербурга на мыс Шмидта. Там заночевали, а весенним туманным утром было запланировано на вертолетах лететь до острова Врангеля. Утром собирали свои вещи. Мой сосед по комнате Володя управился быстрее.

— Я пошел к вертолету, место тебе займу.

Упаковав свои пожитки, вскоре направился вслед за ним и я. Идущий навстречу мне кто-то из устроителей перелета останавливает:

— Куда вы идете, там уже нет места.

Я по инерции двигаюсь:

— А мне там товарищ занял место.

— Да нет там свободного места! Идите вот на этот борт, он сейчас взлетает, а тот — через 15 минут. На острове и встретитесь со своим товарищем.

И я пошел к другому вертолету.

А тот, летевший за нами, пропал из эфира через полчаса полета. Разбился, пытаясь обойти плотную снеговую тучу. В нем погибло восемь человек, в том числе и Володя...

Мы сели в поселке Энурмино и ждали указаний. У всех было жуткое состояние. Хотелось выпить стакан спирта и хотя бы уснуть пьяным. Попросили директора школы, приютившего нас, найти чего-нибудь. Пошел к чукчам и вернулся ни с чем.

— Все уже выпили, — сочувственно развел руками. — А ведь только позавчера привезли...

Да мы уже и сами видели, как они, словно мухи осенние, ползали по крыльцу дома напротив...

Потом восстанавливали картину катастрофы по словам спасшихся. Кто из них мог ходить, стали оттаскивать раненых подальше от борта, разожгли костер. Летчик подсказал, что лопасти винта очень хорошо горят. Тем и согревали раненых, пока не прилетели спасатели из Мыса Шмидта.

Узнали, как один из членов экипажа безучастно стоял возле кабины, зажимая шею рукой. Ему кричали: «Чего стоишь, помоги раненых оттащить!». Через некоторое время он разжал руку и упал замертво. Скол лобового стекла был острым, как бритва...

Я до сих пор не знаю, через кого судьба отвела меня от того борта. Не знаю, кому сказать «Спасибо». Наверно, слава Богу!

* * *

А потом была еще одна командировка от «Правды». Позвал меня к себе главный редактор Г.Н. Селезнев со словами:

— Василий, что-то ты давно у нас никуда не ездил...

У меня невольно вырвалось:

— Опять «горячая точка»?!

— Ну, там, конечно, жарко, — улыбнулся он, — но не думаю, что тебе нужно отказываться. Собирайся в круиз по Средиземноморью, будешь освещать конкурс «Мисс Пресса-92». Пока что иди в ДК «Правды», там сейчас отборочный конкурс начнется, напиши строк сорок в номер. А потом строк двести после круиза...

Ну, какой репортер откажется от такого задания! 40+200 да за 25 суток в октябре, когда в Москве дождь и слякоть, — это подарок судьбы. Мне завидовали даже члены редколлегии, особенно узнав, что Г.Н. мне выдал командировочных

аж 100 долларов США. Кормили нас бесплатно. Так что я на сэкономленные деньги купил детям какие-то вещи, игрушки, блок турецкой жвачки и две кожаные куртки. Одну, египетскую, так и не носил — настолько она была химически запашистой...

* * *

Кто-то очень точно сказал: «Журналистика — это способ удовлетворения собственного любопытства за счет редакции».

Мне повезло как журналисту и активному участнику землячества «Воронежцы» в Москве тесно общаться и спорить на политические темы современности с бывшим членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров РСФСР Виталием Ивановичем Воротниковым. С Генеральным прокурором СССР до 1990 года Александром Яковлевичем Сухаревым мы и сейчас можем обсудить изъяны в российской правовой системе.

Ходили мы когда-то на рыбалку с председателем Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Борисом Ивановичем Стукалиным, редактировавшим в свое время «Молодой коммунар» и «Коммуну». Он и в «Правде» оставил свой заметный след, будучи первым замом главного редактора.

Встречался с легендарными разведчиками Павлом Судоплатовым, Джорджем Блейком и Маркусом Вольфом. От первого и последнего у меня хранятся подписанные ими книги. Да и еще было немало интереснейших встреч. Не обо всем напишешь...

Писал в «Правде», не скрою, и о менее приятном. В числе первых дал отповедь одному генералу-предателю, бывшему в то время ярким демократом. И забытого ныне партийного деятеля, отдавшего американцам секретнейшие секреты, не сразу раскусил...

Поднимал журналистское перо на высоту штыка в защиту известного воронежского журналиста от тогдашнего министра печати... Спасал от произвола системы МВД полковника. Писал про погибающих в мирное время солдат...

* * *

Нет, нужно остановиться! Есть более приятные и полезные вещи, вроде томов, подаренных друзьями. На моих книжных полках занимают почетные места книги Ивана Щелокова, Виталия Жихарева, Виктора Лютова, Пятерима Варфоломеева, Василия Куликова-Ярмонова.

Они мне напоминают, откуда есть я сам пошел. Да, впрочем, и никогда не стеснялся говорить, что родом из деревни, а если точнее — с хутора Поляны! Жаль, что там жилых дворов осталось меньше двух десятков, а асфальтовой дороги как не было, так и нет почти по всей Ольшанке.

А вот в маленькой Австрии я ездил по пробитым в гранитных Альпах 9- и 11-километровым туннелям. А просто туннелей длиной в километр там, видимо, только дорожники могут сосчитать.

Но все равно: «Мы — великая страна!».

Георгий Федотович Струков родился в 1927 году в селе Старая Ведуга Семилукского района. Участник Великой Отечественной войны. Кандидат исторических наук. Работал редактором районных газет Воронежской области, председателем Воронежского областного телерадиокомитета. В Воронежском обкоме КПСС курировал местную прессу. Автор нескольких книг публицистики. Живет в Воронеже.

Георгий Струков

ДАШЕ ЖАЛЬ БИМКУ

(Встречи с Гавриилом Троепольским
и Егором Исаевым)

Моя внучка Даша любит читать книги о животных. Предложил ей «Белого Бима» Троепольского. Она открывает обложку и вслух читает на титульном листе: «Дорогому Георгию Федотовичу Струкову за постоянную помощь и содействие, от всего сердца. Автор». Книга «Белый Бим Черное ухо» издана в 1975 году, тогда и подарена. Рядом с надписью портрет автора. Показывая на него, Даша спрашивает:

— Ты его знаешь?

— А как же, — отвечаю. — И очень хорошо. Жаль только, что его уже нет больше с нами...

Память вернула в прошлое. Январь 1954 года. Я был тогда редактором районной газеты. Сразу после партконференции нас с секретарем райкома пригласили в Воронеж на совещание. Ехали в купе с представителем обкома партии Лукьяновым. Он завел речь о литературе.

— В «Новом мире» читали «Из записок агронома»? — спрашивает.

Я, признаться, не читал. Секретарь ответил утвердительно. Рассказы ему понравились: точный язык, правдивые образы.

— Какие там образы! — возразил попутчик. — Это очернительство нашей действительности. Агрономишка! В писатели подался.

Встреча в Воронежском отделении
Союза писателей СССР

Секретарь райкома, чтобы не обострять отношения с областным начальством, спорить не стал.

Так я впервые услышал о Троепольском. Вернувшись из города, нашел журнал и прочитал «Из записок агронома». Типичность образов и вправду была удивительная. Ведь персонажей рассказов Троепольского можно было найти в каждом районе, даже в каждом селе.

А вот с самым знаменитым автором «Записок агронома» познакомился значительно позже и неожиданно. Я работал тогда в обкоме партии. Литераторы со своими проблемами заходили к нам регулярно, большей частью просили поддержки по изданию своих произведений. В то время мне довелось курировать прессу, издательство, книжную торговлю, творческие организации — отделения союза писателей и союза журналистов. Од-

нажды по внутренней связи позвонил дежурный подъезда.

— К вам на прием просится писатель Троепольский, — сообщил он.

— Пропустите, — отвечаю. — Объясните, как найти мой кабинет.

Встретил его, как принято встречать знатных гостей, у порога. Предложил сесть.

— Георгий, говоришь? — полушутя-полусерьезно переспросил гость, когда мы познакомились. — В нашей деревне Егоров много, а Георгия ни одного.

— Да это одно и то же имя, — ответил ему.

— Одно, да не одно. У русских — Егор, а у грузин, к примеру, Георгий.

Шутка Троепольского сняла напряжение.

Чем запомнилась эта встреча? Отложилось в памяти — щетка серебристых усов и прощупывающий вопросительный взгляд: «Каков, мол, ты, начальник областной прессы?». А разговор у нас пошел отвлеченный — об охоте.

Я с интересом слушал Троепольского и думал: «Не за тем же ко мне пожаловал именитый писатель, чтобы ознакомить с охотничьими премудростями?». Словно прочитав мои мысли, Троепольский перевел разговор на другую тему.

— Ты уж извини меня, старика (хотя в то время он никак не походил на старика). Пришел я по делу. Нужна твоя помощь. Есть у нас молодой, талантливый поэт Алексей Прасолов. Работает в росошанской районной газете. Написал заявление, чтобы приняли его в нашу писательскую организацию. А сделать этого мы, к сожалению, не можем. Нужна хотя бы одна изданная книжка его стихов. Обратились в издательство, нам ответили, что план на следующий год утвержден, ничем, мол, помочь не можем. Вот и пришел к тебе за советом. Как быть?

Издательский план, действительно, был утвержден. Признаться, мне льстило, что известный на всю страну писатель пришел ко мне, как он сам выразился, за советом. И я, конечно, готов был выполнить его просьбу.

Свое обещание я потом выполнил. В планах издательства по каждому разделу был заложен резерв. Такой резерв был и по разделу «Поэзия».

Пригласил для беседы по этому вопросу главного редактора издательства Александру Федоровну Жигульскую, предложил ей рассмотреть и решить вопрос об издании сборника стихов А. Прасолова. Жигульскую хорошо знал как человека и

специалиста, без одобрения и согласия которого издать книгу даже признанного обществом писателя было невозможно. А новичку — тем более. На рецензии рукописи она отсылала «своим» людям и получала нужную ей оценку. Писатели жаловались нам, но спорить, а тем более отвергать рецензии было очень трудно. И на сей раз она ответила:

— Пусть писательская организация присылает нам рукопись, мы пошлем на рецензию. Потом уж будем решать.

— Рецензии уже есть, — отвечаю. — Положительно оценили рукопись Прасолова поэт Владимир Гордейчев и писатель Гавриил Троепольский. Полагаю, этого достаточно?

Жигульская подумала и с моим мнением согласилась.

— Пусть присылает нам рукопись сборника. Издадим.

В тот же день позвонил Троепольскому и сообщил о принятом решении.

Так Г.Н. Троепольский помог Прасолову издать первую книгу стихов.

Алексея Прасолова к тому времени я знал хорошо. С приходом в сектор печати обкома партии завел такое правило: просматривать «сигнальные» номера всех районных газет области. Интересные материалы читал сам. Поэтому имел представление о творческом потенциале коллектива каждой газеты. Со временем в редакциях, на кустовых семинарах и совещаниях познакомился с каждым работником районной печати области.

В росошанской газете обратил внимание на материалы, подписанные А. Прасоловым. Хороший литературный язык, свежесть, образность мысли. Что ни сравнение, то образ. Материалы А. Прасолова заметно отличались от других публикаций. Часто печатались в газете его стихи.

Тогда у нас было правило создавать возможности творческого роста молодым перспективным журналистам. Помнится, позвонил редактору Целинскому и спрашиваю:

— Кем работает у вас Прасолов?

— Литсотрудником, — ответил он.

— А если мы пошлем его заведующим отделом писем в Хохол? Справится?

— Журналист он способный. К тому же незаурядный поэт. Но... губит его водка. Иногда «отключается», и надолго.

Встретился с Алексеем через несколько дней. Мне показалось, что в комнату вошла сама невинность. Ясный, встревоженный, вопросительный взгляд: зачем, мол, позвал. Я узнал этого человека, хотя с тех пор, когда мы встречались, прошло более пяти лет...

Апрель 1962 года. Я как редактор новой аннинской межрайонной газеты формировал журналистский коллектив. Издание новое, вместо пяти районных газет издавалась одна — межрайонная. Увеличилось и число сотрудников. Из старых редакций некоторые журналисты не могли переехать на новое место. Проблема — отсутствие жилья. Вот тогда в новую газету пришло несколько одиночек, «бродячих» журналистов. Среди них был и Алексей Прасолов. Их принимали с испытательным сроком. Прасолов, может быть, и «прижился» бы в Анне, но подвела случайная встреча с «друзьями» в местном парке 1 мая. Компания молодых людей вроде бы устроила потасовку, несколько человек милиция посадила в кутузку. И среди них оказался Алексей Прасолов. На второй день его отпустили, но он добровольно попросил освободить его от работы.

Я не подал вида, что узнал его. Прасолов присел на краешек стула, руки положил на колени и вопросительно смотрел на меня. Алексей, видно, ждал, что буду упрекать, вспоминать старое. Но я сделал вид, что не узнал его, и предложил ему переехать в другой район — на должность заведующего отделом писем редакции хохольской районной газеты. Говорю, что там ты можешь попробовать свои творче-

ские силы, пока жить будешь в общежитии, а женишься — получишь квартиру. Чего-чего, а такого развития событий Алексей, видно, не ожидал. Он споткнулся на полуслове и недоуменно смотрел на меня широко раскрытыми глазами. Потом вскочил со стула и пробормотал:

— Спасибо за доверие. Оправдаю...

Редактора Вадима Кордова, который недавно возглавил хохольскую газету, предупредил, чтобы внимательно относился к новому сотруднику, по мелочам не упрекал его. Здесь Алексей нашел свое счастье, женился. Газета заметно похорошела, на ее страницах стали публиковаться письма читателей, литературные полосы, подборки стихов местных авторов. А от увлечения горилкой по моему совету Алексей регулярно лечился в Орловской психиатрической больнице, что располагалась на территории района. Помнится, всегда в таких случаях он звонил мне.

— Думаю подлечиться малость. Вы одобряете?..

Конечно, такую инициативу всегда поддерживал.

А однажды Алексей Прасолов попросился ко мне на прием. Зашел в кабинет радостный, весь сияющий и подарил мне книжку своих стихов, еще пахнущую свежей типографской краской, с дарственным автографом:

«Приходил с бедою

Десять раз в году,

А теперь с живою

Радостью иду.

Спасибо вам за все доброе!

А. Прасолов.

10 мая 1971 года».

Это, конечно, не единственная книга, подаренная мне автором, за которого хлопотал Гавриил Троепольский. Все его поэтические сборники с дарственными автографами есть в моей семейной библиотеке. Но такой теплой искренней оценки, конечно, не ожидал. Она меня, признаться честно, очень обрадовала своей правдивостью, образностью, глубоким смыслом...

Гавриил Николаевич Троепольский в партии не состоял. Не хотел он свою личную и творческую свободу связывать с какой-либо политической организацией. Но в общественной жизни принимал самое активное участие. К его мнению прислушивались.

В конце 1960-х годов началось строительство здания цирка. Проект был утвержден в высших областных советских и партийных инстанциях. Когда начали закладывать фундамент, выяснилось, что нужно перенести и захоронить в другом месте останки Кольцова и Никитина. Здесь когда-то располагалось городское кладбище. Но современники его уже давно «обжили». На территории кладбища были посажены деревья и появились зеленые уголки для отдыха горожан. В народе это место окрестили «Парком живых и мертвых».

Общественность и прежде всего писательская организация забили тревогу: это же кощунство, святотатство — переносить останки известных на всю страну воронежских поэтов Алексея Кольцова и Ивана Никитина!

Возникшую проблему писатели обсудили на своем собрании, решили организовать постоянные дежурства у могил поэтов и не допустить надругательства над памятью наших известных земляков. В группу тех, кому поручили это дежурство, вошли писатели Троепольский, Кораблинов, Люфанов, Коноплин, Гордейчев, Сидельников и др. Строители удивились, когда у могил появился писательский патруль. Их мнение попросту игнорировали. Начальник стройки, фамилию уже и не помню (прошло ведь полвека), объяснил писателям:

На открытии памятника А.В. Кольцову

— Работаем по утвержденному проекту, останки поэтов придется перенести в другое место. Решайте этот вопрос в горкоме партии.

Однако в горкоме писатели поддержки не нашли.

— Пришел снова за помощью, — сказал мне Троепольский. — Какие-то голловатыпы придумали тревожить покой Кольцова и Никитина!

Эту проблему я, конечно, решить не мог. Заведующий отделом пропаганды В.С. Головин тоже. И мы втроем пошли на прием к секретарю обкома партии С.В. Митрошину. Хорошо, что он оказался на месте. Слушал секретарь обкома Троепольского внимательно, не перебивая.

— Не подумали, видно, хорошо, когда решался вопрос о строительстве цирка, — произнес Митрошин, выслушав рассказ Троепольского, — Конечно, могилы Кольцова и Никитина трогать вроде бы нельзя. Но как тут быть? Проект ведь утвержден.

— Пусть строители переделают проект, — парировал писатель. — Это же не только грех, но, если хотите, такие действия — это кощунство. Народ нас не поймет.

— Зачем так категорично! — миролюбиво заключил Митрошин. — Подумаем, как выйти из этого щекотливого положения.

Как показало время, партийное руководство области «подумало». В проект были внесены изменения.

Осенью 1976 года я лишний раз убедился, как трогательно, благоговейно Троепольский относился к памяти Алексея Кольцова, осуждал непродуманные действия чиновников и предрекал события.

В октябре состоялось открытие нового памятника Алексею Кольцову на Советской площади. Памятник установили тогда с правой стороны площади напротив храма. Здесь я встретился с Троепольским. Погода была прохладная, одет он был в осеннее пальто, на голове — шапка-ушанка. Вид озабоченный.

— Ваше мнение о памятнике? — спросил меня Троепольский.

— Хороший памятник, — отвечаю. — Поэт изображен в полный рост. Задумчивый. Видно, такой он был в жизни.

— Да я не о том, — парировал Троепольский. — Удачно ли выбрано место для памятника?

— Вроде бы все нормально, — отвечаю. — Поэт смотрит за речку, в степь, которую теперь и не видно. Там город, — неуверенно ответил я.

— Памятник стоит вдали от людей, — ответил Троепольский. — А они должны общаться с поэтом, скажем, посидеть рядом, поразмышлять, поприветствовать его издали, можно и поклониться. К нему должна быть народная тропа. А ее здесь нет. Верующие, которые идут в храм, видят памятник со спины. Дети, которые практически ежедневно посещают Дворец юношества, тоже видят его со спины. Я предлагал другое место для памятника — с противоположной стороны площади. Чиновники от культуры с моим мнением не согласились. Уверен, со временем памятник перенесут, где с ним могут «общаться» взрослые и дети.

Троепольский оказался прав. Памятник сейчас занимает место, на которое он раньше указывал. И мало кто помнит, где первоначально был установлен памятник Алексею Кольцову.

Мое знакомство с Троепольским со временем перешло в дружеские отношения. Ко мне, скажу откровенно, относился он по-доброму, по-отчески. Может, потому, что корни наши были одинаковые — деревенские. К тому же по натуре он был внимательный, отзывчивый человек. Подтверждение тому — все его книги, изданные в разные годы разными издательствами, есть в моей библиотеке, в том числе и трехтомник его произведений с дарственными автографами.

Гавриил Николаевич беззаветно любил свой край, его землю и природу... С каким трепетом, искренностью он описывает прелести речки Тихая Ольха и ее окрестностей и повести «В камышах». Неброская, пленительная красота реки, неповторимость воронежских пейзажей открываются читателю. Эту красоту на протяжении жизни он активно защищал. Вспоминается период, когда внедрялась теория осушения земель. Возможно, там, где много болот и топей, она приемлема. Но когда в области занялись спрямлением русел малых рек, распахкой пойменных земель, люди забеспокоились. Скажем, речка Тихая Ольха, которую так образно описывает автор «В камышах», существует в действительности. Это Тихая Сосна. Она протекает через Острогжск, где агрономом работал Троепольский. И вот ее «выпрямили». С болью в сердце Гавриил Николаевич негодовал: «Уму непостижимо, как можно так бездумно губить Тихую Сосну!»

И правда! Не стало заводей и плесов. Такая же участь постигла речку Битюг. Даже Дон стал мелеть.

Троепольский пытался достучаться до тех, кто принимал решения. Его с пониманием выслушивали, сочувствовали... и разводили руками. Первый секретарь обкома писателя не принимал. Единственное, что мы тогда посоветовали, — написать в газету «Правда». Попробовали использовать свои связи в тогдашней журналистике.

«Правда» опубликовала его страстный, обличительный материал в нескольких номерах. Это было так неожиданно для руководства области. Публикации вынуждены были обсуждать на бюро обкома партии. Эксперимент по выпрямлению рек прекратился. Кое-где пытались «исправить» допущенные перекосы. В том же Острогжске попробовали вернуть Тихой Сосне прежний облик. Соорудили даже плотину, чтобы поднять уровень воды в реке. В свои старые берега Тихая Сосна, словно обидевшись на неразумных людей, уже не вернулась.

Что подкупало окружающих в характере Троепольского? Прежде всего удивительная скромность. Помнится, как непросто нам было подготовить киночерк к 80-летию со дня его рождения. На местном телевидении готовилась серия очерков о наших земляках, которые оставили заметный след в культуре области. Первые телеочерки о народной артистке СССР М. Мордасовой, писателях В. Кораблинове, Е. Люфанове, поэте Е. Исаеве с интересом встретили воронежские телезрители.

А вот с Троепольским сговориться было очень трудно. Помнится, попросил я Галину Повалаяеву, редактора художественных передач, поговорить с Троепольским о подготовке киноочерка в связи с его юбилеем. Журналист она с изюминкой, могла любого разговорить и уговорить, полагал, что она может найти общий язык с писателем. К сожалению, у нее ничего не получилось. Троепольский категорически отказался сниматься в кино. Мне пришлось, как в шутку говорили в таких случаях шахматисты, сделать ход конем. (Кстати, сам увлекался шахматами, а тогда возглавлял областную шахматную федерацию).

В то время на радио готовилась передача о сказительнице, моей землячке Анне Барышниковой — Куприянихе. Позвонил Троепольскому и рассказал, что готовится такая передача и попросил его высказать свое мнение по этому поводу.

— На сказках Куприянихи выросло не одно поколение малышей, — сказал он.

Предложил встретиться и поговорить о неповторимой, единственной в этом жанре мудрой русской сказительнице. Он согласился. Послал за ним машину. Встреча состоялась в моем кабинете. Его высказывания о Куприянихе тут же записывали на пленку.

— Это хорошо, что вы вспомнили о Куприянихе, — начал разговор Троепольский. — Ее детские сказки свободно «гуляют» по стране, а люди об авторе этих своеобразных сказок практически ничего не знают. Удивительная и в то же время трагическая судьба у Куприянихи.

Анна Барышникова родилась в деревне Чуриково, что расположена недалеко от Большой Верейки Землянского уезда. Ее прадед по отцовской линии, Левон Колотков, жил будто бы в Сомово или в Стаднице, недалеко от Землянска. Местный помещик выиграл Левона в карты и перевез семью в Чуриково, где и родилась его внучка Анна. Отец и дед Анны были добрыми, веселого нрава, балагуры и затейники. По праздникам, скажем, на Рождество, когда работать было грех, дед и отец Анны вечерами ходили по селу колядовать. Людям нравились их шутки-прибаутки, частушки, различные сказки.

Жизнь Куприяниху не баловала. Ее отец — крепостной, вышел «на волю» без земельного надела, всю жизнь был пастухом. Человек по тем временам набожный, можно сказать, просвещенный. Любил сказки, сам их сочинял и по вечерам при лучине рассказывал детям удивительные истории. И Анна с детства воспитывалась на сказках, которые рассказывал ей отец. Отец Анны — Куприян Барышников. Впоследствии народ окрестил Анну Куприянихой.

Первый удар судьбы — умерла мать, когда девочке не было еще и восьми лет. Чтобы не умереть с голоду, ей пришлось работать сызмальства. Отец пристроил девочку сиделкой к местному богачу. Потом она помогала ему пасти коров и овец.

Со временем личная жизнь складывалась вроде бы нормально, как и у всех. Вышла замуж, нарожала детей. Но внезапно умирает муж. И молодой женщине с детьми, а их было пятеро, чтобы выжить, пришлось с холщевой сумой ходить по селам и собирать милостыню. Помогали ей в этом промысле сказки, услышанные от отца. Она их рассказывала сама. Сказки на Руси всегда были в почете, и люди от услышанного как-то добрели и милостыню давали, кто что мог. Эти годы были для Куприянихи жизненным университетом знаний и устного творчества. Именно тогда она начала сама сочинять детские сказки.

Впервые литературная общественность узнала об авторе детских сказок в 1923 году, когда их записали любители русского фольклора. Первое издание «Сказки Куприянихи» появилось в 1926 году. Его подготовила Гринкова. Через 11 лет эти сказки были записаны и подготовлены к печати в Воронеже. Статью о творчестве сказительницы и комментарии написали Новикова и Осовецкий. Интерес к творчеству Куприянихи в Воронеже проявили не только литераторы, но и ученые. Доктор филологических наук, профессор Тонков составил сборник «Сказ-

ки А.К. Барышниковой» и написал к нему небольшое предисловие. Книга была издана в 1939 году.

Многое сделал для пропаганды сказок Куприянихи воронежский писатель Михаил Сергиенко. В его обработке «Сказки бабушки Куприянихи» областное книжное издательство выпустило в 1946 году. Второе издание этой книжки вышло через год. Спрос на детские сказки бабушки Куприянихи был столь велик, что областное книжное издательство повторно выпустило эту книжку в 1955 и 1959 годах. Кроме того, сказки бабушки Куприянихи в 1957 году массовым тиражом вышли в Москве в Детском государственном книжном издательстве.

Более ста сказок сочинила Куприяниха. Одна из последних, «Как немецкий генерал к партизанам в плен попал», появилась в 1949 году. Особенность ее сказок — социальная направленность и неповторимое художественное своеобразие. В них сатира, народный юмор и смекалка. В сказах добро борется со злом, и добро всегда побеждает. Что характерно для сказок Куприянихи? Свообразные приемы повествования, повтор, нестандартная рифмовка, образный диалог — все это хорошо откладывается в памяти.

В 1938 году, в канун 60-летия со дня рождения, Барышникову-Куприяниху приняли в Союз писателей СССР и наградили орденом Трудового Красного Знамени. Другая воронежская сказительница — Анна Николаевна Королькова из села Старая Тойда Аннинского района — тоже имела правительственные награды и как многодетная мать была награждена медалью «Материнская слава». Членом Союза писателей СССР она стала значительно позже — в 1957 году.

— Деревенские бабы, считай, неграмотные, без школьного образования — и члены Союза писателей Советского Союза! Подобное возможно только в нашей, Советской стране, — заключил Гавриил Николаевич. — Оно и понятно! Как говорят в народе, золото и в дерьме блесит.

Передача получилась содержательной, необычной по форме — в виде информационно-делового разговора. Мнение Троепольского о жизни и творчестве Куприянихи и Корольковой было основой этой передачи.

Художественная редакция радио получила тогда много положительных откликов.

— А вы смотрите наши передачи, — спрашиваю собеседника.

— Телевизор практически не включаю. Некогда. Неразумно впустую тратить время. Его уж у меня осталось и так немного.

Как выяснилось, Гавриил Николаевич поддерживал добрые дружеские отношения с нашим земляком, поэтом Егором Исаевым, который жил в Москве. Кстати, я нередко был посредником их встреч в местном телерадиокомитете.

С Егором Исаевым я познакомился летом, в начале 1970-х, когда работал в обкоме партии. Помнится, зашел он к нам в отдел за помощью в решении небольших бытовых вопросов, как он тогда сказал, «починить отцовский дом». Заведующего отделом на месте не оказалось, и я проводил московского гостя к секретарю обкома партии по идеологическим вопросам С. В. Митрошину. Тот даже обрадовался встрече с известным земляком. Выслушав гостя, Митрошин повел его к первому секретарю обкома В. И. Воротникову решать «бытовой вопрос» поэта. Несколько позже Исаев снова заглянул ко мне и пригласил «на чашку чая» вечером на квартиру известного воронежского поэта Геннадия Луткова, которого я хорошо знал. Он возглавлял тогда художественную редакцию на областном радиовещании. Что осталось от первой встречи с известным на всю страну поэтом? Запомнилась внешность. Среднего роста, одет в серый костюм, воротник белой рубашки расстегнут, как говорят, грудь нараспашку. Пряди русых волос касаются краешков глаз. Широкие густые брови. Пристальный, проникающий в душу взгляд серых глаз, будто хочет узнать, каков ты, собеседник, и во что горазд. Громкий баритон дополнял образ.

На встрече у Луткова выяснилось, что Егор — дотошный дознаватель и хороший рассказчик. Беседа носила ознакомительный характер. Мне хотелось больше узнать о московских писателях, творческих планах поэта, но инициативу в разговоре перехватил Егор. Он засыпал меня вопросами, как говорят, «вывернул наизнанку»: где родился, учился, воевал и так далее. Пришлось рассказывать. Мне казалось, что интересного для поэта в моей жизни ничего нет. Оказалось, не так. Узнав, что неграмотная мать без отца (он погиб в декабре 1943 года) шестерых детей вывела в люди, пятеро получили высшее образование, Егор сказал:

— Таков стержень бытия у русской женщины. Ради детей она может осилить невозможное. Помнишь, как у Некрасова сказано о русской женщине: «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет».

Мы нашли общий язык с Егором сразу, может, потому, что наши судьбы во многом схожи. Он родился в селе Коршево Бобровского района, я — в Старой Ведуге Семилукского. К тому же были тезками, почти одногодками, майскими, «праздничными». Егор родился 2 мая 1926 года, а я 1 мая годом позже. В лихую годину оба защищали родную землю. Егор прошагал дорогами войны с 1943 года, а я был призван в действующую армию в 1944 году.

Со временем наши отношения стали добрыми, дружескими. Встречи регулярно происходили, когда я стал работать председателем областного телерадиокомитета. К тому времени знал, что Егор многие годы дружит с Геннадием Лутковым, давал ему рекомендации по вступлению в Союз писателей СССР. Он поддерживал, как бы опекал воронежского собрата.

Помнится, Исаев приезжал в родные края летом и всегда заходил к нам в телерадиокомитет. Его раскатистый баритон можно было услышать в коридорах и кабинетах комитета, как только он переступал порог нашего здания. Нередко звонил из моего кабинета на квартиру Троепольскому. Его он уважал как мудрого человека и талантливого писателя. Интересовался здоровьем, сообщал, что приехал навестить отчий дом, подышать свежим, чистым деревенским воздухом, вспомнить босоное детство, посидеть, как бывало, на берегу Битюга с удочкой, как он говорил, освежить мозги. Приглашал Троепольского в гости на природу, где, как и на Тихой Сосне, можно было порыбачить и поохотиться. Писатель всякий раз вежливо отказывался, ссылаясь на здоровье и занятость. Но на встречах у нас в комитете он бывал не раз.

Егор Исаев и Гавриил Троепольский охотно общались с телерадиожурналистами. Встречи, как правило, проходили в большой студии. С журналистами они вели себя раскованно, непринужденно, на равных. Им задавали много вопросов: о личной жизни, об увлечениях, спрашивали о творческих планах. И мы всегда получали обстоятельные ответы. На одной из таких встреч Егор сообщил нам, что работает сейчас над большой поэмой «25-й час» и прочитал отдельные выдержки из нее. Запомнились слова, как он говорил, начало поэмы:

Есть, есть он, 25-й час,
Не в круглых сутках есть, а в нас,
Есть в нашей памяти о тех,
Кто под траву ушел, под снег.
Ушел за свой последний след
Туда, где даже тени нет...

Если Егор Исаев охотно делился с журналистами своими творческими планами, то Гавриил Николаевич был сдержан, отделялся, как правило, общими словами, больше молчал.

О встречах в телестудии со знаменитыми земляками мы всегда информировали население в теле — и радиорепортажах. С того времени сохранилось немало интересных фотографий.

При хорошем настроении Егор Исаев любил читать произведения Пушкина, особенно отрывки из «Евгения Онегина». Нередко вспоминал Есенина, цитировал его стихотворение Пушкину:

Мечтая о могучем даре
Того, кто русской был судьбой,
Стою я на Тверском бульваре,
Стою и говорю с собой.

И тут же комментировал это стихотворение:

— О Пушкине написано много в нашей стране и за рубежом. Всего и не перечитаешь, — говорил он. — Но ни у кого я не встречал подобного сравнения, что Пушкин олицетворяет собой судьбу русского народа. А ведь Есенин прав. В яркой, трагической судьбе Пушкина, как в капле воды, отражается судьба России, роль русских в становлении, защите, укреплении могущества нашего государства.

Середина 1980-х годов была временем юбилеев для наших известных земляков-литераторов: в ноябре 1985 года общественность Воронежа торжественно отметила 80-летие со дня рождения Г.Н. Троепольского. А через полгода, в мае 1986 года, в местном клубе жители села Коршево Бобровского района чествовали Егора Исаева по случаю его 60-летия.

Однажды мы решили показать Гавриилу Николаевичу киноочерк об Исаеве.

Лето. Июнь. Пора сенокоса. Поэт на отдыхе в Коршево, на Битюге. Травостой по пояс. Луг «поспел». Егор косит траву. В его руках коса поет: вжик, вжик. Сзади косаря ровный, пухлый валок скошенной травы.

— Как косит! Ты погляди, как он косит! — не удержался Гавриил Николаевич. — Москвич! Интеллигент! А косит по-нашему, как коренной мужик. С огоньком, играючи!

Очерк Троепольскому понравился. Наши начинания он одобрил.

— Такие передачи нужны не только современникам, — подытожил писатель. — Все мы уйдем в небытие, одни раньше, другие позже. Новое поколение должно знать тех, кто оставил свой след на родной земле. Прошлое надо помнить, чтобы лучше смотреть в будущее.

— Вот поэтому мы и просим дать добро, чтобы мы подготовили киноочерк о вас, — предложил я.

— Э-э-э, нет! Не ловите меня на слове! Егор Исаев — звезда первой величины на поэтическом небосклоне страны, лауреат Ленинской премии! А я — провинциал, — скромно стал отнекиваться Троепольский. — Сатирик. А этот жанр не все понимают и воспринимают. Сатира — она временами, как бритва острая, можно и обрезать. Плохие люди, руководители всех мастей ее не жалуют. К тому же Галина Повалыева предлагает показать меня на охоте, где-нибудь на природе, — уже миролюбиво продолжал Троепольский. — Какая сейчас охота! Середина лета! Да и на охоте наблюдатель всегда лишний. Может спугнуть дичь. А снять меня сейчас, скажем, с ружьем в камышах — это же фальшь. Люди подлог поймут сразу.

— Давайте с вашим участием, по вашим советам подготовим сценарий, — предложил я.

Троепольский подумал и в конце концов согласился. Так было найдено взаимопонимание.

Но сценарий был выверен до кадра, как каждое слово в книгах Троепольского. Без фальши. Так в наших архивах осталась память о прекрасном, замечательном писателе. Киноочерк мы показали по воронежскому телевидению. Его посмотрели практически все жители области.

Кстати, в некотором роде проблема возникла у телевизионщиков и тогда, когда общественность Воронежа отмечала его юбилей. Торжественный вечер состо-

ялся 28 ноября 1985 года в Доме актера. Мы подогнали сюда передвижную телевизионную станцию, а для новостей сюжеты снимали два кинооператора. И, конечно, сам я прибыл задолго до начала открытия торжеств. Увидев «десант» теле-радиожурналистов, Троепольский рассердился и запротестовал.

— Зачем вы прислали целый взвод писарчуков? — обратился он ко мне. — Заурядное событие в моей жизни. Об этом достаточно сообщить в новостях.

На сей раз я с ним не согласился. О том, как поклонники его таланта отметили 80-летний юбилей писателя, мы показали по телевидению полностью, а по радио — репортаж.

Этот кусочек жизни нашего знаменитого земляка телевидение показывало не единожды. И сейчас киноочерк тоже хранится в архиве. Думается, наши потомки еще смогут увидеть на телеэкране «живого» Гавриила Николаевича.

...Даша прочитала книжку «Белый Бим Черное ухо». Зашла ко мне, грустная, задумчивая. Спрашиваю:

— Интересная книжка?

— Бимку жалко, — ответила она, и на ее глазах навернулись слезы.

ПРИТЯЖЕНЬЕ ЗЕМЛИ

(Рассказы о современных земледельцах)

**Фермер Ю.М. Худояров:
«ТАК ПОБЕДИМ!»**

Удивительна память человеческая! Еще в конце девяностых неизвестно почему запомнил одну малозначащую детальку. И на тебе — пригодилась. Так вот, уже много лет назад листал я как-то список фермеров района. Наткнулся: Юрий Михайлович Худояров, глава крестьянско-фермерского хозяйства «Альфа». Подумал тогда: еще один учитель в поисках больших денег школу бросил. Этот в фермеры — ненадолго. В своих предположениях я ошибся...

Поначалу все складывалось прекрасно. Выпускник географического факультета ВГУ Юрий Худояров вместе с молодой женой Ларисой, преподавателем иностранных языков, после пединститута приехал в село Гремячий Колодезь. Вуз он окончил очень прилично, по диплому в первой шестерке выпускников был. Поэтому и диплом имел свободный: то есть куда захотел поехать на работу, туда и поехал. В этом селе Юрий учился в школе, родители его, Елена Васильевна и Михаил Васильевич, в Гремячем Колодезе жили и работали. Да и Ларисе село не чужим было — ее отец, Виктор Иванович Нестеренко, руководил тогда неслабым совхозом «Гремколодезный». И было это в социалистическом 1985 году.

Места здесь очень красивые, с детства любимые. Да и в школе у Юрия заладилась: через четыре года молодой учитель стал ее директором.

В 1990 году в школе появился один из первых в области и уж точно первый в районе компьютерный класс. Это сейчас в порядке вещей, а тогда о таком в сельской школе и не мечтали. Как удалось? А так. С последующими директорами со-

входа Анатолием Ивановичем Якименко и Александром Ивановичем Дмитриевым он добрые отношения имел, на многое взгляды их сходились. С Якименко Юрий Михайлович до сих пор тесно связан по жизни. Но об этом — позже.

Сумел заявить о себе директор школы Худояров и в районном, и в областном отделах народного образования. Заметили — тянет парень нелегкий воз. И помогли.

Через несколько лет в школе появился надувной спортивный зал — тоже один из первых в области. Газетные публикации об этом тогда во многих изданиях были. Этот зал, в общем-то, и положил конец педагогической карьере Юрия Михайловича. Из песни слова не выкинешь — что было, то было. Случилась трагедия: в этом спортзале, сорвавшись с какого-то снаряда, погиб ребенок. Конечно, скрупулезное следствие, детальное изучение, что, как, почему. Вывод был сделан такой: несчастный случай.

Юрий Михайлович после этой беды сильно заболел. Слава Богу, сам молодой, доктора помогли — выкарабкался. Но в школу вернуться уже не смог. Так что не сбежал в поисках больших денег — жизнь сама распорядилась.

Эта первая ошибка в моем предположении.

Года два прошло. В себя приходил. Потом друг детства предложил в его бизнесе поработать. Попробовал — через год с небольшим разошлись. Почему? Юрий Михайлович об этом ни слова. По-разному к жизни относимся — и все.

А вот потом уже сделал Худояров первые фермерские шаги. На 60 гектарах земли, выделенных из районного фонда перераспределения.

Каковы они, эти первые шаги? Я, пожалуй, не смогу об этом с чувством рассказать — все это на собственной шкуре испытать надо. Поэтому только несколько слов. И с соседями, у которых была хоть какая-то техника для обработки земли, договаривался. И первую полученную продукцию сам возил продавать туда, где она подороже шла. Словом, все банально: ночи бессонные, нервы железные.

К тому времени некогда славный совхоз «Гремколодезный» развалился бесследно. Поэтому соседей-фермеров, зачастую с детства знакомых, у Юрия Михайловича много появилось. На бывших землях совхоза они работать стали.

А чуть позже на угодьях, прилегающих к селу Вознесенка, появилось крестьянско-фермерское хозяйство «Альфа». Кроме Худоярова, у него есть еще два родителя. Первый — это триста сельчан, единогласно на собрании отдавших свои земельные пай в аренду Худоярову. Знали его и как бывшего директора школы (Вознесенка-то была когда-то отделением развалившегося совхоза), и как человека.

Юрий Михайлович говорит об этом кратко: мне поверили.

Еще один родитель — тогдашний глава Семилукского района Иван Иванович Дубовской. Худояров и тут о деталях не распространяется. Констатирует: без помощи Дубовского «Альфы» бы не было...

Теперь самое время о том, почему я ошибся, предположив, что в фермеры Худояров пришел ненадолго. Это сейчас я о Юрии Михайловиче кое-что знаю. А тогда — несколько встреч с директором школы, первые впечатления о нем. Эти впечатления, были, в общем-то, верными. Но не во всем.

У Юрия Михайловича — очень грамотная и чистая речь человека интеллигентного, хорошо образованного. Я не хочу обижать других фермеров. А мои земляки, знающие Худоярова, не обидятся и согласятся: у большинства — речь попроще. Не по глубине, тут я не оценщик, а по форме. Короче, человек владеет русским литературным языком.

Я никогда не видел его на совещаниях, взаимопроверках и т.д. кричащим и, тем более, орущим, что бывает на подобных мероприятиях нередко: возмущаться фермерам есть чем. На трибуны не рвется. Но уж если его вытащат, говорит спо-

койно, по сути и логично — почти без эмоций. Он из тех, кого слушают, когда говорит. С болью в голосе говорить умеет, кричать, по-моему, нет.

К нему не подойдешь запросто и не похлопаешь по плечу. От его высокой широкоплечей фигуры веет... нет, не самоуверенностью, а каким-то внутренним достоинством, что ли. По-мужски красив, черт побери, а его черные глаза внесли сумятицу, наверное, не в одну женскую душу. Впрочем, на эту тему молчу.

Руководители наших сельхозпредприятий, особенно те, кто постарше, могут назвать его и по имени — Юра. Но чаще все-таки — Юрий Михайлович. И никогда не слышал — Юрка.

То есть достоинство, которое в наличии у моего героя, — оно не отталкивает. Но вызывает уважение.

Вот эта вот интеллигентность и заставила меня ошибиться еще раз. Не зная Юрия Михайловича близко, я и предположил: городской парень попал после вуза по распределению в село. Жизнь, она жестока. Когда пришлось покинуть школу — дернулся в фермерство, в котором — ни уха, ни рыла — городской же! Ну, поковыряется года два-три, снимет пенку, если сможет, и поминай как звали! Таких на моей памяти немало было.

А у Юрия оказались сельские корни. Родился он в 1961 году в селе Олень-Колодезь, что неподалеку от Нововоронежа. Сельские заботы знает с детства. Потом, когда окончил семь классов, его маму, Елену Васильевну, зоотехника по образованию, пригласила в Гремячий Колодезь на работу директор местной, тогда неплохой птицефабрики Зоя Романовна Яксова. Они с мамой Юрия еще студентами знакомы были.

— Вот так я из одного Колодезя в другой Колодезь попал, — улыбается мой герой.

Более того, Юрию Михайловичу в недалекой молодости пришлось какое-то время работать и жить в Воронеже. Как он говорит: жену ждал, пока вуз закончит.

— Ну, мука настоящая, — пожимает плечами Юрий Михайлович. — В пять вечера свободен. И что делать? Ни тебе на огороде повозиться, ни скотиной заняться... Дышать — и то нечем!

Не верите в искренность? И я раньше не верил. Меня к этому не тянет — не от земли. Но примерно так же говорили в свое время и мои друзья: Иван Заложных и Евгений Горобцов, руководители семилукских сельхозпредприятий. И я поверил.

Теперь пора перейти к «Альфе». Говорил я — Худояров года два-три поковыряется и бросит? Извините, ошибался. Возраст «Альфы» к десяти годам приближается.

— Никогда не было желания плюнуть на все? — задаю Юрию Михайловичу банальный вопрос.

— Кто его знает... Скорее, просто времени нет думать об этом, — смеется он. И подкальывает: — Это Вам не статьи писать...

Сколько раз предлагал ему на ты. Ну, пуд соли вместе не съели, а полпуда — точно. Худояров по-прежнему выкает. Разницу в возрасте подчеркивает, что ли? Интеллигент...

Итак, не отвлекаюсь — «Альфа». Где-то в начале нынешнего века пришло письмо от вознесенцев: фермер Худояров не хочет отдавать зерно, положенное за аренду паев. В семилукскую районную газету. Мы его опубликовали. Через день заявился сам Худояров. Нет, не права качать, а с просьбой: давайте объясним людям. Зерно будет отдано, но чуть позже. Просто так получилось: брал обязательство один фермер, а выполнять приходится Худоярову. Уж, что-то там не срослось. У нас ведь люди как жизнью научены? Чуть закавыка — значит, обманет. Разбираться некогда.

Проблема решилась. Потом не раз бывали в «Альфе» мои коллеги — журнали-

сты районки. Пару раз писали, что «Альфа» платит за паи больше, чем где бы то ни было. И цифры называли. Эти публикации вызывали гнев многих сельских руководителей.

— У Худоярова паев-то — кот наплакал. А у меня — больше тысячи. Так что, все хозяйство раздать?

Не знаю. В моей несельской голове бродит такая примитивная мысль: чем больше паев — тем больше должна быть отдача. А если не так, то это уже от конкретного руководителя зависит. Впрочем, может, я и не прав.

У Худоярова паев — не кот наплакал, а больше трехсот. Это тысяча триста гектаров обрабатываемой его хозяйством земли.

— Знаете: обязательно интересуюсь, кто сколько в области отдает за них, — говорит Юрий Михайлович. — И стараюсь платить за аренду больше всех. Чтобы люди верили, чтобы будущее у хозяйства было. В конце концов, селянам тоже ведь жить надо!

В «Альфе» не один год работают несколько водителей-горожан. Живут в районном центре, а на работу ездят в «Альфу», километров за пятнадцать. Мой коллега Сергей Елисеев встречался с ними. Спрашивал: что, в городе работы нет? Есть-то есть, отвечали. Но у Худоярова лучше. Пока.

Вознесенских детей возит в школу в Гремячий Колодезь худояровский автобус. (Это, кстати, 500 рублей на горючее в день). Огороды сельчанам пашет худояровская техника. Случись какая беда с коммуналкой сельской — опять надежда на «Альфу». И так далее.

Помнит Худояров и про «пока», сказанное горожанами-водителями.

— Людям надо платить больше, — говорит он. — Худо-бедно, район развивается. И в Латной рабочие места появляются, и в Семилуках. Буду на зарплате людей экономить — разбежится костяк. Добрые взаимоотношения — хорошо, а добрая зарплата — лучше. Надежнее.

«Альфа» развивается. Как умно сказал Юрий Михайлович: стараемся вести расширенное воспроизводство. В последнее время купили два комбайна — российских, два трактора — тоже российских, шлейф. Провели сортообмен семян практически всех культур.

— А отдача?

Он не любит называть цифры. Но тут расщедрился:

— Начинали — сахарная свекла давала 160 центнеров с гектара. Теперь — стабильно за 400...

— А прибыль?

— Я не понимаю, что такое прибыль в сельском хозяйстве. Вырастили продукцию, продали — надо о следующем годе думать. Вспахать, удобрения внести, семена купить хорошие, технику отремонтировать, горючее... Процесс-то в селе неостановим. Это если на год пришел — получил урожай, все распродал — и радуйся. А если надолго, навсегда?

Конечно, чуть лукавит Юрий Михайлович. Все он понимает. Если с точки зрения экономики, то себе в убыток нынче никто не работает. Но в принципе, позитивней прав, мне кажется.

Вот и все про «Альфу». Больше ничего не вытянул.

Сейчас самое время — общие слова. Типа, одно из лучших фермерских хозяйств и так далее. Не буду — кто знает, как оценивать: лучшее — не лучшее. Слова все это. Вспомню только, что на одном из праздников сельского хозяйства в Воронеже руководитель КФХ «Альфа» Юрий Худояров получил из рук губернатора диплом и премию. Нечастая награда для семилукцев.

О чем мечтает фермер Худояров? Об элементарной порядочности. Со стороны государства.

— Образование, медицина, газификация, социальная сфера села, дороги и так далее, — это все забота государства. Не надо за нас сеять и убирать, — говорит Юрий Михайлович. — С 2006 года вступил в силу закон «Об основных принципах организации местного самоуправления в РФ». Привычнее — 131-й. В нем такая мысль есть. Но тут же нас приглашают — всех сельхозруководителей — на различные совещания и говорят: не думайте, что забота о сельской социалке с вас снимается.

Не думаем. Что мы не в России, что ли, живем. Но ведь, по идее, надо так: каждый своим делом занимается. Мы продукцию выращиваем, налоги платим. А государство за свое отвечает. А пока так: и село не развивается — мы же только дыры латаем, и наши непрофильные расходы давят так, что... Выживаем по-прежнему, не живем.

О набившем оскомину диспаритете цен Юрий Михайлович тоже сказал. Одной фразой:

— Разве ж так можно? За вагон зерна (60 тонн) получаем 8 тонн солярки!

И добавил:

— Когда цены на зерно прыгнули, власти сразу стали фонды создавать: федеральный, областной, районный. Чтобы хоть как-то смягчить для населения рост цен на хлеб. Нас в эти фонды... просят сдать зерно по фиксированной цене. (Прежде чем сказать «просят», он сделал паузу: как помягче-то выразиться?) А как цены упали — никаких фондов!

— А интервенция государственная?

Он ухмыльнулся:

— Интервенция — она и есть интервенция. Таким словом полезное дело не называют.

О многом мы поговорили в последнюю встречу. И вроде бы все реально, не розовые мечты, а... несбыточно, что ли. Впрочем, Юрий Михайлович в «сбыточность» верит. Ну, пусть не сразу, не завтра... А что селу нужен другой уровень внимания — рано или поздно поймут все. К слову, и президентская программа поддержки села появилась. По замыслам — неплоха.

Теперь о том, на кого Юрий Михайлович опирается, кто «Альфе» жить помогает. Худояров назвал немного имен. Но каждого одной фразой охарактеризовал:

— Анатолий Иванович Якименко. (Помните, называл я бывшего директора совхоза «Гремколедезный»? Он самый.) Юрий Андреевич Красильников по образованию инженер. Они с Худояровым — единомышленники. Но и все агрономические и инженерные проблемы «Альфы» — на них.

— И ответственность у вас за «Альфу» общая?

— Материальная — только моя. Я однажды кредит брал, так собственный дом в залоговую базу определил. Но об этом не пишите, Лариса не знает.

Самое время, два слова о семье. Не потому, что она имеет малое значение в жизни Худоярова. Наоборот — главное! Не могу передать, как потептели его глаза, когда я спросил о семье. Но сказал, как обычно, немного. И почему-то полупешотом, хотя мы были вдвоем.

— Дочки Алина и Маша. Сами знаете — это все! Алина — студентка Курского мединститута, Маша — школьница.

— Жена Лариса Викторовна... Боюсь сглазить — идеал, — смеется. — Уют, забота, ласка, любовь — этим не обделен.

Он смущается и замолкает.

Ну, и я на этом о семье закончу. По-моему, хоть и коротко, но все сказано.

Поговорили мы и о кредитах, которыми Худояров активно пользуется и всегда вовремя возвращает. О поддержке государства — какая-никакая, а от областной власти есть.

— Так победим? — спросил в заключение Юрия Михайловича. И решил поставить эти слова в заголовок, вместе с вопросительным знаком.

— Победим, — как-то без пафоса, уверенно сказал он.

И вопросительный знак из заголовка я решил убрать.

Виктор ЛЮТОВ

**Фермер В.Б. Пономарёв:
«КОГДА «НИВЕ-2» ЛУЧШЕ ЖИЛОСЬ?»**

— Для моей «Нивы» год нынче юбилейный, — Владимир Борисович Пономарев делает небольшую паузу. — Не восемьдесят лет, правда, как району, но двадцать — тоже дата.

Мы сидим с Пономаревым в новом офисе его фермерского хозяйства. Сторонний человек наверняка обратил бы внимание на название хозяйской фирмы — «Нива-2», может, спросил бы, как родилось такое название? Но мы знакомы с Владимиром Борисовичем не один год, поэтому точно знаю: в Семилукском районе «Нива-2» прочно ассоциируется с именем фермера Пономарева.

Обстановка располагает Владимира Борисовича к воспоминаниям:

— В 1992 году, когда все только начиналось, я об этом даже не мечтал. Вообще ничего не было, кроме идеи и большого желания заняться фермерством. Тогда я, агроном по специальности, работал председателем сельского Совета. На современный лад — главой поселения. Многие нижеведугцы не понимали, зачем с хорошего места, со стабильной зарплаты срываюсь. А вот близкие поддержали. Поддержали настолько, что разрешили потратить на технику семейные сбережения. 1666 рублей снял с книжки на покупку в местном хозяйстве разбитого комбайна «Дон». Там же и сцеп приобрел. Жители Гнилуши шепнули на ушко: в школе есть неисправный трактор — с ломом в радиаторе. Сторговался за 800 рублей. Сеялку привез из Курбатова. В металлоломе нашел.

Район выделил начинающему фермеру девяносто гектаров земли, тридцать из них — целина. В первый год поднять ее не получилось.

— Зато остальные шестьдесят гектаров — нормальное поле, — продолжал вспоминать Владимир Борисович. — Выписал в колхозе ячменя. Тогда сеяли по три центнера на гектар. А у меня денег максимум по два на круг хватало. Решил рискнуть и засеять все шестьдесят гектаров. Ячмень получился редкий, но крупный. Весь пошел как пивоваренный. В то время его ценили, потому что мало было.

Говорят, что новичкам везет. Фермер Пономарев в этом плане исключением не стал. Когда за ячмень расплатились, поехал в Волгоград за новым трактором. Денег хватило тюлькы в тюлькы.

— А на жизнь?

— На жизнь — нет. Два года не брал себе ни копейки. Выручало личное хозяйство, небольшие сбережения. Спасибо родным за то, что поддержали, не роптали, когда особенно тяжело приходилось. Трудно в это нынче поверить, но «Нива-2» быстро встала на ноги, развивалась уверенно, хотя в отличие от моих коллег за душой ничего было: ни людей, ни техники, ни зданий. Но глаза боятся, а руки делают. Купили у Игоря Петровича Черных бывший дорожный участок. Потом еще одну базу, в которой находится офис. У местного хозяйства. Оно тогда было в сложном положении. Можно сказать, мы его выручили. Эти деньги помогли завершить сев без сбоев.

Как агроном о земле Пономарев тоже никогда не забывал. Каждую свободную копейку вкладывал в родной чернозем. Сегодня «Нива-2» обрабатывает 1800 гектаров, 800 из них — собственные.

— Было бы у меня сто гектаров... При средней урожайности в три тонны с круга и при цене в пять тысяч за тонну, зарабатывал бы 1, 5 миллиона, — объясняет он, зачем много собственной земли нужно. — Если представить, что все они твои, сильно не разбежишься. К примеру, один культиватор обошелся мне в 800 тысяч рублей, второй — в 600 тысяч. Трактор более или менее нормальный стоит от 800 тысяч до 2 миллионов. И все нужно! А когда земли много, возможностей больше. Поэтому борюсь за каждый клочок.

Разжились и сельхозтехникой. На машинном дворе «Нивы-2» я насчитал несколько десятков машин и агрегатов. Многие словно только что сошли с конвейера. Здесь же познакомился с нынешним коллективом хозяйства, который состоит из семи механизаторов, сварщика, единственного на всю округу токаря.

Владимир Борисович попросил особо отметить Павла Вячеславовича Лютикова, который представился инженером.

— На самом деле — правая рука, — поправил глава крестьянско-фермерского хозяйства.

Пока фотографировались, поинтересовался у мужиков, почему именно у Пономарева работают?

— Других вариантов здесь, мягко говоря, маловато, — отвечают. — А по условиям труда и заработку вообще нет.

Ребята говорят, что приличная зарплата — не единственный плюс работы в КФХ «Нива-2». Многие знакомые, которые трудятся в более крупных хозяйствах, ходят в сезонниках. То есть в горячую пору их набирают, а зимой отправляют в неоплачиваемые отпуска или вовсе — на биржу труда. У Пономарева, по их признанию, такого не было и, надеются, не будет.

— Бытовку нормальную Владимир Борисович сделал, — показывают они. — Вот раздевалка, вот душевая. Вроде бы мелочь, а приятно уйти с работы домой чистым. А вот бильярд. Правда, играть в него не получается: времени в обрез.

Напомнили механизаторы еще об одной ипостаси главы фермерского хозяйства — депутатской. Ведь он третий срок представляет интересы своих избирателей в районном Совете. По этому поводу из Владимира Борисовича слова не вытянешь. Ну, поддерживаем, чем можем, детский сад, школу, местную амбулаторию. Если обращаются односельчане — тоже не отказываем.

— Да я и без депутатства им помогал и помогать буду, — отмахнулся он.

Спрашиваю Пономарева, какой год был самым трудным.

— Каждый! Год засушило, год замочило, год порадовал хорошим урожаем, да цены нет. На четвертый, глядишь, и уродило, и деньги нормальные дают... Так и крутимся. В прошлом году рассчитывал на ранние культуры. Не срослось. А по поздним — гречихе, подсолнечнику, сахарной свекле — урожай был большим. И хоть возникли серьезные проблемы со сбытом свеклы, мы ее всю продали. Другой вопрос, за какие деньги, но зарывать в землю не пришлось.

— А самый удачный год?

— Когда на юге, в Краснодарском крае, нет урожая, а у нас есть, — смеется. — Тогда все внимание к центральной России. Мы в шоколаде! Все за зерном сюда едут, деньги приличные предлагают. Года четыре назад особенно хорошо заработали.

По словам Владимира Борисовича, такие счастливые в плане финансов времена случались бы чаще, если бы государство больше помогало небольшим сельхозпроизводителям со сбытом: заключил договор, доставил, пусть не великие, но стабильные деньги получил и развивайся себе спокойно.

— Крупным производителям легче, — рассуждает фермер. — У них объемы большие, прямого покупателя найти проще. И безопаснее!

— То есть?

— Пытались напрямую работать. В итоге за подсолнечник с нами так и не расплатились. 520 тысяч когу под хвост! С гречихой на приличные деньги кинули. Поэтому приходится посредникам платить. По сути — ни за что.

Владимир Борисович привел такой пример. Приехал как-то покупатель из Ростова, а с ним три посредника. Достал пачку денег, передал первому посреднику. Тот отсчитал себе, передал второму... В общем, пока до Пономарева пачка дошла, осталась от нее четверть...

— Не должно так быть, чтобы один с сошкой, а семеро с ложкой! — убежден фермер.

Но тут же добавляет:

— Все-таки на жизнь грех жаловаться. Хотя она у аграриев непредсказуемая, но на ногах стоим крепче, чем раньше. Вот такой факт. Восемнадцать лет «Нива-2» обходилась без кредитов, а недавно начали занимать.

— И что в этом хорошего?

— Очень много денег уходит на покупку горючего, удобрений, средств защиты растений, на запчасты, а они дорожают в отличие от нашей продукции не по дням, а по часам, — поясняет Пономарев. — Обновил бы технику, но сеять надо. Раньше боялись занимать: вдруг отдавать нечем. Теперь в этом плане стали уверенней. Почувствовали, что быстрее развиваемся, когда не нужно свои деньги на текучку тратить. За счет кредита проводим посевную, а прибыль идет на покупку земли и техники.

— То есть бизнес ваш стал стабильнее?

— Да.

— А вы богаче...

— Как сказать, — ухмыльнулся. — Если судить по активам, то человек я не бедный, но и не самый богатый в Нижней Ведуге. Дворцов не имею, джипов тоже. «Нива-Шевроле», на которой катаюсь, числится за хозяйством. Единственное, на что никогда денег не жалел, — на образование детей. Их у меня четверо: трое сыновей и дочь. В свое время старший Алексей и средний Сергей окончили технологический факультет Воронежского аграрного университета. Учил их с прицелом на то, что возьмут под свое крыло переработку. Были такие планы. Но жизнь показала, что мелкая переработка нерентабельная, поэтому пришлось переучивать. Старший сейчас в банке работает, средний наукой занялся — кандидат сельскохозяйственных наук, преподает в сельхозуниверситете и параллельно заканчивает юрфак. А младший, Владимир, на агронома учится. Надеюсь, что в будущем мое дело продолжит. Вместе с дочерью Татьяной. Она в этом году выпускается из школы. Тоже будем в аграрный университет поступать.

— Так что смена растет, и мы жить будем! — Владимир Борисович этими словами как бы дал понять, что разговор — это хорошо, но дела делать все же важнее.

Максим ОКОНЬ

Фермер И.А. Леженин:
«ТАКУЮ «ЛАКОМУ ЗАБАВУ» ВО ВСЕЙ РОССИИ НЕ СЫСКАТЬ...»

— Когда я был маленький, папа брал меня с собой в Москву. Вместо достопримечательностей я жадными глазами искал разноцветные павильоны с мороженым. В советские годы мальчишки и девочки мечтали вдоволь им наесться... Сейчас я могу себе это позволить.

Игорь Алексеевич Леженин вспоминал свое детство. Тот самый мальчуган, так любящий крем-брюле, сейчас большой начальник — генеральный директор Землянского пищекомбината «Сытный край». Здесь трудится добрая сотня сотрудников из Землянска, Малой Покровки, Нижней Ведуги, Малой Верейки, Кондрашовки, Семилук, Воронежа. Все с уважением обращаются к нему. И лишь порой мастера на производстве, забыв, что перед ними шеф, по-дружески зовут «Алексеич».

Чтобы разговорить собеседника, мне понадобился не один час: «Я — производственник, красиво говорить не умею. Вы

лучше моих ребят спрашивайте», — повторял он.

Семья Лежениных жила то в Литве, то в России. Много ездили, и Леженин-младший брал на заметку, все, что может пригодиться в будущем. Выучился на инженера-механика — специально, с надеждой открыть свое дело.

— Мои родители, и дед, и бабушка — все родом из Землянска. Потому и зародилась мысль начать свое дело именно на родине, — говорит Игорь Алексеевич.

Двоюродный брат Николай Васильевич Бородкин, живший тогда в Семилукском районе, помог оформить необходимые документы. Так в Нижней Ведуге семье Лежениных выделили пятьдесят гектаров земли. Начали с земледелия, а параллельно развивали с братьями производство полуфабрикатов (известное КФХ «Борть»). В 1998-м появилась идея: заняться мороженым. Изобретать велосипед не стали. Технологию, рецепты взяли у опытных в этой сфере коллег. Проект — стоимостью в миллионы. Таких денег, естественно, взять было негде. Где-то сами оборудование мастерили, где-то скупали бывшее в употреблении.

— И сколько ж вы тогда готовили?

— Килограммов десять... В ведрах варили! Утрирую, конечно, — смеется генеральный директор. — Но поначалу все действительно было примитивно.

— А сейчас?

— Вышли на производственные мощности 7-8 тонн за смену. В вафельном станочике, в брикете, рожки, эскимо, семейное... 51 вид. Нашу продукцию продают в Воронежской области, Тамбове, Волгограде, Москве. Недавно заключили договор с крупной воронежской компанией, с их помощью охватим Липецк и Белгород. Есть много наград, дипломов за качество. Золотая и серебряная медаль международного конкурса продовольственных товаров «Лучший продукт». Вот попробуйте нашу «Лакому забаву», — с гордостью протягивает мне мороженое Игорь Алексеевич.

«Лакома забава» — зарегистрированный товарный знак, старинный рецепт. Землянск единственное место, где производят это мороженое.

— Светлана Николаевна Елфимова, наш технолог, билась над тем, чтобы ни одного стабилизатора, эмульгатора, ни одного «Е» («Е» — добавки не очень полезные для организма) в состав не входили, — продолжает он. — А ведь без них сегодня почти ни одно производство не обходится. По старинке оказалось трудно. Мы уж со Светланой и ругались, и горевали... Но, наконец, получилось.

А Наташка слушает да ест. Вкусно, вся перепачкалась. И, конечно, не заметила сразу, что сижу с «усами». Наташка — это я, если не догадались.

В дверь постучали.

— Николай Янович, ты во время! — восклицает Игорь Алексеевич. — Это наш директор по производству. Мастер на все руки. Ну, Коля, расскажи, как ты морозилку за семьсот тысяч рублей сделал. А ведь нам ее за два с половиной миллиона предлагали!

И тут я замечаю свои «усы»...

— Как неудобно, — суетливо вытираю их салфеткой.

— Девушка, перепачканная мороженым, — хорошо! Красиво! — подколот меня Николай Янович Мацулевич.

Вместе посмеялись. И снова с генеральным остались с глазу на глаз.

— Выдерживать конкуренцию на рынке все сложнее. Крупные сетевые линии перекрывают кислород. К примеру, открылся в населенном пункте гипермаркет — частники в округе закрылись. Невыгодно. А чтобы свою продукцию да к ним в сеть — нужно попотеть. За многолетнюю практику всего один случай припомнить могу. Удалось заключить контракт с Московскими сетевыми компаниями-гигантами. Но это скорее исключение из правил, — делится Игорь Алексеевич.

Генеральный директор не оставляет надежды в будущем открыть новый цех. А уже сейчас наравне с мороженым и полуфабрикатами занялся производством колбасных изделий.

Мы прошлись по территории. Клумбочки, асфальт. В цехах кипит работа. Трудно представить, что когда-то на месте комбината был «убитый» торговый центр с пустыми глазницами окон, водой в подвале...

— У меня двое сыновей: старший Денис, младший Илья. Старший работает со мной. Подарил мне внучат — двух очаровательных близнецов Антона и Семена. Они хоккеисты. Верю: в будущем — чемпионы, — с гордостью о родных говорит собеседник.

Работа для Игоря Алексеевича — важна. И на вопрос: «Когда на пенсию?», всегда с улыбкой отвечает: «Лет, эдак, через сорок». А когда не нужно решать текущие проблемы, собеседник не прочь посмотреть футбол. Он — заядлый болельщик. Ездил в Англию, на чемпионат Европы, в Португалию. Да и сам не раз играл. Недавно к этому увлечению добавилось и новое — рыбалка. Пока самый большой улов — карп на пять с половиной килограммов.

— Жаль, моих внуков мороженым уже не удивить, как меня когда-то, — вздыхает собеседник. — Прсят деда подарить хоккейную форму. Подарю.

Детская мечта Игоря Алексеевича Леженина «вдоволь наесться мороженым» благодаря пищевому комбинату «Сытный край» теперь исполняется для мальчишек и девчонок района. Несколько раз в году (а уж на первое сентября и ко Дню детей точно) им дарят мороженые сладости.

Наталья ФОКИНА

Фермер В.И. Маслов:
«НА ЗЕМЛЕ НЕ РАЗБОГАТЕЕШЬ, НО СЕМЬЮ ПРОКОРМИТЬ МОЖНО»

— Доброго здоровья, Вячеслав Иванович! Как дела, настроение? — звоню фермеру Маслову в начале мая.

— Все нормально. Картофель сажаем.

— И на мою долю тоже?

— Обязательно, Сергей, приезжай!

Картошку я у него уже который год покупаю. Крупная. Вкусная. Хранится хорошо.

Возглавляемое им крестьянско-фермерское хозяйство по фамилии и называется — «Масловское». Семьсот гектаров пашни раскинулись от автомобильного моста через Дон до Подклетного, по обе стороны от трассы. Приезжаю как-то по осени в гости. Фермер сияет от счастья. Приобрел новый картофелеуборочный комбайн из Германии.

— Два года за ним охотился, посещая сельскохозяйственные выставки, — рассказывает.

— На сколько же «немец» потянул?

— Не спрашивай. Но того стоит. Любуйся, как работает. Пятнадцать-двадцать минут, и бункер на шесть тонн картошки полный. В сухую погоду более шести гектаров выбираем. Да как чисто!

— Кто за штурвалом комбайна?

— Сын. Роман...

Как становятся фермером? Да, наверное, у каждого свой путь. В 78-м Вячеслав Иванович окончил Воронежский сельскохозяйственный институт. По распределению новоиспеченный механик попал в неслабый колхоз в соседнем Рамонском районе. Работал механизатором, бригадиром трактористов, главным инженером. Грянувшей перестройки хозяйство не выдержало. И вот в числе других первопроходцев в 1991 году Маслов отважился фермерствовать.

Сегодня «Масловское» — одно из крепких в районе. Под картошкой уже 130 гектаров. Урожайность — до 450 центнеров с гектара. Выращивают пшеницу, ячмень. В минувшем году средняя урожайность зерновых в полтора раза выше районной.

— Само по себе на земле ничего не вырастет. Сорта обновляем. Севооборот соблюдаем, — продолжает глава хозяйства. — Работаем с удобрениями, химикатами. Угодья мои не шибко плодородные, но микроклимат неплохой. Почва с илом, хорошо промывается. Ведь раньше это были пойменные земли колхоза «Семилукский». Дон во время разлива все кругом заливал. Правда, в последний раз давно это было.

Работников «картофельный» фермер не ищет. Сами приходят. Из ближайших сел Ендовище и Семилуки, из Подгорного и даже Воронежа. Некоторые специально отпуск берут, чтобы тут потрудиться и запастись на зиму вторым хлебом. Выполнил норму — получи в конце дня две сетки. А это — восемьдесят килограммов. Кто уже затарился — берут деньгами.

— Постоянных работников сколько? — интересуюсь я.

— Десять.

— У них как зарплата?

— Мало платить нельзя — разбегутся. Город рядом.

Все время, пока копают картошку, в поле полно покупателей. Как узнают? Земля слухом полнится.

— Откуда вы? — спрашиваю у молодых людей, подкативших на двух легковых машинах.

— Из Воронежа.

— Как про это хозяйство прослышали?

— Друзья подсказали. Хвалили картошку. А поле мы легко нашли, с трассы видно.

На месте продают много. Но все же основной канал реализации — оптовики. Потому главное — отправить урожай под крышу. Вкус «масловской» картошки знают не только в округе, но и в столице, в Ростовской области, в Краснодарском крае.

Мы ездили на производственную базу фермера. Хозяйничает здесь его жена Галина Петровна. Педагог, между прочим. Семейная фирма. На центральной усадьбе размещаются мехдвор, мастерские, техника. И капитальное овощехранилище, способное вместить до тысячи тонн картошки.

Комбайны, трактора, автомобили, инвентарь разный. Для имеющейся земли техники достаточно. Фермеру мало. Под занавес прошлого сезона побывал на сельскохозяйственной выставке в Ганновере. Надо, говорит, следить за новинками. Есть сеялки по 48 рядков. Есть тракторы по 800 «лошадей». Хочу такие...

— Вячеслав Иванович, сожалели когда-нибудь о выбранной крестьянской доле?

— Проблемы случались. Ведь год на год не приходится. Осень как-то выдалась дождливая, а следом — ранние заморозки. Гектаров двадцать картошки остались в поле. Но чтоб разочароваться — никогда. Я ж с девяти лет с отцом на комбайне. С того времени только три страды пропустил, в студенческую пору. Сейчас во время уборки на один из «Донов» каждый год сам сажусь. Да и как я могу жалеть, когда сын — рядом! Рома, к слову, тоже окончил мехфак аграрного университета. На земле богатым не станешь, а семью прокормить можно.

— С фермерами района встречаетесь?

— Да. Особенно охотно общаюсь с Владимиром Борисовичем Пономаревым, Юрием Михайловичем Худояровым, Александром Ивановичем Моценко. У нас взаимовыгодное сотрудничество.

— Государство помогает?

— Привык рассчитывать на себя. Но поддержка есть. Нас стали замечать.

— Фермеры страну накормят?

— Сильные, толковые — да. Которые неподдельные, с душой работающие. Ну, типа меня. Шучу.

Сергей ЕЛИСЕЕВ

Фермер Н.В. Бородкин:

«ЧЕМ ВЫШЕ БОРТЬ, ТЕМ СЛАЩЕ МЕД!»

И пельмени, и манты, и мороженое впридачу...

Далеко не все сейчас знают значение этого слова — борть. А между тем, этим старинным словом называют улей в дупле дерева.

— Николай Васильевич, — обращаюсь к своему собеседнику, главе крестьянского фермерского хозяйства «Борть» Николаю Васильевичу Бородкину, — а почему именно так называли? Мед, что ли, любите?

Он кивает:

— Точно! С детства. Кто же его не любит?

— Тогда почему не пчеловодством занимаетесь, а мороженым и мясными полуфабрикатами?

— Да я начинал когда-то с пчел. Отец был любителем-пчеловодом, а я ему помогал. Рад бы и сегодня медом людей кормить. Проблема в одном: сбыт. Сейчас пчелы — больше для души.

В старину лучшими бортниками в шутку называли... бурых медведей. Николай Васильевич внешне чем-то напоминает мишку: высокий, плечистый... И как тот — хозяин в лесу, так и фермер Бородин крепко держит в сильных руках свой бизнес.

В Землянске находятся производственные цеха «Борти». Основных — три: по выпускупельменей, мороженого и блинчиков.

Иду с мастером Зинаидой Ивановной Тычининой посмотреть, как промышленным способом делают пельмени. Говорю ей:

— Ну-ка, признавайтесь: что вы в пельмешки подмешиваете? Почему они у вас такие вкусные? Я их частенько покупаю в Воронеже.

Зинаида Ивановна смеется:

— У нас на предприятии только натуральное сырье используется. Вот смотрите: мясной фарш, мука, яйца и вода...

Неудивительно, что девиз «Борти» — «Качественное здоровое питание!».

Позже я поинтересовалась у Николая Васильевича, часто ли он сам ест продукцию своего хозяйства? Ответил утвердительно и добавил, что и у него дома, и у матери в холодильнике всегда есть и пара пачек пельменей, и мороженое. А младшая дочка частенько даже просит:

— Пап, привези чего-нибудь своего, вкусенького.

Голубцы, хинкали, пельмени, вареники, манты, котлеты, зразы, блинчики со всевозможными начинками и уйма других полуфабрикатов — всего около ста пятидесяти наименований.

— Можем делать и двести пятьдесят. Но опять же — дело в сбыте, — делится Николай Васильевич.

Побывала я и в цехе мороженого. Вы не представляете, каким вкусным может быть... «теплое» мороженое! Да-да, есть и такое! Это когда перед отправкой в скороморозильную камеру еще не замерзшая ароматная сладкая масса разливается по специальным формочкам. В цехе чистота и холод, металл, пластик — прямо, как в космосе... И только «земные» женщины в спецодежде улыбаются. Смотрю на них и удивляюсь:

— Девчата, как же вы умудряетесь оставаться стройными на такой сладкой работе?

Они смеются:

— А мы песни поем, чтобы рот был занят... Как в старину на сборе малины делали, знаете?

— Цех мороженого новый, — рассказал Николай Васильевич. — Чтобы его построить, взяли кредит. Теперь работать надо не покладая рук, чтобы вернуть.

Клубок судьбы

Если жизнь человека представлять некоей линией, то у Николая Васильевича она со стороны выглядит... зигзагом.

В детстве мечтал стать летчиком: посмотрелся советских фильмов про войну. После школы решил: буду... врачом! Но отец, сам строитель, настоял:

— Только в строительный!

Знакомые односельчане утешали:

— Да не горюй. Зато квартиру быстро получишь.

— Так что за квартиру и купился, — шутит, вспоминая то время, Николай Васильевич.

После армии жизнь сделала очередной зигзаг: вдруг захотел идти в институт культуры, на режиссера. «Зубрил» наизусть прозу Чехова и басни Крылова. Но обстоятельства не сложились.

— Мир потерял медика или режиссера? — улыбаюсь я.

— Зато приобрел строителя и предпринимателя, — парирует он в ответ.

Успешный прорыв в объединении «Электроника», Николай Васильевич вдруг решает на очередное изменение судьбы. В 1992 году уходит в свободное плавание: вместе с братом и другом начинает заниматься бизнесом, организует «Борть».

Со временем пути основателей компании разошлись. У руля «Борти» остался один Николай Васильевич. Жесткая конкуренция, нехватка рабочих в селе, честно отдаваемые налоги. За каждую справку — плати, проблемы со сбытом да плюс груз правильного советского воспитания.

Учился выживать и постоять за себя. Даже физически. Занимался спортом: боксерские перчатки — еще с 7 класса один из основных атрибутов по жизни.

Выстоять в непростое время помогли даже... воспоминания. Одно из них как нельзя лучше характеризует моего героя. Как-то в детстве Коля зашел в гости к дружку-соседу. Мама приятеля сказала, что сын пока занят и протянула Коле... клубок спутанных ниток:

— Пока ждешь — помоги мне, размотай.

Он долго-долго разматывал, старался: ни одной ниточки не порвал...

— Вот таким ты, Коля, и будешь в жизни, — сказала прозорливая соседка. — Терпеливо идущим к цели.

С тех пор, когда что-то сразу не ладится, он вспоминает тот клубок и распутывает ниточки. И все получается. Тогда в душе — радость победителя! Как там, в русской пословице: «Чем выше борть, тем слаще в ней мед...»

Некоторые мои знакомые, разбогатев, жалуются на то, что, как ни странно, пропадают связи с настоящими, душевными друзьями. Появляются компаньоны и партнеры по бизнесу, а друзья из жизни исчезают. Может, причина в том, что сильные ищут себе равных? А таких — мало. Вот тот же Николай Васильевич во всем нацелен на лидерство: даже в спортивных играх стремится не просто участвовать, а всегда быть первым! Попробуй-ка рядом с таким человеком держаться на равных! Нелегко, наверное, быть его другом. Так с кем дружит хозяин «Борти»? Ответил, как отрезал:

— Настоящий друг — мой сын Миша. Он и помощник во всех делах. Заведует производством. Сын не предаст и не продаст. Самый надежный.

Сказал — и, сглотнув комок в горле, на минуту замолчал. Видно, крепко резануло когда-то по сердцу чье-то предательство.

А вот просто друзей-приятелей много. Их круг определяется в основном несбывшимися мечтами. Что ни партнер по любимому бильярду, то либо врач, либо театрал. Есть и летчики знакомые. Хотя, конечно, не они одни.

Свободного времени мало. А то, что есть, с радостью проводит с любимой же-

ной Ириной. О ней говорит с нежностью. Очарован даже ее чисто женскими капризами:

— Иришка меня к бизнесу ревнует. Говорит: «У тебя твое дело прежде всего». А я ей отвечаю: «Первым делом — самолеты, ну, а девушки? А девушки — потом». Тем более, если эти «самолеты» нас кормят.

— А она?

— Вздыхает, но терпит.

Говорят, что медведю зимой борти снятся

А что снится Бородкину? О каком меде он мечтает? К чему стремится?

Про свою большую мечту (а она у него есть!) Николай Васильевич рассказывать подробно не стал:

— Боюсь сглазить. Решил заняться... птицеводством! Пока делаем проект.

Очередной зигзаг судьбы? Что же, пусть он тоже станет удачным!

Но об одном интересном моменте все-таки расскажу.

Несколько лет назад Николай Васильевич прочитал роман Джека Лондона «Мартин Иден». Книга потрясла землянского фермера. Напомню вкратце детали сюжета. Главный герой, родившийся в полной нищете, ценой невероятного труда становится успешным, хорошо оплачиваемым писателем. Деньги текут к нему рекой. Казалось бы, живи — и радуйся. Ан, нет! Потерялся смысл всего, ради чего боролся и страдал. И герой кончает жизнь самоубийством.

— Понимаете, человек не смотрел вперед! — горячится мой собеседник. — Все у него было, и он все пустил под откос. А я думаю, вот если ты заработал большие деньги, да помоги ты молодым литераторам, открой приюты для сирот! И передавай свой талант! Глупость, жадность, ханжество никогда не позволяют человеку понять, что надо бы и пользу людям принести.

Я поняла, к чему деятельно стремится Бородкин. И не надо мудрствовать лукаво: это и есть цель.

«Если добрый ты — это хорошо...»

В древности люди считали, что вся Земля держится на трех китах. А сейчас односельчанка Николая Васильевича, дальняя родственница Татьяна Гуреевна Струкова, считает, что весь Землянск держится на трех предпринимателях. Это — директор ЗАО «Землянское» Иван Иванович Заложных, руководитель крестьянского фермерского хозяйства «Сытный край» Игорь Алексеевич Леженин и Николай Васильевич Бородкин со своим предприятием «Борть».

— Они и школе помогают, и церкви, и клубу, и больнице, и на благоустройство села деньги дают, — с уважением говорит Татьяна Гуреевна. — Тот же Николай Васильевич — он и так просто, зачастую даже без всяких просьб, если видит, что кому-то тяжело, обязательно поможет. А как ему люди за работу благодарны!

Это уж точно: обеспечить постоянной работой более ста тридцати земляков (а именно столько человек трудится в «Борти» на производстве в Землянске) — дорогого стоит.

Сам Николай Васильевич на вопрос о благотворительности только пожимает плечами и отвечает нехотя:

— Бывает. Стараюсь помочь.

Другая жительница Землянска, бывшая учительница Валентина Ивановна Гревцева, сказала о своем бывшем ученике так:

— Я живу благодаря ему.

И рассказала, что когда у нее возникли серьезные проблемы со здоровьем («Я

уже почти умирала», — вздохнула пожилая женщина), то Николай Васильевич отвез свою бывшую классную руководительницу в областную больницу и договорился о сложнейшей операции.

— Он постоянно всем своим учителям и подарки дарит, и цветы. А одной учительнице помог провести в дом газ. Помогает и бывшим одноклассникам, — перечисляет Валентина Ивановна.

Одноклассники — это тема, о которой сам Николай Васильевич готов говорить долго и с удовольствием. Он организует встречи и школьных, и институтских друзей. Про всех помнит, всем звонит.

— Мне приятно этим заниматься, — не скрывает он. — Хочется, чтобы все были друзьями. Мы ведь живем-то общением. А жизнь такая короткая...

Кого «боится» Бородкин?

— Николай Васильевич, а есть в вашей жизни человек, который, образно говоря, может намылить вам шею?

Поднял брови, на секунду задумался и ответил утвердительно:

— Да! Это — моя мама. Если что не по ней, то она меня, как мальчишку, отругает, будь здоров.

Николай Васильевич познакомил меня с ней. Заехали на несколько минут: сын завез маме мороженое. Надежда Ивановна живет в Землянске в новом, просторном, благоустроенном доме: сын построил. Причем, дом этот теперь родной не только для мамы, но и для других одиноких, немолодых уже родственников:

— Пусть живут вместе. Так им легче, — сказал он.

Надежда Ивановна оказалась добрейшей женщиной. Сразу забеспокоилась, как меня накормить. Приезду сына была откровенно рада.

— Не обижает сынок-то? — спрашиваю у нее.

— Не-е-ет! Не обижает.

И вдруг поджимает губы:

— Вот только не всегда слушается меня!

С трудом сдерживая смех, поддакиваю:

— Да. Молодежь нынче пошла такая.

— Ох, и правда!

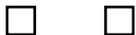
57-летний Николай Васильевич слушал обрывки нашего разговора и посмеивался.

И вдруг Надежда Ивановна сказала слова, от которых весь смех у меня на несколько мгновений пропал:

— Тяжело ему в жизни приходится. Очень тяжело. А я помочь хочу.

Щедрой ложкой отмерил Господь этому человеку всего: и таланта, и сил, и ума, и душевности. Хотя и испытаний в жизни он хлебнул тоже сполна. Но держится сам и помогает другим. Счастливая судьба.

Елена СТАРКОВА

Тамара Пушкина

УДИВИТЕЛЬНЫЕ СУДЬБЫ

Землянск всегда славился замечательными людьми. Они питали культуру своей малой родины разнообразными средствами: здоровыми увлечениями, творчеством, честным отношением к выбранной на всю жизнь профессии, уникальным характером, удивительными способностями. Эти люди являли собой пример необыкновенной жизнестойкости и оптимизма, честно трудились, уважали историю предков.

Одна из самых ценных реликвий нашего семейного архива — мемуары землянцев разных поколений, увлечений, профессий...

В 90-х годах мне посчастливилось работать в Землянской общеобразовательной гимназии. Однажды на уроке обществознания мои ученики засомневались в ценностях, которые принято называть Вечными. Убедить их в значимости добра, чести, сострадания за короткое время, оставшееся до звонка, мне не удалось. Ребятам можно было понять, «перестройка» перекраивала сознание современников на материальный лад. Но и открытой эту тему нельзя было оставлять. Утром пришла к своим ученикам с идеей: «А давайте создадим книгу о наших земляках. Только писать будем о самых почитаемых в роду землянцев людях».

Хотелось, чтобы в итоге кропотливой самостоятельной работы школьники осознали, кого люди вспоминают добрым словом. Сбор материалов осуществлялся произвольно как в устной, так и письменной формах. Главный критерий: кого считают значимым человеком в истории Землянска и за что его ценят односельчане? Вопросы для интервью придумывали вместе с ребятами. Работы школьников стали первым в истории Землянска социальным срезом о значимости нравственного начала в человеке. В итоге совсем непростой поисковой деятельности мои ученики усвоили азы нравственной культуры. А мне же совсем не захотелось расставаться со своей идеей. Продолжая собирать материалы о необычных судьбах земляков, старалась, чтобы те делились своей мудростью, опытом преодоления жизненных трудностей.

К сожалению, в журнальной публикации не расскажешь о всех землянцах, воспоминания которых хранятся в моем архиве. Остановила выбор на трех своих земляках, они действительно — люди удивительных судеб.

«КАК СОЛНЫШКА ЛУЧ РАЗГОНЯЕШЬ ТЫ ТЕНЬ...»

Валентина Васильевна Бахтина, врач, депутат Землянской сельской администрации по социальным вопросам. Про нее говорили: «Словом лечит». Удивительный дар слова сочетался в Валентине Васильевне с верой в доброе, разумное. Была красивой, по Чехову: «В человеке все должно быть прекрасно...». А какой она была женщиной, матерью, бабушкой?! К тому же — имела редкий педагогический дар. В ее уникальной педагогической системе было несколько правил. Самое главное звучало так: «Если незачем, то зачем?» И, правда, если педагог не объясняет, где ученику пригодится знание, приобретаемое на уроке, то и усвоить его можно, в лучшем случае только тщательно вы зубрив. Такое знание не будит мысль, не развивает, а значит, скоро забудется. Валентину Васильевну часто приглашали в школу, она умела организовать общение с детьми, приобщить к нравственным ценностям тех, с воспитанием кого справлялись далеко не все педагоги.

Свои воспоминания о жизни Валентина Васильевна начала с 1954 года, очевидно, сочла их наиболее значимыми.

«Помню, надела форменное платье с белым воротничком, черный фартук, заплела две косички и с трепетным волнением пошла в новую для меня школу. Первое впечатление было ужасным: холодно, углы промерзли, покрылись плесенью. Ученики сидели в фуфайках... Запомнилась учительница математики Меркулова Анна Ивановна. Она всегда ходила в черном строгом костюме, белой кофточке. Волосы у нее были аккуратно уложены в прическу, сама — худенькая, высокая, но со строгим взглядом. Уважали ее все, до самого последнего хулигана. Она никогда не повышала голоса, а в классе всегда была «мертвая» тишина. Объясняла урок четко и очень понятно. Прошло так много лет, а я и сейчас помню ее входящей в класс и чувствую в душе огромное уважение к ней и добрую память. Радовало, что были и другие хорошие педагоги. И Митрофан Александрович Переславцев, у которого всегда находилась, наряду с хорошим изложением предмета, добрая шутка, вводящая в смущение любого проказника. И Анна Ивановна Бавыкина, преподаватель русского языка. Мы уважали и любили наших умных, строгих, талантливых и справедливых учителей. Они и остались в памяти на всю жизнь. И я им очень благодарна».

В кругу родных

В 1960 году Валентина Васильевна окончила 10 классов и поступила в Воронежский медицинский институт. В 1966 году сразу по окончании вуза приехала на работу в Землянк. Нелегким был период профессионального становления. Что помогло состояться в профессии? Ответ очевиден: «Я просто старалась работать, так как очень любила свою профессию. Мне пришлось трудиться с замечательной акушеркой — Клепиковой Татьяной Федоровной. Меня не мучило самолюбие, когда первое время больные в основном шли к ней, к акушерке, пользующейся большим уважением и авторитетом, и меньше — ко мне, молодому врачу, только что пришедшему на работу. Я понимала, что это все закономерно и правильно, что авторитет — это дело времени. Самой трудной оказалась работа в роддоме. Но здесь меня встретили прекрасные люди: Любочева Анастасия Прокофьевна, Мишина Любовь Дмитриевна, Мещерякова Елена Ивановна, затем Бахтина Валентина Тихоновна, Калинина Мария Васильевна, Воронцова Мария Павловна. Как они работали! Как относились к роженицам! Как сестры или матери. Добрые, знающие, они многому научили меня. Я никогда не стеснялась советоваться с ними. Помню случай, когда после трудных родов женщина пролежала два месяца на щите в вынужденном положении. Весь коллектив роддома ухаживал и за ней и за ее ребенком. Когда однажды ребенок заболел, все сотрудники стали по очереди носить его на руках. В моих коллегах билось доброе человеческое сердце и они были людьми своего времени. Мы вместе радовались, когда после тяжелых и сложных родов, видели счастливую мать и здорового ребенка. Всем коллективом переживали неудачи».

Вместе с односельчанами радовалась Валентина Васильевна новой сельской школе, замечательному детскому комбинату, поликлинике. Выросли дети, появились любимые внуки. Всегда активная, она и в это время не стояла в стороне от замечательных свершений. Односельчане выбрали ее депутатом, в сельской администрации она отвечала за социальные вопросы. В самые трудные годы «перестройки» часто задавала себе вопрос: «Что произошло с моим народом, моей страной? Я не могу смотреть в глаза больным, обращающимся ко мне за медицинской помощью, потому что прежде должна спросить, какими средствами они располагают, чтобы купить лекарства. Очень многие не могут лечиться — просто не на что. Мы оказываем в основном неотложную помощь, а на курс лечения больные должны покупать лекарства за свой счет. Медики тоже должны сохранять присутствие духа, улыбаться, быть милосердными, месяцами не получая зарплату. Тревога в душе за будущее внуков и детей не дает покоя».

Оптимист по натуре, Валентина Васильевна замечает: «Несмотря на неопределенность с будущим, в нашем селе происходят радостные события. Это — строительство газовой котельной. Теперь наши внуки и внучки не мерзнут, а чувствуют себя хорошо в теплом, уютном помещении. Тепло пришло в школу. Это событие вызывает радость и удовлетворение не только в моей душе, но и в душах моих односельчан. Пятьдесят домов нашего села отапливается газом — это тоже замечательно. Наше село — это наша маленькая Родина и каждый из нас должен стараться сделать для нее что-то доброе, а значит — и друг для друга. Не может быть, чтобы мы вместе не выстояли, не выдержали!»

Не можем мы допустить, чтобы умерли доброта, патриотизм, благородство, самоотверженность. Не можем допустить, чтобы власть денег погубила в людях все самые замечательные человеческие качества. Мне осталось два месяца до пенсии, хотя, если будут силы, то буду еще работать, чтобы в современных условиях помогать людям. А все-таки хочется верить, что:

Вечной будет Родина моя,
Вместе с нею боль ее и слава.
Огромная, бескрайняя страна,
Великая, могучая держава!

И вечным будет наше село, и будут здесь работать замечательные люди, и будет подрастать замечательная смена. Хочется верить... В.В. Бахтина, 1997 год».

Смерть Валентины Васильевны оказалась полной неожиданностью для многих. Все привыкли видеть ее деятельной, улыбающейся. За несколько дней до смерти она общалась с нами на очередном заседании разновозрастного объединения «Отчий край». Слушая классическую музыку, потирала виски, стараясь избавиться от головной боли, и улыбалась: «Музыка лечит...». Такой я ее и запомнила в нашу последнюю встречу.

У Валентины Васильевны Вахтиной помимо работы было прекрасное увлечение — она писала стихи, искренние, честные и светлые.

Валентина Бахтина

* * *

Молоденькой девушкой в белом халате
И с сердцем горячим когда-то пришла
Ты в эту больницу и в тихой палате,
Впервые к больному тогда подошла.
Несмелыми, робкими были движенья,
Немного тревожно дрожала рука,
В лучистых глазах было море терпенья,
И зорькой светилась твоя доброта.
Бессонных ночей, криков, стонов немало,
Шприцы и системы, и снова шприцы,
Не чувствуя ног под собою, бывало,
С дежурств приходила и падала ты.
Другая б ушла, да ведь ты не другая,
Как солнышка луч разгоняешь ты тень
И в каждом больном часть себя оставляя,
Сестрой милосердья зовешься теперь.
Уверенно смелыми стали движенья,
Насколько добра и настолько тверда,
Всегда будь такой, и без тени сомненья,
Сестра милосердия — жизни сестра.

БЕРЕЗА

Сколько ты изведала,
Стройная и нежная,
Рождена для радости,
Жизнью не изнежена.
Сколько ран открытых
На твоих стволах.
Памятником стала
Скольким ты сынам.
Сколько мук ты видела,
Сколько слез,
Сколько в твоей памяти
Ожиданий, грез.
Много повидала ты,
Много исстрадала,

Горем не подломлена
И другой не стала.
Многих ты оплакала,
Не дождалась многих,
В вечном ожидании
У любой дороги.

* * *

Я понять тебя, мой милый, не сумела,
Хоть так просто сделать это мне казалось.
Но заря заката медленно дотлела,
Только память светлой юности осталась.
То не тучи между нами, право-слово,
То не буря унесла любовь большую,
Просто видела в тебе я все ж другого,
И во мне искал, как видно, ты другую.
Не жалеть бы мне совсем такой разлуки,
Жалко лишь, что молодость промчалась,
Впереди одни дожди и царство скуки,
Горстка пепла нам от нежных чувств осталась.
Не зажечь ведь снова то, что прогорело,
И березки в этом нам не виноваты.
Не взойдя над горизонтом, солнце село.
И остались лишь печаль и боль утраты.

«ДУХОВОМУ ОРКЕСТРУ Я ОТДАЛ ВСЮ ЖИЗНЬ»

Увлечение краеведением сблизило меня еще с одним замечательным земляком. Это — Илья Иванович Волецак. Если бы не он, то на родине Шатрова, возможно, и не было бы никогда детского духового оркестра. Автор многих песен о Землянске, замечательный педагог, основатель и бессменный руководитель Землянского детского духового оркестра — это не полная характеристика Ильи Ивановича. Отличительной особенностью его была природная толерантность. Он всегда верил, что в ребенке изначально больше хорошего, чем плохого. При подготовке концертов художественной самодеятельности к праздничным датам часто наблюдала, как «ставил на место» распалившегося подростка Ильи Иванович. Удивленно смотрел на него, искренне не понимая, как такой хороший ребенок, мог плохо вести себя?! Без единого всплеска эмоций, провинившийся садился за инструмент, глядя на педагога вопрошал: «А я — что, я — ничего...» и... начинал работать. И.И. Волецака уважали все дети прежде всего, потому, что он сам глубоко уважал в каждом из них личность. Говорят, что нравственные черты характера мы приобретаем именно в семье. Илья Иванович очень интересно рассказывал о своем детстве. У него непростая судьба.

В Землянске в 1915 году была основана колония военнопленных офицеров времен Первой мировой войны. В их числе оказался отец Ильи Ивановича, поляк по национальности. После революции сразу уехать на родину он не смог, остался в Землянске. Женился на верующей русской женщине. И.И. Волецак вспоминает: «Отец стал атеистом, но никогда не мешал верующим. Он говорил, что хорошо, когда человек во что-то верит, верующий человек не способен на пакость. Родители мои были добрые, умные люди. Отец в совершенстве знал немецкий язык, мог

объясниться и на английском. Никогда не повышал голос, а мне говорил: «Избавь Бог тебя от озлобления к людям!» Мать была ласковая, нежная. Я никогда не слышал, чтобы она о ком-то сказала плохо, напротив, она всегда старалась помочь людям. На нас, детей, никогда не поднимала руку, всегда убеждала словом.

Однажды, чтобы показать перед сверстниками свою удаль, я залез на самую вершину лозины, где грачи строили себе гнезда. Достал из одного гнезда яйца, раскачиваясь на лозине, пытался достать гнездо на другом дереве. За этим занятием застала меня мать. Она не ругала, не кричала, а спокойно попросила спуститься на землю. Когда я спустился, то чувствовал, что меня будут ругать. Но мама взяла меня за руку и заплакала, приговаривая, что меня Боженька накажет за то, что я разоряю гнезда птиц. Глядя на горько плачущую мать, я дал слово, больше этого никогда не делать. Другим ребятам часто повторял слова матери, убеждая их не разорять птичьи гнезда...

Приятные голоса сестры и мамы я всегда внимательно слушал. Когда они пели, я витал, словно в сказочных облаках. У меня был чистый звонкий голос, с раннего возраста меня учили петь, и я очень старался. С пяти лет я не только пел, но и плясал. Увлекался лошадьми. В шесть лет уже хорошо держался на лошади, помогал обрабатывать землю, боронил огороды. Брали меня взрослые пасти лошадей.

Раньше начинали учебу в школе с восьми и девяти лет. Со мной стали заниматься с шести лет. Жила у нас в доме учительница Агния Васильевна Полякова. За один год она меня подготовила так, что, когда мы приехали поступать в школу (мне было семь лет), меня сразу посадили во второй класс.

К этому времени я играл на балалайке. С балалайкой я и в школе не расставался. У Кохановского Александра Карловича был граммофон и, когда он ставил пластинки, на которых были записаны старинные вальсы, марши в исполнении духового оркестра, я замирал и ничего вокруг не замечал. Часами простаивал около клуба (а он находился там, где сейчас милиция) в ожидании, что кто-то заиграет на пианино. И вот однажды дождался. Я настолько заслушался, что не заметил, как подошла ко мне мама и спрашивает: «Что ты здесь делаешь?», а я даже не слышал ее вопроса, так увлекла меня музыка.

В 1934 году я должен был учиться в пятом классе, но отца посадили, как «неблагонадежного». Я с мамой переехал в Овсянниково и пропустил год учебы. Вскоре отца отпустили из-под стражи, и только в двенадцать лет пошел я учиться в пятый класс. Наши знакомые подарили мне рояльную гармошку, я начал осваивать ее самостоятельно. Через некоторое время уже играл по просьбе старших девочек танцевальную музыку и, конечно, страдания. На тринадцатом году своей жизни я был особенно счастлив, меня взяли учеником в духовой оркестр, которым руководил Лев Владимирович Сушков — замечательный педагог и человек. По его ходатайству меня зачислили в военную музыкальную школу. А в 1938 году отца опять арестовали и меня из музыкальной школы «попросили». Я приехал в Землянск. Так как некому было руководить духовым оркестром, доверили мне. Некоторые музыканты были намного старше меня, несмотря на это, они относились ко мне с уважением. Восьмой — девятый классы я в школе почти не бывал. Постоянно придирались, что срываю уроки, хотя я вел себя достойно, никогда с учителями не оговаривался. Нашлись добрые, замечательные учителя, которые не бросили меня на произвол судьбы: такие, как Антонина Тихоновна Бухонова, Анна Ивановна Меркулова, Евгения Владимировна Герасименко, Дмитрий Иванович Леженин, Ольга Васильевна Сопина, Георгий Васильевич Щуров. Все они бескорыстно, «нелегально» занимались со мной на дому.

В 1941 году мне разрешили экстерном сдать экзамены в Орджоникидзенское военное автомобильное училище. Иногда три — четыре раза за ночь нас, курсан-

тов, поднимали по тревоге на борьбу с немецкими десантниками. Мало занимались по специальности, больше прочесывали Брянские леса, охраняли железнодорожные мосты, заводы. В августе 1941 года меня во время бомбежки ранило в ногу, и вернулся я в Землянск на костылях. Стал заниматься духовым оркестром. Первое время за мной приходили ребята- «духовики» и носили на руках в клуб. Как только стал самостоятельно передвигаться, начал помогать колхозу. Везил на лошади с поля на усадьбу снопы, а по вечерам играл в духовом оркестре.

В декабре 1941 года меня снова мобилизовали. После короткого учения в полку я попал в 371 стрелковую дивизию под Ржевом Калининской области. Ходил дважды в атаку, многие полегли навсегда, но я остался цел и невредим. Когда нас вывели с поля боя, меня зачислили во взвод разведки. Был ранен, контужен, но подлечивался и снова шел в бой. Так дошел до Кенигсберга, ныне Калининграда. В конце апреля 1945 года нашу часть погрузили в эшелоны, и пошел слух, что нас бросят на Берлин. Оказалось, повезли нас на Дальний Восток. Таким образом, я повидал и китайцев, и корейцев, и японцев, но уже в составе ансамбля 5-й армии.

В конце 1946 года меня демобилизовали как негодного к строевой службе. За участие в военных действиях я награжден орденом Отечественной войны, двумя медалями «За отвагу», «За Победу над Германией», «За штурм Кенигсберга», «За Победу над Японией». Как ни стараюсь забыть ужасы войны — до сих пор они снятся мне.

По возвращении на родину вновь занялся любимым делом. Председатель Землянского райисполкома Ишков дал мне денег и вместе с Усачевым В.П., комсомольским секретарем, послал в Москву закупать духовой инструмент.

7 ноября 1947 года в Землянске заиграл духовой оркестр. Те годы были голодными, но к оркестрантам относились с вниманием. Ишков распорядился выделять каждому участнику оркестра муку, хлеб, крупу.

С 1952 года я работал и в Землянском детском доме и в клубе — художественным руководителем духового оркестра. Духовой оркестр не раз занимал первые места на смотрах. Работал я в средней школе учителем пения. В школе организовал струнный оркестр и большой хор, аккомпанировал на аккордеоне солистам. Оркестр играл почти каждый день.

8 летние погожие дни, по вечерам, популярно было массовое гуляние на площади. Называлось это место гуляния — Болвановка. Оркестр играл в Городском саду, в непогожие дни оркестр играл в клубе. В клуб на танцы ходили люди всех возрастов. Бабушки и дедушки танцевали с внуками. Каждую неделю духовой оркестр играл в Доме отдыха в Семидубравном.

В интернате организовал детский духовой оркестр. Все праздники, а их было очень много, оркестр играл для танцевальной группы и аккомпанировал хору, и все сценарии сопровождал духовой оркестр. Для оркестра я писал и свою музыку. И сейчас в нашем репертуаре есть эти песни: «Помни учителя», «Дружба», «Школьная дружба», «Песня о родной школе», «Аннушка» и другие.

С 1974 года я работаю в Землянской детской музыкальной школе, поначалу учил ребят игре на баяне и аккордеоне, позднее стал работать учителем по классу «духовое отделение». Очень много раз мы выступали с духовым оркестром на конкурсах и фестивалях. Получали признание зрителей, много наград. Однажды в Воронеже на открытой площадке около Дома офицеров выступали лучшие духовые оркестры области и города. Все музыканты были взрослыми, только один Землянский духовой оркестр был детским. Выступление наше было заключительным. Увидев моих оркестрантов, многие заулыбались: «Из какого детского сада ты взял этих музыкантов?» Но стоило только заиграть, все замерли. Наше выступление прошло «на бис», а когда мы сходили со сцены, взрослые сводным оркестром играли нам «туш».

Надежды маленький оркестрик...

Духовому оркестру я отдал всю жизнь, прививая любовь детям к духовой музыке. Я старался воспитывать у своих учеников дружбу, уважение к людям, терпимость к недостаткам других, доброту, скромность. Я счастлив и доволен тем, что мой труд некоторым помог в жизни. Профессор Болдырев А., мой ученик, при встрече, поднимает меня, приговаривая: «Дорогой ты мой учитель». Лазебный В., когда я бываю у него на приеме в областной больнице, всегда всем представляет меня: «Это мой учитель». Среди моих учеников есть профессионалы — Лемешев А., Филатов И., а есть просто музыканты-любители. Многие ребята по окончании музыкальной школы, военную службу проходили в духовых оркестрах. Среди бывших учеников есть врачи, шоферы, инженеры, учителя, военные, и все они при встрече с любовью вспоминают время занятий в духовом оркестре. Сейчас я по-прежнему работаю в детской музыкальной школе, ищу себе замену. И. Вольщак, 1997 год».

Совсем недавно Ильи Ивановича не стало. Его провожали в последний путь всем селом. Как выяснилось, найти замену Илье Ивановичу до сих пор невозможно. А говорят, что незаменимых людей у нас нет...

«ЛЮБОВЬ К КНИГЕ ПОМОГЛА МНЕ»

Культурная жизнь Землянска богата примерами личных библиотек. Фамилии книголюбов Павленковых, Ростовцевых, Адамовых, Гороховцевых и других почитаемы и хорошо известны современникам. Но профессиональным библиофилом из этого списка был только Владислав Анатольевич Потапов. К тому же он прекрасно рисовал. Известны написанные им портреты сказительницы А.К. Барышниковой, В.М. Бахметьева.

Как появилось необычное увлечение? Владислав Анатольевич вспоминает: «Любовь к книге возникла у меня с раннего детства. Книгу я предпочитал и игрушкам, и сладостям, и вкусной пище, и красивой модной одежде, и другим удовольствиям, став взрослым. Обидно, что собранная мною довоенная домашняя библиотека утрачена. Но как только вернулся к мирной жизни, стал собирать новую.

Любовь к книге помогла мне освоить мирную профессию продавца книжного

магазина. Хотелось донести людям все то богатство, которое таит в себе волшебный мир книги. Изучая запросы населения всех категорий, я регулярно собирал информацию о выходе из печати книг и делал соответствующие заказы. В результате в магазине имелась всегда нужная литература, которая быстро распродавалась. Кроме реализации через магазин, много книг распространяли книгоноши в школах, сельских магазинах и просто среди населения. В августе я обычно развозил учебники и другую литературу по школам на книжной автолавке. Рассылая библиофилам списки имеющихся в продаже наиболее популярных книг, я получал заказы из многих городов Союза ССР и высылал требуемые книги почтой наложенным платежом. Итогом такой интенсивной торговли было то, что товарооборот одного моего магазина равнялся товарообороту всех остальных магазинов района вместе взятых. За это неоднократно мой труд поощрялся Воронежским облпотребсоюзом.

С января 1966 года я перешел работать библиотекарем в Землянскую среднюю школу. В первую очередь я занялся комплектованием книжного фонда библиотеки. Добился, чтобы средства по статье приобретения книг использовались только по прямому. Строго следил за бережным отношением учащихся к книге, просматривая при возвращении каждую, проводил беседу, рассказывал по классам о пути книги от автора до читателя.

В процессе работы, согласно школьной программе, составлял и вывешивал рекомендуемые списки книг по внеклассному чтению для каждого класса. Регулярно оформлял плакаты, посвященные отдельным писателям, где рисовал его портрет, писал краткую биографию, перечислял основные произведения и список книг о нем и его творчестве. Эти плакаты учителя литературы часто использовали как наглядные пособия на уроках. Около входа в библиотеку висел «Календарь знаменательных дат», на котором помещался под стеклом портрет юбиляра или плакатик, отражающий то или иное событие, праздник, их календарные даты, краткое описание и обязательно — перечень книг, посвященных этому событию.

На базе нашей библиотеки организовывались семинары библиотекарей школ Землянского «куста». В классах часто, кроме библиотечных уроков, проводились беседы о выдающихся живописцах, истории создания картин и их содержании. В результате Всесоюзного смотра школьных библиотек наша библиотека получила бесплатный комплект очень хороших книг, в том числе собрание сочинений Ф. Купера в шести томах, а я был награжден Почетной грамотой Министерства Просвещения РСФСР.

По мере своих материальных возможностей я продолжал пополнять свою домашнюю библиотеку, которая в настоящее время содержит примерно пятнадцать тысяч экземпляров. Это, прежде всего, собрания русских классиков и советских писателей, зарубежных классиков, справочная литература (энциклопедии, энциклопедические словари и др.), книги по литературоведению, по искусству (живопись, музыка, театр, кино и др.), о спорте (всех видов, в том числе по шахматам, по охоте и рыболовству), о животном и растительном мире, по садоводству, огородничеству, пчеловодству, домоводству, цветоводству, по медицине, по истории и др. Много детской литературы, так как я считаю: любовь к книге надо прививать с самых ранних лет, а вернее — с раннего возраста. Много поэтических сборников и собраний, в том числе «Поэтическая библиотека школьника», двухсоттомник «Всемирной библиотеки», пятьдесят с лишним томов «Всемирной детской библиотеки» и многое другое.

Моя библиотека состояла на учете во Всесоюзном обществе любителей книги. Ко мне по рекомендации этого общества приезжал в 1981 году собственный корреспондент газеты «Советская Россия», после чего была опубликована статья под заголовком «Читатели и почитатели».

Публикации о моей библиотеке были помещены в областном «Блокноте агитатора» и неоднократно в районной газете, а также в районной газете г. Боброва по случаю проведения там Всесоюзного совещания работников культуры. В.А. Потапов, 1997 год».

Неоднократно Владислав Анатольевич Потапов признавался, что любовь к книге привили ему в семье. Даже «первая игрушка» была своеобразной — газетка, буквы, оживавшие словом. Велика роль мамы — педагога К.В. Образцовой.

В годы Великой Отечественной войны В.А. Потапов служил в транспортной авиации. Выброска десанта, разведчиков, помощь партизанам оружием и продовольствием — это неполный перечень его военных будней. В июне 1945 он прибыл в Берлин в штаб маршала Г.К. Жукова для переброски

Генерального личного состава в Москву с целью подготовки к Параду Победы. Два ордена Красной Звезды, медаль «За победу над Германией», Орден Отечественной войны I степени... — награды ветерана Министерства обороны СССР. В юбилейный год Победы Владислав Анатольевич, услышав, что на торжества практически нет денег в местном бюджете, купил за свой счет около двух десятков ватманских листов и организовал в школьном музее выставку о городах-героях нашей Родины. Сам оформил стенды, сам готовил экскурсоводов, тщательно экзаменовал их, сетуя, что современные школьные программы так скупо описывают события военной истории. Это было незабываемое событие. Когда у посетителей возникали вопросы, Владислав Анатольевич со свойственной ему энциклопедичностью подробно освещал событие. Вызывало удивление одно, как вся эта информация укладывается в одной голове? Некоторые школьники, после общения с ветераном, выбирали профессию историка.

Читая вновь воспоминания землянцев, вспоминаю о силе духа наших земляков, их вере в величие России. Может быть, в этом и кроется основной смысл нашего гражданского существования: честно трудиться, любить свою Родину, быть преданным сознательно выбранной профессии, иметь здоровые увлечения, делать жизнь вокруг добрее, светлее, значимее!

Эдуард Ефремов

ЗА СВОБОДОЙ ДЛЯ СЕБЯ И ДРУГИХ

(Живопись протоиерея Василия Попова)

Почти восемьдесят лет идеологи-атеисты водили нас по духовной пустыни. Многие пастыри России были или расстреляны, или отправлены в тюрьмы. Устроители перестройки вряд ли ожидали, что после десятилетий, искоренивших Православие, эта вера оказалась столь востребованной народом. Повсеместно стали восстанавливаться разрушенные храмы, строиться новые. Только странное дело: свобода и демократия для кого угодно, но не для православных. По-прежнему во главе угла — «церковь отделена от государства». Бесконечные пустые споры об отсутствии в России общенациональной идеи, которая повела бы народ по пути созидания добрых дел. Будто пришедшие к власти не знали из истории — утверждение веры православной определило мощь государства Российского.

Каково же было удивление, когда оказалось, что с верой в Бога жили не только отживающие свой век старушки — молодежь ринулась в храмы! Не забуду встречу с университетским доцентом, преподававшим мне в студенческие годы основы научного коммунизма. Слезы бежали из его глаз от «безутешного горя»: сын, воспитанный в духе коммунизма, с отличием окончивший вуз и поступивший в аспирантуру, вдруг «тронулся умом» и... ушел в монастырь:

— Представляешь, что он мне сказал: «Я так поступил во имя спасения России».

На волне перемен в числе первых новых духовных спасателей России оказался и протоиерей Василий Попов, благочинный Семилукского церковного округа. Мы знакомы с 1994 года, с тех пор, когда он после служения в Покровском соборе по благословению митрополита Воронежского и Борисоглебского Мефодия вступил в ректорство духовной семинарии. В Успенский храм, настоятелем которого стал отец Василий, потянулась интеллигенция Воронежа — учителя, писатели, художники, ученые. После службы обязательно собирались в одном из классов семинарии: вопросы батюшке, диалоги, импровизированные «круглые столы». Так от занятия к занятию здесь формировался неформальный центр по оцерковлению жаждущих познать Истину.

В юности в отличие от большинства сверстников отец Василий не состоял в комсомоле. Не потому, что был верующим — дорогу в храм тогда еще не знал. А потому, что считалось: комсомол — превыше всего! А он искренне определил себя недостойным быть в его рядах. Понимал: есть еще какие-то особые люди — светлые, добрые, безо всякой принадлежности к партии, политике. Таким человеком на жизненном пути будущего священнослужителя стал художник Аркадий Павлович Васильев. На

все лето приезжал тот со своей семьей в Гремячье — «в творческую командировку», снимал у соседей ветхий сарай и писал картины. Водопой коней в лучах заходящего солнца... Уборка сена... Мама, управляющаяся по хозяйству... Куры, разгребаящие пыль... Эта обыкновенная деревенская жизнь волшебным образом сходилась с кисти художника, ложилась на полотно и сразу обретала какую-то невероятную красоту, приобщала к тайне великого смысла. Все ребяташки разом возмечтали стать художниками! Аркадий Павлович доводился кому родней, кому близким знакомым — легко быть рядом с ним, радостно. Отец Василий считает, что первый толчок к возвышенному, прекрасному получил во время «уроков» Васильева.

Довелось ему поучиться изобразительному искусству и у профессиональных преподавателей. Соседский мальчишка ездил в Воронеж заниматься в студии Николая Асташева. Стал студийцем и Василий. Когда сдавал рисунок и композицию при поступлении в художественно-графическое училище, то знаменитый мастер кисти Михаил Лихачев то ли в шутку, то ли всерьез заметил: «А тебя чему учить? Ты уже вполне состоявшийся художник!» Отучился Василий год — и служба в армии. Там впервые почувствовал духовную красоту православия, и пришли эти чувства, как ни странно, от замполита и других офицеров части. Нет, они не вели бесед о религии, но считали своим долгом организовать для солдат экскурсии в Сергиев Посад, показать другие исторические места, где обязательно обращали внимание на церковное благолепие.

Если красота, то зачем ее было рушить? Так спрашивал Василий себя и делал наброски увиденных храмов, разрушенных монастырей. Вернувшись из армии в училище к продолжению постижения мастерства, он пишет храмы Воронежа. Растет интерес художника к архитектуре, к гармоничному сочетанию творений природы с творением рук человеческих. Он считался одним из лучших студентов. И вдруг забирает документы из училища и поступает в Московскую духовную семинарию.

Причина? Трудно сказать... Отец Василий считает, что в свое время встреча с бывшим наставником Николаем Асташевым вдруг четко и ясно определила, как надо жить дальше, к чему стремиться. Он понял, что жизнь ему дана для предстояния пред Господом и служения Господу, а, следовательно, и людям.

Позже, в годы служения в семинарии, встречался Попов с Василием Павловичем Криворучко, художником, писавшим Святую Русь, воинов Поля Куликова, который, казалось, сам будто вышел из того давнего святого времени, и сокрушался, что так мало знает о духовной жизни России, что много времени потерял и слишком поздно в церковь по-настоящему пришел. Вот как важно вовремя найти свою дорогу к храму. Или другой пример. Как-то под Воронежем отдыхала любимая народом певица Валентина Толкунова — она неоднократно бывала на службах в храме отца Василия. В один из приездов ее сопровождала семья родного брата. Под влиянием сестры брат со своей супругой решили обвенчаться — венчал батюшка Василий.

В конце 90-х годов прошлого столетия для многих воронежцев настольной стала книга «Православие и свобода» — итог поисков и размышлений отца Василия. Как

современна она была во время яростной пропаганды лжесвобод и «демократии», во время обострившихся нападков на православие! Вот некоторые извлечения из написанного отцом Василием в этой книге:

«Образ Божий в человеке — неустранимая данность, он источник свободы и нравственного чувства — совести...

Никакое внешнее переустройство общественной жизни не способно освободить человека от мира зла и неправды. Свидетельством о Христе, защитой христианской веры и жизни апологеты первых веков указывали языческому миру единственную возможность преодоления зла...

Никто из иерархов и Святителей Церкви не помышляет о том, чтобы «закон жизни во Христе» мог быть низведен в гражданский кодекс, подобно закону Моисея или Шариату в исламе...

Церковь призвана «воцерковить» мир, просветить его светом Истины... Путь к преобразению жизни общественной святые отцы полагали в «воссоздании» человека...

Истинная власть принадлежит одному Богу... Божественная власть неотделима от Божественной любви...

В православном понимании христианин остается лояльным по отношению к мирской власти до тех пор, пока она действует в пределах, положенных земной властью, не посягая на власть Божественную. То есть, не посягая на душу человека. Если власть требует от человека нарушения Божественных заповедей, то она уже не власть, а бесовский соблазн...

В предшествующие века христианское государство находилось в союзе с Церковью. В настоящее время, когда государство имеет в своем составе народы разных исповеданий и вер и людей вообще религиозно индифферентных или атеистов, конфессиональное государство стало невозможным... Отделение Церкви от государства следует принять не только как историческую неизбежность, но и усматривать в этом Промысел Божий. Христианское государство, обеспечивающее «господствующее» положение Православной Церкви, оказывалось для нее и оковами...

Встреча с Валентиной Толкуновой

Нарушения равновесия в отношениях Церкви и государства видели святители, подвижники Церкви — стояли за невмешательство духовенства в светские дела, а гражданских властей — в дела церковные, то есть практически за отделение Церкви от государства...

Пред Господом все равны — и власть, и ее подданные. Но чувствуют ли это равенство, эту Божью любовь друг к другу «низы» и «верхи»?..

В христианском сознании свобода духовная и святость жизни были понятиями по сути тождественными, ибо истинная свобода — свобода от греха — и есть святость. Вне религиозно-нравственного контекста вопрос о свободе не имел смысла: познайте истину и истина сделает вас свободными...».

Сознательно столь пространно цитирую отца Василия, чтобы читающий почувствовал простоту и ясность донесения батюшкой мысли о главном.

Беседы с ним о его благочинии — мысли о будущем России. Именно настоящая Россия с ее малыми и великими проблемами постигается им через приходы Семилукского и Нижнедевицкого районов. По благословению митрополита Воронежского и Борисоглебского Сергия отец Василий является руководителем отдела религиозного образования и катехизации епархии. Почти постоянно находится в разъездах по приходам: встречи с учителями, молодежью, работниками вузов. Беседы, лекции, проведение конкурсов, олимпиад...

Он не устает повторять: люди кругом — замечательные! Вот Избищенский приход. В храме Вознесения почти сорок лет настоятелем служит протоиерей Борис Узаревич. Пример духовника епархии, как надо служить Господу. К нему на службу приезжают со всех концов области, из многих городов России. Здесь видна школа Амфилохия Почаевского, святого, у которого с детских лет окормлялся отец Борис... А молодой отец Константин из села Латное жизнь прихода обустроил так, что у него в церкви один из лучших хоров. Отец Александр из Старого Ольшана делает все возможное, чтобы в его родном селе прихожане оставались верными крестьянскому труду, чтли славную историю... В Ендовище с приходом бывшего физика, ставшего отцом Сергием, и служба в храме началась, и жизнь обрела больше оптимизма... К святым могилам чтимых в народе молитвенников, к намоленным иконам, к святым источникам едут воронежцы в храмы приходов Тернового, Девицы, Березовки, Землянка и других сел.

Недавно в Воронеже состоялась выставка работ протоиерея Василия Попова. Через свои картины, через изобразительные средства он как бы продолжает развивать тему свободы, счастья и человеческой совести, о чем размышлял в книге «Православие и свобода» как философ и писатель. Молитвенное отношение к творчеству дает ощущение теплоты осеннего солнца, предрассветного тумана над Доном, нежность сирени, погруженной в изумруды росы, подвигает к написанию образов мамы, учителей, земляков, прошедших Великую Отечественную войну...

Отец Василий давно и серьезно увлекается иконописью. В семинарии в свое время благодаря ему было открыто иконописное отделение. Художником написаны иконы Спасителя, Тихвинской Божьей Матери, Иоанна Крестителя, святого князя Владимира для Покровского собора Воронежа, храмовая икона Казанской Божьей Матери — в Новой Усмани, шесть икон — в семилукском храме, строительство которого он завершил и постоянно совершенствует его благолепие.

Будучи настоятелем храма святителя Митрофана Воронежского в Семилуках, отец Василий сумел достичь в росписи церкви удивительной гармонии. Божественное присутствие здесь во всем: в сочетании строгости и небесной воздушности, в весеннем цветении и в изумруде трав, а, главное, в возвышенности человеческого верования. Когда душа и глаз вбирают в свои глубины это единение красоты и святости, понимаешь, что ты наконец нашел в одном лице и духовного наставника и талантливого художника, однажды пришедшего к православной вере за свободой для себя и других.

Виктор Белов

ЗАБЫТЫЙ ВАЛЬС ШАТРОВА

Вальс Шатрова «На сопках Маньчжурии» знает весь мир. Помечается же он всюду как старинный. Порой и фамилия автора не указывается. А между тем он, автор, еще в 1948-1950 годах служил на Кавказе и руководил военным оркестром.

А родился Илья Алексеевич в маленьком уездном Землянске Воронежской губернии в семье отставного унтер-офицера лейб-гвардии Алексея Михайловича Шатрова. Мальчик рано осиротел. И лишь по счастливой случайности попал в Варшавскую консерваторию, которую окончил в 1904 году.

Став военным капельмейстером, с 214-м Мокшанским полком он оказался у стен города-крепости Мукден. И сразу в бой. Одиннадцать дней длилось сражение. Враг сомкнул кольцо вокруг поредевшего полка. И тогда грянул оркестр. С развернутым знаменем полк, а вернее, сотня оставшихся в живых храбрецов во главе с поручиком Шатовым, пробиваясь, вышел из окружения.

Капельмейстер был потрясен боем, мужеством русских солдат. С болью в сердце он видел, что бесчисленные жертвы принесены в угоду царскому самодержавию, командование которого вместо боеприпасов и продовольствия посылало на фронт иконы. В первую же ночь Шатров написал музыку, которая вобрала в себя всю его скорбь по России, гордость ею, нежность к ней... Первыми услышали вальс сами Маньчжурские сопки.

Тихо вокруг,
Лишь ветер на сопках рыдает,
Порой выплывает луна из-за туч,
Могилы солдат озаряет...

В 1917-м Шатров дирижирует солдатским оркестром, исполняющим «Интернационал». В годы гражданской войны гремит «Марш Буденного». В это время его вальс исполняется редко. А в 1941-м он снова зазвучал у военкоматов, на перронах вокзалов, в прифронтовых лесах...

В 1950 году в город Новохоперск прибыл сотый запасной полк. Музыкальным взводом в нем руководил Илья Алексеевич Шатров, в ту пору капитан. Ни один концерт духового оркестра не обходился без исполнения вальса «На сопках Маньчжурии». Дирижировал автор.

С тех пор минуло немало лет. Однажды мы, организатор местного радиовещания, страстный краевед-любитель Александр Алексеевич Соломинцев и пишущий эти

строки, беседовали с Семеном Карповичем Просинюком, когда-то игравшим на кларнете в оркестре Шатрова. Семен Карпович делился воспоминаниями, называл места, где проходили концерты. Я ему заметил, дескать, видите, достаточно создать один вальс и можно обессмертить свое имя. И тут наш собеседник сказал:

— Да нет, ребята. У него есть и другие вещи. Что-то мы играли еще. Точно помню — вальс, а вот какой, увы...

Просинюку шел тогда восьмой десяток, а разговор был в 1975-м. В отношении тех, кто еще участвовал в оркестре, ответ сводился к тому, что «...одни ушли, а те дале-че...». Но тем не менее это был повод для серьезной поисковой работы. Одни нити обрывались, другие — возникали. И, как это часто бывает, «клад» оказался рядом. Выяснилось, что баянист Новохоперского Дома пионеров Петр Семенович Самойленко служил в Кировабаде в музыкальном взводе, и там под руководством Шатрова исполнялся второй вальс композитора — «Голубая ночь над Порт-Артуром».

— А сохранились ли ноты?

— Да, сохранились. Но запись в таком виде, что я и сам не разберусь. Имелись и слова, утерял, а так не помню.

Бережно собираем четыре листочка, когда-то бывшие единым целым, и отправляемся к директору музыкальной школы Юрию Андреевичу Сапронову, который сам теперь сочиняет музыку, а мальчишкой он тоже слушал Шатрова. Повозиться Юрию Андреевичу пришлось немало, но вальс он восстановил.

Когда был создан этот вальс? В различных справочниках о нем вообще нет упоминаний. Однако вот что читаем в материале специальных корреспондентов ТАСС О. Московского и В. Степанова «Вальс снова в строю», появившемся в печати весной 1977 года.

«...Свой последний вальс «Голубая ночь» композитор Шатров создал в 1950 году на Кавказе, где он служил военным дирижером духового оркестра в одном из гвардейских полков. Но издать ноты Шатров не успел». Далее сообщалось: «...Рукописные ноты, казалось, затерялись безвозвратно и произведение потеряно. Наконец долгие поиски, которыми занимались поклонники творчества Шатрова, привели в город Новохоперск к баянисту Дома пионеров П.С. Самойленко. Раньше он служил в духовом оркестре вместе с Ильей Алексеевичем, часто исполнял вальс «Голубая ночь» и сберег ноты.

Один экземпляр размноженных нот был передан в Тамбове военному дирижеру офицеру С.В. Степину. И вот впервые после долгого перерыва мелодичный вальс прозвучал на тамбовском фестивале патриотической музыки, посвященном 60-летию Великого Октября.

Недавно выяснились некоторые подробности и об авторе слов к вальсу «Голубая ночь». Рукописный текст вальса оказался у куйбышевского коллекционера Н.Т. Аннаева, которому его послала в письме вдова композитора. Но кто его написал, Аннаев тоже не знал долгое время. Потом стало известно, что автор слов А. Кузьмичев. Фамилия распространенная, сколько их по стране! Однако и на этот раз поиски оказались успешными. Они привели в Минск, где живет майор запаса писатель А.П. Кузьмичев. Мы позвонили ему, Анатолий Петрович с волнением рассказал, как создавались слова к вальсу «Голубая ночь».

— В послевоенные годы мне довелось работать в Тбилиси специальным корреспондентом газеты Закавказского военного округа «Ленинское знамя». В свободное время я увлекался стихами. Однажды меня пригласил редактор газеты и предложил: «Вчера встречался с Шатовым, который создал новый интересный вальс... Попробуйте написать к музыке слова... Здорово будет, если получится...»

После разговора с редактором я сразу же отправился в гостиницу, где остановился приехавший из полка Шатров. Мы познакомились. Я попросил Илью Алексеевича исполнить вальс на рояле, который стоял тут же в номере. Композитор подсел к роялю. Я был очарован: и вальс отличный, и исполнял его Шатров превосходно!

В песнях народы
Будут долгие годы
Славить наших отцов,
Павших в жарких боях...

Казалось, всю душу вложил в стихи фронтовик Кузьмичев, бывший командир минометного расчета, участник многих боев, удостоенный за ратные подвиги десяти наград Родины.

После войны Анатолий Петрович стал военным журналистом, а впоследствии и известным писателем».

Ознакомившись с этой статьей, я в свое время вспомнил, что, когда после беседы с Семеном Карповичем Просинюком мы нашли ноты у Петра Семеновича Самойленко, у нас была мысль: а не ломимся ли мы в открытую дверь? У кого-то этот вальс (а также и слова), вероятно, сохранился тоже, и в более приличном виде. Но, как теперь совершенно ясно, мы, оказывается, имели дело с единственным экземпляром нот «Голубой ночи». К тому же — написанным не рукой самого композитора. Вот уж действительно задумаешься: не заведи мы тогда разговор с Просинюком, не найди Самойленко... Удивляет несколько и то, что ноты не сохранились ни у автора слов к вальсу, ни у супруги Шатрова. Конечно, мне приятно сознавать и свою причастность к поиску нот вальса «Голубая ночь над Порт-Артуром», и то, что с Юрием Андреевичем Сапроновым и Александром Алексеевичем Соломинцевым я был в числе первых, услышавших это произведение через 25 лет после создания. Да и вообще мы его прежде не знали. И не правы спецкоры ТАСС, утверждая, что этот вальс после длительного перерыва вновь зазвучал впервые в Тамбове в 1977 году. Нет, публично на большом вечере он прозвучал в Новохоперской музыкальной школе в том же 1975 году в исполнении преподавателя этой школы Бориса Николаевича Бусова. Правда, без стихотворного текста. Но не в этом, как говорится, суть дела. Главное: вальс жив, сохранился. Теперь ноты можно увидеть и в книге Василия Кирилловича Степанова «Капельмейстер Илья Шатров», выпущенной Центрально-Черноземным издательством в 1978 году.

Все-таки не случайно этот рассказ я озаглавил «Забывтый вальс Шатрова». Может быть, творец музыкального шедевра «На сопках Маньчжурии» и не считал удачной вещью свой последний вальс. Но ведь это тоже вальс Шатрова!

Борис Окунев

ЛЕРМОНТОВ В СЕМИДУБРАВНОМ

Жизнь и творчество М.Ю. Лермонтова продолжают волновать нас до сих пор. Среди многих работ воронежских историков и литературоведов, посвященных великому русскому поэту, выделяется статья Бориса Гдальевича Окунева, в которой автор подробно рассматривает недолгое пребывание Лермонтова в селе Семидубравном Землянского уезда Воронежской губернии. Внимательное отношение к историческим и биографическим деталям, живая интонация научного рассуждения делают это небольшое исследование увлекательным и интересным для широкого читателя.

Поистине большим событием в культурной жизни явился выход в свет уникальной по своему характеру книги «Лермонтовская энциклопедия». Ее содержание составили богатейшие сведения о великом русском поэте. Специальный раздел этого коллективного труда посвящен описанию многочисленных лермонтовских мест, воспроизведению маршрутов поездок поэта по стране. Среди различных географических названий, связанных с жизнью и творчеством Лермонтова, здесь значится и Воронежская область. Автором статьи о Воронеже как памятном лермонтовском месте является литературовед Г.В. Антюхин. Еще раньше, в 1960-х годах, Г.В. Антюхин, используя новонайденные и забытые материалы, написал ряд статей и очерк о пребывании Лермонтова в Воронежском крае. Вместе с другими литературно-художественными очерками о культурной жизни старого Воронежа он вошел в его книгу «Встречи на Воронеж-

ской земле». В ней впервые было сказано о селе Семидубравном, как о забытом лермонтовском месте.

Конечно, воронежские краеведы знают, что у М.Ю. Лермонтова в отличие от Кольцова и Никитина не сложилось с Воронежем устойчивых связей, что неоднократные приезды поэта в наш город объясняются его географическим положением, так как через Воронеж проходил один из главных путей, связывающих центр России с Кавказом.

Следы посещения нашего города поэтом в качестве дорожного гостя сохранились в скупых хрониках «Воронежских губернских ведомостей». Но все же один случай приезда Лермонтова на воронежскую землю оказался более щедр на подробности и прибавил ряд интересных сведений к научной биографии поэта.

Речь идет о коротком визите автора «Демона» и «Героя нашего времени» в село Семидубравное бывшего Землян-

ского уезда Воронежской губернии к своему товарищу по лейб-гвардии гусарскому полку А.Л. Потапову.

Владелец Семидубравного — Александр Львович Потапов (1818—1886 гг.), внук воронежского губернатора екатерининского времени — происходил из знатной генеральской семьи. Потаповым принадлежал некогда великолепный дворец на Большой Дворянской улице Воронежа, построенный в стиле русского барокко, напоминающий известные сооружения Б.Ф. Растрелли (ныне в нем помещается музей имени Крамского). В начале XIX века Потаповы жили уже в деревенской усадьбе, в которой и суждено было гостить великому поэту.

А.Л. Потапов учился в той же Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, которую в свое время окончил и Лермонтов. Затем он служил вместе с Лермонтовым в лейб-гвардии гусарском полку, расквартированном в Царском Селе.

Вспоминая позднее о далеких годах своей близости к поэту и о своих личных опытах в сочинительстве (Потапов в юности пробовал писать стихи), этот бывший лермонтовский однополчанин говорил в частной беседе и письмах о Лермонтове как о своем «незабвенном товарище и друге». Но каковы бы ни были их подлинные взаимоотношения, известно, что Лермонтов посвятил своему сослуживцу стихотворение «Расписку просишь ты, гусар», в котором дана шутивная дружеская оценка поэтических дебютов Потапова. Кроме того, сам Потапов утверждал, что ему посвящено и другое стихотворение Лермонтова — «Не верь себе» (достоверность этого опираются лермонтоведы).

К сожалению, А.Л. Потапов не оставил мемуаров о Лермонтове, но некоторые интересные сведения о поэте он сообщил П.А. Висковатому — известному литературоведу и первому биографу Лермонтова. Тот же использовал их при написании своей книги «М.Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество» (1891 г.).

Так благодаря А.Л. Потапову и

П.А. Висковатому мы знаем, что во время визита в Семидубравное Лермонтов сочинил музыку для своей «Казачьей колыбельной песни» и что в имени Потапова находились написанные рукой поэта ноты песни (этот факт отмечен ныне в замечательной статье Ираклия Андроникова — прелюдии к «Лермонтовской энциклопедии» — «Образ Лермонтова»).

Само же сообщение о приезде Лермонтова в Семидубравное появилось в 1877 году. В четвертом номере «Донской газет» за тот год был опубликован рассказ «Случай из жизни М.Ю. Лермонтова», подписанный криптонимом «Гр...». Повествуя о приезде Лермонтова в Семидубравное, автор рассказа отмечает, что о всех сообщаемых им подробностях он узнал из уст А.Г. Реми — попутчика Лермонтова в этой дороге, служившего затем в Новочеркасске и погибшего в 1871 году в результате железнодорожной катастрофы.

Александр Гаврилович Реми (ок. 1809 — 1871 гг.) был тоже однополчанином Лермонтова по лейб-гвардии гусарскому полку. В связи с тем, что его сообщение о визите поэта в Семидубравное помещено на странице печатного издания спустя шесть лет после смерти в пересказе «Гр...», оно нуждается в проверке на достоверность. Обратиться к этому меня заставило и обнаруженное некоторое хронологическое несоответствие, закрававшееся в текст.

Так как с момента появления рассказа прошло более ста лет и с той поры он нигде не воспроизводился, нелишне будет познакомить с ним современного читателя. Вот этот рассказ:

«Случай из жизни М.Ю. Лермонтова.

Погибший в 1871 году ужасною смертью генерал Александр Гаврилович Реми, служивший на Дону в 40-х годах войсковым дежурным штаб-офицером, а в 60-х годах состоявший при войсковом атамане, рассказывал о поездке своей в 1841 году из Петербурга на Дон, которую он сделал вместе с этим Мих. Юрьевичем Лермонтовым, отправлявшимся в ту пору на Кавказ.

В 30-х годах лейб-гусарским полком командовал М.Г. Хомутов, занявший в 1839 году должность начальника штаба войска Донского. В ту пору в лейб-гусарском полку Реми был эскадронным командиром, а Лермонтов и А.Л. Потапов — субалтерн-офицерами. Когда Хомутов сделался начальником штаба, то написал в Новочеркасск Реми для занятия должности дежурного штаб-офицера. Прежде выезда Реми из Петербурга Потапов уехал оттуда в свою воронежскую деревню, упросив своего эскадронного командира, захватить к нему в деревню на несколько дней. Реми стал собираться в путь. Пристает к нему Лермонтов, просит взять его с собою. Реми, знавший хорошо вздорливый и придирчивый характер поэта (до того он едва не подрался с ним из-за какого-то пустяка на дуэли, — товарищи-офицеры едва сумели помирить), он всеми способами старался отделаться от этой компании, справедливо предполагая, что Лермонтов не обойдется в дороге без какого-либо столкновения или со стационарным зрителем или с кем-либо из пассажиров, но Лермонтов поклялся ему всеми святыми, что не нанесет ему в дороге никакой неприятности. Клятва была принята, и они тронулись в путь. Действительно, всю дорогу Лермонтов был послушен, как ребенок — тише воды, ниже травы. Реми вслух высказывал ему свое удивление. В Петербурге ли, дорогой ли узнали они, что у Потапова в деревне гостил в ту пору его дядя, генерал, свирепый по службе, в которой все гвардейские офицеры боялись его как огня. Лермонтов по этому случаю отказался ехать в деревню к Потапову, отговаривал от этой поездки и Реми, но последний, справедливо опасаясь неудовольствия товарища, которому дал слово, мало того, что настоял на своем отправлении в деревню, а уговорил и самого Лермонтова, который предполагал ожидать возвращения товарища на ближайшей почтовой станции. Приехали в деревню, где радушно, по-товарищески, встретил их

Александр Львович и отвел им для помещения целый флигель, а дядя его помещался в большом доме. Умылись, причесались, переменили дорожное платье и приготовились идти к общему столу. На Лермонтове лица не было; он говорил товарищам, что у него и аппетит пропал и душа не на месте. Потапов ободрял его, как мог; и вот они вошли в столовую, где было все уже готово к обеду. Скоро вышел страшный для Лермонтова дядя Потапова, которому были представлены двое приезжих. Генерал был за столом очень любезен, а к концу обеда любезность его с Лермонтовым дошла даже до дружески-товарищеского обращения. Лермонтов развернулся. Когда обед был окончен и встали из-за стола, Реми и Потапов пошли за чем-то во флигель, чтобы идти оттуда в сад, куда прежде них отправился дядя Потапова и Лермонтов. Самое большее, что Реми и Потапов провели во флигеле полчаса времени, и когда вышли на одну из площадок сада, то увидели, что Лермонтов сидит на шее согнувшегося генерала. Оказалось, что «зверь» и до лихорадки боявшийся его поэт играли в чехарду.

После этого Потапов не мог, даже в присутствии Лермонтова, не рассказать своему дяде крайних опасений поэта встретиться с генералом под одной крышей, а Реми добавил о том, что Лермонтов из-за этого опасения хотел даже нарушить товарищеские отношения — остаться и ждать Реми на почтовой станции. Генерал очень смеялся и заметил в таком духе: «Из этого случая вы должны заключить — какая разница между службой и частной жизнью — будьте и вы такими же. На службе никого не щажу — всех поем, а в частной жизни я — человек, как и все».

А.Л. Потапов, бывший на Дону атаманом, подтвердил этот рассказ.

Через несколько дней путники отправились: Реми приехал в Новочеркасск и навсегда остался на Дону; Лермонтов в том же году встретился в Пятигорске с роковою пулею, которая навсегда отняла его у России.

Все изложенное мною почти слово в слово сходится с рассказом покойного Реми, ошибки могут быть только в мелочах».

Как мы видим, в рассказе отмечается, что визит Лермонтова в Семидубравное состоялся в роковом для поэта 1841 году. Тем же 1841 годом датирует приезд Лермонтова в Семидубравное и Г.В. Антюхин. Однако сопоставление ряда биографических данных о лицах, упоминаемых в рассказе, и фактов, связанных с этой поездкой Лермонтова, убеждает, что подобная датировка события не имеет прочных оснований, что гораздо достоверней было бы отнести этот факт биографии поэта к концу мая — началу июня 1840 года, т.е. к тому времени, когда за дуэль с Эрнестом де Барантом Лермонтов следовал к месту своей второй ссылки на Кавказ.

Исследуя подробно этот вопрос, нельзя не обратить внимание на то, что хронологический аспект статьи в «Донской газете» в своей основе противоречив. Автор рассказа утверждает, например, что приезд Лермонтова в Семидубравное был осуществлен в 1841 году, но обставляет этот факт такими подробностями, которые имеют иную датировку.

Так, в рассказе говорится, что Лермонтов гостил у Потапова в то время, когда его спутник (А.Г. Реми) переведен из лейб-гвардии гусарского полка в штаб казачьего Донского войска, что будто по этому поводу А.Г. Реми был приглашен Потаповым посетить его воронежское имение. По документальным источникам (в том числе архивным) можно установить, что такой перевод состоялся не в 1841, а в 1840 году. Причем приказ об этом был издан 6 апреля 1840 года, т.е. на неделю раньше распоряжения Николая I о ссылке Лермонтова на Кавказ.

Итак, мы видим, что двух однополчан — Лермонтова и Реми — объединяла в 1840 году общая дорога «с милого севера в сторону южную» вплоть до самого Новочеркасска. Оказавшись в этой поездке близ Воронежа, они мог-

ли завернуть в гости и к другому сослуживцу. Кстати, известно, что в тот же раз Лермонтов останавливался в Новочеркасске, где он должен был расстаться с А.Г. Реми. Он гостил три дня в этом городе у бывшего полкового командира М.Г. Хомутова (в то время начальника штаба Войска Донского, т.е. будущего командира А.Г. Реми). Таким образом, версия о приезде Лермонтова в Семидубравное в 1840 году находит свое подтверждение в совпадении других фактов биографии поэта и биографии А.Г. Реми.

Версия же, связанная с 1841 годом, в корне противоречит многим фактическим данным. Так, в научной биографии М.Ю. Лермонтова не подлежит сомнению тот факт, что в 1841 году его в дороге на Кавказ от Тулы до самого Пятигорска неизменно сопровождал А.А. Столыпин (Монго) — друг, родственник и однополчанин поэта. В рассказе же о поездке Лермонтова к Потапову А.А. Столыпин, как еще один попутчик поэта не упоминается. С другой стороны, во всех мемуарах и иных источниках о поездке Лермонтова в апреле — мае 1841 года по маршруту Тула — Воронеж — Ставрополь, — Пятигорск, (в том числе и в найденной Г.В. Антюхиным хронике «Воронежских губернских ведомостей» за 1841 год) нет упоминаний о таком спутнике поэта, как А.Г. Реми. Между тем, по версии автора рассказа в «Донской газете», только с А.Г. Реми Лермонтов гостил тогда на воронежской земле. Имя же А.А. Столыпина как единственного на этом отрезке пути товарища Лермонтова почти везде значится безотказно. Из этого следует, что дата приезда Лермонтова и А.Г. Реми в Семидубравное определена в статье «Донской газеты» ошибочно.

Эта же мысль находит подтверждение и в том, что 1840 годом датировал визит поэта к А.Л. Потапову и П.А. Висковатый. Говоря о поездке Лермонтова в Семидубравное, П.А. Висковатый ссылается на свою беседу с Потаповым, состоявшуюся после опубликования статьи в «Донской газете». Правда, при-

знать этот факт абсолютно доказанным нам мешает стоящий после даты «1840» вопросительный знак. Но следует указать и на то, что такой же точно знак стоит в том же тексте и после слова «воронежское», определяющее губернскую принадлежность потаповского имения. И, как мы видим, ошибки здесь П.А. Висковатый не допустил.

Укажем теперь и на другие детали, могущие послужить доказательством верности нашего предположения. В отдельных номерах «Воронежских губернских ведомостей» за март, апрель и июнь 1840 года зафиксированы факты, которые своим событийным содержанием буквально совпадают с рядом сведений о приезде Лермонтова в Семидубравное, приведенными в «Донской газете».

Так, в рассказе говорится, что А.Л. Потапов, пригласив однополчанина Реми посетить проездом Семидубравное, сам намного раньше намеченного визита уехал из Царского Села, где был расквартирован лейб-гвардии гусарский полк, в свою воронежскую деревню. В одной из хроник «Воронежских губернских ведомостей» № 13 от 30 марта 1840 года значится прибывшим в город Воронеж из Землянска некий «корнет Потапов». Затем еще через один номер газеты (от 13 апреля 1840 года) тот же «корнет Потапов» упомянут как выехавший из Воронежа обратно в Землянск. Это упоминание в газетной хронике лишний раз подтверждает верность сообщения статьи в «Донской газете» о том, что хозяин имения в Семидубравном находился в воронежских краях примерно за два месяца до предполагаемого приезда туда Лермонтова. Тем самым подтверждается соотнесенность этого события биографии Лермонтова с 1840 годом.

У нас нет сомнений в том, что в этой хронике идет речь именно об А.Л. Потапове — однополчанине Лермонтова, так как отмеченные здесь его поездки из Землянска (тогдашнего уездного города, вблизи которого находилось имение Семидубравное) в Воронеж и обратно

сами по себе весьма симптоматичны. Правда, по какой-то причине А.Л. Потапов, произведенный еще в декабре 1839 года в поручики, оказался в газетном сообщении несколько заниженным в чине. Однако в одном из июньских выпусков «Воронежских губернских ведомостей» за 1840 год А.Л. Потапов в уже законно принадлежавшем ему чине поручика отмечен как прибывший из Землянска в Воронеж и убывший в обратном направлении в промежутке между 12 и 17 июня 1840 года. Этот факт говорит о том, что Потапов и после отъезда поэта оставался в имении. Лермонтов же в те дни находился уже в Ставрополе.

Но особенно большой интерес среди подобных хроникальных сообщений, вызывает документальное подтверждение того факта, что в промежутке между 27 мая и 5 июня 1840 года в городе Воронеже находился однофамилец владельца Семидубравного, имевший чин генерал-лейтенанта. Имя этого человека значится в «Воронежских губернских ведомостях» № 23 от 8 июня 1840 года (см. Прибавление) среди лиц, выбывших из города. Этот второй Потапов держал тогда путь в город Курск.

Между тем в приведенном выше рассказе говорится, что накануне визита Лермонтова в Семидубравное туда приехал дядя однополчанина поэта — «сви́репый по службе генерал», которого все гвардейские офицеры «боялись как огня». В статье подчеркивалось, что Лермонтов чрезвычайно опасался встречи с этим генералом, что, узнав о грозившей ему перспективе совместного пребывания с этим лицом под одной крышей, поэт даже отказывался ехать в Семидубравное и уговаривал своего попутчика последовать его примеру. Кто же мог быть тем человеком, который, по словам автора, воспоминаний, вызывал у опального гусарского поручика такой панический страх?

В родословной лермонтовского однополчанина А.Л. Потапова можно найти один интересный факт, могущий пролить на это свет. Оказывается, у

А.Л. Потапова был двоюродный дядя — Алексей Николаевич Потапов (1772—1847 гг.). Из служебной биографии этого генерал-лейтенанта, включенной в «Русский биографический словарь», явствует, что он в 1840-х годах был командиром 3-го резервного кавалерийского корпуса. Но в более ранний период, еще при Александре I, он был дежурным генералом Главного штаба. За свои рьяные верноподданнические «подвиги» он 14 декабря 1825 года (!) — в день восстания на Сенатской площади и вступления на престол Николая I — был «пожалован» генерал-адъютантом. Затем он вошел в состав Следственного комитета по делу декабристов и за участие в нем 22 августа 1826 года был произведен в генерал-лейтенанты. Одновременно он получил от царя в подарок золотую табакерку с бриллиантами и вензелем самодержца.

В свете приведенных выше данных биографии А.Н. Потапова (старшего) становится ясным, почему Лермонтов, как сказано в газетной статье, не имел желания встречаться с этим генералом. Как мы помним, в рассказе усиленно подчеркивается, что Лермонтовым будто бы овладела робость перед этим родственником своего однополчанина, который пользовался среди военных весьма нелестной репутацией. Опираясь на приведенные выше новые факты, можно с уверенностью заключить, что на самом деле это была не робость, а чистойшей воды антипатия к человеку, который стоял с поэтом на противоположных политических позициях, который запятнал свою гражданскую честь неблагоприятными делами. Ориентируясь на присущие Лермонтову свободолюбивые

идейные настроения, можно с большой долей вероятности предположить, что пребывание с этим человеком под одной крышей воспринимались поэтом как оскорбление памяти своих духовных братьев, т.е. декабристов, заточенных в неволе и принявших смерть. Но об этом со всей откровенностью поэт, видимо, не мог сказать А.Г. Реми.

Таким образом, документальный источник четко свидетельствует о том, что в те самые дни, когда, по нашим предположениям, Лермонтов и Реми гостили в Семидубравном, на той же воронежской земле находился еще один «герой» рассказа «Донской газеты» — двоюродный дядя лермонтовского однополчанина. Отъезд же генерал-лейтенанта Потапова из Воронежа документально приурочен примерно к тому времени, когда Лермонтов и Реми должны были покинуть Семидубравное и двигаться в направлении Новочеркасска или даже прибыть уже в этот город.

Итак, приведенные здесь совпадения фактов из самых различных современных Лермонтову источников не могли быть простой случайностью. Они свидетельствуют о том, что Лермонтов приезжал в Семидубравное в 1840 году.

Пусть останутся на совести мемуариста (или автора-рассказчика в газете) и крайне несправедливые замечания о «вздорливом» характере поэта, а также сообщаемые сомнительные подробности об установившемся во время визита в Семидубравное чуть ли не дружеском контакте Лермонтова со «свирепым генералом». Видно, попутчику Лермонтова не было дано умения глубже заглянуть в мятежную и страдающую душу своего великого сослуживца.

Елена Старкова

«Я НЕ МОГ ОТ ТЕБЯ СВОИХ ГЛАЗ ОТВЕСТИ...»

(История последней любви И.С. Никитина)

По едва просохшей весенней дороге лошадь неторопливо катит коляску. Известный поэт Иван Саввич Никитин едет в гости в Дмитриевку. Ехать еще долго: от Воронежа до имения, что в Землянском уезде, добрых 60 верст будет. Никитин вздыхает и смотрит вдаль. Безлюдная равнина: «Под большим шатром голубых небес — вижу — даль степей зеленеется...». Это из его, никитинских стихов...

Впервые к хлебосольным Плотниковым поэт приезжал в 1856 году. Стояла пригожая, теплая весна, и Дмитриевка утопала в бело-розовом цветении барского сада. Поэт был в восторге и от красоты здешних мест, и от радушия хозяев: Вячеслава Ивановича и Евдокии Александровны Плотниковых. А еще больше ему пришлось по душе милые молодые барышни из поместья: дочка владельцев усадьбы Наталья, ее гувернантка мадам Жюно и племянница хозяйина — тоже Наталья, частенько приезжавшая из соседнего поместья Высокого (в настоящее время это село находится на территории Курской области. — *Е.С.*).

Кому из красавиц отдать предпочтение? Поначалу Никитин увлекся дочерью Плотниковых. Писал ей в альбом

стихи, гулял с девушкой по липовым аллеям парка-имения. Но отношения так и остались дружескими. Потом поэт проникся сочувствием к страдающей вдали от родины душе мадам Жюно. Однако и эта обаятельная чужеземка не стала близкой его сердцу.

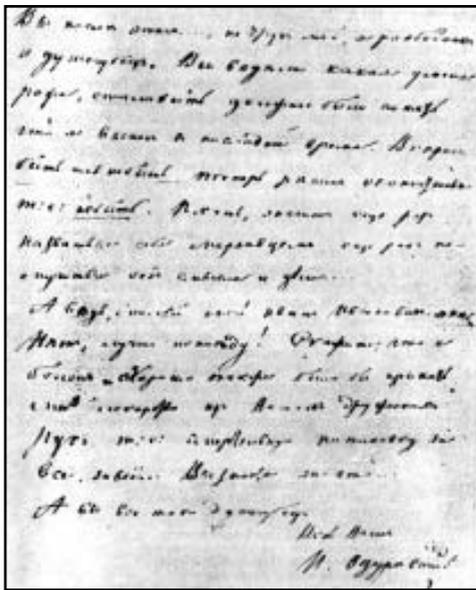
Судьба распорядилась так, что последней любовью, ушедшей вместе с ним в вечность, стала для поэта племянница хозяйина, дочь отставного генерала Наталья Антоновна Матвеева.

По воспоминаниям современников, внешне девушка была словно списана со старинных лаковых миниатюр: темно-волосая, со светлыми, по-детски чистыми глазами. Молодость Натальи (на 12 лет моложе Ивана Саввича), непосредственность и жизнелюбие добавляли ей очарования в глазах умудренного жизнью поэта. Кроме того, девушка получила хорошее образование в Варшаве, знала несколько языков, но была проста в общении и непосредственна. Иван Саввич всем сердцем потянулся к ней.

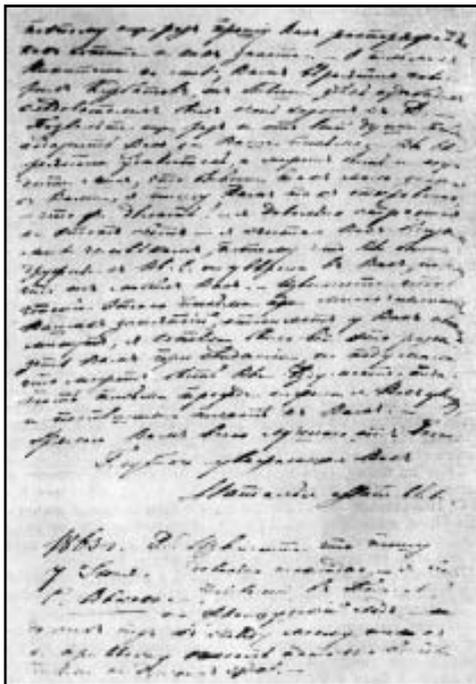
Наталья тоже не осталась равнодушной к гостю Плотниковых.

Последняя любовь в жизни известного поэта была трогательной и трагической одновременно. И очень короткой.

Встречи были несчастными. Виделись

Автограф письма И.С. Никитина
к И.И. Зиновьеву

Автограф письма Н.А. Матвеевой
к М.Ф. Де-Пуле

они в той же Дмитриевке, но со временем обстоятельства поменялись не лучшим для Никитина образом. «Прежде я имел временное пристанище у Плотникова, но дом его глядит теперь уже так, — писал поэт своему другу. — Старик Плотников умер, дочь его вышла замуж. В семействе явились новые отношения лиц одного к другому...». В имении остались жена покойного барина, Евдокия Александровна, да их дочка Наталья (по мужу Домбровская) со своим семейством. Для них Никитин был уже не столь желанным и интересным гостем, как для покойного Вячеслава Ивановича, любившего общение со знаменитым воронежским стихотворцем.

Редкость встреч Ивана Саввича и Натальи Антоновны привела к тому, что между влюбленными с весны 1860 года завязалась оживленная переписка. Вся нежность и страстность уходила в послания друг к другу. Это был настоящий «роман в письмах».

Сохранились 14 писем поэта к Наталье Матвеевой. Ее же — ни одного. Причина проста: чувствуя приближение смерти Ивана Саввича, она попросила его сжечь их. Он исполнил желание любимой.

Но сама Наталья сберегла письма поэта к ней. Интересно, зачем? Ответа теперь не узнать. Но, как бы то ни было, низкий поклон ей за сохраненные письма. Ведь в них осталась частичка живой души поэта.

Вот, например, Никитин дает волю фантазии и представляет, как он придет в родное имение Натальи — село Высокое, зайдет в ее комнату, закроет за собой дверь... И пусть «сплетничают потом на мой счет, я все-таки останусь в выигрыше, потому что услышу несколько лишних, дорогих моему сердцу слов из Ваших милых уст; все прочее имеет для меня цену прошлогоднего снега...» — пишет он в феврале 1861 года.

Никитин с нетерпением ждет весну. А точнее — возможную встречу с любимой. Но как встретиться, как приехать

в гости в Высокое, если с отцом Натальи, отставным генералом, поэт почти не знаком? «Приехать к Вам у меня не достанет смелости... ей-ей, неловко!» — мучается он. «А если я приеду весной в Ваш край, — как тогда и что тогда? От имени Домбровских до Вашего 20 верст; такое пространство неудобно превратить в место прогулки... Следовательно, мне останется приехать к Вам с утренним визитом, пожать Вашу ручку при первой встрече, потом на прощанье — и засим отправиться в наш богоспасаемый град... Помилуйте!» — в отчаянии пишет он девушке. И добавляет: «... Какие мы с Вами дети; не так ли? Напишем друг другу по несколько строк и воображаем, что это для нас как бы праздник! Для меня, действительно, праздник...».

Поэт видел в Наталье не только очаровательную молодую женщину, но и умного собеседника: «Но как Вы умны! — восхищается он. — Ваше последнее письмо — просто прелесть. Наслаждение. Клянусь Богом — говорю правду!».

Своим друзьям в этот период поэт откровенно говорит о том, что ему всерьез нравится Наталья Матвеева.

Он нежно и трепетно бережет сложившиеся отношения. Свидетельство тому — одно из стихотворений, посвященных любимой:

Я вас не смею раздражать
И повинуюсь молчаливо,
И, хоть совсем не рад молчать,
Молчать я буду терпеливо...

В некоторых посланиях Никитина к Наталье — тоска, тревога, раздражение, ревность. Все было вызвано редкостью свиданий: «Я так редко с Вами встречаюсь, так мало говорю, а если говорю, то такими общими местами, благодаря обстановке, окружающей наши встречи, что от одного воспоминания о них на щеках моих выступает краска стыда...». И просит, почти умоляет ставшую для него близкой девушку: «Пожалуйста, пишите больше, о чем хотите, о чем бы то ни было: что Вы ни

напишите — все выйдет хорошо и все будет для меня дорого».

Желание встретиться было почти равно желанию жить: «К Вам или не к Вам — это шекспировское быть или не быть? Есть над чем поломать голову!» — восклицает в одном из писем поэт. И томится в тоске: «Кажется, и не далеко мы живем друг от друга. А выходит так, что между нами ложится пространство в 1000 верст...».

В апреле 1861 года Наталье удается самой приехать в Воронеж в книжную лавку Ивана Саввича. Повод — купить новые журналы. Встреча была короткой. Но боль после расставания — мучительной: «Вы уехали, — и в жизни моей остался пробел; меня окружила пустота, которую я не знаю чем наполнить. Мне кажется, я еще слышу Ваш голос, вижу ваши милые черты, Вашу кроткую, приветливую улыбку... Как до сих пор живы в моей памяти — ясный солнечный день, и эта длинная, покрытая пылью улица, и эти ворота, подле которых я стоял с поникшей головой, чуждый всему, что вокруг меня происходило, видя только одну Вас и больше никого и ничего!».

Чувства перешли в стихотворные строчки:

Я не мог от тебя своих глаз отвести,
Одна мысль, что нам нужно расстаться,
Поглощала меня. Повторяя: «Прости!» —
И не мог от тебя оторваться.

Расставаясь с любимой, он страдал так, будто душа покидала тело. Может, было предчувствие, что эта встреча — последняя при жизни?...

Видимо, и девушка мучилась в разлуке. А еще отравляли жизнь пересуды знакомых: дескать, явно отношения-то затянулись... Но письма Натальи к Никитину оставались теплыми и сердечными. «За последнее письмо я благодарен вам до слез, — пишет поэт Матвеевой. — Какая у Вас должна быть прекрасная душа! Каким теплом веет от Ваших слов, идущих прямо к сердцу!».

Любовь к Наталье преобразила жизнь одинокого и по большому счету

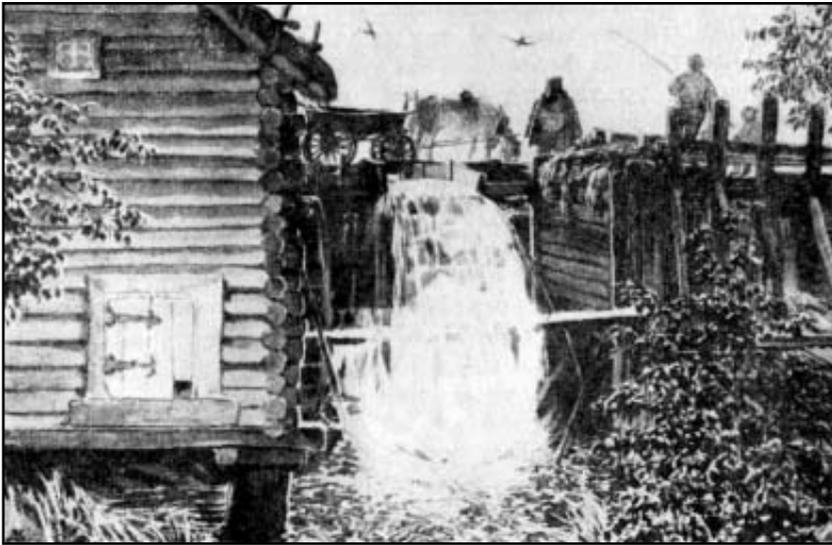

Иллюстрация художника Д. Кардовского к стихотворению И.С. Никитина «Гнездо ласточки» (1911).

несчастливого человека, мучимого вечной материальной нуждой, болезнями и семейными склоками и неурядицами. Свет любви согрел его душу: «Я похож теперь на человека, который после долгого заключения в душных и темных стенах вышел, наконец, на свежий воздух и спешит наглядеться на синее небо, на широкое поле, цветы и деревья. Все его существо как будто возродилось, зажило новой жизнью, полной наслаждения и счастья. Он даже не думает о том, что снова может попасть в те стены, из-за которых вышел, что счастье его похоже на сон, который может быть прерван случайным шумом или криком...».

Почему Никитин не предложил Наталье руку и сердце? Сейчас можно только гадать. Видимо, одна из причин — слабое здоровье Никитина. Поэт не хотел обременять любимую женщину заботами о себе — больном и немощном, а потом — умирающем. Кроме того, была тяжелая в психологическом плане атмосфера в доме: деспот-отец своими пьяными скандалами не давал никакого житья больному сыну. Куда привести молодую жену? На ругань и брань? Некуда...

Однако на что-то все-таки решившись, Никитин намечает ответную поездку в Дмитриевку на май того же, 1861 года, чтобы дня через два-три после его пребывания у Домбровских туда приехала Наталья Матвеева. Поэт мечтал «увидеться, наговориться и, следовательно, быть некоторое время счастливым».

Чудесные мечты трагически оборвались.

Первого мая Никитин сильно простудился и слег. Не подозревая о всей тяжести состояния здоровья, он еще надеется на встречу и пишет любимой, что при первой возможности придет к ней даже полубольным. Но для поездки в деревню уже не было сил: туберкулез смертельно точил тело. «Иногда приходят минуты такой тоски, что божий свет становится немилым...» — пишет Иван Саввич в последнем сохранившемся письме к любимой.

Наталья рвалась в Воронеж, чтобы ухаживать за больным. И осуждения людского она уже не боялась: кто в реку упал, тот дождя не боится. Но Иван Саввич не разрешил ей этого сделать. Зачем подвергать испытанию сплетня-

ми и пересудами честь молодой женщины, у которой впереди наверняка будет долгая жизнь? Ведь, судя по строчкам писем, самым задушевным желанием умирающего было желание счастья и здоровья ей, любимой. Да и вид умирающего всегда тяжел, особенно для нежно любящих душ.

В октябре Никитин скончался.

Наталья, видимо, тяжело переживая эту трагедию, два года не выходила замуж, хотя возраст у нее по тем временам давно был уже не юный — перевалило за 25. Потом она обвенчалась с коллежским асессором Петром Даниловичем Ретунским, родила детей. Была ли счастлива в браке? Никто не знает. Зато известен удивительный факт: похоронена она была вместе со своим мужем (к выходу в отставку уже статским советником) на том же самом Всесвятском кладбище Воронежа (другие называют его Новомирофановским, Ново-

строящемся), где нашел свой последний приют когда-то любимый ею Никитин.

Как ни горько об этом говорить, но и после упокоения Натальи Антоновны земная история этой женщины печальна. Как известно, Всесвятское кладбище, находившееся на месте нынешнего цирка, в советские времена сровняли с землей, сохранив лишь шесть могил, в том числе Ивана Саввича и другого знаменитого воронежского поэта — Алексея Васильевича Кольцова. От остальных захоронений не осталось и крестов.

Время разрушило старинные дворянские имения в Дмитриевке и в Высоком. Давно уже нет Ивана Саввича Никитина, нет Натальи. Но мы читаем письма и стихи поэта, его письма. И греет душу прощальный свет не померкнувшей в веках любви. Это — как звезды: многих из них давно уже нет, но свет от них идет и освещает путь в ночи.

Геннадий Мокшин

КАК ГОРОД РАЗЖАЛОВАЛИ В СЕЛО

(Землянск на сломе эпох)

Город Землянск, основанный в 1661 году как крепость для защиты южных рубежей России, в начале XX века представлял собой тихий провинциальный городишко с населением около 5 тысяч человек. Ни промышленных предприятий, ни крупных ярмарок в нем не было. Жители в основном занимались мелкой торговлей, а точнее, перепродажей того, что привозилось сюда из окрестных сел и деревень. В то же время город являлся административным центром Землянского уезда. А четыре каменных храма XVIII века, две приходские школы и уездное училище, библиотека, летний театр и прочие просветительские учреждения позволяли ему оказывать определяющее влияние на местную духовную и культурную жизнь.

Февральская революция 1917 года и свержение самодержавия на первых порах мало изменили привычный уклад жизни землянских обывателей. Власть в уезде перешла к комиссару Временного правительства, однако в городе продолжало действовать местное самоуправление во главе с городским старостой Д.П. Толкачевым. Замену полиции милицией, создание Совета крестьянских депутатов и даже многочисленные собрания, устраиваемые кадетами и эсерами по поводу предстоящих выборов в Учредительное собрание, местное население встретило почти равнодушно. «Осво-

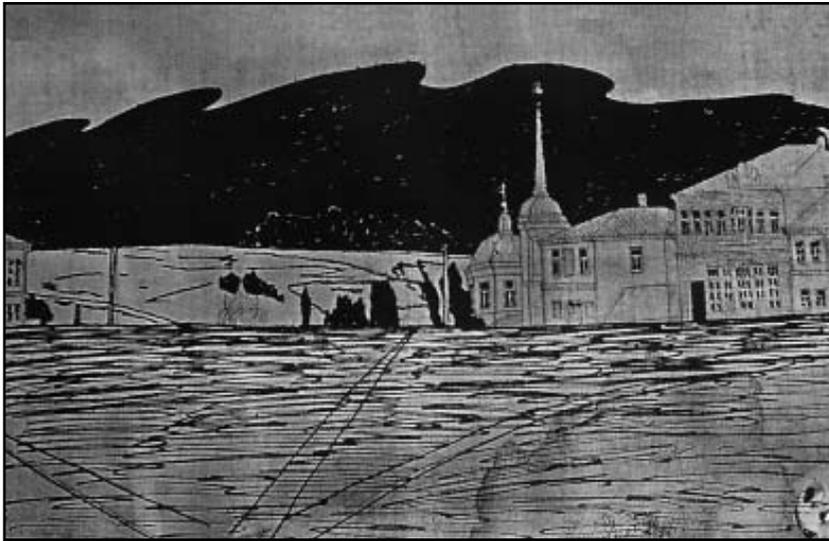
божденный» народ вовсе не чувствовал себя хозяином новой жизни, используя неожиданно свалившуюся на него свободу для решения сугубо бытовых проблем. Например, только осенью того года в Землянске и уезде было открыто более 200 (!) самогонных заводов.

Простых горожан куда больше политики волновала продолжающаяся четвертый год мировая война с очередными призывами родственников в действующую армию и непрекращающимся ростом цен на продукты питания.

Первая угроза голода нависла над Землянском летом 1917 года. Огромный хлебный рынок, по воспоминаниям Иосипа Бадалича, «опустел и сник, будто его сразила смертельная коса». Городских служащих охватила паника: «Мы в мышеловке! Пропадем с голоду! Крестьяне не дадут нам ни зернышка...». Отголоском этих событий стал эпиграф к октябрьскому номеру газеты М.М. Бахметьева «Землянский Дон Кихот»:

Защити, о, боже правый,
Православный твой народ.
Страшен нам не немец бравый.
Страшен хлеба недород.

Власти пытались поддерживать порядок, но в условиях развала работы городского самоуправления, в том числе по причине отставки его прежнего руководства,

Бородкин В. Т. Вид на Землянск. 1920-е годы

это становилось все более затруднительно. Рядовым же гражданам «революционной» сознательности явно не хватало. Вот только один эпизод, характеризующий настроения местного населения. 1 октября состоялось долгожданное открытие в Землянске гимназии. Назначенный на час дня молебен за неприбытием певчих начался в половине второго. Причину опоздания один из певчих объяснил просто: «Теперь свобода, когда хочу, тогда и приду». Вот так своеобразно стиралась грань между свободой и анархией.

25 октября в Петрограде произошел большевистский переворот, а через пять дней советская власть была установлена в Воронеже. Но для землянских коммунистов эти события не стали руководством к действию по причине слабости их организации. Еще в начале зимы на уездном крестьянском съезде с подачи эсеров принимается антибольшевистская резолюция по докладу о текущем моменте. Землянск стал советским лишь в начале января 1918 года в результате событий, вошедших в историю под названием «сахарного бунта».

28 декабря 1917 года из-за недостатка сахара толпа крестьянок из окрестных сел потребовала его отпуска из кассы местного кредита. Однако хранящиеся здесь 300 пудов сахара предназначались для больницы и

не могли быть выданы населению. На следующее утро у кассы собралось уже около 600 крестьян. Был вызван и жестоко избит член продовольственной управы А.С. Баев. Для сохранения порядка крестьяне потребовали у комиссариата выдать им оружие. После этого они взяли со склада 165 пудов сахара для продажи населению через магазины местных торговцев.

30 декабря комиссар давно несуществующего Временного правительства, председатель и члены земской управы, бухгалтер кассы мелкого кредита скрылись из города, опасаясь самосуда толпы. Из городской администрации остался один начальник милиции. Около 12 часов дня вооруженная толпа разоружила милицию и направилась к воинскому начальнику, где было захвачено еще 30 винтовок.

Вакуум власти в городе заполнил «Совет 10», избранный 31 декабря на совместном собрании Советов крестьянских и солдатских депутатов. Правда, просуществовал он всего одни сутки, так как в первый день нового года его преобразовали во Временный Военно-революционный комитет под председательством большевика А.И. Романовского. Он же возглавил уездный Совет народных комиссаров, заменивший прекратившую свою работу уездную земскую управу. Таким образом, в первый раз совет-

ская власть в Землянске и уезде была установлена 1 января 1918 года (по старому стилю). Через некоторое время, когда город окажется на линии противостояния между красными и белыми, ее придется восстанавливать, но уже не таким относительно мирным путем.

Первым шагом большевиков стала организация работы новых уездных и городских учреждений. Для этого потребовалось муниципализировать часть жилого фонда Землянска. Например, многочисленные отделы уездного исполкома разместились в домах купцов Н.М. Ростовцева и Н.М. Мокротова-рова. Здание присутственных мест заняли части особого назначения (ЧОН) и уездный финотдел (деньги нужно хорошо охранять). Только городская аптека осталась там, где была — в здании бывшей земской управы.

Началось планомерное вовлечение трудящихся слоев города в революционно-демократические преобразования. В течение 1918 года были открыты Народный дом, детский сад, музей сельскохозяйственной техники, новая городская библиотека, театр, ученический клуб. Действовали профессиональные союзы учителей, почтовиков, сапожников, артистов-музыкантов, служащих городской управы, бывших земских служа-

щих и других. Издавалось несколько газет, в том числе беспартийных, отразивших бурное пробуждение городских обывателей к новой жизни.

Из непрерывной череды собраний, митингов и демонстраций особенно выделялись различные уездные съезды (Советов, сочувствовавших РКП (б), учителей, кооператоров и т.д.) как наиболее массовые мероприятия. Так, 15-18 сентября в Землянске заседал IV Уездный съезд Советов рабочих и солдатских депутатов под председательством товарища Шишлова. Присутствовало 83 делегата (61 коммунист, 15 левых эсеров, 1 народный социалист и 6 беспартийных). Съезд приветствовал раненого вождя всемирного пролетариата В.И. Ленина и пожелал ему скорейшего выздоровления. «Мы, представители Советов Землянского уезда, — отмечалось в решениях съезда, — клянемся ответить массовым красным террором хоть за одного павшего из наших вождей, за одну пролитую каплю крови прольем целые океаны ее, перебьем тысячи разжиревших буржуа». Заметим, что подобная риторика — это норма того времени. Чуть раньше участники I съезда деревенских комитетов бедноты Землянского уезда объявили войну империалистам и капиталистам всего мира, а

Землянск. Вид на центральную площадь. Начало XX века

также местным кулакам, спекулянтам и самогогонщикам.

Ярким событием 1918 года стало празднование первой годовщины Октябрьской революции. К этой дате центральные улицы Землянска были переименованы в честь новых вождей и все черные вывески на учреждениях города заменены на новые — красные с желтыми буквами. 7 ноября на площади Свободы состоялся торжественный митинг. Со всех концов города собрались группы служащих, мастеровых, учащихся с учителями, войсковые отряды и толпы «просто трудящихся». С докладом выступил председатель Чрезвычайкома Кан и военный агитатор Цапков. «Наш город, — замечал местный корреспондент, — никогда еще не видел своего обывателя таким «бурно-праздничным», как в этот день».

Самое пристальное внимание советская власть уделяла воспитанию подрастающего поколения. Была создана трудовая школа, насаждалась атеистическое мировоззрение. 25 октября в Землянске прошло общее собрание родительских комитетов по поводу отделения школы от церкви. Родители выразили свое недовольство позицией, занятой советской властью в отношении религии, однако вынуждены были с ней примириться. Да и сами учащиеся, видимо, сочувствовали антирелигиозной пропаганде. Спустя четыре месяца местные «Известия» сообщили об изгнании «с квартиры» одного из учеников 1-ой советской школы второй ступени за то, что он не исполнил приказа хозяина дома В.И. Мокротоварова перекрестить лоб после ужина.

Главным средством формирования новых общественных идеалов и нравственных ценностей отныне становилась партийная агитация и пропаганда: лекции и митинги на тему «Что дала советская власть», открытие «социалистических курсов», выпуск листовок и брошюр и, конечно, организация театрализованных представлений с горячими речами местных партийных руководителей. Правда, именно эта сторона деятельности Землянской организации РКП (б) оставляла желать лучшего. Как указывалось в ревизии ее работы в сентябре 1918 года, из-за расхлябанности и низкой дисциплины местных коммунистов «партии пока не удалось пустить корни среди населения Землянска, ко-

торое относилось к власти «енферентно» или даже враждебно».

А тем временем тучи гражданской войны стали сгущаться и над Землянском. Зимой 1918-1919 годов в городе уже полным ходом шла мобилизация в Красную армию. С приближением фронта в пригородных слободах по ночам все чаще раздавались выстрелы, то ли грабителей, то ли просто хулиганов в солдатских шинелях.

Первый гром грянул для землянских коммунистов 26 марта 1919 года. В этот день в городе вспыхнул вооруженный мятеж, устроенный дезертирами из Фомино-Негочевской волости. Он начался с избияния уездного военкома Дробовского, который готовил призванных по мобилизации крестьян к отправке на фронт. Разоружив продреквизиционный отряд и караульную роту, двухтысячная толпа мятежников пошла «гулять» по Землянску, имея на руках до 300 ружей. Захваченные врасплох советские работники тут же подверглись зверским надругательствам. Часть восставших с криками «Бей коммунистов, они во всем виноваты!» направилась к зданию уездного комитета партии. Там на чердаке укрылись председатель укома Солодовников, секретарь Сотков и еще несколько человек. Попытки штурма и поджога здания были отбиты путем захвата одного из бунтовщиков, проникшего на чердак через слуховое окно. Вечером толпа ушла, оставив охрану. Ночью матрос Бавыкин и его товарищи из ЧОНа ее обезоружили и освободили укомпарт.

27 марта коммунисты города и окрестных селений вместе с чоновцами начали поиск оставшихся в городе мятежников, основная часть которых накануне ушла в село Большую Верейку. Их попытку вернуться в Землянск пресекли заранее выставленные заградительные отряды. В городе был создан ревком, объявивший трехдневный срок для сдачи оружия. 29 марта перед его судом предстало полтора десятка бунтовщиков, семерых из них расстреляли.

Еще более тяжелые испытания на долю жителей Землянска выпали осенью 1919 года, когда город примерно на пять недель захватили белогвардейцы.

В конце августа из-за опасности прорыва к Землянску конного корпуса К.К. Мамонтова уездный комитет РКП (б) привел город-

**ВЪ ЧЕТВЕРТЬ 21 ФЕВРАЛЯ
ВЪ 7 ЧАСОВЪ ВЕЧЕРА
ВЪ ЗАЛѢ УѢЗДНАГО СЪѢЗДА
П. П. СМІРНОВЪ
ПРОЧТЕТЬ ЛЕКЦІЮ
О МАРКСИЗМѢ.**

ПРОГРАММА: происхождение марксистской теории,
О чемъ говоритъ первый томъ „Напитала“ Труда,
какъ творецъ военной цѣнности,
Экономическое объясненіе исторіи, Революціонный марксизмъ и его программа,
Права народническаго и права марксистскаго.

Цѣна билета 35 коп. Предварительная продажа билетовъ въ Муз. Выходитъ
Начальство Уезднаго комитета съ 4—6 час.

50% сбора на омов. камен. пола, улич.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

**ЗЕМЛЯНСКІЙ ВОЕННО-РЕВОЛЮЦІОННЫЙ
КОМИТЕТЪ**

Доводитъ до свѣдѣнія лицъ прибывшихъ изъ
другихъ губерній за покупкой лошадей на ЗЕМ-
ЛЯНСКОЙ ЯРМАРКѢ, что со стороны Революціон-
наго Комитета прелятостей на покупку лошадей
не иибется,

Чѣмъ не исключенъ вывозъ изъ города и убода тѣмъ отъ этого комитета

**КОМИТЕТЪ НИКАКИХЪ ГАРАНТІЙ
ДАТЬ НЕ МОЖЕТЪ**

Землянский Военно-Революціонный Комитетъ 18 июля 1918 г.

Афиши революционного времени

скую партийную организацию в постоянную боевую готовность. Установили постоянное дежурство в уюме партии с 8 вечера до 8 утра. В середине сентября был создан отряд особого назначения при Землянском уездкомпарте. Комиссаром отряда назначен товарищ Бологов.

25 сентября в связи с приближением войск генерала А.Г. Шкуро началась экстренная эвакуация из Землянска семей коммунистов и партийных работников. Однако завершить ее не успели. Город был захвачен неожиданно быстро и «малой кровью». Все советские учреждения подверглись полному разгрому: «все поломано, перебито, исковеркано...». На центральной площади установили виселицы. Начались казни захваченных в плен красноармейцев и советских служащих. Около сотни горожан записалось в Добровольческую армию.

Землянск был освобожден от белых только 3 ноября войсками конного корпуса С.М. Буденного. По свидетельству коменданта города Ковалевского, в нем царил полнейшая анархия. Проходившие по городу воинские части разграбляли дома как бежавших с белоказаками жителей, так и мирных граждан. Запуганные обыватели скрывались в подвалах.

4 ноября в Землянск прибыли члены нового уревкома, поставившего себе задачи: 1) восстановление власти Советов на местах; 2) прекращение грабежей; 3) установление «возможно нормальных условий жизни уезда». Уже на следующий день была организована особая следственная комиссия для выявления предателей и контрреволюционеров. Началась конфискация движимого имущества лиц, бежавших с «белогвардейскими бандами», и одновременное взятие в заложники членов их семей. Среди беженцев оказались почти все из тех, кто определял развитие хозяйственной и культурной жизни Землянска в дореволюционные годы: служащие упраздненных органов самоуправления, бывшие купцы и богатые мещане, именуемые теперь буржуями, и часть местной интеллигенции (медики, агрономы, землемеры и т.д.), не принявшая советскую власть.

К концу ноября большевикам удалось восстановить работу основных городских служб. Но до приведения в порядок город-

ского хозяйства было еще очень далеко. По докладу упродкомиссара А.В. Кутепова, на Землянском ссыпном пункте находилось около 1300 пудов ржи и около 500 пудов проса. Весь этот хлеб был взят конкорпусом Буденного как добыча. Из-за нехватки продовольствия Землянский упродком обратился ко всему населению уезда с просьбой дать хлеба и мяса голодающему Землянску. Однако положение здесь несколько улучшится лишь после

прекращения передвижения через город войсковых частей в начале зимы 1919-1920 годов.

Установление в Землянске советской власти привело к значительному сокращению его торгово-ремесленного населения. Город стал чисто крестьянским. Видимо, по этой причине в ходе административно-территориальной реформы 1923 года Землянск потерял статус уездного центра и был «разжалован» в село.

Валерий Березуцкий

О ЧЕМ РАССКАЗАЛИ КУРГАНЫ

(Тайны уникальных археологических памятников)

ПЕРВЫЙ «АРХЕОЛОГ» КИПРИАН И НАЧАЛО СЕМИЛУКСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

На Семилукской земле находится немало археологических свидетельств прошлого. Самые заметные из них — курганы, разбросанные по неведомому плану древних по высоким водоразделам рек и речушек края. Одни земляные исполины гордо высятся до сих пор, поражая воображение непомерными затратами людского труда на их создание. Другие — едва видны, а неопытному взгляду и совсем неприметны. Их, изначально небольших по своим размерам, крестьянский плуг не жаловал более всего, и невзрачный холмик на вершине возвышенности — все, что осталось от могучего и далекого прошлого...

Курганы — не просто земляные холмы, насыпанные над могилами умерших, как думают многие. Это остатки сложных архитектурных сооружений, разрушенных временем и людской сноровкой. Курганы — в действительности это места погребений вождей, жрецов и их обслуживающего персонала с жертвоприношениями животных и людей. Своей вершиной курган устремлялся ввысь, к богам, а могилой — в мир подземный, мир потусторонний. Душа же, пройдя испытания, должна была уйти к небесам, к предкам и богам, на небесные па-

стища... Чем выше курган, чем больше в него вложено затрат труда, тем знатнее покоятся погребенные в нем, тем важнее для них приблизиться к небу, занять там же место, что и на земле этой грешной...

Некоторые из курганов выполняли роль древних астрономических обсерваторий для наблюдений за небесными светилами. Но это их предназначение изучено еще очень мало.

Человеческая память короткая. Такова ее судьба. Что она оставила человеку о курганах? «Татары», — скажут умудренные старики. Могут добавить, что «шапками их насыпали». Другие верят таким сказаниям: «Это сторожевые вышки, с них наблюдали за татарами». Далее татар память простирается редко. Если бы все наши представления основывались только на нашей обыденной памяти, многое нам было бы непонятно и неведомо. Но есть, слава Богу, носители памяти — документы, книги, фото, фильмы и... археологические памятники.

Краткая справка. *Археологический памятник* — материальные объекты, созданные человеком своей трудовой деятельностью. Это могут быть и развалины древних городов, и места кратких остановок кочевников, каменные изваяния, остатки жилищ, места погребений, отправления религиозных обрядов. Археологам достаются разру-

шенные временем и людской деятельностью археологические памятники, и восстановить их первоначальный вид, выяснить их назначение удастся далеко не всегда.

Что же нам известно о курганах?

Первые курганы стали создавать примерно шесть тысяч лет назад в степях Восточной Европы. Их создатели — кочевники, для которых скотоводство — основа всей жизни и представлений о мире. В Воронежском крае курганы появляются с приходом первых скотоводов с востока во второй половине III тысячелетия до н.э., то есть примерно 4, 5 тысячи лет назад. Это был бронзовый век, когда люди научились делать первый искусственный металл — бронзу, сплавляя медь с оловом и другими металлами — сурьмой, свинцом, мышьяком... Во II тысячелетии курганы становятся обычным явлением донского пейзажа. А последние из них уходят в историю вместе с кочевниками Золотой Орды в XV веке с принятием ислама.

На высоких берегах Дона и его притоков встречаются другие археологические объекты. Они не так заметны, как курганы, но внимательный взгляд без труда заметит что-то не совсем обычное — земляные валы и рвы перед ними. Русские крестьяне, заселявшие Воронежский край, видели эти особенности и называли такие места «городищами» от старинного русского слова «городить, огораживать». Люди замечали, что валы и рвы огораживают участки земли и делали предположения: здесь был город древний («город» — от того же слова «городище»).

Кто создавал городища и зачем? Первые городища в нашем воронежском крае стали возникать в начале железного века, примерно в середине I тысячелетия до н.э., то есть 2, 5 тысячи лет назад людьми, которые вели оседлый образ жизни, занимаясь земледелием и скотоводством. На валах стояли деревянные стены. Вместе с глубокими рвами они препятствовали разбойникам-кочевникам неожиданно захватить и разграбить городок.

Это сегодня мы знаем многое из истории курганов и городищ. Ежегодно воронежские археологи исследуют и те и другие, добывая историческую информацию и восстанавливая по крупицам нашу с вами исто-

рию. Но такое понимание пришло далеко не сразу и не вдруг. Люди, находя каменные топоры и не зная, откуда они и зачем, приписывали их славянскому богу Перуну, называя их «Перуновыми молотками». А когда у Костенок в XVII веке нашли впервые большие кости (о мамонте тогда никто ничего не знал), то их приняли за кости великана — «волота». Грамотой 1684 года было велено «ноги волота откопать, а откопав, кости измерить...». В Ипатьевской летописи говорится, что в Ладогe бывает «туча велика и находят дети наши глазкы стекляныи и малыи и великыи». Так летописец пытался объяснить находки бус как град, выпадающий из «тучи великой».

В XVII веке в России началась «золотая лихорадка»: кто-то где-то начал копать курганы и нашел золотые украшения. Начались повальные раскопки в поисках кладов и золота. Целые артели «гулящих людей» ринулись за золотом. При этом очень быстро накопился опыт, по которому копатели знали, в каких курганах есть золото, а в каких нет. Более всего варварским раскопкам подверглись курганы Сибири, где драгоценностей действительно было немало. В Центральной же России ажиотаж быстро спал: сотни раскопанных курганов золота не принесли, а глиняные горшки и бронзовые изделия никого не интересовали...

Семилукский край вошел в историю подобных раскопок, благодаря кладоискательской деятельности священника Киприана. Известно по сохранившимся документам следующее. В 1664 году землянский воевода Осип Дашкеев был послан властями проверить, правда ли, что «поп Киприан выкопал клад на р. Ведуга». Осталось тайной, что нашел Киприан и нашел ли что-либо, а воевода, конечно, и понятия не имея о том, что такое городище, дал описание места киприанских раскопок и привел легенду, которая, видимо, была в ходу у местного населения (не ей ли поддался Киприан в своих поисках?): «В давних годах был не то вор и разбойник Кудояр... И воровски де он большую казну собрав, стоял городком в степи... Промеж двух гор лог насыпан землею, а длина той насыпи 85 сажен, поперек 12, а инде и 10 сажен, а сыпана в тот лог земля слоями — глина красная и серая и чернозем под глиною» (в XVII веке сажень — 2,16 м. — В.Б.).

Здесь когда-то был древний город

С действиями разбойника Кудояра (Кудеяра) люди связывали чаще всего как раз древние городища, не понимая, какому времени они принадлежат. В Воронежском крае немало мест, связанных, по мнению местных жителей, с легендарным разбойником. В Аннинском районе есть городище, которое так и называется «Кудеярово городище», и местная молва верит в легенду о ставке разбойника именно здесь.

А что касается раскопок любознательно-священника, то до сих пор осталось неясным ни место, где копал Киприан, ни то, что он копал, и было ли на том месте городище.

Долгое время никаких сведений о раскопках в Семилукском крае не было, пока курганами на р. Ведуга не заинтересовались сестры-дворянки М.П. и Н.П. Юргенсон. Одна из сестер (Надежда Петровна) занималась живописью и графикой, училась в Воронежской бесплатной рисовальной школе. Участница различных художественных выставок. По-видимому, обе сестры — Мария и Надежда — были членами Воронежской Ученой архивной комиссии, созданной в 1900 году, которая не только выполняла свою прямую миссию — отбор документов, подлежащих уничтожению, — но и занималась археологическими исследованиями в Воронежском крае. Сохранились отчеты Марии Петровны о проведенных раскопках,

что делалось в случае получения разрешений на раскопки.

В 1911-1912 годах сестры при помощи крестьян раскопали курган у с. Нижняя Ведуга и два кургана — на Мамышовом поле. В одном из курганов была обнаружена форма для отливки бронзового топора и глиняный сосуд для плавки бронзы. Это было первое для Восточной Европы погребение литейщика эпохи бронзы (II тыс. до н.э.). В 1912-1913 годах у с. Кондрашевка сестры исследуют еще 10 курганов. В это же время члены ВУАК А.И. Мартинович и А.Л. Дольский раскапывают у сел Нижняя Ведуга и Кондрашевка несколько курганов. Погребения, как выяснилось, относились к эпохе бронзы (II тыс. до н.э.).

В 1927 году сотрудники Воронежского краеведческого музея под руководством заведующего историческим отделом Т. М. Олейникова провели осмотр городища у г. Семилуки. В разрушенном обвалом краю городища они обнаружили погребение. Особого внимания тогда эти находки не привлекли. Но именно с этого времени в науку входит археологический памятник под названием «Семилукское городище». Пройдет 57 лет и городище начнет открывать свои тайны, непростою и насыщенную событиями историю.

После окончания Великой Отечественной

войны археолог из Воронежского госуниверситета А.Н. Москаленко, по праву считающаяся основателем воронежской археологии, провела археологическую разведку по р. Девица. С 1954 года в Воронежском крае начинает работу Верхнедонская экспедиция под руководством московского археолога П.Д. Либерова. Экспедиция проработала несколько лет и провела поиски археологических памятников в Семилукском районе. Некоторые древние поселения были частично раскопаны для получения информации о времени проживания на них людей, их хозяйственных занятий. Поселения на Ведуге, Девице, Дону относятся к эпохе бронзового века (II тыс. до н.э.) и эпохе раннего железного века (середина I тыс. до н.э. — середина I тыс. н.э.).

С 60-х годов XX века археологические разведки и раскопки на территории района становятся обычным явлением. Это было время, когда в Воронежском госуниверситете сформировалась археологическая экспедиция, появились научные направления ее деятельности, возглавляемые учениками А.Н. Москаленко. Отряды экспедиции ВГУ, которые возглавляли А.Д. Пряхин, А.Т. Синюк, с середины 80-х годов прошлого века — Ю.Д. Разуваев, М.В. Цыбин, А.С. Саврасов, с середины 90-х годов — К.Ю. Ефимов (Госинспекция по охране памятников), В.Н. Ковалевский проводят разведки по рекам Ведуге, Девице, Трещевке, Камышовке, раскопки курганов у хутора Дальние Солонцы (А.Д. Пряхин), кургана у с. Богоявленка (Ю.П. Матвеев). А с 1976 году внимание археологов ВГУ надолго привлекли курганы у с. Подклетное — они дали ответы на многие вопросы взаимоотношений представителей разных народов бронзового века.

К настоящему времени на территории Семилукского района известно около 100 археологических памятников различных эпох — от бронзового века до средневековья — XVII-XVIII века.

СЕМИЛУКСКОЕ ГОРОДИЩЕ И ЗАГАДОЧНЫЕ БУДИНЫ

На высоком правом берегу Дона, прямо на территории г. Семилуки, в парковой зоне раскинулся древний укрепленный поселок — городище. Впрочем, ничего приме-

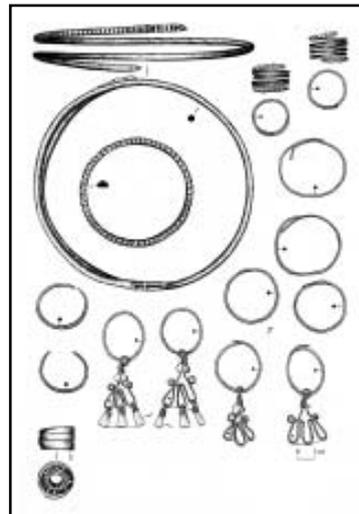
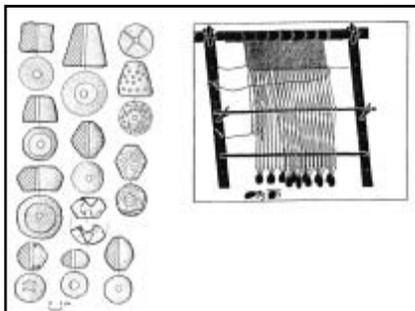
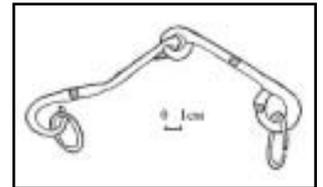
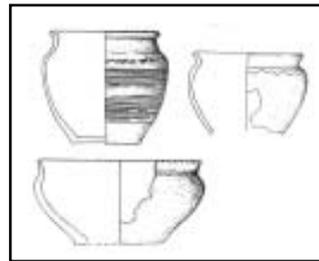
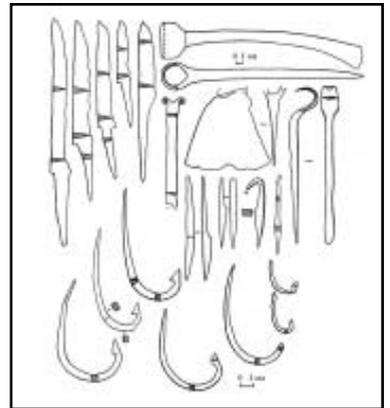
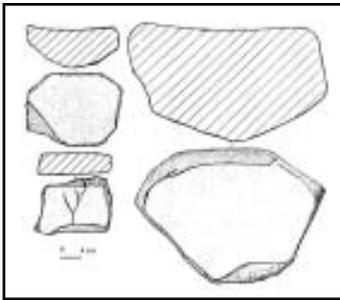
чательного несведущий посетитель берега Дона здесь не увидит, разве что информационный щит, указывающей на место нахождения археологического памятника.

Высокий, до 45 метров высотой, мыс протянулся длинным языком к Дону. В своем основании он перегорожен земляным валом, перед которым вырыт ров. Так поступали в древности создатели городищ: выбирали мыс с крутыми, почти отвесными склонами (попробуй, заберись!), а уязвимое место в основании мыса перегораживали рвом и валом. На земляном валу ставили обыкновенно деревянные стены простой конструкции и высоты, а перед валом и стеной — глубокий ров. Все эти препятствия предназначались для укрытия в случае нападения противника. Конница врага не могла преодолеть укрепления или подняться по крутым склонам, а пехоту, что решилась вскарабкаться по откосам, встречали стрелы, камни, копия обороняющихся. До прихода на Русь монголов хана Бату камнеметных машин здесь не знали, штурмовать укрепления при их помощи не могли, и надеяться приходилось на внезапность.

Кто же и когда создал Семилукский городок? Ответить на этот вопрос стало возможным после долговременных раскопок на городище, которые с 1984-го по 1993 год проводила археологическая экспедиция ВГУ.

Немало неожиданностей принесли эти раскопки. Что же удалось узнать? На городище был виден один вал и один ров. Но раскопки показали, что на самом деле было две линии укреплений. Первоначально вал с остатками деревянных конструкций и ров до какого-то времени служили обороной. Но затем случился пожар, уничтоживший деревянную стену. Вряд ли он случался из-за несоблюдения «техники пожарной безопасности», скорее всего поселок подвергся нападению и разорению. Но жизнь в нем не прекратилась, жители поселка не покинули городище: они засыпали старые укрепления и создали новые, также состоявшие из вала и рва.

Кто и когда это сделал? Находки на городище позволили ответить на этот вопрос. Эти события происходили примерно 2, 5 тысячи лет назад, а точнее, «по — археологически» — в IV — начале III вв. до н.э. Кто тогда

Предметы быта и труда с Семилукского городища

здесь жил и чем занимался? И куда подевались эти люди?

Время с VII и до III вв. до н.э. археологи и историки называют «скифским временем». Это был период господства в степях Северного Причерноморья скифов — могущественного союза кочевых племен. Когда персидский царь Дарий в конце VI века до н.э. задумал подчинить себе скифов, он отправился в поход с несметным войском. И позорно бежал от неуловимых степных людей, не вступавших с ним в сражение, но наносивших постоянный урон войску завоевателя неожиданными ночными атаками, отравлением водных источников. Покоритель мира едва унес ноги с остатками войска и чуть было не попал в уготованную скифами ловушку... Об этих событиях оставил свой труд древнегреческий историк Геродот. Он же дал примерные координаты мест обитания самих скифов, родственных им племен и племен нескифских. Не совсем ясные сообщения Геродота приводят нас и в среднее течение Дона. Где-то здесь обитали, по данным историка, многочисленные племена будинов, среди которых жили гелоны. Первые, по Геродоту, занимались скотоводством, вторые, кроме того, земледелием и садоводством и имели храмы по примеру греков. Будины говорили на нескифском языке, были голубоглазы. Гелоны говорили «отчасти на скифском языке, отчасти на эллинском» и были потомками греческих торговцев. Так писал Геродот.

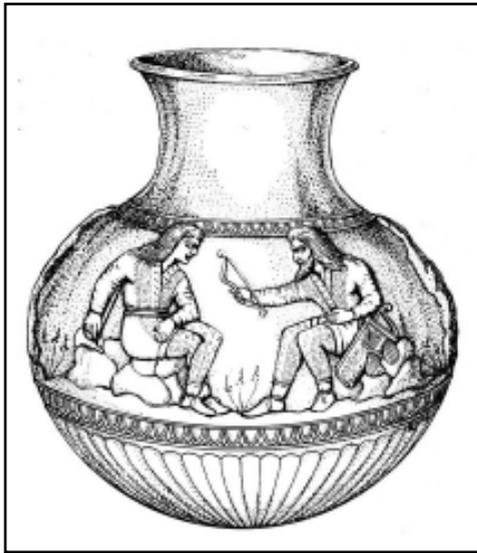
Историки и археологи разных времен пытались и пытаются согласовать данные Геродота и археологии. Но получается это плохо. Отсюда разные мнения и суждения. Пожалуй, самой приемлемой точкой зрения является мнение о том, что обширные территории от Среднего Дона и до Днепра занимали племена будинов. Много сходства в археологических памятниках, в посуде, украшениях, оружии, домостроительстве и т.д. Сложнее вопрос с гелонами, и тут еще больше мнений. Следов садоводства найти не удалось, как и святилищ греческих богов. Археолог из ВГУ А.П. Медведев полагает, что Геродот, плохо знавший реальную обстановку далеко от греческих колоний на Черноморском побережье, следовал народной трактовке гелонов: слово «эллины» и «гелоны» звучат по-гречески

почти одинаково. Поэтому Геродот и написал гелонам культуру эллинов-греков как земледельцев. В греческом мифе, где говорится о трех братьях, скиф и Гелон — братья. Геродот должен был это знать, поэтому и пишет, что язык у эллинов и гелонов похож. В реальности же, как полагает А.П. Медведев, курганы скифского времени на Среднем Дону оставлены гелонами — родственными скифам племенами, пришедшими на Дон из Поднепровья в VI веке до н.э. В реальности они ираноязычны, в их культуре много от ранних скифов Поднепровья и вели они кочевой образ жизни. Интересно, что на противоположном берегу Дона в Северном микрорайоне находились знаменитые «Частые курганы», которые исследовались с начала XX века. В одном из курганов был найден знаменитый теперь серебряный кубок, на котором воспроизведен миф о создании скифии и изображены три брата — скиф, Гелон и Агафирс.

Вероятнее всего, на Семилукском городище обитали геродотовские будины, то ли ираноязычные племена по одной точке зрения, то ли финно-угорские (предки современных финнов, венгров, мордвы и др.).

Вопрос о том, чем они жили, выяснен в ходе раскопок. Посмотрим на «будинскую жизнь» поближе. Археологи нашли большие каменные плиты с обработанными поверхностями. Для чего они предназначались? Долгое время после находок каменных плит со следами затертости по их поверхности им выносили вердикт — зернотерки. Предполагалось, что на этих плитах растирали зерно в муку, камень о камень, как жерновками. Эти были лишь предположения. Но зерно ли растирали на них? Ответить на этот вопрос помогли трасологические исследования семилукских каменных плит.

Краткая справка. *Трасология* (от греч. *трасос* — след, *логос* — слово, рассказ) — наука, которая изучает следы, оставленные на камне, кости, металле и по следам, оставленными на них отвечает на вопрос — для чего это орудие предназначалось. Под микроскопом следы хорошо видны. Экспериментаторы изготавливают такое же орудие, например, каменный серп и пробуют косить им траву, резать кустарник и т.д. После каждого эксперимен-

Серебряный воронежский кубок из «Частых курганов»

та — орудие под микроскоп. А там — следы использования. Если они точь-в-точь сходятся с оригиналом, то тогда ясно, что это за орудие и что им делали.

В Воронеже живет и работает специалист-трасолог В.В. Килейников. Археологи часто несут ему «на пробу» все, что непонятно для чего. И Виктор Викторович определяет. Так было и с семилукскими каменными плитами, которые на поверку оказались... рудотерками! Будины растирали железную руду на этих плитах, а затем ссыпали ее в горшок и — в доменную печь. После плавки получалась крица — губчатое железо. Крицу ковали, удаляя шлаки (куски шлака нашли на городище), одновременно шел процесс обогащения железа углеродом, отчего изделие становилось более прочным. Эти изделия археологи находили на городище — железные копья, стрелы, принадлежности конской упряжи, железный топор, мотыги, ножи, шилья.

Скопление шлака в одном месте, находки кузнечного молота, ям со следами горения при высоких температурах дало основания археологам А.Д. Пряжину и Ю.Д. Разуваеву считать, что на Семилукском городище работала настоящая кузница. Что касается железной руды, то вопреки распространен-

ному мнению, ее достаточно много везде — в оврагах, балках. На вид это тяжелые «камни» с ржавчиной. Железа в них немного, зато встречается такая руда повсеместно.

Будины с Семилукского городища занимались гончарством. Тогда гончарного круга эти племена не знали, хотя возможно и знали, но не применяли. Посуда местная лепная и чаще всего это горшки, миски, кувшины. В сосудах хранили зерно, мясо, молочные и другие продукты, варили пищу.

Редко, но встречались обломки греческих амфор. Каким-то образом сюда попадали импортные товары (в амфорах греческие торговцы перевозили вино, оливковое масло). В одном из мест, рядом с жилищем был найден сверток, в котором находились женские украшения из серебра и бронзы. На них отпечатались ткани, в которую были завернуты украшения. Эти находки относятся к финалу существования укрепленного поселка, и, по-видимому, в период возникшей опасности они были спрятаны.

Будины знали ткачество, ведь оно было изобретено за несколько тысяч лет до них. Свидетельства ткачества — глиняные грузики от ткацкого станка. Древнейший ткацкий станок вертикальный или горизонтальный требовал грузики для натяжения нитей. Между вертикально расположенными нитями продевали при помощи иглы (уток) горизонтальную нить. Гребнем уплотняли нити. Вроде и нехитрое дело — ткачество. Только надо еще овец вырастить, коз, шерсть приготовить, при помощи веретена скрутить ее в нить, а это, как известно, дело куда хлопотнее.

Часто грузики украшали разными орнаментами. Хотя назвать их украшениями неверно. В древности существовал совсем другой взгляд на то, что мы называем словом «украшать». В древности, в отличие от нынешнего, эстетического понимания орнаментов (чтобы было красиво), существовал другой взгляд на это: орнамент нес определенный смысл, чаще всего охранительный (от злых духов), часто это был особый магический код племени, рода на успех дела и т.д. Иначе говоря, не для красоты, а для практической надобности все эти точки, зигзаги и прочее.

Неожиданно во время раскопок пришлось вспомнить находку Т. М. Олейниковым и другими сотрудниками Воронежского областно-

ДРЕВНЕРУССКИЙ ПОСЕЛОК

го краеведческого музея останков скелета человека. Вдруг скелеты стали встречаться в массовом количестве. За время раскопок были обнаружены останки не менее чем 70 скелетов. Умершие в основном дети, не достигшие 10-летнего возраста, и люди старше 30 лет. При этом умершие не были погребены, «как полагается» в могильных ямах: скелеты и разрозненные кости находили в хозяйственных ямах, в остатках хозяйственных построек типа сараев, в жилищах. Скелеты лежали скорченно то на правом, то на левом боку, иногда в неестественном положении, как будто без четкого соблюдения обряда погребения. Не соблюдались и ориентировка умерших — она была разнообразной на все четыре стороны и это тоже отклонение от обряда, который предполагал четкую ориентировку умершего в определенном направлении. Вещей при них либо не было вовсе, либо это были единичные предметы. Все это выглядело странным, и тогда уже появились по этому поводу две версии.

Одну точку зрения отстаивают авторы раскопок — А.Д. Пряхин и Ю.Д. Разуваев: на заключительной стадии существования укрепленного поселка население постигла эпидемия. Умерших похоронили, и поселок прекратил свое существование.

Другую точку зрения обосновывает А.М. Медведев: это — не эпидемия, обряда здесь тоже нет, а половозрастной состав умерших странный, ведь умерли дети и люди старше 30 лет. А где же сильное, боевое мужское население от 20 до 30 лет? Эпидемия ведь косит всех без разбора... На умерших к тому же не было никакой одежды (нет пряжек, бус, других украшений одежды). Мало погребений девушек и женщин в возрасте до 30-ти лет. Их в первую очередь уводили в полон! Не являются ли эти погребения результатом разгрома городища? Начало III века до н.э. — время исчезновения городищ, курганов скифского времени на всей территории лесостепного Дона в результате наступления новой волны кочевников с востока. От них не устояла скифия, от них не устояли племена, жившие в лесостепи, в том числе и на Дону. Письменные документы не говорят нам о том, кто это. Но это уже не скифы, а какие-то новые подразделения кочевников, общее имя которым — сарматы. Начинается новая эпоха, сарматская.

Прошли столетия. В конце XII века уже нашим предкам приглянулся высокий мыс на правом берегу Дона. Археологические раскопки показали: в конце XII века на месте городища возникает древнерусский укрепленный поселок. Древнерусское население построило оборонительные укрепления из вала, рва и деревянных конструкций на валу, жилища с отопительными печами, массу погребов, других хозяйственных сооружений.

Если говорить о занятиях древнерусского населения на городище, то они мало чем отличаются от занятий будинов. Вот только горшки посолоннее на гончарном круге. А так — топоры, ножи, шилья, наконечники стрел, принадлежности конской упряжи, ювелирные украшения...

Рыболовство у древнерусских жителей Семилукского городища было развито лучше. Археологи нашли не только многочисленные кости рыб, но и большие рыболовные крючки, явно не на пескаря.

Откуда взялось древнерусское население на берегу Дона? Авторы раскопок А.Д. Пряхин и М.В. Цыбин полагают, что население здесь появилось с территории Оки, где жили племена вятичей. А, кроме того, в посуде, домостроительстве заметно влияние и населения Черниговской земли — северян. Такие направления колонизации были свойственны и более раннему времени — VIII-X векам, когда на Дону и Воронеже появились славяне. Они тоже пришли с Оки и Северского Донца. Но в X веке из-за угрозы со стороны печенегов они опять ушли туда, откуда пришли, подалее от кочевников. И вот печенеги ушли в историю, новые кочевники — половцы — особых хлопот не доставляли и на Дону снова появились наши предки.

Что же это был за городок? Какую роль он играл в древнерусском государстве? По — видимому, это была сторожевая крепость и одновременно складывающийся центр сельской округи. Городок стоял одновременно на восточных рубежах черниговской земли и на южных рубежах рязанской земли, на опасном пограничье. Ответить на вопрос, кому принадлежала инициатива в создании сторожевой крепости — рязанцам или черниговцам, пока невозможно, письменных документов о постройке городка не сохранилось.

Селение же все более приобретало вид города: археологи обнаружили настоящую складывающуюся улицу. На соседних мысах тоже проживало население, а на одном из них — целое поселение гончаров. Производство глиняной посуды было важным делом, а она, как известно, — основа жизни сельских жителей.

Городок просуществовал недолго: после нашествия орд хана Бату в 1237-1238 годах его история закончилась, хотя какое-то время незначительная часть населения здесь еще проживала. Но в середине XIII века городок запустел окончательно, начинается эпоха монгольского ига.

Над высоким берегом Дона, широко расправив крылья, парит коршун. Жаворонок, вспорхнув над пожухлой весенней травой, заливается весенней песней. Ветер гонит по синему небу белые облака куда-то в неведомые дали, и проносятся они над Доном, будто века и тысячелетия. Все так же величественно несет свои воды Дон. Кажется, ничего не изменилось с тех давних пор, только человек обустроил место своего обитания сообразно со временем и привычками...

И течет время в неведомую даль вслед за белыми облаками и водами Батюшки-Дона...

Павел Попов

СЕМИЛУКСКИЕ УСАДЬБЫ

Редчайший уголок не только в Подворонье, но и во всей средней полосе России — целый «куст» усадеб в Семилукском районе, недалеко от Воронежа. Их объединяет близость Дона. Большинство усадеб роднит и их бывшая принадлежность к Землянскому уезду, центром которого служил городок Землянск (теперь село Семилукского района).

Сказочной красоты раздолье и реки — притоки Дона — неразрывно слились со старинными особняками и храмами в уникальном ландшафтно-архитектурном комплексе. В последние годы под Семилуками прокладываются и осваиваются увлекательные экскурсионные маршруты. Достаточно только выехать из черты города, из Подклетного, перебраться через Дон в село Семилуки — и рядом уже возвышается Чернышова гора, про феноменальные ландшафты которой издревле слагаются легенды. Сразу за горой открывается вид на широкую речную излучину речки Ведуги. Дух захватывает от простора левобережной поймы и от исключительности архитектурного ансамбля. В селе Терновом сияет позолотой церковь средневековых очертаний, за ней виднеется усадебный помещичий дом. И на противоположном краю подковы, в соседнем селе Губарева, — тоже церковь, и тоже исторический особняк! Две усадьбы смотрят друг на друга. Такого сочетания нигде больше не встретить.

Продолжая путешествие на север, знакомись с поразительными по архитектуре храмом и усадьбами в родственных селени-

ях Богоявленовке и Раздолье при реке Трещевке. А двигаясь на юг, в черту города Семилуки, (соседствующего с одноименным селом), надолго пленяешься и травянистыми кручами Дона, и «Дачей Башкирцева» — природным, историческим и архитектурным памятником, находящимся при впадении в Дон реки Девыцы.

Историк XIX века, владелец усадьбы Новоживотинное и других поместий М.А. Веневитинов в 1869 году первым описал необыкновенные места возле Семилук, и прежде всего Чернышову гору (ныне она высится прямо напротив Северного района Воронежа, на другом донском берегу):

«Этот холм, покрытый лесом и круто спускающийся к Дону, живописно возвышается над его долиной и далеко господствует над окрестностью. Верхняя, плоская часть его, доходящая до села Губарева, обращена в пашню, а северный склон, опирающийся в долину Ведуги, усеян под самым лесом большими плоскими камнями, которые в иных местах лежат слоями один над другим. Некоторые из этих камней так обмыты текущими здесь ключами, что представляют как бы искусственно обтесанную поверхность: на этом основании окрестные жители считают их остатками каких-то сверхъестественных построек. (...) Один из камней, скрытый под сухими листьями в самом русле оврага, имеет посередине длинный и глубокий желоб, напоминающий собой водосток из черепицы или подобную работу человеческих рук: до того он правилен и прям. Несколько выше этого места, на правом берегу оврага начинается

ряд воронкообразных ям, внизу которых находятся небольшие, узкие отверстия, ведущие в подземелье. Это — выходы Чернышовой пещеры (...)

Я несколько раз был в этом подземелье и имел случай осмотреть его при свете фонаря. Состоит оно из плотного, но несколько хрупкого камня, образующего своды и довольно правильные стены. (...) Отверстие ведет в низкий, но довольно широкий коридор, длиной от двух до трех саженей, с нависшими сводами и неровным потолком. Потом коридор делится на два столь же широких хода и одинаковой высоты (...) Левый ход расширяется и образует небольшую площадку, на которой человек 5-6 свободно могут стоять на коленях».

М.А. Веневитинов передает также страшные рассказы о пещерах. Так, губаревский крестьянин Гавриил Попов, который часто водил сюда всех любопытных и кладоискателей, объяснял, будто бы очень давно, при татарах, «жил в этих местах богатырь по имени Чернышов (...) Он был разбойник, имел шайку и скрывался с ней в пещере, в которой хранилось также награбленное им добро». С тех пор многие пытались отыскать здесь клады, но народ приписывал пещере покровительство нечистой силы: «Несколько лет тому назад всякий полдень и всякую полночь из пещеры слышалась музыка, звуки скрипок и барабанов, и раздавались удары вроде пушечного выстрела, как будто хлопала крышка тяжелого сундука. Иногда над входом в подземелье светилась свечка. Прежде, давно уж, близ этой пещеры страсти представлялись: из нея выбегал разъяренный бык с чудовищной головой, бросался на людей, попадавших ему навстречу, и загонял их. Раз кто-то только что хотел войти в пещеру, чтоб там копать, так вдруг мимо проскакала огненная карета и въехала в подземелье». По рассказам другого крестьянина, он увидел «пляски, а посредине как будто гроб на столбах и весь прозрачный».

«Однако, — продолжает публикатор легенд, — несмотря на все эти страсти, бывали смельчаки, которые лазили в Чернышову пещеру за кладами и в былые времена кое-что в ней находили (...) Попов рассказывал также, что чем дальше углубляться в пещеру, тем шире и выше она становится, так что можно десяти человекам свободно рядом идти. В

этом-то просторном месте находятся 12 отверстий в другие ходы и две железные двери».

Современные ученые рассматривают Чернышову гору и окрестные урочища прежде всего как памятники природы с редкими геологическими отложениями, а археологи почитают в качестве памятников, оставленных человеком с древнейших времен, еще с эпохи бронзы: Терновское поселение, обнаруженное на горе в полутора километрах к северо-востоку от Тернового, и Губаревское городище возле Губарева, где впечатляет мощная система укреплений с четырьмя линиями валов и рвов.

УСАДЬБА ТЕРНОВОЕ

При въезде в село Терновое в начале спуска нас встречает чудесный Богоявленский храм. Сегодня это одна из наистарейших сельских церквей в Воронежской области: она сооружена в 1769 году. Неразрушенных, восстановленных церквей старше ее сегодня не осталось ни в одном воронежском селе. В облике храма великолепно читаются не только формы барокко (типичный восьмерик с высоким куполом, фигурные оконные сандрики), но и более ранние средневековые черты (шатровая колокольня, ее маленькие окна с кокошниками и др.) — они заимствованы у старорусских построек, в том числе крепостных башен и шатровых колоколен, сложенных из дерева.

В XVIII веке сельские церкви сооружались на средства помещиков и на их землях, вблизи усадебных домов, так что эти храмы фактически являлись усадебными. Кто же создал такую красоту в Терновом? Ответ нашелся в Российском Государственном архиве древних актов: это дворяне Лосевы. Символично, что именно род Лосевых — сподвижников корабельного дела Петра I, первоиздателей многих черт воронежской усадебной культуры — оставил потомкам и былинную хоровую архитектуру.

Во второй половине XVII века одной из самых известных фигур среди местных служилых людей, а затем и дворянства стал Иван Лосев. Как и Веневитиновы, он занимался доставкой денег, продовольствия, оружия и боеприпасов, отпускавшихся государством донским казакам. В 1690-х годах руководил одним из первых адмиралтейских

кумпанств, и оно по количеству корабелов занимало второе место после кумпанства Антона Веневитинова. Отсюда проистекало последующее высокое общественное положение Лосевых. Во второй половине XVIII века в округе процветали и владели многими именными несколько семейных ветвей.

Не так-то просто развернуть и без повреждений свернуть огромный, размером в полкомнаты, изъеденный дырами План генерального межевания села Тернового 1778 года. На нем — не одна, а две усадьбы, бок о бок стоящие возле Богоявленской церкви, между храмом и рекой. В каждой — барский дом со службами и небольшим садом. Усадьбы разделены небольшим проходом. Такое могли сотворить, конечно, только близкие люди, родственники. И эти помещики названы на плане: Лосевы — Алексей Саввич и Василий Минич. Первый из них — поручик, сын умершего гвардии капитана Саввы Парамоновича Лосева.

В 1780-х годах документы упоминают в Терновом: церковь Богоявления Господня каменную, два дома господские деревянные с плодovitыми садами, да еще в ближнем сельце Лосево деревянный господский дом. Еще немного позже, в 1795 году, в Терновом названо имущество Анны Николаевны и детей ее Федора и Андрея Лосевых (видимо, братьев Алексея Саввича). Та же семья

вошла в историю Отечественной войны 1812 года как отдавшая положенное число ратников из своих крепостных крестьян: мать с сыном Андреем послали 5 человек из имевшихся 120 душ мужского пола, а брат Федор, живший как отдельный помещик, — 7 человек из 184.

Сохранившийся п-образный кирпичный усадебный дом, принадлежавший, скорее всего, Федору Лосеву, можно назвать одним из самых необычных памятников гражданской архитектуры Подворонезья. В оформлении главного, северного фасада дома не просматривается выразительного стилистического единства. Тем не менее, только этот особняк сохранил декоративные элементы в духе барокко: прямоугольные «ушки» оконных наличников, круглые накладки на сандриках полуподвального этажа. По планировке и конструктивным особенностям, по данным натурного обследования кладки с кирпичами 26,5—29 на 13—15 на 6,5—7,5 см и швами 2—3 см дом приблизительно датируется последней третью XVIII столетия.

Следующая известная фамилия среди владельцев — купеческо-дворянская фамилия Нечаевых. В XIX веке Нечаевы активно сколачивали богатство, занимаясь салотопенным делом, сбытом сала и шерсти в нескольких губерниях, в том числе в Москве и Петербурге, закупая и перепродавая в Во-

ронезе мануфактурные товары. Некоторые представители рода сумели перейти в дворянское сословие.

В Терновом хозяйничала почтенная семейная ветвь, славившаяся благотворительными традициями. В середине XIX века в бывшей нижней усадьбе Лосевых обосновался купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин Яков Иванович Нечаев (1798—1868). Он имел в Воронеже двухэтажные каменные дома, лавки в Хлебном, Железном, Рыбном и Гостином рядах, шерстомойный завод. В 1849—1852 годах был городским головой, в 1864-м построил Нечаевскую богадельню при Воскресенской церкви, в 1865-м принес в дар свою городскую усадьбу для создания епархиального женского училища. Имение Терновое купец завещал единственному сыну, Ивану Яковлевичу, который «исполнял с сыновною покорностью все его порученности, оказывал притом ему чистосердечное почтение, послушание и любовь». В документе фигурируют каменный господский дом, два сада (второй господский дом уже был снесен), земля с лесом в окрестностях сел Тернового и Ендовища — 263 десятины, мельница на Ведуге и церковь близ усадебного дома, которой завещатель жертвует тысячу рублей серебром.

Я.И. Нечаев небезосновательно боялся распрей между многочисленными родственниками-наследниками. Через четыре года умер его брат Александр Иванович Нечаев (1812—1870), часто гостивший в Терновом, и вдруг выяснилось, что тот — крупнейший воронежский филантроп. Перед смертью он основал в губернском центре Нечаевскую народную школу (мужское начальное училище с двумя ремесленными отделениями), пожертвовал на нее 60 тыс. руб. А по завещанию А.И. Нечаева 300 тысяч предназначались городу Воронежу — чтобы проценты с этого капитала выплачивались бедным вестам. Родственники Александра Ивановича опешили, объявили его сошедшим с ума, а завещание недействительным, и стали судиться с городским самоуправлением. Дело Нечаева стало первым и поэтому чрезвычайно принципиальным для новой, пореформенной воронежской Думы 1871 года. Пригласив на суд знаменитого столичного адвоката К.К. Арсень-

ева, самоуправление выиграло процесс. Только за пять последующих лет 314 невест получили 55 700 рублей. А не доживший до позорного суда Я.И. Нечаев успел поступить мудро: свое завещание отменил, основное имущество уберег от лишних посягательств и отдал любимым детям по дарственной.

В конце XIX и начале XX веков терновским баринком был выходец из знатного воронежского дворянского рода, деятель местной культуры и меценат Сергей Михайлович Сомов (1853—1924). Он родился в усадьбе соседнего села Губарева, а имение Терновое приобрел на рубеже 1880-х и 1890-х годов после того, как Губарево отошло по наследству к его брату Петру. При Сомовых, приверженцах высоких эстетических вкусов, Терновое превратилось в ярко выраженное «культурное гнездо».

С.М. Сомов, окончивший Императорское училище правоведения, в 1875 году стал служить младшим секретарем Святейшего Синода. В 1878 году вышел «высочайший указ» о пожаловании Сергею Михайловичу звания камер-юнкера Двора Его Императорского Величества. Через несколько лет он возвращается на родную землю, становится терновским помещиком. В 1894 году дворянство соседнего Нижнедевицкого уезда, где располагались родовые имения Сомовых, избирает его уездным предводителем. Наконец, с 5 января 1895 года по 21 декабря 1897 года — три года — он занимает пост губернского предводителя дворянства. В то же время не теряет связь со столицей, состоит членом присутствия при хозяйственном совете Синода, обретает придворное звание камергера.

В 1881 году 27-летний С.М. Сомов обвенчался в Петербурге с 19-летней Верой Александровной Родионовой. Супруги прекрасно дополняли друг друга в своих культурных интересах, особенно после переезда в Воронежскую губернию. Не случайно они выбрали Терновое, с его шедевральным провинциальным храмом и живописными каменистыми ущельями. Вера Александровна питала страсть к изобразительному искусству, представляла на выставки свои любительские работы, в том числе и виды Тернового. Известно, что она была приверженкой старой русской архитектуры, и, может, поэтому неординарный облик усадьбы опять был

сохранен. Но главное, что В.А. Сомова в 1896—1900 годах возглавляла «Комитет воронежского Кружка любителей рисования» и очень благотворно повлияла на местную художественную жизнь. При Сомовой наблюдался расцвет кружка и работавшей при нем бесплатной рисовальной школы. Супруг же С.М. Сомов прослыл крупным покровителем местных музыкантов. В 1895 году он возродил Воронежское отделение Императорского русского музыкального общества, став бессменным председателем отделения. Вероятно, в это время Сомовы впервые приступили к организации крестьянского хора, подыскивая подходящих девушек-певцов в Терновом и Губареве.

В начале XX века Сергей Михайлович вновь пошел ввысь по служебной лестнице, прикрепился к Министерству внутренних дел, опять перебрался в Петербург. Более того, в 1914 году он стал петроградским председателем дворянства, а в 1917-м — членом Государственного Совета! Тем не менее, никогда не забывал милую Ведугу, часто наезжал в Терновое и Воронеж. Вплоть до революции действительный статский советник С.М. Сомов возглавлял местное музыкальное общество. Он много раз покрывал расходы на содержание училища, работавшего при обществе, тратил личные деньги на организацию концертов.

Октябрьская революция привела к вынужденной эмиграции семьи. С.М. Сомов умер в Мюнхене, похоронили его в Риме. Судьба свела нескольких потомков Нечаевых и Сомовых во Франции. Их могилы выявил на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа воронежский ученый-историк А.Н. Акиншин. Например, Варвара Сомова, дочь камергера и мецената, уроженка Тернового, умерла в Париже в 1953 году, а ее брат Сергей — в 1976-м. Они унесли с собой и многие усадебные традиции, а усадьбе было готовано иное предназначение.

В 1923 году Ендовищенский волостной исполком констатировал, что основные усадебные постройки Сомова заняты опытной птицеводческой станцией Губземуправления, другие пришли в разруху. Каменные строения на хуторе, в черте села, определили под школу граждан села Тернового.

Вскоре школу перевели в главный господский дом, который она занимает несколько

десятилетий. В середине XX века сделана пристройка-вставка с южной стороны, так что в целом здание приобрело прямоугольную планировку. Много лет здесь поддерживается атмосфера не усадебного, но школьного тепла и уюта. В просторных комнатах сполна хватает комфорта для учеников небольшого села. До конца XX века действовали изразцовые печи, а ныне немногочисленные печные конструкции берегут колорит интерьеров. В 1994 году дом получил статус памятника, охраняемого государством.

Благодаря постоянной заботе школьников уцелел прилегающий к дому фруктовый сад, в нем растут деревья, посаженные уже в советское время. Роль парка выполняет природная зеленая зона Ведуги, террасами спускающаяся от церкви и школы по крутому берегу. На откосе холма живописно лежат древние замшелые камни, которые еще при Лосевых, Нечаевых и Сомовых придавали усадебному ландшафту особое своеобразие.

Богоявленский храм еще в 1920-х годах был поставлен на учет Главнаукой Наркомпроса РСФСР как один из наиболее ценных памятников Воронежской губернии. В 1983 году статус памятника был подтвержден решением облисполкома, а в 1995 году указом президента России храм признан памятником общероссийского (федерального) значения. Долгие годы церковь пребывала в заброшенном виде и поэтому привлекла кинематографистов как зрительный образ разрушенного в войну Воронежа. В 1959 году известный актер и режиссер Сергей Бондарчук снимал в этом храме свою дебютную художественную ленту «Судьба человека» по одноименному рассказу М. Шолохова, сыграв и главную роль в фильме. Наконец, в начале 2000-х годов храм был полностью восстановлен.

Белая окраска храма удачно выделяется на фоне темных сосогоров, а кровля из меди и нержавеющей стали, покрытой блестящей краской цвета светлой меди, стала оригинальным новаторством в реставрации воронежских церквей. Московские художники выполнили добротные росписи в храме. Теперь мини-заповедник Терновое не подвержен повсеместной разрухе, радует глаз, и это очень отрадно.

УСАДЬБА ГУБАРЕВО

Село Губарево стоит на другой стороне речной подковы, на западном склоне Чернышовой горы, то есть в эпицентре старинных преданий о сверхъестественных камнях и пещерах. В последней четверти XVIII и первой половине XIX века в селе было два основных поместья с усадебными домами. Усадьба в северной части села, возле Богоявленского храма, принадлежала майору Ивану Акимовичу (Иакимовичу) Невежину. На его средства была возведена кирпичная церковь взамен деревянной. Новый храм, освященный в 1800 году, донныне служит архитектурной доминантой села.

В первых десятилетиях XIX столетия главной фигурой в другой усадьбе стал гвардии поручик Иван Иванович Лосев (ок. 1790 — 1841), умерший и погребенный в этом же селе. До обидного мало сведений о жизни Лосевых, об их усадебном быте отложилось в архивах и музеях. Счастливое исключение — портрет И.И. Лосева, сберегаемый в Воронежском областном художественном музее имени И.Н. Крамского. Помещик писан воронежским художником И.В. Шевцовым в 1826 году на 36-м году от рождения, копию выполнил Медведев. Как раз при этом дворянине (а также, вероятно, при его родителях) в начале века появился прекрасный двухэтажный кирпичный дом в стиле ампир, который, по новым принципам усадебной застройки, обратили к красивой пойме Ведуги. Главный юго-западный фасад особняка вобрал в себя все великолепии, присущее классическому усадебному быту русских дворян. Четырехколонный портик второго этажа опирался на изящную аркаду, которая поддерживала балкон, и завершался треугольным фронтоном. Архитектура схожа с формами такого известного памятника архитектуры Воронежа, как дом дворян Тулиновых на Большой Дворянской. Однако городской тулиновский дом более строг, а усадебный лосевский, ориентированный на восприятие архитектуры среди вольных просторов, более раскрепощен, импозантен. Треугольный фронтон прорезан широкой аркой. В центре всей композиции, в стене дома над балконом, — большое полуциркульное окно с чередующимися полукольцевыми и радиальными перемычками. Перед портиком —

арка в виде широкого грота, при строительстве которого, вероятно, был использован природный камень Чернышовой горы. Две лестницы, поднимаясь по арке, соединялись наверху в один ступенчатый марш, который вел на балкон. Парковая приречная зона являла собой органическое соединение природы с зодчеством: в партере дома, на плато устроили еще один каменный грот, далее парк террасами опустили к Ведуге, и в ландшафте между прогулочных аллей оставили большие камни диковинных форм — так, как их расположила сама природа на склоне легендарной горы. Просторное плато обогородили липами, кустарником, цветниками.

В 1810-х годах за Иваном Лосевым значились 196 душ мужского пола в Губарево да еще 96 душ в недалекой деревне Гнездиловой.

Сестра И.И. Лосева Ульяна Ивановна (ок. 1787 — 1850) вышла замуж за Николая Афанасьевича Сомова — представителя древней дворянской фамилии Смоленщины. Смоленские Сомовы еще в XVII веке, при царе Алексее Михайловиче, получали вотчины за верную воинскую службу. А на воронежской земле закрепились как раз благодаря родственной связи с Лосевыми. В 1850 году вдова ротмистра Ульяна Сомова «волею Божию помре от желчи» и упокоилась в Воронеже на кладбище Акатова монастыря, среди знатных воронежцев. Сын Николая и Ульяны, Михаил Николаевич Сомов (1812 — ок. 1855), получил Губарево в наследство от матери и с удовольствием жил на легендарной горе в эффектной и романтической усадьбе. В последние годы своей жизни — с 1853-го по 1855 год — он удостоился чести быть предводителем дворянства Землянского уезда. Но гораздо большую известность приобрели его жена, брат, а также сыновья.

Супруга Михаила, Варвара Петровна (1823—1887), не могла найти себе места от горя, когда преждевременно умер ее горячо любимый муж. Сначала вместе со своими детьми она объезжала различные монастыри. Затем основала обитель в другой вотчине Сомовых, в деревне Сомовке Нижнедевицкого уезда, превратив в нее свою усадьбу, находившуюся в изысканном месте, возле пруда и меловой горы. В 1864—1866 годах там был возведен храм во имя святой великомученицы Варвары. В 1882 году обитель

получила статус Варваринского женского монастыря, Варвара стала его игуменьей.

Жизненный путь брата Михаила — Афанасия Николаевича Сомова (1823—1899) — навсегда увековечен на карте России: это в его честь назвали железнодорожную станцию Сомово, теперь уже находящуюся в черте Воронежа! В 1859—1868 годах А.Н. — Сомов был губернским предводителем дворянства и, как следствие, он же стал первым председателем губернской земской управы (1865—1868). Земство выступило заказчиком прокладки первой железной дороги к Воронежу. Отдавая должное инициативе, активности Сомова, добившегося строительства ветки Воронеж — Козлов, губернское земское собрание обратилось в правительство с просьбой: наименовать Сомовским ближний к городу железнодорожный мост через реку. Ходатайство удовлетворили по-другому, еще более весомо: название станции, данное в 1867 году, не решились отметить даже в советское время. После смерти родителей Губарево досталось в наследство четверым сыновьям: Петру Михайловичу (1846—1908), Митрофану Михайловичу (1848 — после 1917), Афанасию Михайловичу (1850 — после 1917), Сергею Михайловичу (1853—1924). Все они — уроженцы Губарева.

Необходимо добавить, что Сомовы были известными покровителями и меценатами музыкальной культуры Воронежа. В 1913 году на средства коллежского асессора А.М. Сомова — уполномоченного главной дирекции Императорского Русского музыкального общества (ИРМО) — выстроили капитальное здание музыкального училища на главной улице Воронежа, обошедшееся в 80 тыс. рублей. Владельцем же усадьбы, где было сооружено училище, являлся камергер Императорского двора М.М. Сомов — директор Воронежского отделения ИРМО. Он предоставил здание в безвозмездное пользование общества.

В 1886 году братья владели помещьем размером в 750 десятин безраздельно, но к концу 1890-х годов отписали его одному Петру Михайловичу. В 1900 году в его усадьбе жили 23 человека. После того, как П.М. Сомов скончался в 1908 году, брат С.М. Сомов присоединил Губарево к своему владению Терновое и, таким образом,

стал полноправным владельцем всех красивых урочищ в округе.

После гражданской войны в губаревской усадьбе, как и в терновской, разместили опытную сельскохозяйственную станцию. На горе организовали каменные разработки и пресекали самовольную добычу песка местными жителями. В довоенное время, судя по фотографии 1920—1930-х годов, главный дом еще сохранял архитектурное величие. Однако после войны, когда дом, занятый средней школой, не однажды ремонтировали, особняк лишился своей главной приметы — портика с балконом на главной фасаде. Более сохранился дворовый фасад, выделенный пилястрами, треугольным фронтоном и характерной для классицизма композицией из трех разновеликих окон и ниш с растительным орнаментом. На главном фасаде остались пилястры и некоторые другие ценные детали, в том числе центральный филленчатый архивольт, обозначающий место уничтоженного полуциркульного окна. С 1994 года здание состоит на государственной охране, а с 1995 года имеет статус памятника архитектуры федерального значения.

ДАЧА БАШКИРЦЕВА

У этой реки на редкость поэтичное название — Девица. Но нигде кроме, как на Даче Башкирцева — на южной окраине современного города Семилуки — она не имеет столь поэтичного, живописного вида и столь поэтичной истории.

Здесь Девица впадает в Дон. Перед тем как вырваться на пойму, река пробивает свое русло в крутом донском берегу и течет по дну крутого оврага. Как раз над этим колоритным каньоном — оригинальный навесной мост, по которому можно попасть на усадьбу. Она расположена сразу за мостом: голубой кирпичный двухэтажный дом с мезонином развернут к Девице вполоборота, а на Дон смотрит всем главным фасадом. За домом располагаются бывшие флигели для прислуги. Дальше — обширный верхний парк, где можно с удовольствием прогуляться по аллеям престарелых высоких лип. Спустившись по ступенькам на донской берег, в бывший нижний парк, явно ощущаешь природную мощь бегущих, сли-

вающихся и разливающихся темных речных вод, любишь широкий луговой простором, дышишь степным ветром и наблюдаешь, как к Дону подступают многоэтажные кварталы Воронежа.

В отличие от других семилукских усадеб, эта в старину относилась не к Землянскому, а к Воронежскому уезду. Близость Воронежа лишней раз напоминает, что историческая дача связана со значимыми событиями и персонами, занесенными в общегородскую и общероссийскую летопись. С 1983 года усадьба охраняется именно как памятник истории, связанный с жизнью и творчеством русского поэта Алексея Кольцова. А приусадебный парк признан памятником природы.

Первый владелец усадьбы не установлен. На основе стилистического анализа господский дом датируется первой третью XIX века. Это очень характерная постройка в формах позднего классицизма. Возможно, особняк сооружен при воронежском помещике, титулярном советнике Николае (в других документах Никаноре) Семеновиче Дегтерева. Именно он 27 июля 1829 года продал усадьбу воронежскому купцу Сергею Васильевичу Башкирцеву, а от того имение перешло по наследству сыну, купцу Ивану Сергеевичу Башкирцеву (1799 — ок.

1862) — родственнику и близкому другу А.В. Кольцова. Если допустить, что дом построили или перестроили Башкирцевы, то тогда это случилось на рубеже 1820—1830-х годов.

С.В. Башкирцев занимался традиционным русским и воронежским предпринимательством: вел обширную хлебную торговлю, сплавлял хлеб по Дону на собственных барках (небольших судах), чем и заработал солидный капитал. Краевед XIX века М.Ф. Де-Пуле, биограф Кольцова, свидетельствовал, что «старик Башкирцев пользовался в Воронеже большой известностью как человек богатый, умный и деловой». «Ходил он в халате, подпоясывался кушаком, носил бороду и подстригал волосы в кружок; едал на деревянной и оловянной посуде, но был гостеприимен и вовсе не скуп: напротив, он очень охотно помогал бедным и щедро оделял нищую братию, просящую милостыню ради Христа».

Его единственный сын И.С. Башкирцев в юности пользовался репутацией «как шалопай, баловень батюшки и какой-то «блажной», не обещающий проку». Однако отец Кольцова прозорливо увидел в нем будущего толкового коммерсанта и женил на нем свою дочь, старшую сестру поэта — Марию Васильевну. «Юный Башкирцев страстно по-

любил жену, остепенился и стал неузнаваем. Это была замечательно-даровитая, вполне широкая русская натура, с такими, однако же, свойствами этой широты, которые заключались не в уменье только жить и ставить копейку ребром, но в уменье вести дела, в особенности к смелой инициативе».

И.С. Башкирцев существенно расширил хлебное дело отца и выступил в Воронеже как суконный фабрикант-новатор: он приобрел несколько суконных фабрик, усовершенствовал их новой техникой, и поначалу его производство пользовалось заслуженной славой. Судя по архивным документам, в 1835 году Башкирцев купил с публичных торгов две суконные фабрики: В.А. Елисеевой на берегу реки (теперь ул. С. Перовской) и полуразвалившееся производственное здание с ветхими ткацкими станами на улице Поднабережной (ныне ул. 20-летия ВЛКСМ), которое ранее принадлежало Елисеевым, а до них — Гардениным. На Поднабережной, рядом с восстановленной фабрикой, купец выстроил дом для своей семьи, где, очевидно, не раз бывал А.В. Кольцов (теперь дом № 37). И.С. Башкирцев также зарекомендовал себя как крупный подрядчик и для строительных целей имел усадьбу со складом на улице Лесных дворов (Кольцовская).

По словам М.Ф. Де-Пуле, в 1830-е годы Иван Сергеевич «уже гремел в Воронеже, был самою крупною известностию». Похвально, что он «унаследовал от отца сердечную доброту и склонность к благотворительности, но все это проявлялось у него уже в иной форме. Для бедных у него были свой доктор, своя акушерка, свой священник, лавки с съестными припасами и другими товарами, в которых нуждающиеся забирали нужные для них вещи по книжкам; по этим последним уже расплачивался сам благотворитель».

В домашнем быту весьма колоритной, известной в самых высоких кругах местного общества стала усадьба Башкирцева на Дону, где и хозяйство велось, и дачный отдых расцветал. «Жить он любил на широкую помещичью ногу; в городе любил давать роскошные обеды, а летом на даче, расположенной над Доном, устраивал вечера, обыкновенно оканчивавшиеся катаньями на лодках, с музыкой и песнями. Оркестр музыки и песьель-

ники были у него свои, конечно, не крепостные: последние из судорабочих, а музыканты если не странствующие, то приблудные, — те несчастные артисты-неудачники, которым, по собственной ли их вине или по чему другому, не повезло в жизни, в разных тогдашних оркестрах, и которые находили у Башкирцева приют, хорошее содержание и школу, в которой он как-то умел из этого сброда людей делать нечто путное, музыкального употребления, насколько оно удовлетворяло, конечно, вкусу гостей и хозяина. Губернская знать, начиная от губернатора, охотно посещала Башкирцева, его обеды и дачные вечера. Старик-отец, в это время ничем уже не занимавшийся, занимал с этими пышными обедами всегда первое место, рядом с губернатором...».

Дача Башкирцевых очень многое значила в судьбе Кольцова, а в последние годы его жизни — и в творчестве. Здесь он пережил самые счастливые в жизни часы, отсюда появились и величайшие тяготы. Мало сказать, что поначалу он бывал здесь по-родственному вместе со своим отцом, и тот занимал место рядом с Башкирцевым-старшим (присутствующие отмечали, что оба старика одеты в похожие простые, «серые», костюмы). С годами росло отчуждение Кольцова от домашней, отцовской обстановки, а в семье Башкирцева-младшего он находил полное понимание и душевный уют. В 1831 году, во время эпидемии холеры, свирепствовавшей в Воронеже, умерла Мария Васильевна Башкирцева, и ее муж долго не мог отойти от горя. Но после этого Алексей Кольцов и Иван Башкирцев не отдалились, а, напротив, еще больше сблизились. Незадолго до смерти А.В. Кольцов писал В.Г. Белинскому и В.П. Боткину: «Выгонит отец со двора больного — есть родственник, готовый меня взять к себе и безо всякого счета доставить мне все нужное. Это — Башкирцев (...) Да он меня издавна любит, и он больше всех в городе, после матери, обо мне заботится».

Здесь же, на поэтично-живописной даче Башкирцева, А.В. Кольцов познакомился в 1839 году со своей роковой любовью — со вдовой Варварой Григорьевной Лебедевой, урожденной Огарковой. В более молодые годы поэт уже ухаживал за ней «безмолвно», а теперь чувство вспыхнуло с новой силой. В одном из писем А.В. Кольцов пишет:

«Что это за женщина: чудо! С меня ростом, брюнетка, стройная до невероятности, хороша чертовски, умна, образована порядочно, много читала, думала, страдала, кипела в страстях. Голубые большие глаза, черные брови, тело — мрамор, темнорусые волосы, коса — шелк, дивная коса, ножки нет лучше в Воронеже». Кольцова не смущало, что, по выражению М.Ф. Де-Пуле, Варвара Лебедева «играла роль губернской камелии, переходя от одного из местных сластолюбцев к другому», а по формулировке литературоведа А.М. Путинцева, «она принадлежала всем воронежским жуирам того времени: и богачу-старичку Башкирцеву, и ухачу-офицеру, случайно проезжавшему через Воронеж, и молодому купчику». Алексей надеялся «спасти от гибели» Варвару, посвящая ей стихотворение «К***» (1839):

Ты в путь иной отправилась одна
И для преступных наслаждений,
Для сладострастья без любви
Других любимцев избрала (...)
Но я решил, я пойду
И до конца тебя не брошу,
И вновь я выведу тебя
Из бездны страшного греха...
И вновь ты будешь у меня
На прежнем небе ликовать
И трудный путь судьбы моей
Звездой светлой озарять!..

Вскоре Лебедева ответила Кольцову, как казалось, взаимностью, и он пишет о ней самые восторженные в своей жизни письма:

«Всю жизнь мою я не жил такую жизнью: ни дня, ни минуты; а если и жил, то когда-то давно, в огне первой юности. (...) Этому наслаждению конца нет, я весь утонул в блаженстве до самозабвения, до исступления. Она в одну минуту сделала из меня другого человека, и я уже не на шутку боюсь за себя».

«Будь, что будет, по крайней мере, я ей обязан в настоящую пору весьма многим; она возродила меня снова к жизни, и я теперь начал жить лучше. В душе такая полнота».

Однако, как считали Де-Пуле и Путинцев, в это время Варвара уже была больна сифилисом, и Алексей заразился от нее, о чем он сам сообщал в письме В.Г. Белинскому (добавляя, что такая же болезнь случалась с ним уже лет десять назад). Через два ме-

сяца у Кольцова кончились деньги на содержание Лебедевой, и та ушла к другому мужчине, помещику. Любовная болезнь спровоцировала обострение чахотки у поэта, а его душевные страдания еще больше усугубили телесные недуги. В это время в кольцовой поэзии появились пессимистические нотки. Они звучат в известном стихотворении «Расчет с жизнью» (1840):

Моя юность цвела
Под туманом густым, —
И что ждало меня,
Я не видел за ним (...)
Жизнь! Зачем же собой
Обольщаешь меня?
Если силу бог дал —
Я разбил бы тебя!..

Врач И.А. Малышев пытался спасти А.В. Кольцова закаливающими водными процедурами: весной и летом 1841 года Алексей Васильевич жил на даче Башкирцева, помногу купаясь в Дону. Но ничто не помогло, и в 1842 году сочинитель народных песен скончался в своем воронежском доме (ныне проспект Революции, д. 46), где отношение к нему родственников стало еще более прохладным.

В середине 1840-х годов И.С. Башкирцев влез в безнадежные долги и в конце того же десятилетия разорился. Современники говорили, что он не шел на безнравственные сделки, а честным путем поправить дела было невозможно. Считается, что для него стал роковым подряд на строительство огромного здания Кадетского корпуса, из-за чего купец сильно потратился. Как следствие, он не смог выполнить поставки сукна в армию и другие обязательства, и за долги его лишили домов и фабрик. Свидетелем его драмы стала и его известная дача. В 1845 году И.С. Башкирцев занял у московского купца 2-й гильдии, потомственного почетного гражданина Владимира Ивановича Нечаева 7 143 рубля серебром, предоставив в залог усадьбу на Дону и Девичье, и не смог вернуть долг. В 1849 году усадьба перешла Нечаеву. Предварительно, в 1848 году, властями была составлена подробная опись всего имения. Теперь она воссоздает местный усадебный быт, который во многом оставался таким же, как при Кольцове. Имение занимало 28,5 десятин земли, из них 8,5 десятин было отведено под усадьбу.

Двухэтажный кирпичный дом с мезонином имел длину 9 сажень и 1,5 аршина, ширину 6 сажень и 1 аршин. В первом этаже были жилые комнаты для прислуги и хозяйственные помещения: «две крестьянские избы с каменными сводами (...) с полатыми из досок и лавками вокруг них (...), каменным полом, кухня каменная, два выхода». Основной второй этаж насчитывал «двое сеней с каменными крыльцами, жилых комнат одиннадцать, в них печей пять кирпичных и одна кафельная», здесь было 22 окна. В мезонине — две комнаты. Во дворе находились 7 амбаров (5 для хлеба), 3 птичьих сарая и еще 2 сарая иного назначения, 2 «рушки», которые представляли собой деревянные помещения «в столбах, обмазанные глиной», и основным оборудованием каждой из «рушек» было 10-аршинное колесо и «камень пятерик». Выше дома тянулись фруктовый сад на 6 десятинах земли (около 3 тысяч молодых плодовых деревьев) и парковая зона (около 7 тысяч лип, берез, сосен). С правой стороны от дома усадьбу окаймляла «каменная в столбах решетка 16 сажень длины».

В советское время усадьбу занимали воинская часть, затем больница. После Великой Отечественной войны Семилукский

огнеупорный завод устроил здесь дом отдыха, а впоследствии до 1990-х годов использовал бывшую дачу как общежитие для рабочих. В 1942—1943 годах, во время боев за Воронеж, главный дом был поврежден. При послевоенном восстановлении его главный, восточный фасад лишился вынесенной кирпичной аркады первого этажа, над которой размещалась терраса основного этажа, не стало и балкона на мезонине. Тем не менее воронежцы постоянно проявляли трепетное отношение к ценному кольцовскому уголку, и в 1969 году, во время празднования 160-летия со дня рождения поэта, на особняке укрепили мемориальную доску.

В 1994 году усадьба была передана из заводского подчинения в ведение Госинспекции охраны историко-культурного наследия Воронежской области, планировалось создать здесь экспозицию, посвященную А.В. Кольцову. Однако из-за экономических трудностей планы не сбылись.

В 2000-х годах началось приспособление дома под частное учебное заведение, но затем ситуация опять изменилась, и в последнее время здание и парк заброшены. Общественность бьет тревогу. Неповторимая достопримечательность Воронежского края давно заслуживает лучшего к себе отношения.

**Учредитель: Департамент культуры и архивного дела
Воронежской области.**

Рег. № 331 Министерства печати и информации Российской Федерации.

Рассылку журнала осуществляет цех экспедирования печати Воронежского главпочтамта: 394068, г. Воронеж, ул. Лизюкова, 2, ЦЭП.

Во всех случаях полиграфического брака в журнале обращаться в ГУП ВО «Воронежская областная типография — издательство им. Е.А. Болховитинова».

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан); номер страхового свидетельства государственного пенсионного страхования; банковские реквизиты (название местного банка) СБ РФ: корсчет, БИК, расчетный счет, ИНН; в назначении платежа указывается номер филиала и лицевой счет клиента.

Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчетливо читаемый.

Корректор Кобелева Л.В.
Художник Зибров Ю.А.
Компьютерная верстка Вовчаренко И.К.

Адрес редакции: 394036, г. Воронеж, пр. Революции, 3а.
Телефоны: директор-главный редактор — 253-14-50, ответственный секретарь, отдел поэзии — 253-11-28, отдел прозы, производственный отдел — 253-11-34, бухгалтерия — 253-13-77.

Факс : 253-11-34.

Электронная почта : podiem@mail.ru

Сетевая версия журнала «Подъём»: <http://www.podiem.vsi.ru>

Электронный архив журнала с №1, 2001 г. по №6, 2008 г.: <http://www.pereplet.ru/podiem>

Сдано в набор 29.08.12. Подписано в печать 07.09.12. Формат 70x100 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,5.

Перспективный тираж 3000 экз. Заказ 2397.

Отпечатано с готового оригинал-макета в ГУП ВО
«Воронежская областная типография —
издательство им. Е.А. Болховитинова»:
394071, Воронеж, ул. 20 лет Октября, 73а.